Δ 31
K 61

МАЙ 2008

1145140

ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ ΒΑΡΒΑΚΕΙΟΥ ΠΡΟΣΧΟΛΕΙΟΥ

Максимъ Ковалевскій.

ЗАКОНЪ и ОБЫЧАЙ

НА КАВКАЗѢ.

Томъ I.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1890.

С.-Петербургский государственный университет
БИБЛИОТЕКА
Юридический факультет

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

Отдѣлъ I. Народные элементы въ обычномъ правѣ горцевъ.

Стр.

I. Матріархатъ 3
II. Агнатическій родъ 28

Отдѣлъ II. Культурныя вліянія и ихъ отраженіе на обычномъ правѣ горцевъ.

I. Иранскія вліянія 83
II. Греческое и римско-византійское вліяніе 123
III. Вліяніе христіанства, каноническаго и Моисеева права . . 147
IV. Вліяніе армянскаго и греческаго права 159
V. Вліяніе Хазаръ, Гунновъ и Болгаръ 183
VI. Вліяніе Арабовъ и принесеннаго имъ шаріата 218
VII. Вліяніе Татаръ, Монголовъ и Кабардинцевъ 235
VIII. Русское вліяніе 266

НАРОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

АДАТНАГО ПРАВА.

ИСТОЧНИКИ

КАВКАЗСКАГО АДАТА.

Предисловіе къ I-му тому.

Изученіе быта Кавказскихъ горцевъ началось уже давно. Сотни лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ генуэзецъ Интеріано и Іоаннъ Луккскій, французы—Шарденъ и Тавернье, голландецъ, Стрюисъ, нѣмецкій подданный, Олеарій, познакомили насъ съ особенностями религіознаго, общественнаго и юридическаго быта черкесовъ, горцевъ Грузіи и Осетіи и горцевъ Дагестана. Литература конца XVIII и начала текущаго столѣтія особенно богата летучими замѣтками и систематическими описаніями быта горцевъ. Съ 50 годовъ, въ слѣдъ за переходомъ многихъ изъ нихъ подъ русское владычество, начинается оффиціальная запись ихъ юридическихъ обычаевъ или адатовъ. Бѣглые этнографическіе очерки чередуются съ многотомными трактатами, и литература о Кавказѣ начинаетъ пріобрѣтать размѣры невольно парализующіе въ каждомъ новомъ изслѣдователѣ стремленіе къ полнотѣ и всесторонности. Можно было бы ожидать, что при такихъ условіяхъ не представится затрудненія найти отвѣтъ на вопросы: что такое горскій адатъ, изъ какихъ элементовъ онъ сложился; можно ли видѣть въ немъ исключительное выраженіе народныхъ юридическихъ возрѣній, или онъ отражаетъ на себѣ также тѣ различныя воздѣйствія, какимъ въ разное время подчинялась историческая жизнь Кавказа; каково въ частности его отношеніе къ древнимъ религіозно-юридическимъ системамъ, къ Иранскому, Римскому, Византійскому, Армян-

скому и Грузинскому праву; какую печать наложили на него бродячіе народы сѣвера или прибывшіе съ востока Арабы и Персы; какое наконецъ вліяніе оказало на него насильственное сближеніе покоренной силою оружія страны съ русской культурой. По всѣмъ этимъ вопросамъ текущая литература хранитъ упорное молчаніе, а между тѣмъ они—тѣ самые, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ не только научное пониманіе кавказскаго права, но и самое направленіе нашей внутренней политики въ этой окраинѣ. Не получивъ по нимъ отвѣта, невозможно, съ одной стороны, опредѣлить, въ чемъ именно заключаются оригинальныя и чисто народныя нормы кавказскаго права, а съ другой—выяснить то положеніе, какое русское законодательство и суды должны занять по отношенію къ горскому адату. Такимъ образомъ, значеніе никѣмъ доселѣ не поднятыхъ, впервые поставленныхъ въ настоящемъ трудѣ, вопросовъ, одновременно и теоретическое и практическое. Отъ ихъ скорѣйшаго рѣшенія зависятъ, на нашъ взглядъ, и дальнѣйшіе успѣхи кавказовѣдѣнія и выполненіе принятой нами культурной миссіи на Кавказѣ. Безъ опредѣленія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась кавказская гражданственность, всякія попытки достигнуть правильнаго ея пониманія неизбѣжно останутся безплодными. Точно также какъ безъ выясненія туземныхъ и чужеродныхъ элементовъ кавказскаго права, русское правительство навсегда останется въ неизвѣстности на счетъ того, что оно должно сохранить, а что отвергнуть въ дѣйствующемъ адатѣ. Этнографія и исторія обязаны на этотъ разъ придти на помощь законодательству и судебной практикѣ, выясняя имъ тотъ путь, по которому они должны идти имѣя въ виду интересы общественнаго возрожденія края. Авторъ не обольщаетъ себя мыслью, что печатаемое имъ изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ послѣднее слово по возбужденнымъ имъ вопросамъ. Онъ раздѣляетъ, наоборотъ, увѣренность въ томъ, что его выводы нуждаются въ пересмотрѣ и исправленіи со стороны мѣстныхъ изслѣдователей. Задача его слишкомъ обширна, чтобы быть выполненной съ надлежащей полнотой и обстоятельностью. Онъ еще болѣе далекъ

отъ мысли ждать скорыхъ практическихъ результатовъ отъ той новой постановки вопроса объ отношеніи обычая и закона, какую читатель найдетъ въ его трудѣ. Кто имѣлъ случай дѣйствовать на общественномъ поприщѣ, тотъ разумѣется успѣлъ отказаться отъ иллюзіи о возможности непосредственнаго практическаго воздѣйствія. Окружающая насъ со всѣхъ сторонъ рутина не позволяетъ сомнѣваться, что высказываемыя авторомъ пожеланія, какъ бы скромны они ни были, осуществятся не раньше, какъ на разстояніи десятковъ лѣтъ. Русскій писатель, видящій въ торжествѣ своихъ идей, единственный стимулъ для дѣятельности, несомнѣнно отложилъ бы въ сторону перо — такъ мало надеждъ вызываетъ въ немъ дѣйствительность. Есть эпохи въ исторіи, когда путеводная нить теряется изъ глазъ, когда прошедшее перестаетъ быть залогомъ для настоящаго и будущаго, когда невольно утрачивается вѣра въ прогрессъ, въ неизбѣжность поступательнаго движенія человѣчества. Одну изъ такихъ эпохъ переживаемъ мы нынѣ. Въ созданныхъ ею условіяхъ одинокій работникъ, пишущій въ тиши кабинета для неизвѣстнаго и, можетъ быть, несуществующаго читателя, по всей вѣроятности найдетъ для своей дѣятельности нѣкоторое оправданіе.

Село Воложскій Кутъ.
19 сентября 1889 г

ГЛАВА I.

Матріархатъ.

За послѣдніе годы все болѣе и болѣе стало выясняться значеніе, какое для сравнительной этнографіи и исторіи права, не говоря уже о языкознаніи и исторіи религій, можетъ имѣть всестороннее изученіе быта населяющихъ Кавказъ народностей.

Интересъ, съ какимъ встрѣчены были въ Германіи «Осетинскіе Этюды» Всеволода Миллера и составленная на основаніи ихъ работа профессора Гюбшмана объ этіологіи осетинскаго языка, готовность, съ которой такія ученыя изданія, какъ Journal des Savants, Englich Archaeological Review и Memorials of the Asiatic Society готовы принять всякую статью, относящуюся къ археологіи и бытописанію Кавказа, не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что европейская наука начинаетъ смотрѣть на изученіе народныхъ вѣрованій, обычаевъ и преданій нашей южной окраины съ такимъ же интересомъ, съ какимъ она относится въ этнографіи и древностямъ туземныхъ племенъ Америки или столь разнообразнаго по своему составу населенія Индіи.

То обстоятельство, что въ сочиненіяхъ, нерѣдко весьма далеко стоящихъ отъ прямыхъ задачъ кавказовѣдѣнія, все чаще и чаще попадаются ссылки на современные обычаи осетинъ, черкесовъ или грузинскихъ горцевъ само по себѣ указываетъ и на источникъ того интереса, какой кавказовѣдѣніе начинаетъ вызывать въ крупныхъ представителяхъ исторіи и сравнитель-

ной исторіи права, какъ: Дарестъ, Эсменъ, Поль Віоле, Колеръ и другіе. Европейскихъ ученыхъ занимаетъ прежде всего мысль о томъ: въ какой мѣрѣ изученіе юридическаго быта кавказскихъ племенъ подтверждаетъ или опровергаетъ тѣ гипотезы на счетъ древнѣйшихъ стадій общежитія и развившихся на ихъ почвѣ юридическихъ институтовъ, какія этнологамъ и юристамъ Запада удалось построить на основаніи часто отрывочнаго, неполнаго, и еще чаще плохо провѣреннаго и потому сбивчиваго и противорѣчиваго матеріала. Еще съ конца прошлаго вѣка стала постепенно выясняться невозможность обойтись при изученіи древнѣйшаго права безъ того могущественнаго подспорья, какое даетъ изслѣдователю наблюденіе надъ бытомъ дикихъ и варварскихъ народовъ современности. То обстоятельство, что древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ литературы и законодательства относятся къ эпохѣ уже сложившагося государственнаго быта — причина тому, что о предшествующихъ государству общежительныхъ формахъ мы, на основаніи этихъ памятниковъ, можемъ составить себѣ лишь отрывочное и далеко не полное представленіе. Правда, въ нихъ разсыпано не мало указаній на то, каковы были тѣ порядки, съ какими пришлось бороться развивающейся государственности. Правда, въ нихъ попадаются еще обломки или пережитки потерявшихъ свой первоначальный смыслъ юридическихъ институтовъ; но и того, и другаго далеко недостаточно для возстановленія въ мельчайшихъ подробностяхъ всѣхъ сторонъ предшествующей государству соціальной организаціи.

Чтобы выйти изъ той неопредѣленности, съ какой теологи и метафизики рисовали до-государственный бытъ людей, изображая намъ—одни: воспроизводящее картины рая «состояніе невинности», а другіе: мало чѣмъ отличное отъ него «естественное состояніе». Англичанинъ Гоббсъ, еще въ XVII вѣкѣ, счелъ возможнымъ обратиться къ быту дикарей, какъ къ вѣрнѣйшему указателю того, въ чемъ именно состоялъ этотъ превозносимый всѣми догосударственный строй. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сочиненіи Лафито о нравахъ и обычаяхъ краснокожихъ, историки и юристы нашли первое сколько нибудь систематическое и цѣльное описаніе первобытной культуры, сравнитель-

ная этнографія сдѣлалась постепенно одной изъ вспомогательныхъ наукъ какъ, для исторіи вообще, такъ и для исторіи права въ частности. Широкія обобщенія, къ какимъ по вопросу о начальныхъ формахъ общежитія пришли за послѣдніе тридцать лѣтъ такіе писатели: какъ: Менъ, Бахофенъ, Макленанъ, Морганъ или Спенсеръ, въ основаніи своемъ не имѣютъ другаго источника, кромѣ сопоставленія и восполненія данными сравнительной этнографіи данныхъ исторіи права.

Чѣмъ для Макленана и Моргана является въ этомъ отношеніи бытъ американскихъ краснокожихъ, тѣмъ для Мена или Лайеля служатъ обычаи туземныхъ племенъ Индіи и, въ частности, ея арійскихъ народностей. Если Макленанъ или Бахофенъ считаютъ возможнымъ выставить гипотезу о матріархатѣ, т. е. объ общежительныхъ союзахъ, объединяющимъ началомъ которыхъ является родство по матери, какъ о древнѣйшемъ типѣ соціальнаго устройства, то потому лишь, что въ бытѣ американскихъ дикарей они находятъ и толкованіе, и восполненіе тѣхъ отрывочныхъ указаній, какія на счетъ материнства заключаютъ въ себѣ древніе и средневѣковые писатели, а также и первые по времени законодательные памятники. Если Морганъ и за нимъ Физонъ выступаютъ съ совершенно новымъ ученіемъ о древнѣйшемъ бракѣ, какъ о союзѣ заключаемомъ, не какъ нынѣ, между отдѣльными индивидами, а между цѣлыми группами, то опять таки на томъ основаніи, что эти порядки, на которые можно найти лишь слабые намеки въ историческихъ источникахъ, иллюстрируются какъ нельзя полнѣе и обстоятельнѣе современнымъ бытомъ американскихъ и океанійскихъ племенъ.

Если наконецъ Менъ считаетъ возможнымъ возвести на степень общаго правила преемство родоваго, общиннаго и феодальнаго строя, то несомнѣнно потому, что въ обычаяхъ Джатовъ, Раджпутовъ и другихъ арійскихъ племенъ Индіи онъ нашелъ руководящую нить въ томъ лабиринтѣ отрывочныхъ и на первый взглядъ противорѣчивыхъ указаній, какія содержатъ въ себѣ постановленія древнѣйшихъ источниковъ римскаго, индусскаго, англійскаго и ирландскаго права. Я не вижу причинъ, по которымъ этнографія Кавказа, которая по многочисленности

и разнообразію обнимаемыхъ ею народностей и типовъ культуры далеко оставляетъ за собой бытоописанія какъ американскихъ и океаническихъ, такъ и индусскихъ племенъ, не могла бы быть привлечена съ успѣхомъ къ изученію древнѣйшихъ стадій общежитія. Но, можетъ быть, ея содѣйствіе является излишнимъ, такъ какъ сами эти стадіи уже установлены, и вновь привлекаемый къ изслѣдованію матеріалъ въ состояніи только подтвердить уже извѣстное. Одинъ фактъ одновременнаго существованія двухъ взаимно исключающихъ другъ друга теорій, изъ которыхъ одна проповѣдуетъ повсемѣстное на первыхъ порахъ распространеніе матріархата, а другая исключительность и обусловленность этого явленія временными и мѣстными причинами, говоритъ намъ уже о томъ, что недавняя по времени наука «эмбріологіи общества» далеко еще не сказала своего послѣдняго слова. Прибавимъ, что даже въ рядахъ тѣхъ, которые признаютъ матріархатъ за начальную стадію общежитія, далеко не существуетъ единогласія касательно причинъ, вызвавшихъ его къ жизни. Комунальный бракъ и безпорядочное половое сожитіе; отсутствіе постоянной связи между мужемъ и женою и вытекающая изъ этого безъизвѣстность отца; взаимныя отношенія, связывающія дѣтей и ихъ дядю, по матери, или, что тоже, ея брата; обязательство не брать жены иначе, какъ изъ среды собственныхъ родственниковъ и противоположное ему требованіе — вступать въ бракъ только съ чужеродцами, другими словами «эндогамія и экзогамія», источникъ этихъ обѣихъ нормъ; порядокъ ихъ преемства, значеніе, какое они имѣютъ для судебъ матріархата; групповый и индивидуальный бракъ; родство по классамъ и родство по колѣнамъ; происхожденіе отеческой власти и причины перехода отъ материнскаго рода къ роду агнатическому—все это вопросы, только поставленные, но далеко еще не рѣшенные. Говоря это, я вовсе не хочу сказать, что сравнительнаа исторія права въ связи съ сравнительной этнографіей доселѣ не установили ни одного сколько нибудь общаго положенія. Я имѣю въ виду только то, что ихъ обобщенія нуждаются въ провѣркѣ. А для такой провѣрки едва ли не самымъ надежнымъ матеріаломъ является тотъ, какой доставляетъ намъ наука кавказовѣдѣнія.

Большое преимущество этого матеріала, превосходство его надъ тѣмъ, какое даетъ намъ, положимъ, изученіе быта американскихъ, малайскихъ и полинезійскихъ племенъ, а также разнообразныхъ обитателей Индіи, лежитъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ народностями, которыя самою природою занимаемыхъ ими мѣстностей поставлены въ условія, благопріятныя болѣе или менѣе неизмѣнному сохраненію ихъ стародавнихъ нравовъ и обычаевъ. Народности эти наблюдаемы были съ древнѣйшихъ временъ и продолжаютъ быть наблюдаемы и по нынѣ. Объ одномъ и томъ же племени мы имѣемъ свидѣтельства и такихъ писателей древности, какъ Геродотъ и Страбонъ, знавшихъ о нихъ по разсказамъ греческихъ колонистовъ, и такихъ средневѣковыхъ анналистовъ, какъ Моисей Хоренскій или Моисей Коткантоваци, и такихъ также средневѣковыхъ путешественниковъ, какъ Контарини, Пауло Карпини или Интеріано, не только знавшихъ о нихъ по разсказамъ генуезскихъ колонитовъ на восточномъ побережьѣ Чернаго моря, но и прошедшихъ ихъ страну вдоль и поперегъ. Византійскія и арабскія хроники, армянскіе и грузинскіе историки и географы смѣняютъ другъ друга въ описаніи ихъ быта.

Католическіе миссіонеры XVII и слѣдующихъ столѣтій съ падре Ламберти во главѣ, французскіе, нѣмецкіе и голландскіе путешественники, въ родѣ Тавернье и Шардена, Олеарія и Стрюиса проникаютъ во внутреннія условія ихъ быта съ такою обстоятельностью и всесторонностію, которыя далеко оставляютъ за собой случайныя наблюденія и сдѣланныя по нимъ коротенькія замѣтки предшествующихъ вѣковъ.

Съ начала военныхъ столкновеній Россіи съ Кавказомъ и во все время продолженія борьбы туземцевъ за независимость, горцы и во главѣ всѣхъ: осетины, черкесы и лезгины, останавливаютъ на себѣ вниманіе не только случайно занесенныхъ судьбой авантюристовъ, въ родѣ Рейнегса, но и такихъ ученыхъ какъ: Потоцкій, Палласъ или Клапротъ. Дѣятельное вмѣшательство въ отчаянную, хотя и безплодную борьбу съ наступающею на горцевъ со всѣхъ сторонъ русской державой, даетъ англичанину Беллю и поляку Лапинскому возможность провести нѣсколько лѣтъ въ средѣ абазъ и кабардинцевъ и

ставитъ ихъ такимъ образомъ въ самыя благопріятныя условія для изученія внутреннихъ причинъ и духа тѣхъ учрежденій, изъ которыхъ слагается гражданственность горцевъ.

Одновременно забота о внутреннемъ управленіи добровольно присоединившихся или завоеванныхъ силою оружія провинцій побуждаетъ русскія власти собирать точныя и полныя свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ туземныхъ племенъ. Пользуясь этими матеріалами, мѣстные этнографы одинъ за другимъ обнародуютъ и въ періодической прессѣ, и въ спеціально издаваемыхъ съ этою цѣлью сборникахъ, цѣлыя изслѣдованія объ общественныхъ и правовыхъ порядкахъ горцевъ. Эти описанія не только подтвердили во многомъ показанія предшествовавшихъ по времени путешественниковъ, но и обнаружили поразительную живучесть въ средѣ туземцевъ Кавказа обычаевъ и порядковъ на столько древнихъ, что о нихъ идетъ рѣчь еще у писателей Греціи и Рима.

Юристъ-этнографъ, строящій свои заключенія на основаніи кавказскаго матеріала, имѣетъ такимъ образомъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ разновременныхъ, взаимно контролирующихъ и восполняющихъ другъ друга данныхъ. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться чисто субъективными догадками о вѣковой древности изучаемыхъ имъ обычаевъ и институтовъ, онъ имѣетъ возможность удостовѣриться въ этой древности справками у греческихъ и римскихъ, арабскихъ и византійскихъ, армянскихъ и грузинскихъ географовъ и анналистовъ. Мало ему этого матеріала, и онъ въ отчетахъ путешественниковъ и миссіонеровъ найдетъ и обильную пищу для своей любознательности, и средство къ достиженію исторической достовѣрности. Однимъ словомъ, преимущество, представляемое кавказскимъ матеріаломъ, сводится къ превосходству матеріала историко-этнографическаго надъ матеріаломъ чисто этнографическимъ. Это превосходство не только дѣлаетъ возможной многократную провѣрку однихъ и тѣхъ же данныхъ, но и раскрываетъ передъ нами порядокъ зарожденія и ростъ отдѣльныхъ институтовъ, а также ту преемственную связь, которая существуетъ между различными стадіями развивающейся общественности.

Если судить по тѣмъ результатамъ, какіе для эмбріологіи общества дало доселѣ изученіе быта наиболѣе обслѣдованнаго изъ городскихъ племенъ — осетинъ, кавказовѣдѣніе не грозитъ неспроверженіемъ уже добытыхъ соціологіей результатовъ. Оно не отрицаетъ собой ни факта широкаго распространенія родоваго быта, ни возможности открыть въ этомъ быту пережитки болѣе ранней стадіи развитія — матріархата или зародыши болѣе позднихъ формъ общежитія — общинной и феодальней. Если бы оно дѣлало это, довѣріе къ общности устанавливаемыхъ имъ выводовъ было-бы поколеблено. Возникла бы мысль объ исключительности условій, въ которыхъ зародилась и развилась кавказская гражданственность. Исключительность явленій вызвала бы необходимость искать объясненія имъ въ исключительности сопровождавшей ихъ обстановки. Этнографія кавказскихъ племенъ явилась бы не освѣщеніемъ общаго мирового процесса развитія, а доказательствомъ возможности мѣстныхъ отъ него отклоненій. Чѣмъ меньше этнографическихъ курьезовъ, не повторяющихся въ другихъ мѣстностяхъ обычаевъ и порядковъ, чѣмъ больше общаго съ другими народностями заключаетъ въ себѣ этнографія кавказскихъ племенъ, тѣмъ, разумѣется, меньше становится ея значеніе для тѣхъ, кто вѣритъ въ нескончаемо повторяющіеся перевороты въ основныхъ теоремахъ общественныхъ наукъ. Но для всякаго, кто, вмѣстѣ съ нами, видитъ поступательный ходъ обществовѣдѣнія въ пересмотрѣ, подкрѣпленіи и исправленіи уже добытыхъ результатовъ, въ внесеніи большей опредѣленности и точности въ установленные уже выводы, въ болѣе полномъ согласованіи ихъ между собою и обобщеніи въ одну стройную, прочно опирающуюся на факты теорію, для того изученіе Кавказа представится одновременно и необходимымъ, и неизбѣжнымъ. Какіе же, спрашивается, выводы по отношенію къ эволюціи общества даетъ намъ этнографія кавказскихъ племенъ? Постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ возможно коротко. Въ обычаяхъ черкесовъ и ингушей осетинъ, сванетъ, хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, а также большинства горскихъ племенъ Дагестана, т. е. въ средѣ весьма пестрой по своему этнографическому составу, въ которой чисто арійскіе элементы,

выступающіе въ лицѣ осетинъ, смѣшиваются съ картвельскими, адигейскими, лезгинскими и тюркскими, можно отмѣтить цѣлый рядъ юридическихъ обычаевъ и обрядовъ, происхожденіе которыхъ не можетъ быть объяснено порядками родоваго агнатическаго устройства и необходимо предполагаетъ существованіе матріархата и связанныхъ съ нимъ учрежденій. Перечислимъ эти факты, откладывая до поры до времени всякое обобщеніе. Беллемъ впервые было отмѣчено существованіе въ средѣ абазинскихъ племенъ, населяющихъ горныя долины по побережью Чернаго моря, своеобразной общественной организаціи, характеръ которой онъ передаетъ словомъ «братство». Въ составъ каждаго изъ братствъ или «тлеухъ» входитъ нѣсколько родовъ (ачихъ). Отношенія между мужчинами и женщинами одного и того же братства тѣ же, что между братьями и сестрами. Члены братства считаютъ себя происходящими отъ общаго корня и по тому самому кровными родственниками. Интересную для насъ черту составляетъ то обстоятельство, что бракъ между мужчинами и женщинами одного и того же братства считается не дозволеннымъ. Въ старые годы, по описанію Белля, виновные въ нарушеніи этого запрещенія бросаемы были въ море. Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія довольствовались платежомъ полной платы за кровь и возвращеніемъ новобрачной ея отцу. Брачные запреты распространяются не только на членовъ одного и того же рода, но и на членовъ всѣхъ родовъ, входящихъ въ братство. При этомъ все равно, идетъ ли дѣло о заключеніи брака между свободными или не свободными членами сообщества. Рабы и рабыни считались принадлежащими къ «тлеуху» ихъ владѣльца и на этомъ основаніи раздѣляли съ свободными установленные для нихъ экзогамическіе запреты [1]).

Общность земельнаго владѣнія и круговая порука въ отмщеніи обидъ, направленныхъ противъ любаго изъ членовъ братства, дополняютъ эту картину тѣснаго товарищескаго общенія, не рѣдко цѣлыхъ тысячъ человѣкъ, объединеныхъ представле-

---

1) Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 et 1839 par James Stanislas Bell, trad. par Louis Viviên, VI, стр. 167.

ніемъ объ общемъ происхожденіи или свившихъ свои роды воедино путемъ договора. Тѣсная солидарность, существующая между членами подобныхъ союзовъ, сказывается на каждомъ шагу, между прочимъ, въ слѣдующемъ: при недостаточности средствъ для покупки невѣсты изъ чужаго братства, нужный для ея пріобрѣтенія калымъ составляется изъ добровольныхъ приношеній всѣхъ «братьевъ». Купленная на общія средства жена и по смерти мужа продолжаетъ составлять общее достояніе его рода и братства. Еще въ XV вѣкѣ генуэзецъ Интеріано отмѣчаетъ слѣдующую любопытную подробность: у черкесовъ, говоритъ онъ, называя ихъ «зикки», никто не стыдится провести съ вдовою покойнаго брата даже ближайшую ночь, слѣдующую за его смертью [1]). Вдова не въ правѣ вступить въ бракъ съ членомъ чужого «тлеуха», не вознаградивъ предварительно тотъ, въ который она была куплена.

Дополняя эти данныя, Белль говоритъ, что въ его время, т. е. въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, «вдова, какъ пріобрѣтенная на средства одного изъ членовъ братства, по смерти мужа отдаваема была даромъ кому либо изъ членовъ сообщества» [2]).

Баронъ Сталь въ своемъ этнографическомъ очеркѣ черкесскаго народа дополняетъ нѣсколькими новыми чертами эту картину экзогамическихъ «братскихъ» союзовъ.

Подтверждая показанія Белля о необыкновенной короткости отношеній между замужними женщинами и мужчинами одного и того же братства, онъ замѣчаетъ, что у одного изъ черкесскихъ племенъ, у шапсуговъ, «волокитство въ прежнее время составляло общераспространенный обычай». Имѣть любовника (ч—асъ) не считалось позорнымъ для женщинъ и мужья даже гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами.

Одинъ арабскій путешественникъ X-го вѣка, Абу—эль—Кассимъ, говоритъ о гетеризмѣ замужнихъ женщинъ, какъ объ одной изъ особенностей народнаго быта «Кассаговъ», т. е.

---

[1]) Ramusio, Raccolta di Viaggi, т. II, 1559, a. Venezia.

[2]) Bell. Journal d'une résidence en Circassie, т. I, стр. 168

черкесовъ [1]). Это показаніе подтверждаетъ и другой одновременный, также арабскій писатель — Массуди [2]).

Въ XVII вѣкѣ Тавернье и Струисъ дополняютъ всѣ эти свидѣтельства слѣдующими въ высшей степени характерными подробностями. Если у замужней женщины заведется любовникъ, говоритъ Тавернье о Черкешенкахъ, и мужъ застанетъ жену на мѣстѣ преступленія, онъ спокойно выходитъ изъ сакли и не напоминаетъ ей никогда о случившемся ни единымъ словомъ. Чѣмъ больше женщина имѣетъ связей, тѣмъ въ большемъ она почетѣ. Когда между женщинами подымется ссора, онѣ обыкновенно попрекаютъ одна другую тѣмъ, что уродство или обиліе дѣтей мѣшаетъ имѣть любовниковъ, помимо мужа [3]).

«Черкешенки, пишетъ Струисъ, не отличаются недоступностью; ихъ не пугаетъ приближеніе мужчины. Они ни мало не отгоняютъ его отъ себя, и не прочь поддаться на его ласки [4]). Если женщины податливы, то о мужьяхъ надо сказать, что они очень снисходительны; спокойно смотрятъ они на ухаживаніе за ихъ женами, не обнаруживая никакой ревности. Поведеніе свое они объясняютъ тѣмъ, что женщины подобны цвѣтамъ, красота которыхъ была бы излишней, если бы не было глазъ для того, чтобы любоваться и рукъ для того, чтобы срывать этотъ цвѣтъ».

Чтобы понять значеніе, какое для вопроса о древнѣйшей формѣ общественной организаціи имѣетъ существованіе братствъ между черкесами, мы напомнимъ въ немногихъ словахъ ту роль, какую въ теоріи матріархата играютъ во многомъ сходныя съ черкесскими братства американскихъ и австралійскихъ племенъ.

---

1) См. D'Ohsson. Des peuples du Caucase et des pays au Nord de la mer Noire et de la mer Caspienne au X. siécle, on Voyage d'Abou-El-Cassim, Paris, 1828, ch. V.

2) Description du Caucase et des pays qui avoisinent la mer Noire et la mer Caspienne par Massoudi. (943 a) Trad. par Klaproth. Magasin Asiatique 1835, p. 289.

3) Les six voyage de Tavernier. Paris. 1676, chap. XI.

4) Elles feroient scrupule de l'empêcher de cueillir ce qu'il faut de lis et de roses pour un bouquet de juste grosseur. Les Voyages de Jean Struys. Amsterdam, 1681, стр. 195.

Физону и Моргану удалось проникнуть во всѣ тонкости этой организаціи и указать намъ, что въ основѣ ея лежатъ экзогамическія запрещенія. Такъ, напр., «у Ирокезовъ, бракъ не только запрещенъ въ предѣлахъ одного и того же рода, но не разрѣшается даже въ томъ случаѣ, когда женихъ и невѣста принадлежа къ различнымъ родамъ входятъ, въ то же время, въ составъ однаго и того же братства. У одного изъ племенъ, принадлежащихъ къ ирокезской конфедераціи, у Сенекъ, браки не могутъ быть заключаемы между членами слѣдующихъ «тотемовъ» или родовъ: медвѣдя, волка, кастора и черепахи. Входящіе въ составъ ихъ семьи вольны въ то же время вступать въ супружескіе союзы съ четырьмя «тотемами», составляющими изъ себя опять таки одно и то же братство. Эти тотемы носятъ наименованіе слѣдующихъ животныхъ: лани, бекаса, сокола и цапли.

Находя въ средѣ австралійцевъ организацію во всемъ однохарактерную съ только что описанной, Физонъ справедливо замѣчаетъ, что наипростѣйшій типъ ея есть тотъ, который представляетъ собою племя камиларои: племя это распадается всего на всего на два подраздѣленія, изъ которыхъ одно извѣстно подъ именемъ Кумитъ, а другое подъ именемъ Крока. Мужчины каждаго изъ этихъ подраздѣленій могутъ сдѣлаться мужьями женщинъ противоположной группы и наоборотъ, но въ предѣлахъ одной и той же группы всѣ женщины и всѣ мужчины считаются братьями и не могутъ заключать браковъ между собою. Цѣломудріе строго соблюдается незамужними и всякое оскорбленіе дѣвушки со стороны брата, т. е. члена одной съ нею группы, наказывается какъ кровосмѣшеніе. По отношенію же къ замужнимъ женщинамъ, которыя, какъ мы сказали, всегда являются чужеродками, цѣломудріе такъ мало соблюдается, что каждый кумитъ считаетъ себя мужемъ каждой женщины крока и, наоборотъ, каждый крока считаетъ себя мужемъ каждой женщины кумитъ. Изъ описанія Сталя мы узнаемъ, что общность женъ чужеродокъ встрѣчалась въ прежніе годы и у шапсуговъ. Она связана была съ строгимъ запрещеніемъ всякаго сожитія съ дѣвушками одного и того же братства, цѣломудріе которыхъ ревниво охраняемо было обычаемъ. И такъ, въ осно-

ванныхъ на началѣ экзогаміи и сохранившихъ еще слѣды коммунальнаго брака «тлеухахъ» черкесовъ слѣдуетъ видѣть пережитокъ тѣхъ порядковъ, которые современная этнологія относитъ къ періоду зачинающейся общественности. Въ обществѣ, въ которомъ право на пріобрѣтенныхъ изъ чужаго братства женщинъ признается равно за всѣми нареченными братьями, совершенно понятнымъ является обычай, по которому лицо, вступившее въ болѣе тѣсную связь съ женщиной, чтобы не навлечь на себя недовольства другихъ членовъ одного съ нимъ братства, избѣгаетъ всего, что могло бы служить выраженіемъ исключительности присвоенныхъ имъ правъ надъ нею, какъ-то: свиданія съ нею въ присутствіи постороннихъ лицъ, публичнаго обозванія ея женою, или явнаго заявленія, что рожденныя отъ нея дѣти имѣютъ его своимъ отцомъ. Въ высшей степени интересную черту черкесскихъ нравовъ составляетъ то обстоятельство, что по разновременнымъ свидѣльствамъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ случай ближе познакомиться съ условіями ихъ быта, мужъ не только бѣжитъ присутствія жены каждый разъ при посѣщеніи его постороннимъ человѣкомъ, но и считаетъ для себя обидой всякій вопросъ о томъ, какъ поживаетъ его супруга. Черкесъ, пишетъ Дюбуа-де-Монпере, не смѣетъ показаться публично съ своей женой; онъ посѣщаетъ ее не иначе, какъ тайкомъ. Большою грубостью считается говорить ему о ней, какъ о женѣ или спрашивать подробностей о томъ, какъ она поживаетъ [1]). Та же черта отмѣчена была уже Потоцкимъ и Беллемъ. Первый прямо утверждаетъ, что мужья только по ночамъ, и то крадучись, пробираются въ помѣщеніе отведенное для ихъ женъ [2]), а второй разсказываетъ, какъ, вошедши съ вѣдома мужа въ жилище его жены, онъ тѣмъ самымъ обратилъ его въ бѣгство.

Тѣ же побудительныя причины могли сдѣлаться источникомъ и другаго страннаго обычая, который у черкесовъ извѣстенъ подъ названіемъ «аталычества». Обычай этотъ состоитъ

[1]) Frédéric Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase, Paris 1839, стр. 115.

[2]) Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase par le Comte Jean Potockii publié par Klaproth, Paris, 1829, t. I, p. 164.

въ томъ, что новорожденный не остается въ домѣ родителей, а отдается на попеченіе въ чужое семейство. Вскармливаніе ребенка и воспитаніе его, не идущее обыкновенно далѣе обученія его верховой ѣздѣ и обращенію съ оружіемъ, падаетъ на обязанность семьи аталыка, которая нерѣдко озабочивается также пріисканіемъ ему невѣсты. Между аталыкомъ и ребенкомъ, взятымъ имъ на воспитаніе, устанавливаются тѣ отношенія, какія у насъ существуютъ между сыномъ и отцемъ. Родственный характеръ этихъ отношеній признается самимъ обычаемъ, которымъ признается невозможнымъ всякій бракъ между семьею воспитателя и семьею воспитанника, распространяя, такимъ образомъ, на эти семьи тѣ же экзогамическіе запреты, какіе установлены по отношенію къ членамъ одного и того же рода и братства. Въ настоящее время обычай отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужія руки продолжаетъ держаться по преимуществу въ однѣхъ лишь княжескихъ и дворянскихъ семьяхъ и примѣняется почти исключительно къ мальчикамъ; но въ старые годы обычай этотъ былъ всеобщимъ [1]), и такъ строго вынуждаемъ былъ на практикѣ, что за лицомъ, желавшимъ принять на себя обязанности аталыка, признавалось даже право силою овладѣть новорожденнымъ и увезти его въ свой аулъ [2]). Во все время, пока воспитанникъ остается въ домѣ аталыка, отецъ и мать не должны, согласно этикету, справляться о его судьбѣ и вообще обнаруживать какую-либо заботливость о немъ [3]). Когда воспитанникъ достигнетъ совершеннолѣтія, т. е. окажется способнымъ принимать участіе въ войнѣ, аталыкъ въ торжественной процессіи приводитъ его къ отцу. Отецъ, одаривъ воспитателя, принимаетъ сына въ

1) Bell, т. I, стр. 244.

2) «In früheren Zeiten wurden selbst die Kinder kurz nach des Geburt von einem sich aufdringenden Erzieher der zuvor mit der Amme und vielleicht mit der Mutter sich'verständigt hatte, geraubt. Sieben Zeugen, die bei dem Raube gegenwärtig sind müssen später die Aechtheit des Kindes mit einem Eide bekräftgen» (Reineggs Beschreibung des Kaukasus, VI Theil, S. 251).

3) Un prince rougit de colere, читаемъ мы у Клапрота, sil'on s'informe de la santé de sa femme et de ses enfants; il ne répond pas et tourne le dos avec mépris, (Voyage au Caucase, т. II, стр. 362)

свою семью. Такому акту предшествуетъ совершеніе обряда, символически выражающаго нежеланіе рода допустить актъ усыновленія. Белль, который лично присутствовалъ при передачѣ аталыкомъ сына въ руки отца, разсказываетъ, что на толпу всадниковъ, сопровождавшую воспитателя и его питомца, аульная молодежь, подчиняясь требованію обычая, сдѣлала шуточное нападеніе; нѣсколько минутъ продолжалась пальба холостыми, разумѣется, зарядами; наконецъ, аталыку удалось пробить себѣ дорогу [1]).

Обычай аталычества принадлежитъ къ числу стародавнѣйшихъ обычаевъ черкесовъ. Мы встрѣчаемъ упоминаніе о немъ еще въ первыхъ по времени описаніяхъ ихъ быта и, между прочимъ, въ упомянутомъ уже сочиненіи генуэзца Интеріано. Отношеніе, въ которомъ этотъ обычай стоитъ къ тѣмъ отдаленнымъ отъ насъ порядкамъ, при которыхъ родство по отцу еще неизвѣстно, и установленная самой природой связь между матерью — родильницей и происшедшимъ отъ нея ребенкомъ одна считается источникомъ семейнаго единенія, какъ нельзя лучше выступаетъ изъ сопоставленія кавказскаго аталычества съ однохарактерными ему явленіями въ бытѣ полинезійскихъ племенъ. Изъ того описанія, какое нравамъ полинезійцевъ даетъ Морганъ [2]), видно, что они придерживались тѣхъ же экзогамическихъ запрещеній и той же системы общенія женъ, какую мы встрѣтили среди черкесовъ. Лица, связанныя между собою родствомъ по матери, считали другъ друга братьями и сестрами. Бракъ между ними обычаемъ не разрѣшался; но тотъ же обычай допускалъ братьевъ одной группы къ совмѣстному обладанію сестрами другой и наоборотъ. У одного изъ племенъ Полинезіи, у племени маори, въ силу стародавняго обычая, дѣти по правилу никогда не были оставляемы при ихъ матеряхъ; съ самаго рожденія они поступали къ усыновителямъ и усыновительницамъ, на обязанность которыхъ падало ихъ вскармливаніе и воспитаніе [3]).

---

[1]) Bell, т. II, стр. 245 и 246—Koch, т. I, стр. 383.

[2]) Ancient Soci ty, стр. 414.

[3]) См. Les origines du mariage et de la famille par A. Giraud—Feubon, fils, стр. 67.

Обычай полинезійскихъ дикарей раскрываетъ предъ нами дѣйствительный источникъ аталычества. Дѣти потому поступаютъ у черкесовъ на воспитаніе къ постороннему лицу, желающему вступить по отношенію къ нимъ въ роль аталыка, что принадлежность ихъ тому или другому отцу являлась спорной, очевидно, не по иной причинѣ, какъ по той, что всѣ члены одного братства одинаково могли быть мужьями ихъ матери. Только открытое признаніе ихъ тѣмъ или другимъ мужчиной обращало ихъ въ его дѣтей. Для этого недостаточно было одного рожденія въ той или другой семьѣ, требовалось еще усыновленіе; усыновленіе, принимавшее вышеописанную форму передачи аталыкомъ взрослаго сына въ руки мужа его матери.

Братства встрѣчаются на Кавказѣ не у однихъ только черкесовъ. Мы находимъ ихъ и у чеченцевъ, которымъ они извѣстны подъ наименованіемъ «тайпъ». Чеченскія тайпы, хотя и распадаются на второстепенные союзы (гаары и неки), но тѣмъ не менѣе принадлежащіе къ нимъ мужчины считаются всѣ братьями «воша». Между собою браки запрещены даже въ двѣнадцатой степени родства [1]).

Подобно черкесамъ, чеченцы смотрятъ на купленную изъ чужой тайпы женщину, какъ на собственность той семьи, къ которой принадлежитъ мужъ.

Отсюда то послѣдствіе, что по смерти мужа вдова переходитъ къ брату покойнаго, который, смотря по желанію, можетъ: взять ее себѣ въ жены, предоставить ей право заключить новый союзъ или, не дѣлая ни того, ни другаго, лишить ее возможности дальнѣйшаго супружества. Потоцкій разсказываетъ, что въ его время, т. е. въ концѣ XVIII вѣка, когда ученію Корана не удалось еще реформировать нравы горцевъ, вдовы по смерти мужа становились по праву женами оставленныхъ ими сыновей; одна только мать не могла сдѣлаться женою сына и

1) См. замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей Н. Н. Харузина. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ, вып. III, подъ редакціей В. Ѳ. Миллера, стр. 120; а также Лаудаева, Чеченское племя, стр. 15 (Сб. свѣд. о кавк. горцахъ, вып. VI).

поступала къ его дядѣ, т. е. къ брату умершаго. Этотъ обычай практиковался, впрочемъ, лишь у одного изъ чеченскихъ племенъ—у ингушей. На замѣчанія Потоцкаго о безнравственности подобнаго обычая, хозяинъ его, ингушъ—урусъ отвѣчалъ: отецъ мой проводилъ же ночь съ моей матерью, я не вижу, почему мнѣ нельзя провести ее съ его женой [1]). И при жизни мужа чеченки рѣдко когда соблюдаютъ вѣрность.

Распутство, по отзыву путешественниковъ и русскихъ администраторовъ, составляетъ общую черту чеченскихъ нравовъ. Въ этомъ отношеніи показанія Потоцкаго, который, со словъ русскаго плѣннаго, говоритъ о разгульѣ, какимъ нерѣдко заканчиваются чеченскія вечерницы или посидѣлки [2]), сходятся съ свидѣтельствами одного изъ собирателей ингушскихъ адатовъ—Нагорнаго [2]). Ко всему сказанному прибавимъ еще, со словъ Грабовскаго [3]), слѣдующую черту ингушскихъ нравовъ, буквально воспроизводящую ту, которую мы отмѣтили въ бытѣ черкесовъ: «родители, особенно же отецъ, относятся къ дѣтямъ совершенно равнодушно, да и самъ обычай порицаетъ проявленіе родительскаго чувства. Ингушъ не только считаетъ неприличнымъ взять на руки или приласкать своего ребенка, но даже въ присутствіи другихъ назвать его по имени. Точно также считается непозволительнымъ называть свою жену по имени и вообще упоминать о ней въ разговорѣ» [4]).

Извѣстно, какую роль играетъ въ періодъ господства матріархата братъ матери. Въ американскихъ и полинезійскихъ обществахъ онъ въ полномъ смыслѣ слова заступаетъ мѣсто отца; то же можетъ быть сказано объ обществахъ малайскихъ и о туземныхъ племенахъ внутренней Африки. Въ виду этого, понятно, какое значеніе слѣдуетъ придавать обычаю ингушей, по которому братъ въ правѣ, не спрашивая предварительнаго согласія

---

1) Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, изданіе Клапрота, Парижъ, 1829, стр. 127.

2) Ibid, стр. 153.

3) См. Леонтовича. Адаты кавказскихъ горцевъ, т. II, стр. 173.

4) Сб. свѣд. о кавказскихъ горцахъ, вып. 9-й. Ингуши, ихъ жизнь и обычаи, Грабовскаго, стр. 53.

5) Грабовскій, стр. 49.

сестры, распорядиться ея рукою. Стоитъ только брату, говоритъ г. Дубровинъ, во время пирушки выпить за здоровье своей сестры съ человѣкомъ, желающимъ взять ее въ жены, и принять отъ него подарокъ, и сестра считается засватанной; если вопреки обѣщанію, данному братомъ, дѣвушка не отдана будетъ въ супружество, одарившій брата женихъ преслѣдуетъ его какъ за кровную обиду [1]). Эта роль брата при свадьбѣ восполняется тою, какую ему приходится играть въ моментъ достиженія сыномъ его сестры совершеннолѣтія. Племянникъ имѣетъ право требовать отъ дяди по матери положеннаго ему обычаемъ подарка, извѣстнаго подъ названіемъ «барчъ» и состоящаго обыкновенно изъ лошади. Подарокъ этотъ, упоминаемый въ составленномъ г. Нагорнымъ сборникѣ ингушскихъ адатовъ, настолько признается обязательнымъ, что племянникъ можетъ отнять его у дяди силой, обманомъ и воровствомъ. Если принять во вниманіе, что, какъ слѣдуетъ изъ постановленія того же сборника, совершеннолѣтній сынъ у ингушей въ правѣ принудить отца къ производству въ его пользу выдѣла изъ общаго имущества, то необходимо прійдешь къ заключенію, что въ барчѣ мы имѣемъ передъ собою не иное что, какъ законное наслѣдованіе племянника въ имуществѣ, принадлежащемъ его дядѣ по матери [2]).

Переходя къ картвельскимъ народностямъ Кавказа, мы въ современныхъ обычаяхъ хевсуръ, пшавовъ и тушинъ въ состояніи отмѣтить не мало пережитковъ материнства. Дѣленіе народовъ на братства, представляющія собой каждое соединеніе нѣсколькихъ родовъ, запрещеніе браковъ не только въ предѣлахъ одного рода, но и въ предѣлахъ цѣлаго братства, все это можетъ быть въ такой же степени отмѣчено въ средѣ хевсуръ, какъ и въ средѣ адигейскихъ и чеченскихъ племенъ западнаго и восточнаго Кавказа. Если прибавить къ этому, что у хевсуръ, какъ у всѣхъ народностей, придерживающихся началъ матріархата, мужъ, вступивъ въ бракъ, оставляетъ свою жену въ домѣ родителей въ теченіе цѣлаго года; что, даже по

---

1) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, книга I, стр. 427.

2) Леонтовичъ. Адаты, т. II, стр. 177 и 178.

прошествіи этого срока, сожительство между супругами происходитъ не иначе, какъ тайкомъ; что мужъ и жена при посторонникъ не смотрятъ и не говорятъ другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ до момента рожденія у нихъ ребенка, то въ общемъ получится картина довольно близкая къ той, какую представляютъ намъ обычаи черкесовъ и чеченцевъ. Строгая экзогамія и не менѣе строгое соблюденіе супругами правила о сохраненіи въ тайнѣ существующихъ между ними отношеній еще недавно составляло общую черту всего крестьянскаго населенія Грузіи. Вопросъ о томъ, какъ поживаетъ ваша семья, пишетъ Кохъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, признано было бы въ Грузіи жестокимъ оскорбленіемъ; кто рѣшился бы спросить сосѣда, что подѣлываетъ ваша молодая жена, въ правѣ бы былъ ожидать всякихъ оскорбленій [1]). Къ этимъ даннымъ присоединимъ еще болѣе характерную подробность. Братъ матери, который, какъ извѣстно, въ періодъ матріархата занимаетъ въ семьѣ тоже выдающееся положеніе, которое въ періодъ патріархата составляетъ удѣлъ отца, доселѣ играетъ въ хевсурскомъ обществѣ выдающуюся роль. Въ случаѣ женоубійства, напримѣръ, платежъ за кровь убитой поступаетъ исключительно въ его пользу. При убійствѣ племянника — сына сестры, онъ въ правѣ разсчитывать на полученіе выкупа. Обыкновенно, однако, дядя по матери не мирится долгое время съ убійцею.

Г. Худадовъ отмѣчаетъ ту интересную подробность, что братъ матери обыкновенно являлся послѣднимъ изъ родственниковъ убитаго, который изъявлялъ согласіе на примиреніе съ родомъ убійцы. Въ случаѣ примиренія родственники убійцы дѣлали въ пользу материнскаго дяди такой же платежъ, какъ и въ пользу всѣхъ родственниковъ по отцу вмѣстѣ взятыхъ. Близость той связи, которая существуетъ между ребенкомъ и его дядею по матери, наглядно выступаетъ также и изъ того факта, что, при смерти отца, опекуномъ надъ дѣтьми назначается никто иной, какъ ихъ дядя по матери [2]). Обычаи Тушетіи, выходцами изъ

[1]) Кохъ, томъ II, стр. 290.

[2]) Свѣдѣнія эти почерпнуты частью изъ личнаго допроса стариковъ, сдѣланнаго во время путешествія по Хевсуретіи, лѣтомъ 1887 г., частью

которой отчасти заселена была Хевсуретія, по отзыву Рейнегса, въ концѣ прошлаго столѣтія во всемъ были сходны съ хевсурскими [1]).

Что же касается до Ишавіи и ея старинныхъ насельниковъ— Иховелей, извѣстныхъ еще римскому полководцу Помпею, то у нихъ къ причисленнымъ выше обычаямъ присоединяется еще слѣдующій: пока держится матріархатъ родственное отношеніе брата и сестры является особенно тѣснымъ; если налицо не имѣется физическаго братства, то его стараются замѣнить братствомъ искусственнымъ, и съ этою цѣлью обращаются къ такъ называемому посестримству. Такое посестримство представляетъ намъ обычай, въ силу котораго ишавская дѣвушка выбираетъ себѣ кого нибудь изъ неженатыхъ мужчинъ въ «цацалы» или нарѣченные братья. Этотъ цацала не только сопровождаетъ повсюду свою нарѣченную сестру, но съ вѣдома родителей и спитъ съ нею на одной постели.

Весьма рѣдко впрочемъ эти отношенія искусственно породнившихся между собой молодыхъ людей вырождаются въ отношенія любовника и любовницы. Того же нельзя сказать о тѣхъ отношеніяхъ, какія завязываются на ежегодномъ празднествѣ въ честь Лаши, сына царицы Тамары. На этомъ праздникѣ, говоритъ г. Саслани, отношенія половъ болѣе чѣмъ свободны. Самъ Лаша является въ представленіи ишавовъ съ какимъ-то смѣшаннымъ характеромъ: то онъ отождествляется съ св. Георгіемъ, то выступаетъ представителемъ вакхическаго культа.

Религіозный гетеризмъ, проявленіе котораго мы встрѣчаемъ на праздникѣ въ честь Лаши, легко можетъ быть пережиткомъ того отдаленнаго періода, когда, при отсутствіи постоянныхъ брачныхъ узъ, отношенія половъ принимали форму временныхъ и свободныхъ связей, заключаемыхъ, впрочемъ, каждый разъ подъ условіемъ строгаго соблюденія экзогамическихъ требованій. Эти требованія въ Ишавіи идутъ такъ далеко, что бракъ, даже съ дѣвушками чужеродками, считается недозволеннымъ въ томъ случаѣ, когда мать невѣсты окажется принадлежащей къ тому

изъ брошюры, посвященной изученію быта хевсуръ г. Худаковымъ (Замѣтки о Хевсуретіи), стр. 9, 14, 16 и 30.

[1]) См. Reineggs, т. I, стр. 211.

же роду, что и женихъ. Въ этомъ правилѣ выступаетъ и то преимущественное значеніе, какое пшавы придаютъ родству по матери, и то ближайшее соотношеніе, въ какомъ экзогамія стоитъ къ материнству. Чтобы воспрепятствовать кровосмѣшенію братьевъ и сестеръ, какими въ эпоху матріархата одинаково признаются всѣ лица, происходящія отъ одного и того же материнскаго ствола, обычаю не остается иного пути, какъ запретить бракъ когнатовъ, хотя бы они и принадлежали къ разнымъ агнатическимъ родамъ.

Древнѣйшей формой экзогаміи поэтому должна быть признана экзогамія не агнатическихъ, а когнатическихъ родовъ, и эту то древнѣйшую форму и сохранилъ до нашихъ дней только что упомянутый обычай пшавовъ [1]). Обязательное заключеніе брака съ чужеродками, характеръ таинственности, придаваемый отношеніямъ мужа и жены, обычай аталычества — всѣ эти черты материнскаго права, извѣстныя намъ изъ быта адигейскихъ и чеченскихъ племенъ, встрѣчаются также въ средѣ осетинъ—этой распространеннѣйшей на Кавказѣ арійской народности.

Принадлежность въ эпоху матріархата отдѣльныхъ женъ не исключительно ихъ мужу, но и всей той группѣ родственниковъ, которые принимали участіе въ ихъ пріобрѣтеніи, живетъ доселѣ въ общераспространенныхъ среди осетинъ обычаяхъ сохачества и деверства или левирата.

Купивъ невѣсту для ребенка-сына, глава семьи нерѣдко вступаетъ въ связь съ нею, причемъ происшедшія отъ сожитія дѣти считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. Въ старые годы, при неспособности или нежеланіи поддерживать лично супружескія сношенія, мужу дозволялось найдти замѣстителя по отношенію если не главной, то второстепенныхъ женъ (Номулусъ). Дѣти, происшедшія отъ такихъ дозволенныхъ мужемъ связей, признавались его собственными дѣтьми. По смерти мужа, осетинская вдова и доселѣ поступаетъ въ жены къ его старшему брату, а рожденныя ею дѣти считаются дѣтьми по-

[1]) См. въ Юридическомъ Вѣстникѣ, декабрь 1887 года, мою статью «Пшавы», этнографическій очеркъ. См. также статью Хаханова о Пшавахъ въ сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, редактир. г. Миллеромъ, вып. III, стр. 93.

койника. Буде умершій не оставитъ по себѣ ни братьевъ, ни сыновей, его вдовѣ въ старые годы дозволялось взять въ домъ любовника, сынъ котораго (именуемый дзагалзатъ) получалъ всѣ права законнаго сына.

Перечисленные факты, въ одно слово указывающіе на существованіе нѣкогда между осетинами такихъ порядковъ, при которыхъ принадлежность къ семьѣ обусловливалась происхожденіемъ отъ одной матери, хотя бы и отъ разныхъ отцевъ, должны быть восполнены еще упоминаніемъ о той роли, какую братъ матери призванъ играть въ осетинской свадьбѣ. На протяженіи всей страны, онъ, при замужествѣ племянницъ—дочерей сестры, получаетъ отъ жениха особый подарокъ, извѣстный подъ именемъ «мады—арвады—бахъ», т. е. «конь брата матери». Въ Дигоріи же самъ отецъ невѣсты изъ поступающей къ нему платы за нея (прада) обязанъ сдѣлать вычетъ въ его пользу, обыкновенно въ размѣрѣ двухъ воловъ [1]).

И такъ, экзогамія, слѣды «братскаго общенія женъ», преимущественнаго значенія, какое происхожденіе отъ одной матери играетъ при опредѣленіи родственной связи и правъ наслѣдованія, а также привиллегированное положеніе, какое въ рядахъ родственниковъ занималъ дядя по матери, — все это доселѣ встрѣчается между осетинами, — почему мы и считаемъ себя въ правѣ сдѣлать въ заключеніе тотъ выводъ, что и у нихъ материнство предшествовало развитію патріархата и агнатическаго родства.

Если принять во вниманіе всю сумму вышеприведенныхъ данныхъ: распаденіе племени на экзогамическія, братскія группы, право каждаго изъ членовъ этихъ группъ на женщинъ, пріобрѣтенныхъ изъ чужихъ родовъ и братствъ, отсутствіе того ежечаснаго и тѣснаго общенія, какое въ наши дни носятъ отношенія супруговъ между собой и родителей къ дѣтямъ, воспитаніе подростающихъ поколѣній вдалекѣ отъ той семьи, въ которой они родились, неоднократное пребываніе замужнихъ женщинъ по цѣлымъ годамъ въ семьяхъ ихъ отцовъ и посѣ-

---

[1]) См. подробнѣе въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ», т. I, главы о Бракѣ и Системѣ родства.

щеніе ихъ мужьями не иначе, какъ украдкой и, по возможности, безъ свидѣтелей, наконецъ, выдающуюся роль, какую въ средѣ горцевъ занимаютъ отношенія брата и сестры, дяди по матери и племянниковъ, то не вполнѣ баснословными представятся намъ разсказы древнихъ писателей, и во главѣ ихъ Страбона, о живщихъ на Кавказѣ, къ востоку отъ черкесовъ, женщинахъ воительницахъ или амазонкахъ. Не всѣ, конечно, подробности этой столь распространенной въ древности легенды должны быть признаны достовѣрными. Весьма вѣроятно, что амазонки не выжигали себѣ правой стороны груди, не ограничивали періодъ половой жизни двумя весенними мѣсяцами и не сходились для этой цѣли съ своими сосѣдями Гаргарянами на отдѣлявшей ихъ другъ отъ друга горѣ. Но слѣдующія частности ихъ быта находятъ прямое подтвержденіе въ только что описанныхъ нами обычаяхъ кавказскихъ племенъ; а совмѣстное жертвоприношеніе, сопровождаемое смѣшеніемъ половъ въ тайнѣ ночи, напоминаетъ собою тѣ проявленія религіознаго гетеризма, поводъ къ которымъ даютъ совершаемыя въ честь Лаши жертвоприношенія. Жизнь амазонокъ отдѣльно отъ избранныхъ ими временныхъ любовниковъ иллюстрируется обычаемъ хевсуръ оставлять женъ въ первый годъ, слѣдующій за свадьбой, въ жилищахъ ихъ матерей.

Обособленіе происшедшихъ отъ сожитія амазонокъ съ гаргарянами мальчиковъ отъ дѣвочекъ, поступленіе первыхъ къ отцамъ, а вторыхъ къ матерямъ, въ своеобразной формѣ указываетъ на существованіе въ древности такихъ же строгихъ запретовъ, какъ тѣ, какіе въ наши дни установлены въ средѣ черкесовъ для браковъ «братьевъ и сестеръ» одного и того же экзогамическаго союза.

Въ виду сказаннаго, я не считаю невѣроятнымъ сообщаемый Рейнегсомъ фактъ, что сказаніе объ амазонкахъ въ его время было еще ходячимъ въ средѣ черкесовъ, правда въ формѣ весьма отличной отъ той, какая придавалась ему писателями древности.

Независимость и свобода черкесскихъ женщинъ, ихъ ежечасная готовность раздѣлять съ мужьями опасности и труды располагали горцевъ относиться съ довѣріемъ къ легендамъ, въ которыхъ женщинамъ выдѣляется бо́льшая роль, чѣмъ та,

какая составляетъ ихъ удѣлъ въ наше время. Черкесы разсказывали Рейнеггсу слѣдующія подробности о воинствующихъ дѣвахъ, которыхъ они обозначали прозвищемъ «Эммечи» [1]), что въ буквальномъ переводѣ значитъ происшедшія отъ женщинъ—подробность, которую стоитъ отмѣтить, такъ какъ въ ней наглядно выступаетъ связь черкескаго амазонства съ порядками матріархата.—Воюя съ черкесами, амазонки однажды рѣшились вступить съ ними въ переговоры. Предводительница амазонокъ, пробывъ нѣсколько часовъ въ палаткѣ предводителя черкесовъ, князя Тульме, вышла изъ нея съ рѣшимостью прекратить дальнѣйшую вражду. Она заявила войску, что заключаетъ миръ и выходитъ замужъ за своего недавняго противника. Своимъ подругамъ она посовѣтовала сдѣлать то же: замѣнить кровопролитіе узами Гименея. Ея совѣтъ былъ принятъ, и амазонки обвѣнчались, каждая съ выбравшимъ ее въ жены черкесомъ.

Вотъ въ какомъ видѣ сохранило преданіе горцевъ память объ окончательномъ разрывѣ съ порядками матріархата. Очевидно, въ этой легендѣ такъ же трудно видѣть указаніе на опредѣленный историческій фактъ, какъ и въ сказаніи аѳинянъ о первоначальномъ установленіи брака Кекропсомъ. Оно цѣнно для насъ лишь потому, что указываетъ на существованіе еще недавно въ средѣ горцевъ Кавказа опредѣленнаго представленія о томъ, что власть мужа и отца не установлена отъ начала вѣковъ; что въ нѣкоторыхъ обществахъ неизвѣстна другая филіація крови, какъ та, источникомъ которой является мать; что временныя связи мужчинъ и женщинъ, принадлежащихъ къ неродственнымъ другъ другу, строго экзогамическимъ группамъ, предшествовали основанію частныхъ семействъ, и что переходомъ отъ старыхъ къ новымъ порядкамъ было установленіе постояннаго сожитія въ формѣ брака. Не противорѣчатъ также проводимому нами взгляду о существовавшемъ нѣкогда на Кавказѣ материнства и крайне неопредѣленныя, правда, свидѣтельства древнеписателей о лошисахъ и тибаренахъ, т. е.

[1]) Отъ словъ: «Эмъ», что по татарски значитъ самка и частицы «Эчь» или «Ить», означающей родъ или происхожденіе (Шопенъ. Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа, стр. 19).

«жителяхъ башенъ» и «жителяхъ снѣговъ», которымъ Помпоній Мелла отводитъ страну къ востоку отъ Чернаго моря въ верховьяхъ Куры и Ушороха. Свидѣтельства Помпонія о томъ, что лошисы «спали вмѣстѣ безъ разбора подъ открытымъ небомъ», при всей своей неопредѣленности все же указываетъ на существованіе у нихъ коммунальнаго брака или общенія женъ между членами одной и той же группы или братства, а общераспространенность въ средѣ тибареновъ обычая куйды, состоящаго въ томъ, что при родахъ мужъ ложится въ постель и симулируетъ актъ рожденія, указываетъ на то, что отеческая власть только зарождалась въ нихъ средъ. Обычай кувазы, общераспространенность котораго указана еще Макленаномъ и нашла въ послѣднее время подтвержденіе въ средѣ крестьянъ Черногоріи и Смоленской губерніи, тѣмъ интереснѣ, что говоритъ о необходимости прибѣгнуть къ символическому дѣйствію для пріобрѣтенія отеческихъ правъ. Это дѣйствіе состоитъ въ симулированіи того самаго акта, на которомъ опираются права матери надъ ребенкомъ. Обращеніе къ нему само по себѣ доказываетъ и отсутствіе на первыхъ порахъ того, что называютъ отеческой властью, и установленіе ея со временемъ по образцу той, которая искони признавалась за одной матерью въ силу физическаго рожденія.

Если мы въ заключеніе зададимся вопросомъ, какое понятіе о матріархатѣ можно составить на основаніи данныхъ кавказской этнографіи, то мы принуждены будемъ сказать, что эти данныя не оправдываютъ собою ни ученія Бахофена о существовавшемъ нѣкогда періодѣ женовластія, ни ученія Спенофа о ничемъ не сдерживаемомъ на первыхъ порахъ половомъ инстинктѣ. Вмѣсто того, чтобы принадлежать женщинѣ, власть въ материнскомъ родѣ всецѣло сосредоточивается въ рукахъ ея мужскихъ когнатовъ: дяди и брата. Они занимаютъ по отношенію къ подростающимъ поколѣніямъ мѣсто подчасъ неизвѣстнаго, еще чаще отсутствующаго отца, отмщаютъ нанесенныя племянникамъ обиды, исполняютъ по отношенію къ нимъ обязанности опекуновъ и попечителей и надѣляютъ ихъ при совершеннолѣтіи частью принадлежащаго имъ самимъ имущества. Обязанность повиновенія своимъ материнскимъ дядямъ, въ связи

съ обязанностью отмщенія за нихъ, всецѣло падаетъ взамѣнъ того на племянниковъ и внуковъ по матери, и слова Тацита о почетѣ, которымъ древне-германское общество окружало дѣда по матери, находятъ новую иллюстрацію на Кавказѣ. Съ другой стороны, трудно назвать безпорядочнымъ половымъ сожитіемъ то строгое соблюденіе началъ экзогаміи, при которомъ члены одного и того же братства лишены права взаимнаго супружества. Термины: полигамія, поліандрія и моногамія также мало приложимы къ брачнымъ порядкамъ Кавказа, при которыхъ члены одного братства, рода или нераздѣльной семьи еще недавно и отчасти доселѣ предъявляютъ права супруговъ на одну и ту же женщину, подъ условіемъ принадлежности ея къ чужому роду.

Выраженіемъ этихъ притязаній служила два, три столѣтія назадъ та свобода, съ которой черкесскія и чеченскія жены раздѣляли ложе съ членами одного съ ихъ мужемъ рода или братства, а также предписываемый обычаемъ переходъ вдовы къ старшему брату покойнаго, примѣръ котораго доселѣ представляютъ намъ осетины и чеченцы. Въ виду этихъ фактовъ, трудно говорить въ примѣненіи къ предкамъ современныхъ намъ горцевъ объ иномъ бракѣ, какъ о томъ, какой Морганъ, а за нимъ Физонъ удачно обозначили терминомъ «брака по группамъ». Такой бракъ необходимо предполагаетъ, на ряду съ ограниченнымъ по отношенію къ сферѣ дѣйствія общеніемъ женъ, и существованіе экзогамическихъ запретовъ. При немъ строгое соблюденіе половой нравственности незамужними дѣвушками легко мирится съ свободой половыхъ сношеній замужнихъ женщинъ, свободой, ограничиваемой однако требованіемъ: не вступать въ сожитіе съ членами другихъ родовъ, кромѣ того, въ какой женщина вступила, благодаря похищенію или куплѣ. Исключеніе допускается лишь по отношенію къ сожитію съ гостемъ, но только потому, что гость считается временнымъ членомъ той семьи и того рода, въ которомъ онъ нашелъ пріютъ; оставляя за хозяиномъ право наслѣдовать въ находящемся при гостѣ имуществѣ и получать слѣдуемый въ случаѣ его убійства выкупъ, обычай соотвѣтственно надѣляетъ гостя и всѣми преимуществами «родственника» и «брата».

ГЛАВА II.

Агнатическій родъ.

Тогда какъ матріархатъ является въ средѣ горцевъ частью выжившимъ, частью выживающимъ порядкомъ, агнатическій родъ носитъ у нихъ еще всѣ признаки вполнѣ жизненнаго явленія. Рѣдко гдѣ можно наблюдать его разнообразнѣйшія проявленія въ такой полнотѣ и подробности, въ такой чистотѣ и разцвѣтѣ, какъ въ кавказскихъ тѣснинахъ. Связь этой общественной организаціи съ религіозными представленіями и, въ частности, съ культомъ предковъ, вліяніе, оказываемое ею на умственный складъ, на нравы, обычаи, привычки и экономическій строй — все это выступаетъ въ бытѣ горцевъ съ такой очевидностью, что историку родовыхъ порядковъ кельтовъ, германцевъ или славянъ не представляется, на нашъ взглядъ, болѣе надежнаго пути къ провѣркѣ установляемыхъ имъ гипотезъ, какъ сопоставленіе ихъ съ данными кавказской этнографіи.

Я далекъ, конечно отъ мысли исчерпать всѣ тѣ вопросы родоваго устройства, къ выясненію которыхъ можетъ содѣйствовать изученіе общественнаго быта горцевъ. Эта задача можетъ быть выполнена съ удобствомъ лишь въ самостоятельномъ и весьма обширномъ трактатѣ. Мнѣ пришлось бы, въ такомъ случаѣ, поставить себѣ однородную, хотя и несравненно болѣе широкую задачу, чѣмъ та, къ осуществленію которой

направлена была моя монографія о современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ. Появленіе этого сочиненія избавляетъ меня отъ необходимости входить здѣсь во всѣ детали родоваго устройства, насколько они обрисовываются обычнымъ правомъ кавказскихъ горцевъ. Я имѣю въ виду остановиться лишь на тѣхъ сторонахъ родовыхъ порядковъ, которые доселѣ являются наименѣе выясненными и безспорными, и на которые кавказская этнографія призвана, на мой взглядъ, пролить новый свѣтъ.

Къ числу такихъ вопросовъ я отношу вопросъ о связи родоваго устройства и вытекающихъ изъ него учрежденій съ религіей и, въ частности, съ домашнимъ культомъ.

Я полагаю, что данныя Кавказовѣдѣнія даютъ намъ право утверждать, что родовое устройство совпадаетъ во времени съ періодомъ полнѣйшаго развитія анимизма, т. е. не только съ одухотвореніемъ всѣхъ предметовъ природы, къ какому бы царству они ни принадлежали, но и съ представленіемъ, что смерть не прекращаетъ собою жизни и что въ загробномъ существованіи души надѣлены тѣми же потребностями и страстями, что и живущія.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется, на мой взглядъ, почему родовое устройство разсчитано на удовлетвореніе потребностей не однихъ лишь живущихъ, но и умершихъ; почему, съ другой стороны, родъ, какъ цѣлое, считаетъ возможнымъ вести открытую борьбу со всѣмъ, что предумышленно или случайно сдѣлалось источникомъ понесенной имъ утраты, все равно, будутъ ли это люди, животныя, растенія или камни.

Различіе между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, между преднамѣреннымъ и случайнымъ, не доступно пониманію того, кто въ каждомъ предметѣ внѣшней природы предполагаетъ существованіе движущей его духовной силы, кто въ такихъ неизмѣнно повторяющихся явленіяхъ, какъ болѣзни и смерть, видитъ непосредственное вмѣшательство добрыхъ и злыхъ духовъ, т. е. благопріятно расположенныхъ или враждебныхъ къ нему душъ усопшихъ. Чтобы подтвердить фактами справедливость утверждаемаго, я остановлюсь прежде всего на тѣхъ представленіяхъ, какія отдѣльныя племена Кавказа связываютъ со смертью. Эти представленія съ наглядностью выступаютъ

въ частностяхъ ихъ погребальнаго обряда и сопровождающихъ его поминкахъ.

На протяженіи всего Кавказа и, въ частности, у черкесовъ существуетъ представленіе, что раненыхъ и больныхъ ни на минуту не слѣдуетъ оставлять въ покоѣ. Во время сна, полагаютъ черкесы, злымъ духамъ, виновникамъ болѣзней, легче причинить смерть больному. Отсюда то послѣдствіе, что больной во все время болѣзни окруженъ родственниками, которые развлекаютъ его пѣснями и пляской и производятъ въ его комнатѣ постоянный шумъ, не дающій ему ни на минуту возможности впасть въ дремоту.

Белль не разъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ мукъ, которымъ черкесы подвергаютъ своихъ больныхъ въ надеждѣ предохранить ихъ тѣмъ отъ смерти. Во время ночи, разсказываетъ онъ, пятнадцать—двадцать человѣкъ остаются въ комнатѣ больного, проводя время въ пѣніи и пляскѣ; по временамъ раздаются удары молота по расположенному вблизи постели плугу; все это для того, чтобы паціентъ не могъ заснуть. Во все время ночи на очагѣ поддерживается сильный огонь, освѣщающій собою всю саклю. Когда Белль сдѣлалъ попытку удалить шумѣвшихъ, самъ паціентъ обнаружилъ признаки явнаго неудовольствія, такъ какъ самъ онъ и окружавшіе его придерживались того взгляда, что во время сна злой духъ пріобрѣтаетъ власть надъ больнымъ и можетъ причинить ему всякій вредъ [1]).

Въ средѣ картыльскихъ племенъ и, въ частности, у хевсуръ, пшавовъ и тушинъ держится то убѣжденіе, что виновникомъ болѣзни является тотъ или другой усопшій, которому больной упустилъ сдѣлать положенное обычаемъ приношеніе и который, насылая ему болѣзнь, тѣмъ самымъ мститъ ему за обиду. Поэтому, первая забота заболѣвшаго послать за гадалкой и вывѣдать отъ нея имя прогнѣвавшейся на него души [2]).

Однохарактерные обряды практикуются доселѣ и осетинами и сванетами, а также чеченцами и ингушами. Въ XVII столѣтіи

---

[1]) Белль—Journal d'une résidence en Circassie, t. 2, стр. 24.

[2]) Свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ и уже обнародованныя въ статьѣ «Пшавы» (Юридическій Вѣстникъ, декабрь 87 года). См. также Хаханова статью о Пшавахъ и Худадова монографію о Хевсурсахъ.

іезуитъ Ламберти и французскій путешественникъ Шарденъ въ своихъ любопытныхъ отчетахъ о мингрельцахъ упоминаютъ о подобныхъ же гаданіяхъ, совершаемыхъ надъ больными туземными священниками. Виновникомъ болѣзни мингрельцы обыкновенно признавали то святаго Георгія, то родовыхъ патроновъ (*Хати*, что въ буквальномъ переводѣ значитъ образъ). Для исцѣленія они не видѣли иного средства, кромѣ совершенія новыхъ жертвоприношеній въ честь причинившаго болѣзнь патрона [1]).

Не менѣе общій характеръ носятъ на Кавказѣ тѣ обряды, какіе происходятъ на похоронахъ и поминкахъ. Въ нихъ явственно выступаетъ и вѣра въ непрекращаемость жизни со смертью, и убѣжденіе, что смерть вызывается не разрушеніемъ организма, а вліяніемъ злыхъ духовъ, патроновъ враждебныхъ покойникамъ родовъ. На смерть смотрятъ какъ на своего рода обиду; обиду, причиненную однимъ родомъ другому и налагающую на обиженнаго обязанность мщенія.

Подтвердимъ сказанное нѣкоторыми данными, заимствованными частью изъ описаній старинныхъ путешественниковъ, частью изъ личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ во время моихъ разъѣздовъ по Кавказу.

Что касается, во-первыхъ, до представленія горцевъ на счетъ непрекращаемости жизни смертью и продолженія ея за гробомъ, то оно какъ нельзя рѣзче выступаетъ въ слѣдующихъ причитаніяхъ, дѣлаемыхъ надъ покойникомъ пшавскими плакальщиками: «Какъ могъ ты оставить свою семью, ты, надѣленный столькими добродѣтелями. Покинувъ насъ, ты тѣмъ самымъ нарушилъ всѣ твои обязанности; какъ ужасно твое поведеніе, какъ могъ ты подложить огонь подъ собственное чадо, что станетъ дѣлать безъ тебя твое любимое дѣтище, какая судьба ожидаетъ всю твою семью?»

Не менѣе характерны причитанія, произносимыя надъ покойниками въ Пшавіи, гдѣ, какъ и въ Мингреліи, обрѣзываніе

1) Relatio de la Colchide du Mengrellie par le P. Archange Lamberti, missionnaire de la propagation de la Foy. (Thévenol. Reletroi de Voyages curieux. 1696, v. I, стр. 40—43). Journal de Voyage du chevalier Chardin en Perse-par la Colchide, Londres. 1686, стр. 86.

косъ, раздираніе одежды и тому подобныя дѣйствія строго предписываются похоронным ритуаломъ.

«Возстань герой, гласятъ эти причитанія, довольно спать, пришли къ тебѣ твои сверстники. Не слушаетъ онъ насъ, недоволенъ нами; горе намъ: вдова уйдетъ въ домъ своихъ родителей, сироты будутъ плакать, пашни останутся безъ воздѣлыванія, враги заликуютъ отъ радости» [1]).

Не прерывая собою жизни, смерть въ то же время является въ глазахъ горца великимъ бѣдствіемъ, если не для самого покойника, который и за гробомъ можетъ вкушать всѣ радости земнаго существованія, то для его рода и семьи. Горцы не могутъ помириться съ мыслью, что смерть есть неизбѣжный законъ природы. Подобно тому, какъ болѣзни являются въ ихъ глазахъ порожденіемъ злыхъ духовъ, т. е. враждебныхъ имъ геніевъ чужихъ родовъ, такъ точно и смерть неминуемо должна быть дѣломъ ихъ рукъ. Но если такъ, то въ ней слѣдуетъ видѣть обиду, наносимую однимъ родомъ другому, обиду, требующую отмщенія.

Только имѣя въ виду сказанное, можно понять происхожденіе того страннаго обычая, въ силу котораго на могилахъ покойниковъ происходятъ ристалища или, такъ называемыя, джигитовки. Участіе въ нихъ въ правѣ принять только родственники. Начинаются они съ того, что надъ могилою раздается нѣсколько выстрѣловъ, послѣ этого начинается скачка. Во время ея, отъ четырехъ до шести ближайшихъ родственниковъ, держа за уздцы вновь осѣдланную лошадь, три раза обходятъ могилу, затѣмъ надрѣзываютъ себѣ уши, чтобы нѣсколько капель крови могли упасть на воздвигнутый надъ покойникомъ холмъ. Произносимое при этомъ причитаніе гласитъ: кровь эта ради тебя [1]). Примѣрное сраженіе, какое представляютъ собою черкесскія тризны, участіе въ нихъ исключительно

---

[1]) О похоронномъ ритуалѣ Мингрельцевъ см. J. Mourier L'état religieux de la Mingrelie (въ Revue de l'histoire des religions, a. 1887. Juellet-août, стр. 90). — О похоронномъ ритуалѣ пшавовъ мою статью «Пшавы», этнографическій очеркъ, стр. 203 и 204.

[2]) См. Koch. Reise durch Ruszland nach dem Kaukasischen Isthmus, т. I, стр. 437.

родственниковъ и пролитіе ими на могилѣ родственной покойницу крови, въ моихъ глазахъ не имѣютъ другаго смысла, кромѣ того, что символически выражаютъ готовность рода отмстить за смерть покойнаго невѣдомымъ врагамъ, виновникамъ его кончины.

То же воззрѣніе на смерть, какъ на обиду, совершенную невѣдомымъ врагомъ, обиду, отмстить которую составляетъ священную обязанность рода, является въ Дагестанѣ источникомъ еще болѣе страннаго обычая. Въ Каракайтагѣ, Табиссарани и въ селеніяхъ Годоберн и Зиберкулѣ въ томъ случаѣ, когда смерть послѣдовала отъ неизвѣстной причины, родственники покойнаго, собравшись передъ мечетью, объявляли убійцей то или другое лицо и затѣмъ мстили ему, какъ настоящему преступнику [1]).

Еслибы смерть не считалась горцами порожденіемъ чужой вражеской силы, только что упомянутый обычай не имѣлъ бы смысла.

Продолжая вести за гробомъ то же существованіе, что и на землѣ, надѣленный тѣми же потребностями и страстями, покойникъ предъявляетъ къ оставленному ему роду не меньше требованій, чѣмъ живущій. Онъ нуждается: въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и освѣщеніи. Подъ угрозой сдѣлать изъ него врага, живущія должны доставлять умершимъ все то, въ чемъ они могутъ нуждаться. Отсюда, упоминаемый Беллемъ обычай черкесовъ одѣвать покойника въ новую и притомъ праздничную одежду, отсюда распространенный среди осетинъ обычай оставлять въ комнатѣ покойнаго на ночь зажженную лучину, въ ожиданіи его посѣщеній, отсюда же такъ часто повторяющіяся, особенно у сванетовъ и осетинъ, поминки, во время которыхъ на могилѣ покойника выставляется пища и питье, и самъ онъ приглашается принять участіе въ пиршествѣ. Въ Осетіи, а также и въ Грузіи, существуетъ обычай изготовлять изъ соломы чучело умершаго, которое, во время поминокъ, сажаютъ съ собою за столъ обыкновенно на почетнѣйшемъ мѣстѣ. Кто нибудь изъ родственниковъ ѣстъ за двоихъ и избытокъ пищи считается поступившимъ въ пользу усопшаго.

---

1) Комаровъ. Адаты и судопроизводство по нимъ, стр. 18.

Всѣ, только что описанныя приношенія въ честь покойника, направлены къ одной цѣли, къ тому, чтобы расположить его въ свою пользу, сдѣлать изъ него духа покровителя, невидимаго союзника во всѣхъ клонящихся къ благу рода начинаніяхъ, а также врага и мстителя всѣмъ супротивникамъ и обидчикамъ. Не одни осетины, но и черкесы, сванеты, пшавы и тушины вѣрятъ, что души предковъ предотвращаютъ отъ нихъ опасности и несчастія. Незримые, они участвуютъ въ войнахъ и набѣгахъ, производимыхъ ихъ родомъ, заботятся о томъ, чтобы живущіе не чувствовали ни въ чемъ недостатка и потому всячески содѣйствуютъ урожаю, похищая съ этой цѣлью сѣмена у сосѣдей [1]).

Но стоитъ только потомству отступить отъ строгаго исполненія тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на немъ по отношенію къ покойникамъ, и души предковъ становятся злыми и мстительными. Они насылаютъ на свое потомство болѣзни, неудачи въ дѣлахъ и всякаго рода лишенія. Потомокъ можетъ провиниться передъ предкомъ не только оставивъ его безъ нужной ему пищи или питья, но и не отомстивъ за его смерть; отсюда, воззрѣніе на кровную месть, какъ на долгъ, какъ на обязанность, не только свѣтскаго, но и религіознаго характера; отсюда, весьма обычное въ старые годы, одинаково у черкесовъ, чеченцевъ и осетинъ, умерщвленіе кровныхъ враговъ на самой могилѣ ихъ жертвъ. Въ ближайшее къ намъ время кабардинцы, черкесы и чеченцы обыкновенно довольствовались тѣмъ, что, отсѣкши ухо у убійцы, зарывали его въ могилу убитаго. Принесеніе въ жертву оскорбленной тѣни хотя бы части тѣла обидчика признавалось достаточнымъ для ея успокоенія. Воззрѣніе на месть, какъ на нѣчто необходимое для блаженства предковъ въ загробной жизни, наглядно выступаетъ въ обычаѣ оповѣщать покойника о постигшей убійцу карѣ. Отомстивъ за смерть убитаго родственника, осетинъ спѣшитъ на его могилу, прикладываетъ къ ней свои губы и произноситъ: будь спокоенъ, я отомстилъ за твою смерть. Вѣчнымъ позоромъ покрываетъ себя тотъ, кто оставитъ убійство родственника безъ отмщенія.

[1]) См. Современный обычай и древній законъ, стр. 90 перваго тома.

Въ Дагестанѣ обычай дозволяетъ не принимать участія въ кровномъ возмездіи только подъ условіемъ формальнаго разрыва со всей родней путемъ выхода изъ рода (тохума). Мщеніе настолько обязательно для родственниковъ, что, во избѣжаніе кровопролитія, въ Дагестанѣ принято выселять на время обидчика и его ближайшихъ родственниковъ, дабы тѣмъ устранить ихъ отъ возмездія. Стоитъ имъ только попасть на глаза родственникамъ жертвы и ихъ ждетъ неизбѣжно смерть или, по меньшей мѣрѣ, раненіе.

Въ самомъ способѣ, къ которому горцы прибѣгаютъ для того, чтобы устранить себя отъ грозящаго имъ мщенія, наглядно выступаетъ та мысль, что мести требуетъ душа покойнаго и что необходимо, прежде всего, умилостивить его формальнымъ пріобщеніемъ себя къ его культу. Но культъ предковъ—культъ чисто родовой; чужеродецъ не можетъ быть причаснымъ къ нему, а потому первое, что предстоитъ сдѣлать лицу, желающему устраниться отъ кровомщенія—это поступить въ члены обиженнаго имъ рода. Средствомъ къ тому можетъ служить и совершеніе украдкой того дѣйствія (я разумѣю прикосновеніе губами къ обнаженной груди женщины), съ которымъ обычаи горцевъ связываютъ представленіе объ усыновленіи или вступленіи съ обиженнымъ родомъ въ искусственное родство. Съ этой цѣлью кабардинцы стараются похитить ребенка у обиженнаго ими рода. Сдѣлавшись противъ воли рода воспитателемъ одного изъ его членовъ, кабардинскій убійца тѣмъ самымъ вступаетъ съ нимъ въ отношеніе искусственнаго родства, при которомъ дальнѣйшая месть является немыслимой. Въ Дагестанѣ помилованіе обыкновенно даруется убійцѣ подъ условіемъ, что онъ вступитъ въ родъ своей жертвы и постарается замѣнить матери и родинѣ понесенную ими утрату. Осетинскій обрядъ самопосвященія (кифаель-дисинъ), весьма близкій къ тому, какой имѣетъ мѣсто въ Дагестанѣ при прощеніи кровному врагу нанесенной имъ обиды, также наглядно выражаетъ готовность убійцы умилостивить свою жертву добровольнымъ поступленіемъ въ ряды послѣдователей его культа. Со всѣми признаками глубокой печали, въ черной одеждѣ, съ распущенными волосами, является осетинскій убійца на могилу убитаго и заявляетъ ему о своей го-

товности передать себя въ его руки. Ожидающій его у могилы ближайшій родственникъ убитаго, отъ его имени прощаетъ ему обиду. Отнынѣ убійца становится нарѣченнымъ братомъ въ родѣ убитаго и принимаетъ участіе въ совершаемыхъ въ его честь поминкахъ [1]).

Упущеніе обязанности отмщенія является только одною изъ тѣхъ обидъ, какими потомокъ въ состояніи возстановить противъ себя душу усопшаго предка. Причиной недовольства предка на своего потомка можетъ быть также произнесенная послѣднимъ ложная присяга, каждый разъ, когда она сопровождается заклинаніемъ, что при невѣрности утверждаемаго предки должны или вовсе остаться безъ пищи, или питаться тѣломъ не чистыхъ животныхъ.

Для ингуша и осетина такая присяга считается самой страшной, такъ какъ, при наступленіи для предка ожидаемыхъ послѣдствій, онъ не приминетъ отомстить потомку напущеніемъ на него болѣзней и, въ крайнемъ случаѣ, даже смерти.

Только имѣя въ виду сказанное, можно понять причину, по которой, при господствѣ родовыхъ отношеній, какъ показываетъ примѣръ кавказскихъ горцевъ, важнѣйшимъ видомъ судебныхъ доказательствъ является присяга отвѣтчика и соприсяга его родственниковъ. Какъ самъ обвиняемый, такъ и родственники его охотнѣе согласятся признать на судѣ невыгодный для нихъ фактъ, нежели ложной присягой навлечь на себя кару оставленнаго безъ пищи предка.

Необходимость постояннаго питанія покойниковъ въ связи съ тѣмъ фактомъ, что поглощеніе пищи огнемъ одно можетъ быть наглядньмъ проявленіемъ воспринятія ея витающими въ воздухѣ душами причина того, что центромъ домашняго культа у кавказскихъ горцевъ, какъ и повсюду, гдѣ только существуетъ или существовалъ этотъ культъ, является домашній очагъ.

Изготовляя пищу, хозяйка дома обыкновенно бросаетъ часть ея въ огонь, произнося при этомъ, напр. въ Ишавіи, слѣдую-

---

[1]) Современный обычай и древній законъ, ч. II. Отдѣлъ уголовные обычаи Осетинъ.

щаго рода причитаніе: да достанутся вамъ, наши мертвые, сдѣланные нами приношенія. Пригласите вкусить отъ нихъ того, кто ждетъ отъ насъ поминокъ, но кого мы въ настоящее время вспомнить не можемъ [1]).

Питаясь у очага, души предковъ своимъ постояннымъ присутствіемъ вокругъ него даютъ ему особенное освященіе; у всѣхъ горцевъ Кавказа очагъ и связанные съ нимъ предметы, какъ то: котелъ и цѣпь, къ которой онъ привѣшенъ, въ большей или меньшей степени признаются предметами священными и символически выражаютъ собою семейное единство.

Имѣя это въ виду, можно понять причину, по которой не только у осетинъ, но и у разноплеменныхъ съ ними горцевъ Грузіи, а также у черкесовъ и ингушей, обхожденіе очага невѣстой составляетъ необходимую часть брачнаго ритуала. Оно служитъ съ ея стороны выраженіемъ готовности присоединиться къ культу домашнихъ божествъ той семьи, членомъ которой сдѣлалъ ее бракъ.

Тѣмъ же сакраментальнымъ характеромъ очага объясняется и то, что всякій чужеродецъ, пришедшій въ соприкосновеніе съ нимъ, для чего достаточнымъ считается переступить порогъ сакли, или вкусить отъ изготовляемыхъ на очагѣ яствъ, становится временнымъ членомъ семьи и въ правѣ разсчитывать на ея помощь и защиту.

Общераспространенный на Кавказѣ обычай гостепріимства не имѣетъ иного источника. Чужеродецъ пользуется привиллегіями гостя лишь до тѣхъ поръ, пока остается въ общеніи съ очагомъ. Стоитъ ему выйти за порогъ пріютившаго его двора, и обязанность хозяина охранять гостя отъ враговъ и мстить за его обиду, какъ за обиду родственника, сразу прекращается. Убійца собственнаго сына хозяина не подлежитъ мести до тѣхъ поръ, пока пребываетъ подъ одной съ нимъ кровлей, питаясь яствами отъ одного съ нимъ очага. Но разъ между обоими прекращено общеніе домашняго культа, хозяинъ считаетъ долгомъ мстить своему недавнему гостю за причиненную имъ обиду.

---

1) Шавы, этнографическій очеркъ, стр. 205.

Въ связи съ очагомъ и окружающимъ его культомъ стоитъ и порядокъ установленія искусственнаго родства или побратимства. У черкесовъ, осетинъ и горцевъ Грузіи обыкновеннымъ порядкомъ его заключенія является совмѣстное вкушеніе пищи и питья изъ одной чаши, въ которую предварительно брошены были каждымъ изъ будущихъ братьевъ серебряныя опилки или мелкія монеты. Символическое значеніе этого церемоніала лежитъ въ фактѣ вкушенія пищи и питья, изготовленнаго у одного и того же очага.

Общностью культа, сознаніемъ необходимости ежечаснаго его поддержанія въ интересахъ благоденствія усопшихъ душъ и своего собственнаго объясняется причина той враждебности, съ какой родовые союзы относятся къ семейнымъ раздѣламъ. Пока продолжается семейное общеніе, не можетъ быть опасеній на счетъ того, что предки останутся безъ пищи и раздраженные неуважительнымъ отношеніемъ къ нимъ потомства сдѣлаются для него источникомъ всякихъ бѣдствій.

Культъ предковъ, разумѣется, является только однимъ изъ условій благопріятныхъ поддержанію семейнаго комунизма. Въ обществѣ, въ которомъ внѣ рода и семьи не существуетъ охраняющій миръ власти, въ которомъ самосудъ объединенныхъ единствомъ культа и крови союзовъ является единственнымъ средствомъ защиты противъ произвола и насилія, естественнымъ представляется желаніе не отдѣляться отъ своихъ близкихъ, жить съ ними общей жизнью и общими усиліями отвращать общихъ враговъ. Примѣръ Индіи показываетъ, что, при измѣнившихся общественныхъ условіяхъ, культъ предковъ можетъ сдѣлаться даже источникомъ нѣкотораго индивидуализма, такъ какъ на смѣну ученію о необходимости поддерживать единеніе, какъ средство обезпечить непрекращаемость домашняго культа, можетъ явиться противуположное ему ученіе о пользѣ семейныхъ дѣлежей, послѣдствіемъ которыхъ является умноженіе очаговъ, посвященныхъ культу однихъ и тѣхъ же усопшихъ [1]).

Общностью домашняго культа объясняется также и то обсто-

---

[1]) См. мое Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія, часть I, 1879 годъ, глава 2.

ятельство, что членомъ семьи считается всякій, кто принимаетъ участіе въ этомъ культѣ, поэтому—не только кровные родственники, но и все искусственное родство, все равно будетъ ли источникомъ его усыновленіе, побратимство или молочное родство. Различіе свободнаго, полусвободнаго и рабскаго состоянія также не принимается въ разсчетъ въ томъ смыслѣ, что остающіеся при семьѣ вольноотпущенники и принимающіе участіе въ домашнемъ культѣ рабы одинаково признаются членами семьи.

Отмѣченное Беллемъ, Кохомъ и Лапинскимъ гуманное отношеніе черкесовъ къ ихъ рабамъ не имѣетъ другаго источника. Если Рейнексъ и упоминаетъ о существовавшемъ нѣкогда у кабардинцевъ обычаѣ приносить на могилахъ покойниковъ въ жертвоприношеніе рабовъ, то тотъ же писатель спѣшитъ прибавить, что такими рабами были военноплеменные или купленные на сторонѣ люди, отнюдь не тѣ, какими семья владѣла изъ поколѣнія въ поколѣніе [1]).

Домашніе рабы всегда пользовались у черкесовъ и кабардинцевъ, а тѣмъ болѣе у осетинъ значительными преимуществами надъ военноплѣнными или покупными, такъ называемыми: усырами и унаутами. Тотъ классъ людей, которыхъ русскіе собиратели народныхъ обычаевъ и адатовъ обозначаютъ терминомъ «обрядовыхъ холоповъ и холопокъ» имѣли право брака и не могли быть отчуждаемы въ чужія руки безъ собственнаго ихъ согласія [2]). Единеніе между людьми одного двора, какъ связанными единствомъ очага и домашняго культа, возможно лишь подъ условіемъ ежечаснаго поддержанія между ними внутренняго мира и спокойствія; но этотъ миръ не былъ бы возможенъ, если бы къ преступленіямъ, совершеннымъ въ родственной средѣ, приложено было то же начало кровнаго возмездія,

1) Feineggs, томъ I, стр. 259.

2) Въ архивѣ Нальчихскаго округа мнѣ не разъ попадались дѣла, въ которыхъ со словъ горскихъ судей было записано, что «по существующему обычаю въ Кабардѣ обрядовые холопы безъ ихъ согласія не продаются въ чужія руки». (См. «Черный настольный журналъ Кабардинскаго окружнаго народнаго суда за 1863 г., августа 22). Другое дѣло у Науты, которымъ обычай не дозволяетъ другихъ связей съ женщинами, кромѣ временныхъ, и которыхъ во всякое время дозволяется отдѣльно отъ семьи продавать.

примѣненіе котораго вызываютъ обиды, нанесенныя членомъ одного рода члену другаго. Отсюда то послѣдствіе, что не только дѣтоубійство, но и отце и братоубійство, какъ общее правило, остаются безъ отмщенія. Обыкновеннымъ послѣдствіемъ ихъ является удаленіе изъ семьи нарушившаго его внутренній миръ члена. Кавказское абречество не имѣетъ другаго источника; абрекъ это то же, что славяно-русскій изгой или древнегерманскій «wargus». Не имѣя семьи, отлученный отъ общенія съ своими близкими, онъ обреченъ на вѣчное скитальчество. Тысяча опасностей представляется ему на пути: грабежъ и убійство, которыхъ онъ можетъ сдѣлаться жертвой, остаются безъ отмщенія, такъ какъ у абрека нѣтъ родственниковъ мстителей. Не обращаясь къ такому крайнему средству, какъ изгнаніе, осетины и сванеты довольствуются нерѣдко прекращеніемъ всякаго общенія съ отце-и братоубійцею. Послѣдняя изъ названныхъ народностей старается даже отличить виновнаго внѣшнимъ знакомъ, который бы позволялъ признать его каждому. Такимъ знакомъ является ожерелье изъ камней, напоминающее собою вѣтхозавѣтное предписаніе о побіеніи отцеубійцъ камнями; предписаніе, воспринятое также магометанскимъ правомъ и строго примѣняемое доселѣ сѣверными сосѣдями сванетъ—балкарцами.

Не одни живущіе подъ одною кровлею родственники выступаютъ передъ нами съ характеромъ среды, не допускающей и мысли о кровномъ возмездіи; такой же средой является и самъ родъ, а также тотъ братскій союзъ, начало которому кладетъ добровольное соединеніе нѣсколькихъ родовъ. Мы видѣли выше, что кровомщеніе является исполненіемъ религіознаго долга, что оно составляетъ одну изъ тѣхъ обязанностей, какія живущія поколѣнія несутъ по отношенію къ умершимъ. Кавказскій горецъ мститъ убійцѣ потому, что этого требуетъ тѣнь убитаго; но такое требованіе не можетъ быть предъявлено въ томъ случаѣ, когда убійца и убитый принадлежатъ къ одному и тому же роду. Допустить противное значило бы признать что души предковъ требуютъ отъ живущихъ совершенія дѣйствій, враждебныхъ интересамъ рода, и что живущій считаетъ себя обязаннымъ повиноваться такому требованію.

Вѣдь месть родственнику въ конечномъ результатѣ ведетъ къ дальнѣйшему ослабленію рода, который сверхъ понесенной утраты въ лицѣ убитаго, напримѣръ, сочлена, терпитъ новую въ лицѣ самого убійцы. Понятно поэтому, если преступленія, совершаемыя родственниками по отношенію другъ друга, остаются безъ возмездія. Это не значитъ, однако, чтобы родъ тѣмъ самымъ отказывался отъ мысли положить имъ предѣлъ; неоднократное повтореніе ихъ сдѣлало бы невозможнымъ поддержаніе того внутренняго мира, на которомъ держится самое существованіе родовыхъ сообществъ. Устраненіе изъ своей среды преступнаго сочлена, наглядным выраженіемъ чего, смотря по мѣстности, является: то формальный обрядъ отреченія отъ него, то разрушеніе его жилища, или, если у него нѣтъ отдѣльной усадьбы, одна конфискація принадлежащей ему собственности, является такимъ образомъ требованіемъ необходимости. Имѣя въ виду сказанное, намъ не трудно понять причину, по которой обычное право кавказскихъ горцевъ устанавливаетъ строгую черту различія между воровствомъ, совершеннымъ у члена одного съ похитителемъ рода, и воровствомъ у чужеродца. Послѣднее дѣйствіе не только не кажется имъ позорнымъ, но, по словамъ барона Сталя, считается у кабардинцевъ и черкесовъ своего рода доблестью [1]). Молодая дѣвушка не охотно отдастъ свою руку человѣку, въ прошломъ котораго нельзя указать двухъ, трехъ случаевъ смѣлыхъ набѣговъ, окончившихся уводомъ скота и лошадей. Потоцкій сообщаетъ намъ даже интересныя подробности о цѣлыхъ воровскихъ шайкахъ, устраиваемыхъ черкесскими князьями. Члены этихъ шаекъ являются на общіе сходы не иначе, какъ съ закрытыми лицами, и употребляютъ въ своихъ рѣчахъ непонятный для другихъ жаргонъ [2]). Адаты кавказскихъ горцевъ такъ далеки отъ мысли считать воровство у чужеродца уголовнымъ преступленіемъ, что большинство ихъ, въ случаѣ обнаруженія вора, довольствуются требованіемъ, чтобы похищенное или его стоимость возвращены были хозяину. Другое

---

[1]) Баронъ Сталь, этнографич. очеркъ Кабардин. народа. (Леонтовича, Адаты, т. I, стр. 170).

[2]) Voyage de Jean Potocki, стр. 168.

дѣло, если жертвою воровства является кто либо изъ членовъ одного съ похитителемъ рода: для такихъ воровъ обычной карой служитъ конфискація. Стоимость украденнаго съ этою цѣлью взыскивается въ семь и болѣе разъ, при чемъ самое число этихъ разовъ возрастаетъ обратно пропорціонально цѣнности похищеннаго; все это съ цѣлью приблизить размѣръ пени къ конфискаціи всего имущества [1]). Особенно наглядно это желаніе уподобить пеню конфискаціи выступаетъ въ обычаяхъ жившихъ въ концѣ XVIII в. еще родовыми поселками кистинъ. По словамъ Рейнекса, укравшій что либо въ домѣ своего сосѣда обязанъ былъ заплатить ему семьдесятъ разъ стоимость похищеннаго [2]). За исключеніемъ этого различія, обычное право горцевъ допускаетъ только то, источникомъ котораго является мѣсто совершенія кражи: воровство въ саклѣ признается наиболѣе тяжкимъ и чѣмъ ближе находился похититель къ домашнему очагу, тѣмъ выше размѣръ постигающаго его взысканія. Причина та, что въ воровствѣ изъ сакли, предполагающей недозволенный входъ въ чужое жилище, видятъ осквернение домашняго очага. Весь добавочный платежъ къ цѣнности украденнаго служитъ вознагражденіемъ за это оскорбленіе [3]).

Мы сказали выше, что культъ предковъ по природѣ своей не допускаетъ участія въ немъ никого, кромѣ родственниковъ, природныхъ или фиктивныхъ, другими словами, лицъ, формально заявившихъ о своей готовности поддерживать этотъ культъ. Но этимъ условіямъ, очевидно, ни мало не отвѣчаетъ ни ребенокъ, рожденный въ внѣбрачной связи, ни тотъ, появленіе котораго на свѣтъ связано съ прелюбодѣяніемъ. Дитя неизвѣстнаго и во

---

1) У Кабардинцевъ при кражѣ у сосѣда лошади требуется возвращеніе 3-хъ лошадей, а при кражѣ барана, смотря потому, у кого онъ украденъ, 10 и 20. (Адаты, т. I, стр. 253—256).—О воровствѣ у осетинъ см. Современный обычай и древній законъ, т. II, отдѣлы: уголовное право.—О воровствѣ у черкесовъ, см. Леонтовича, Адаты, т. II, стр. 136 и 137 и 262. — О воровствѣ у ингушей, см. Грабовскаго, ингуши (ихъ жизнь и обычаи), IX т. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 94.

2) Reineggs. Allgemeine historisch-topographische Beschrebung des Kaukasus, a 1796, v. I, стр. 40.

3) См. Адаты кавк. горц., т. II, стр. 137.—Грабовскаго. Ингуши, (ихъ жизнь и обычаи), IX т. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 95.

всякомъ случаѣ чужероднаго родителя, онъ не можетъ сдѣлаться продолжателемъ культа родовыхъ божествъ и всѣ его приношенія необходимо должны сдѣлаться достояніемъ иныхъ покойниковъ, нежели тѣхъ, которымъ они предназначались. Неудивительно послѣ этого, если обычаи кавказскихъ горцевъ въ одно слово требуютъ умерщвленія незаконнорожденныхъ дѣтей [1]) и убійства обоихъ виновниковъ прелюбодѣянія. Уклониться отъ личнаго возмездія въ данномъ случаѣ считается позоромъ, и родственники могутъ принудить мужа, помиловавшаго свою жену, къ разрыву съ ней дальнѣйшаго супружескаго общенія [2]).

Интересъ рода выше интереса отдѣльныхъ его членовъ и благосостояніе покойниковъ въ загробной жизни, думаютъ они, стоитъ того, чтобы ему принесены были въ жертву и сердечная привязанность, и чувство жалости.

Культъ предковъ, по воззрѣніямъ горцевъ, возможенъ лишь до тѣхъ поръ, пока на землѣ продолжается ихъ родъ. Съ прекращеніемъ послѣдняго, предки остаются безъ пищи и питья, и становятся злыми геніями той мѣстности, которой они нѣкогда были патронами. Отсюда источникъ доселѣ держащагося у армянъ представленія, что оставленная по причинѣ полнаго вымиранія рода усадьба есть обиталище нечистыхъ духовъ [3]).

Этимъ воззрѣніемъ, не менѣе распространеннымъ и среди горцевъ, объясняется, между прочимъ, тотъ фактъ, что изъ правила о нераздѣльномъ владѣніи не только отдѣльными родами, но и цѣлымъ племенемъ, занятой ими земельной площади съ самого начала сдѣлано было исключеніе для усадебной земли. По названной причинѣ земля эта искони составляетъ у горцевъ предметъ подворнаго владѣнія. Никто не согласился бы получить въ

---

[1]) Убіеніе незаконорожденныхъ младенцевъ практикуется одинаково и черкесами, и осетинами, и сванетами.

[2]) Подробности на этотъ счетъ можно найти какъ въ заключительной главѣ настоящаго сочиненія (Дагестанъ), такъ и въ Современномъ обычаѣ и Древнемъ законѣ (отдѣлъ уголовное право Осетинъ). См. также выписку о правахъ и обычаяхъ чеченцевъ Владикавказскаго округа, 1849 г., стр. 117—120. (Адаты, т. II).—Сб. адатовъ жителей Кумыкскаго округа, 1865 г. (Адаты, т. II, стр. 118).

[3]) Егіазаровъ. Изслѣдованіе по исторіи учрежденій въ Закавказьѣ. Т. I, стр. 146.

силу передѣла оставленную семьей усадьбу, изъ опасенія тѣхъ бѣдствій, какія могутъ наслать на него самого и на его родственниковъ обитающіе въ ней «домовые».

Если прибавить къ сказанному, что у большинства горскихъ племенъ существуетъ обычай хоронить покойниковъ на принадлежащей двору землѣ, что хевсуры и тушины, осетины и сванеты имѣютъ свои фамильныя усыпальницы, что желаніе имѣть вблизи себя могилы предковъ нерѣдко выступаетъ у картвельскихъ и иранскихъ народностей Кавказа съ такою силою, что, переселяясь на новыя мѣста жительства, они переносятъ съ собою и гробницы отцовъ, то нельзя будетъ не признать, что въ числѣ причинъ, содѣйствующихъ выдѣленію дворовой собственности изъ племенной и родовой, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ и культъ предковъ. Неотчуждаемость дворовой или нераздѣльно-семейной собственности, вытекающая въ большинствѣ случаевъ изъ практической невозможности достигнуть на этотъ счетъ полнаго единогласія всѣхъ участниковъ, въ нѣкоторыхъ аулахъ Дагестана принимаетъ характеръ формальнаго запрещенія. Родъ не терпитъ поселенія въ своей средѣ семей, религіозные и свѣтскіе интересы которыхъ отличны отъ его собственныхъ.

Но если культъ предковъ является, такимъ образомъ, однимъ изъ условій, содѣйствующихъ удержанію земель въ рукахъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, то онъ же случайно можетъ сдѣлаться источникомъ ихъ отчужденія. Ставя религіозные интересы выше всѣхъ другихъ, обычай горцевъ смотритъ на совершеніе поминокъ по усопшимъ, какъ на неотложную обязанность потомства; но эти поминки принимаютъ такіе размѣры и повторяются такъ часто, что становятся для отдѣльныхъ дворовъ источникомъ ихъ раззоренія: осетины, сванеты, пшавы затрачиваютъ на ихъ совершеніе сотни и тысячи рублей, такъ какъ на устраиваемыя поэтому поводу угощенія сходятся не только родственники и односельчане, но нерѣдко весь народъ; такъ, напр., у сванетовъ, чѣмъ больше число лицъ, участвующихъ въ поминальномъ пирѣ, тѣмъ больше чести приходится на долю устроившаго его двора. Неудивительно послѣ этого, если для устройства поминокъ дворъ рѣшается иногда пожертвовать частью принадлежа-

щей ему земли; но прежде чѣмъ произвесть отчужденіе ея въ чужія руки, обычай рекомендуетъ предложить ее родственнымъ родамъ. При покупкѣ ея ими, земля не выходитъ изъ рода и культъ родовыхъ божествъ не терпитъ такимъ образомъ неизбѣжнаго въ противномъ случаѣ сокращенія. Право родовой преэмпціи, т. е. предпочтительная покупка родственниками, такимъ образомъ, стоитъ въ несравненно болѣе тѣсной связи съ родовымъ культомъ чѣмъ та, какую обыкновенно допускаютъ. При отказѣ родственниковъ, дворовая земля можетъ перейти въ силу продажи и къ чужеродцамъ, но и въ этомъ случаѣ культъ предковъ даетъ себя знать въ обычаѣ, доселѣ не вышедшемъ изъ употребленія во многихъ мѣстностяхъ Осетіи и Грузіи. Первымъ дѣломъ покупщика—совершить на пріобрѣтенной имъ землѣ поминку въ честь предковъ продавца. Онъ дѣлаетъ это въ надеждѣ расположить ихъ въ свою пользу и изъ опасенія, что въ противномъ случаѣ они, видя въ немъ чужеродца и ближайшаго виновника того, что совершавшійся въ ихъ честь культъ отнынѣ будетъ прекращенъ, не преминутъ вымѣстить на немъ свою злобу и сдѣлаются для него и для его семьи источникомъ всякого рода бѣдствій.

Культъ общихъ предковъ является для рода тѣмъ связующимъ началомъ, какое большинство изслѣдователей родовыхъ отношеній тщетно искали въ фактѣ происхожденія отъ одного общаго родоначальника. Если принять во вниманіе, что большинство родовъ развилось изъ упомянутыхъ у насъ выше экзогамическихъ группъ, которымъ было извѣстно одно только родство по матери; если имѣть въ виду, что путемъ добровольнаго присоединенія къ сильному своей численностью роду другихъ болѣе слабыхъ родовъ, точно такъ же какъ путемъ неоднократно повторяющихся случаевъ усыновленія членовъ чужихъ родовъ, чистота крови въ предѣлахъ рода становится фактически невозможной, то не мудрено будетъ придти къ заключенію, что нѣтъ основанія говорить о кавказскомъ родѣ, какъ о продуктѣ естественнаго размноженія семьи.

Теорія рода, какъ результата постепеннаго развѣтвленія первичной семейной ячейки, состоящей изъ мужа и жены, теорія, на несостоятельность которой указано было мною въ моемъ

«Первобытномъ правѣ», отнюдь не можетъ быть защищаема на основаніи кавказскаго матеріала. Правда, и на Кавказѣ, въ особенности среди дворянскихъ семей, не разъ попадаются геологическія древа. Примѣръ такого древа представляетъ въ частности то древо кабардинскихъ княжескихъ семей, какое Потоцкій приложилъ къ тексту своего интереснаго путешествія по горамъ Кавказскимъ; но эти генеалогіи рѣдко когда идутъ далѣе восьми—десяти поколѣній назадъ. Наиболѣе несомнѣнныя изъ нихъ: генеалогія шамхаловъ Тарковскихъ—съ большей или меньшей достовѣрностью восходитъ лишь до XVI столѣтія; то же можетъ быть сказано о генеалогіи Кайтагскихъ уцміевъ, Кажкумухскихъ и Мехтулинскихъ хановъ и султановъ елисуйскихъ[1]). Что же касается до той генеалогіи, на которой настаиваютъ кабардинскія княжескія фамиліи, то, если считать даже безспорными выставляемыя ими притязанія, все же приходится отказаться отъ мысли о ея глубокой древности: между временемъ болѣе или менѣе мифическаго родоначальника кабардинскихъ князей Инала и временемъ Петра Великаго насчитываютъ всего на всего шесть поколѣній [2]).

О баснословности и недавнемъ происхожденіи осетинскихъ генеалогій я не стану распространяться послѣ того, что сказано мною на этотъ счетъ въ Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ. Генеалогіи горскихъ таубіевъ и дигорскихъ Бадилятъ начинаются всего на всего съ 16-го вѣка.

Къ числу древнѣйшихъ фамилій на Кавказѣ, если вѣрить легендамъ, надо отнести и тѣ, которыя дали свое имя нѣкоторымъ ауламъ Веденскаго наибства; такъ, напр., заселяющая аулъ Эрсено считаетъ уже восемнадцать поколѣній; та же, которая занимаетъ аулъ Элистанжи, одиннадцать. Въ Даргинскомъ наибствѣ также можно указать на аулы, какъ Белгатой, основаніе

---

[1]) Одни только аварскіе ханы, не имѣющіе особой генеалогіи, въ то же время должны быть признаны весьма древними.

[2]) Родословное древо Шамхаловъ Тарковскаго отпечатано въ первомъ томѣ Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ; родословная Кабардинскихъ князей помѣщена у Палласа на 428 стр. его Voyages. Дюбуа де Монпере въ грузинскихъ лѣтописяхъ находитъ указаніе на то, что родоначальникъ кабардинскихъ князей Иналъ жилъ въ началѣ XVI вѣка.

котораго занимающимъ его родомъ отнесено за 16 поколѣній до нашего времени. Если признать даже историческое значеніе за этими легендами, чего, разумѣется, они ни мало не заслуживаютъ, то все же получится относительная только древность въ тысячу лѣтъ, не болѣе.

Сванетскія сказанія о Дадешкеліанахъ относятъ возникновеніе ихъ рода къ сравнительно недавней эпохи отдѣленія Мингреліи отъ Грузіи.

Передаваемыя г-номъ Худадовымъ легенды о происхожденіи хевсурскихъ родовъ не возводятъ ихъ происхожденіе далѣе, какъ къ XVII-му столѣтію (времена жестокаго Эристава Зурава). Ингуши и чеченцы, не имѣя князей, обходятся по этой причинѣ безъ генеалогій.

Такимъ образомъ, мы въ правѣ сказать, что кавказскія генеалогіи ничего не говорятъ намъ о первоначальномъ происхожденіи родовъ и, слѣдовательно, совершенно могутъ быть оставлены въ сторонѣ при рѣшеніи этого вопроса.

Гораздо большее значеніе для его рѣшенія имѣютъ ходячія въ средѣ горцевъ сказанія о «великанахъ» или «нартахъ». Сказанія эти рисуютъ намъ рядъ выдающихся личностей, къ которымъ со всѣхъ сторонъ стекаются и родственники и чужеродцы, съ тѣмъ, чтобы подъ ихъ предводительствомъ совершать удачные набѣги на сосѣдей. Любопытную черту этихъ сказаній составляетъ то обстоятельство, что въ нихъ обыкновенно упоминается не объ отцахъ, а о матеряхъ и сестрахъ воспѣваемыхъ героевъ, такъ, напр., въ чеченскихъ сказаніяхъ, когда заходитъ рѣчь о шестидесяти Орхустейцахъ [1]), прямо говорится о томъ, что они произошли отъ шестидесяти различныхъ матерей. О любимѣйшихъ герояхъ осетинскихъ и кабардинскихъ сказаній, о Сосрыко, Хамыцѣ и Урызмагѣ, ни разу не упоминается, какъ о дѣлѣ такого то лица. Имя же ихъ общей матери—Сатаны приводится на каждомъ шагу. О значеніи, какое нартскія сказанія придаютъ отношеніямъ брата и сестры, можно судить по тому, что въ своихъ препирательствахъ тѣ же Хамыцъ, Сосрыко и Урызмагъ не разъ прибѣгаютъ къ посредничеству сестры [2]).

[1]) Изъ чеченскихъ сказаній, V вып. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 38.
[2]) Осетинскія народн. сказ., ibid, стр. 15.

Подъ предводительствомъ Насранжаке сражалось не мало богатырей: Эй, Имысъ, Сосышъ, Жинду-жаке, Аракшау, Озершегъ. Ашовъ, сынъ Ашамазъ, Хымышевъ, сынъ Батыразъ, Сибильши. Альбековъ, сынъ Потеранъ. Сказаніе ни разу не говоритъ намъ о томъ, чтобы названныя лица состояли между собою въ родствѣ, наоборотъ, мы часто встрѣчаемъ упоминанія о томъ, что въ богатырскихъ наѣздахъ равно участвуютъ родственники и не родственники. Насранжеке привозятъ откормленныхъ барановъ и доносятъ о томъ, что плохо охраняется и на что съ удобствомъ можетъ быть сдѣланъ набѣгъ. Насранжаке собираетъ партовъ изъ сосѣднихъ и дальнихъ ауловъ, не исключая и тѣхъ, которые расположены на Кубани, и во главѣ отряда отправляется въ такіе далекіе разъѣзды, какъ, напримѣръ, въ пространныя степи по Идылю, т. е. Волгѣ [1]).

Очень характерно также отношеніе названныхъ героевъ къ встрѣчающимся имъ во время ихъ разъѣздовъ (бамъ) женщинамъ. Временное сожитіе съ ними представляется дѣломъ обычнымъ: предложеніе чужой женѣ войти въ любовную связь съ гостемъ повторяются неоднократно. Но женъ своихъ парты, за исключеніемъ одного впрочемъ Урызмага, постоянно берутъ изъ чужихъ обществъ, при чемъ отказъ въ невѣстѣ признается обидой для «всего партскаго аула», жители котораго, какъ бы заявляя свои права на будущую жену ихъ собрата, жалуются, что «дѣвица за нихъ замужъ не хочетъ» [2]).

Вотъ въ этой то обстановкѣ, представляющей всѣ черты переходной эпохи отъ материнства къ патріархату, и развивается дѣятельность этихъ первыхъ «собирателей если не земли, то людей». Со всѣхъ сторонъ стекаются къ нимъ безъ разбора

---

[1]) Изъ кабардинскихъ сказаній о Нартахъ въ 5-мъ вып. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 53, 64 и 65.

[2]) Сынъ Сафа не считаетъ обидой передать женѣ Урызмага предложеніе быть его любовницей (ibid., стр. 50 и 51), а жена другаго витязя Уастерджи открыто заявляетъ тому же Урызмагу, что она сойдется съ нимъ, если только мужъ не пріѣдетъ къ ней ночью (стр. 59). Еще болѣе характерно то, что самъ Урызмагъ считаетъ возможнымъ снова сойтись съ своей вѣроломной женой, узнавши о характерѣ сдѣланнаго ей любовникомъ подарка.

родственники и чужеродцы, не только съ цѣлью совершать подъ ихъ начальствомъ случайные набѣги на сосѣдей, но и для того, чтобы образовать изъ себя постоянные союзы взаимной обороны, союзы, охотно переходящіе отъ самозащиты къ нападенію. Осетинскія сказанія, записанныя Миллеромъ, не разъ упоминаютъ о партскихъ дружинахъ и рѣшеніяхъ, принимаемыхъ ими соборне на народныхъ сходкахъ или нихасахъ. Ихъ наѣзды (балцы) нерѣдко происходятъ подъ предводительствомъ какого нибудь выдающагося вождя, на котораго указываетъ не только возрастъ, но и сложившаяся о немъ молва. Въ кабардинскихъ сказаніяхъ начальникомъ партскихъ дружинъ обыкновенно является насранжохе—«золото-бородый». Въ Осетинскихъ-то Софонъ, то Рызмагъ или его сынъ Ботрагъ.

Общее представленіе, какое выносишь о дѣятельности этихъ народныхъ героевъ въ дѣлѣ объединенія разрозненныхъ элементовъ общества, довольно близко къ тому, какое получаешь при изученіи порядка возникновенія родовъ Роджпутовъ или клановъ Шотландіи. Вокругъ смѣлаго витязя собирается пестрая по своему составу меньшая дружина. Съ нею онъ производитъ свои набѣги; уводитъ у сосѣдей стада, овецъ и табуны лошадей, похищаетъ издалека и вблизи дѣвушекъ чужихъ материнскихъ родовъ; съ нею же онъ пируетъ въ тѣ рѣдкіе промежутки времени, которые собранная имъ дружина проводитъ въ мирѣ и спокойствіи. Ожиданіе ежечаснаго возмездія не позволяетъ ему распустить своихъ товарищей, почему его дружина и переходитъ постепенно въ постоянное сообщество, всегда готовое сняться съ мѣста и идти войной на общаго врага. Чѣмъ больше растетъ слава о его подвигахъ и доблести, тѣмъ большее число лицъ спѣшитъ стать подъ его начальство. Собравшаяся вокругъ него толпа не представляетъ собою ничего однороднаго; ее связываетъ воедино только общность опасностей и враговъ, общее довѣріе и нерѣдко привязанность къ руководителю или вождю. Но наступаетъ время, когда этотъ вождь сходитъ со сцены, потому ли, что падетъ съ честью на полѣ брани, или становится жертвой со всѣхъ сторонъ стерегущихъ его злыхъ геніевъ, которымъ рано или поздно удается положить предѣлъ его земному существованію. Память о его

подвигахъ вскорѣ дѣлаетъ изъ него предметъ общаго почитанія. Онъ становится центромъ особаго культа, въ которомъ главную роль играютъ устраиваемыя въ его честь поминки, сопровождаемыя неоднократнымъ ходатайствомъ о его невидимомъ заступничествѣ въ переживаемыхъ его прежними сподвижниками затрудненіяхъ. Значеніе, какое въ ихъ глазахъ имѣлъ умершій—причина тому, что должность вождя обыкновенно переходитъ къ тому, на кого палъ выборъ покойника, а имъ всего чаще является его ближайшій родственникъ. Такъ какъ вражда, созданная прежними войнами и набѣгами не прекращается вмѣстѣ съ ними, такъ какъ она всего чаще переходитъ по наслѣдству отъ предковъ къ потомкамъ, то въ интересахъ совмѣстной обороны бывшіе сподвижники умершаго героя сохраняютъ между собою прежнее единеніе и продолжаютъ совмѣстно свою борьбу за существованіе. Во второмъ или третьемъ поколѣніи еще держится память о ближайшихъ причинахъ, поведшихъ къ образованію группы, но въ дальнѣйшихъ уже начинаетъ слагаться легенда о соединяющемъ ея членовъ кровномъ родствѣ. Проходитъ еще нѣсколько времени и возникаютъ цѣлыя сказанія, не менѣе баснословныя, какъ и тѣ, согласно которымъ сванеты, осетины и каршвельцы считаются потомками трехъ братьевъ Суона, Оса и Картыла [1]). Полу-миѳическій Хожицъ объявляется вышедшимъ изъ Грузіи и родоначальникомъ стыръ-дигорскихъ родовъ, какъ Бадило выходцемъ изъ Маджаръ и основателемъ рода дигорскихъ бадилятъ, а полу витязь и полу-святой Хетагъ первымъ изъ рода хетагуровыхъ!—Этимъ путемъ незамѣтно совершается процессъ обращенія материнскихъ экзогамическихъ группъ въ столь же экзогамическіе агнатическіе роды. Унаслѣдованное отъ временъ материнства запрещеніе браковъ между «братствами» удержано агнатическими родами, потому что въ противномъ случаѣ внутренній миръ родовыхъ сообществъ сдѣлался бы невозможнымъ, въ виду взаимнаго похищенія другъ у друга дѣвушекъ-невѣстъ.

Въ эпоху полнаго сложенія агнатическихъ союзовъ, культъ

---

[1]) Миллеръ. Осет. этюды, часть I. Преданіе о поселеніи Дигорцевъ въ Камунзѣ, стр. 138).

предковъ, миѳическое представленіе объ общемъ родоначальникѣ и требованіе соблюдать въ бракахъ начало экзогаміи являются для родовъ такимъ же прочнымъ общественнымъ цементомъ, какъ и нераздѣльность земельнаго владѣнія родовъ, участіе въ общихъ сходахъ съ равнымъ для всѣхъ правомъ голоса и подчиненіе общему предводительству обыкновенно старшаго члена той династіи, къ которой народное представленіе относитъ основателя самого сообщества или славнѣйшаго изъ его умершихъ членовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ процессѣ возникновенія кавказскихъ родовыхъ группъ культъ предковъ призванъ былъ играть далеко не послѣднюю роль. Въ немъ, а не въ совершенно произвольномъ представленіи о единствѣ происхожденія и крови слѣдуетъ видѣть то скрѣпляющее начало, благодаря которому случайно сошедшаяся группа лицъ перешла въ постоянный союзъ круговой поруки, извѣстный намъ подъ названіемъ родоваго союза [1]).

Мы далеко не исчерпали всѣхъ тѣхъ сторонъ родоваго быта, на который культъ предковъ и связанный съ нимъ культъ домашняго очага съумѣли наложить свою печать; но и сказаннаго нами достаточно для того, чтобы придти къ убѣжденію, что безъ предварительнаго знакомства съ характеромъ того почитанія, какимъ общества, живущія условіями родоваго быта, окружаютъ своихъ мертвыхъ, невозможно ясное пониманіе духа родовыхъ порядковъ. Говоря это, я тѣмъ самымъ утверждаю, что во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ нѣмецкаго, славянскаго или кельтическаго права, памятникахъ, возникшихъ уже въ христіанскую эру, трудно найти ключъ къ пониманію того нерѣдко сложнаго умственнаго процесса, который привелъ къ установленію порядковъ, стоящихъ въ полномъ противорѣчіи съ современными намъ понятіями о правдѣ и справедливости. Кто ограничится изученіемъ родоваго строя на основаніи только что названныхъ источниковъ, необходимо прійдетъ къ мысли не искать за изучаемыми имъ нормами вызвавшихъ ихъ къ жизни принциповъ, такъ какъ онъ убѣдится, что принципы

[1]) Сравни первобытное право. Часть I. Родъ, стр. 85.

эти лежатъ въ заслоненныхъ предъ нимъ христіанствомъ языческихъ вѣрованіяхъ. Только обращаясь къ аналогіямъ, только восполняя недостающія ему свѣдѣнія о религіозномъ міросозерцаніи родовыхъ сообществъ данными этнографіи, въ состояніи онъ достигнуть той всесторонности и отчетливости въ пониманіи родовыхъ порядковъ, безъ которыхъ всѣ его построенія не могутъ имѣть иного значенія, кромѣ болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ.

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія, изученіе родовыхъ порядковъ кавказскихъ горцевъ и призвано оказать неоцѣнимую услугу зачинающейся только наукѣ общественной эмбріологіи, такъ какъ даетъ ей возможность проникнуть въ мельчайшія подробности того міросозерцанія, изъ котораго вытекло и въ которомъ нашло свое оправданіе родовое устройство.

Къ числу наиболѣе спорныхъ вопросовъ родоваго устройства надо отнести, наряду съ только что разсмотрѣннымъ, и вопросъ о характерѣ, какой въ эпоху его господства носитъ отношеніе человѣка въ землѣ. Бокъ-о-бокъ съ писателями, утверждающими, что родовое устройство есть особенность кочевыхъ племенъ и что ему чуждо поэтому всякое понятіе о правѣ частной или общинной собственности на землю, попадаются и такіе, которые думаютъ, что родовой бытъ можетъ быть продолженъ и въ эпоху перехода постоянной осѣдлости; отдѣльныя семьи обособившись отъ общаго ствола расчищаютъ каждая большій или меньшій участокъ земли изъ подъ лѣса, кустарника и болота и, въ силу приложенія своего индивидуальнаго труда къ его обработкѣ, пріобрѣтаютъ на него права частной собственности. Въ новѣйшее время профессоръ краковскаго университета Даргунъ сдѣлалъ попытку оживленія этой довольно уже устарѣвшей теоріи и постарался обосновать ее данными сравнительной этнографіи [1]). Въ Россіи того же воззрѣнія придерживаются профессора: Чичеринъ и Сергѣевичъ [2]).

---

[1]) Статья Даргуна помѣщена въ Zeitschrift für die Vergleichende Rechts Wissenschaft, издаваемую Колеромъ.

[2]) Опыты по исторіи русскаго права Чичерина и его полемика со мною въ критическомъ обозрѣніи за 1878 г. Сергѣевичъ, статья въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ., перепечатанная въ «Лекціяхъ и Изслѣдованіяхъ».

Кавказская этнографія не оправдываетъ ни одного изъ только что упомянутыхъ ученій. Она указываетъ намъ и на возможность сохраненія родовыхъ порядковъ при переходѣ отъ кочеваго быта къ осѣдлому, и на произвольность утвержденія, что установленіе постоянныхъ отношеній къ землѣ необходимо ведетъ къ возникновенію частной собственности. Она учитъ, что при родовомъ устройствѣ одинаково возможны и такіе порядки, при которыхъ нѣтъ другой земельной собственности, кромѣ племенной, и такіе, при которыхъ земля составляетъ достояніе отдѣльныхъ родовъ или ихъ соединеній, братствъ. Сосредоточеніе ея въ рукахъ родовыхъ группъ ни мало не препятствуетъ выдѣленію извѣстныхъ участковъ земли усадебной и пахотной въ обособленное владѣніе не частныхъ семей, а дворовыхъ общинъ, пользующихся ею на началахъ семейнаго коммунизма.

Доказывая все это, кавказская этнографія не становится въ разрѣзъ съ данными сравнительной этнографіи. Еслибы не смѣшеніе понятій, если бы не произвольная замѣна термина семейная или дворовая община словомъ семья, то на основаніи собраннаго г. Даргуномъ матеріала не возможно было бы сдѣлать инаго вывода, кромѣ того, что въ родовую эпоху общежитія земля не есть собственность частнаго лица, все равно женатаго или холостого, а объектъ обладанія цѣлыхъ группъ; группы эти состоятъ изъ лицъ, имѣющихъ общій очагъ, объединенныхъ культомъ предковъ и представленіемъ о единствѣ ихъ происхожденія, другими словами такихъ же дворовыхъ общинъ, какъ тѣ съ существованіемъ которыхъ знакомятъ насъ данныя Кавказа. Тѣ же данныя какъ нельзя лучше доказываютъ вѣрность положенія Мауреровской теоріи, что характеръ собственности зависитъ отъ топографіи занятой племенемъ мѣстности, что на плоскости племенная и обще-родовая собственность находитъ болѣе благопріятныя условія для своего существованія, чѣмъ въ горныхъ тѣснинахъ, и что тамъ, гдѣ нѣтъ простора, дворовая, если не частная, собственность являются общимъ правиломъ. Это положеніе, вѣрность котораго уже доказана по отношенію къ Германіи и Швейцаріи, вполнѣ примѣнима и къ Кавказу. Простого сопоставленія порядковъ зем-

левладѣнія плоскостныхъ кабардинцевъ или осетинъ съ тѣми, которыхъ придерживаются сванеты и хевсуры, не говоря уже о горскихъ народностяхъ Дагестана, достаточно будетъ, какъ мы увидимъ, для того, чтобы убѣдиться въ той тѣсной связи, какая существуетъ между топографіей и землевладѣніемъ.

Всѣ дошедшія до насъ свидѣтельства о народахъ сѣвернаго Кавказа въ періодъ времени, предшествующій нашествію тюркскихъ племенъ, сходятся въ изображеніи ихъ намъ народами полуосѣдлыми, полукочевыми. Писатели XIII-го вѣка, Рубруквисъ и Контарини, сходными чертами рисуютъ намъ бытъ племенъ, живущихъ къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта и къ югу и востоку отъ Дона или Танаиса. Народности эти, которыхъ они называютъ алаками и команами и изъ которыхъ первые, какъ указано Всеволодомъ Миллеромъ, являются предками современныхъ осетинъ, постепенно оттѣснены были на югъ тюркскими пришельцами. Большинство ихъ попало въ горы и подъ вліяніемъ природныхъ условій устроило здѣсь свой бытъ на началахъ, нѣсколько отличныхъ отъ тѣхъ, на какихъ онъ былъ построенъ въ предшествующія столѣтія. Замкнутость занятыхъ ими долинъ, трудность сообщенія между ними, благодаря непроходимости горныхъ ущелій въ зимніе мѣсяцы, заставили недавнихъ кочевниковъ заняться земледѣліемъ, сдѣлаться народомъ осѣдлымъ и построить свои земельныя отношенія на началахъ дворовой общины. Но память о бродячемъ характерѣ ихъ первоначальной жизни сохранило народное преданіе. Въ Чегемѣ и на Баксанѣ мнѣ и товарищу моихъ путешествій г. Миллеру пришлось записать сказанія, въ которыхъ бытъ пришлыхъ тюркскихъ племенъ рѣзко противуполагается осѣдлымъ привычкамъ туземнаго населенія [1]). Когда на смѣну тюркскихъ племенъ на плоскогорьи сѣвернаго Кавказа явились кабардинцы, физическія условія мѣстности сдѣлали возможнымъ продолженіе ихъ прежнихъ кочевій. Не далѣе какъ въ концѣ XVIII вѣка Потоцкій и Палласъ отмѣчаютъ у кабардинцевъ характерную особенность народовъ, недавно вышедшихъ изъ условій кочевого быта: склон-

---

1) См. въ Вѣстникѣ Европы за 1884 годъ статью, озаглавленную «Горское Общество Кабарды».

ность переносить свои аулы на разстояніи немногихъ лѣтъ съ одного мѣста на другое. Черкесы вообще и кабардинцы въ частности, говоритъ первый изъ названныхъ писателей—живутъ въ селахъ, которыя они покидаютъ на разстояніи немногихъ лѣтъ, потому ли, что ихъ гонитъ оттуда нечистота, или же потому что не считаютъ себя болѣе достаточно защищеными противъ враговъ.

Каждый разъ, когда слѣдуетъ такое переселеніе, жители увозятъ съ собою вмѣстѣ съ домашнею мебелью и лучшія бревна, все остальное предается сожженію [1]). Кабардинскій поселокъ, говоритъ въ свою очередь Потоцкій—не остается на занятой имъ мѣстности болѣе четырехъ или пяти лѣтъ. За это время князья, стоящіе во главѣ поселковъ, обыкновенно успѣваютъ перессориться съ своими сосѣдями, что вызываетъ въ нихъ естественное желаніе выселиться и избѣжать тѣмъ самымъ дальнѣйшей вражды. Вновь заведенныя ими связи и отношенія нерѣдко также влекутъ ихъ къ перемѣнѣ мѣста жительства. Такъ какъ земля принадлежитъ въ нераздѣленную собственность всей націи, то къ такому переселенію не преставляется препятствій. Объ этомъ кочевомъ образѣ жизни—прибавляетъ отъ себя Потоцкій—историки не могли составить себѣ точнаго представленія за недостаткомъ живыхъ примѣровъ; но уже древнимъ народамъ было извѣстно различіе между племенами, устраивавшими свои жилища на повозкахъ, и тѣми, которыя жили въ палаткахъ [2]). Характерный примѣръ первыхъ представляютъ намъ побывавшіе, какъ мы увидимъ ниже, и на Кавказѣ татары временъ Чингисхана и Батыя. Дома, въ которыхъ они живутъ, говоритъ Рубруквисъ, путешественникъ XIII-го вѣка—построены на колесахъ, соединенныхъ между собою перекладинами, размѣръ которыхъ нерѣдко двадцать, тридцать футовъ. Эти подвижныя жилища передвигаются съ мѣста на мѣсто съ помощью впряженныхъ въ нихъ двѣнадцати и болѣе паръ быковъ [3]). Этотъ видъ

---

1) Voyages dans les Gouvernements méridionaux de l'empire de Russie en 1793—4, т. I, стр. 431.

2) Potocki. Voyages, стр. 176.

3) Le Voyage de Guillaume de Rubruquis, ch. II, у Bergeron, t. I, Voyages en Asie.

жилищъ извѣстенъ былъ и на Кавказѣ, и не далѣе, какъ въ серединѣ XVII-го вѣка. Тавернье говоритъ намъ о нагайцахъ, какъ о народѣ проводящемъ свою жизнь на повозкахъ съ воздвигнутыми надъ ними шатрами изъ войлока. Палатки служатъ жилищемъ для стариковъ, дѣтей и состоящей при нихъ прислуги [1]). У того же писателя мы находимъ подробности о порядкѣ поселенія и бытѣ черкесовъ. Изъ его описаній видно, что черкесы уже имѣли въ это время постоянныя поселенія, которыя обыкновенно принимали форму круга съ свободной площадью внутри, помѣщеніемъ для скота и колодцемъ. По его словамъ черкесы мало занимаются земледѣліемъ, не сѣютъ ни ржи, ни овса, а только ячмень для лошадей и просо для собственнаго употребленія. Подробность, которая заслуживаетъ быть отмѣченною, это та, что по словамъ Тавернье черкесы не обрабатываютъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ одного и того же поля, а переносятъ ежегодно свои плантаціи съ мѣста на мѣсто [2]). Эта подробность, напоминающая собою знаменитое свидѣтельство Тацита о древнихъ германцахъ: «arva per annos mutant et superest ager», указываетъ намъ не только на слабую густоту населенія, но на сравнительно недавній переходъ отъ кочевого быта къ осѣдлому. И такъ во второй половинѣ XVII вѣка адигейскія племена, сохраняя слѣды нѣкогда свойственнаго имъ кочевого быта, въ то же время являются народомъ осѣдлымъ.

Къ еще болѣе отдаленной эпохѣ слѣдуетъ отодвинуть кочевыя привычки осетинъ и ихъ предковъ алланъ, занимавшихъ сѣверное

---

[1]) Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier, livre III. ch. XIII, (т. I, стр. 313).

[2]) Ibid, стр. 301. Приблизительно то же говоритъ о земледѣліи черкесовъ и Klaproth: «On cultive la même piece de terre pendant deux ou trois ans desuite; et lorsque le terrain est puisé ou détérioré, on en labourc un autre lorsqu'ils'ont, de cette maniéré fait le tour de leur village à la distances de quelques verstes, ils emportent tours leurs effets et vont s'établir sur un terrain à défricher. (Voyage au mont Caucase, т. I, стр. 374). Баронъ Сталь повторяетъ Клапрота, когда говоритъ: переселенія ауловъ съ мѣста на мѣсто весьма часты: истощивъ кругомъ себя землю, аулъ переходитъ на другое мѣсто. (Леонтовичъ. Адаты, т. I, стр. 176).

плоскогорье Кавказа за долго до прихода тюркскихъ народностей и кабардинцевъ. Чтобы встрѣтиться съ указаніемъ на счетъ бродячаго состоянія осетинъ-алланъ надо подняться до четвертаго вѣка по Р. Х., времени, къ которому относится свидѣтельство Амміана Марцелина. «У нихъ, говоритъ этотъ писатель, нѣтъ постоянныхъ жилищъ; они не занимаются земледѣліемъ, питаются мясомъ и больше молокомъ, живутъ въ своихъ повозкахъ, которыя покрываютъ кусками древесной коры и таскаютъ за собою по неизмѣримымъ степямъ. Когда они доходятъ до мѣстъ, поросшихъ травой, то располагаютъ свои повозки въ кругъ и питаются какъ звѣри. Какъ только кормъ весь въ извѣстномъ мѣстѣ уничтожится, они отправляютъ дальше на повозкахъ свое такъ сказать государство. На этихъ повозкахъ мужчины сходятся съ женщинами; тамъ рождаются и воспитываются дѣти; это ихъ постоянныя жилища и гдѣ бы они ни кочевали, всегда они повозку считаютъ своей родиной. Они гонятъ передъ собою стада крупнаго и мелкаго скота и такимъ образомъ пасутъ его; но преимущественно они заботятся о лошадяхъ» [1]). Что касается до картвельскихъ племенъ, то ихъ кочевой бытъ долженъ быть отнесенъ еще къ болѣе глубокой древности, такъ какъ уже Страбону извѣстно раздѣленіе ихъ на четыре класса, изъ которыхъ одинъ былъ составленъ изъ землевладѣльцевъ [2]). Подвигаясь далѣе на востокъ, мы у ингушей еще въ началѣ текущаго столѣтія, какъ видно изъ сообщеній Клапрота, встрѣчаемъ тотъ же обычай частаго оставленія ауловъ и переселенія съ мѣста на мѣсто, о которомъ намъ пришлось, говорить въ примѣненіи къ черкесамъ и осетинамъ [3]). У чеченцевъ эти переселенія сравнительно недавняго происхожденія. По народнымъ преданіямъ чеченцы искони жили въ горахъ, а занимаемая ими нынѣ плоскость къ сѣверу отъ Кавказскаго хребта была покрыта стадами и табунами бродячихъ ногайцевъ, калмыковъ и татаръ. Въ горахъ бытъ чеченцевъ далеко не носилъ характера кочевого. Каждый дворъ воздѣлывалъ съ большимъ

---

1) Миллеръ. Осетинскіе этюды, т. IV, стр. 50 и 51.

2) Сравни Dubois de Montpéreux, т. II, стр 49.

3) Klaproth. Voyage au mont Caucase, т. I, стр. 397.

трудомъ небольшіе клочки способной къ обработкѣ почвы, очищая ихъ предварительно отъ камней. Съ средины XVIII вѣка часть чеченцевъ стала эмигрировать на плоскость. Безпрерывныя столкновенія съ русскими, занимавшими ее въ это время, привило имъ вскорѣ привычку къ частымъ переселеніямъ. При Шамилѣ, сообщаетъ г-нъ Лаудаевъ, нерѣдко бывали случаи, въ которыхъ одно и тоже семейство двадцать разъ подъ рядъ измѣняло свое мѣстожительство, оставляя единственными слѣдами своего пребыванія легкія и далеко не прочныя постройки [1]).

Съ переходомъ еще далѣе на Востокъ и Юго-Востокъ, мы вступаемъ въ область, въ которой частыя переселенія съ мѣста на мѣсто не извѣстны уже давно. Путешественники XVII столѣтія, Олеарій и Тавернье, въ одно слово говорятъ намъ о постоянныхъ поселеніяхъ въ Казикумухскихъ, Аварскихъ, Тарковскихъ и Уцмійскихъ владѣніяхъ. Преимущественное занятіе ихъ жителей составляетъ скотоводство; но оно не устраняетъ собою и земледѣлія въ размѣрахъ достаточныхъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго рынка. Обширныя села смѣняются мало отличными отъ сельскихъ городскими поселеніями, обыкновенно укрѣпленными, и этотъ фактъ самъ по себѣ указываетъ на невозможность частой смѣны жилищъ [2]).

Итакъ, мы вправѣ будемъ сказать, что кочевой бытъ Кавказскихъ горцевъ долженъ быть отнесенъ къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому; а такъ какъ родовое устройство и связанные съ нимъ порядки нераздѣльнаго земельнаго владѣнія продолжаютъ держаться и до сихъ поръ, то необходимо будетъ признать, что переходъ къ осѣдлости не сопровождался у нихъ полнымъ упадкомъ родовой организаціи и аграрнаго коммунизма.

Въ чемъ же, спрашивается, сказывается въ наши дни этотъ аграрный коммунизмъ? У адигейскихъ племенъ въ томъ, что земля считается собственностью или всего племени, или братства съ

---

[1]) Лаудаевъ. Чеченское племя (6-й т., Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 50).

[2]) Олеарій. Путешествіе въ Москву и Персію, кн. 6, гл. 12 изслѣд. Les six voyages de Tavernier, livre troisiéme, chapitre XII.

входящими въ составъ его родами. По показанію Белля, во всемъ согласному съ заявленіями дѣлаемыми барономъ Сталемъ, ни одинъ черкесъ не вправѣ указать на тотъ или другой участокъ какъ на свою собственность; но это не мѣшаетъ ему въ то же время ревниво охранять занятую племенемъ или братствомъ территорію отъ попытокъ сосѣдей перенести на нее свои поселенія или утилизировать отдѣльные участки, какъ пастбища для своихъ стадъ. Каждый черкесскій дворъ вправѣ занять столько земли, сколько ему нужно для посѣва проса или ячменя и выпаса своихъ стадъ; но распорядиться этимъ участкомъ въ формѣ продажи или даренія онъ не можетъ. Сказанное относится по преимуществу къ тѣмъ черкесскимъ племенамъ, которыя живутъ по побережью Чернаго моря; отнюдь не къ кабардинцамъ, племенная собственность которыхъ, доселѣ уцѣлѣвшая по отношенію къ нѣкоторымъ лѣсамъ и пастбищамъ, не устраняетъ дѣленія остальной территоріи на нѣсколько округовъ по числу княжескихъ родовъ или «пшэ». Мы укажемъ впослѣдствіи на какихъ началахъ устроено землевладѣніе въ предѣлахъ этихъ округовъ. Въ настоящее время для насъ достаточно знать, что не вся занятая кабардинцами площадь составляетъ нераздѣльное владѣніе всей націи. Слѣды аграрнаго коммунизма доселѣ живутъ въ рядѣ обычаевъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ слѣдующіе, какъ наиболѣе характерные: право каждаго свободнаго кабардинца, безъ различія сословій, предъявлять къ сосѣдямъ не то ходатайство, не то требованіе о безвозмездной уступкѣ ему той или другой понравившейся ему лошади или скотины. Право это, по словамъ Потоцкаго, въ старые годы примѣняемо было всѣми адигейскими народностями и къ носимому ими платью. Стоило только похвалить при встрѣчѣ ту или другую часть чужой одежды, и лицо, польщенное такой похвалой, считало долгомъ обмѣняться костюмомъ съ хвалителемъ. [1])

Не далѣе какъ шесть, семь лѣтъ назадъ мнѣ пришлось слышать отъ лица, завѣдывавшаго хозяйствомъ князя Атажухина, одною изъ кабардинскихъ пшэ, жалобу на невозможность раз-

---

[1]) Свѣдѣнія эти собраны мною на мѣстѣ во время пребыванія моего въ Атажухиномъ аулѣ отъ управителя кн. Атажухина, г. Кудашева.

вести хорошую породу скота въ виду существованія только-что упомянутаго обычая. Едва по Кабардѣ разносился слухъ о томъ, что у князя завелись стада хорошей породы, то со всѣхъ сторонъ начинали стекаться къ нему гости, которые въ преувеличенныхъ выраженіяхъ начинали прославлять качества той или другой пары быковъ или коровъ, приглашая его тѣмъ самымъ надѣлить ихъ ею.

Не менѣе характеренъ другой обычай адигейскихъ племенъ— обычай добровольнаго обложенія себя каждымъ въ пользу потерпѣвшаго сосѣда. При пожарахъ и наводненіяхъ черкесы охотно спѣшатъ на помощь другъ другу. Разрушенное пламенемъ или водою зданіе въ нѣсколько дней воздвигается вновь совокупнымъ трудомъ сосѣдей. Считается также долгомъ помогать неимущему при покупкѣ имъ жены или при уплатѣ падающаго на него выкупа за преступленіе.

У осетинъ, какъ подробнѣе указано мною въ другомъ мѣстѣ [1]), племенная собственность не оставила никакихъ слѣдовъ. Господствующимъ типомъ землевладѣнія является въ Осетіи дворовая или, что тоже, общинно-семейная собственность.

Пахоти и луга находятся обыкновенно въ нераздѣльномъ владѣніи живущихъ подъ одною кровлею семей; пастбища и лѣса наоборотъ принадлежатъ всѣмъ дворамъ, входящимъ въ составъ одного и того же аула, подчасъ даже нѣсколькихъ ауловъ. Аулы эти въ прежнее время обыкновенно занимаемы были развѣтвленіями одного какого нибудь рода; въ настоящее же время они служатъ мѣстомъ жительства нѣсколькихъ родовъ. Никакія частныя запмки на протяженіи принадлежащей аулу пустоши не считаются дозволенными иначе, какъ съ предварительнаго согласія всего аула. Судебная практика осетинъ представляетъ случаи, въ которыхъ воздвигнутыя въ противность этому правилу постройки подвергаемы были разрушенію со стороны аульныхъ жителей, исполнявшихъ постановленіе общаго схода.

Что касается до картвельскихъ народностей, то занесенныя судьбою въ узкія горныя долины, не представляющія простора для развитія обширныхъ территоріальныхъ общинъ, онѣ рано вы-

---

[1]) Соврем. обыч. и древн. зак., т. I, гл. Имущ. отн. осетинъ.

работали у себя типъ если не частной, то дворовой собственности. О ней упоминается уже въ путешествіи Шардена.

Вся Мингрелія, сообщаетъ этотъ путешественникъ, не знаетъ ни селъ, ни городовъ, если не говорить о двухъ деревняхъ, расположенныхъ на берегу моря. Усадьбы жителей разбросаны на протяженіи всей страны; трудно сдѣлать тысячу шаговъ, не встрѣтивъ трехъ или четырехъ близко-лежащихъ другъ отъ друга дворовъ. Въ этихъ дворахъ мингрельцы живутъ только въ мирное время; при набѣгахъ же сосѣдей они ищуть убѣжища въ особыхъ крѣпостцахъ или городищахъ, доступъ къ которымъ заслоненъ плетнями и наваленнымъ по дорогѣ лѣсомъ. [1]).

Система дворовыхъ поселеній, нерѣдко принимающихъ форму хуторовъ и пересѣкаемыхъ лишь рѣдкими селеніями, доселѣ встрѣчается у сванетъ, хевсуръ, пшавовъ и тушинъ.

Рѣдкость годной къ обработкѣ земли и необходимость большей относительно затраты капитала и труда на ея воздѣлываніе — причины тому, что способная къ утилизаціи площадь находится у нихъ всецѣло въ подворномъ владѣніи и нераздѣльную собственность одного или нѣсколькихъ родовъ составляютъ только пастбища и лѣса.

Семейная община или дворъ является также обычнымъ собственникомъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ участковъ—одинаково среди ингушей, чеченцевъ и разнообразнѣйшихъ народностей, населяющихъ собою Дагестанъ. Способная къ обработкѣ площадь, съ трудомъ освобожденная отъ покрывающихъ ее камней, часто окружается у чеченцевъ каменными оградами. [2]) Покидая по причинѣ безземелія свои расположенныя въ горахъ усадьбы, отдѣлившаяся отъ рода вѣтвь не оставляетъ ихъ въ неограниченную собственность прочихъ членовъ «тайпы», т. е. рода, но позволяетъ пользованіе подъ условіемъ платежа ей особаго взноса, именуемаго «беръ». [3])

Только неспособная къ земледѣльческой утилизаціи площадь,

---

[1]) Chardin. Journal du Voyage. Londres. 1686, p. 77.

[2]) Клапротъ, т. I, стр. 404.

[3]) См. Лаудаевъ, VI вып. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 15.

да дикорастущій лѣсъ остаются у чеченцевъ, какъ общее правило, въ нераздѣльномъ владѣніи. [1])

У горцевъ Дагестана, какъ и у лезгинъ закатальскаго округа, совмѣстное владѣніе пастбищами и лѣсами встрѣчается бокъ-о-бокъ съ подворной собственностью въ примѣненіи къ пахоти и лугамъ. Никто не вправѣ дѣлать заимки въ общинной пустошѣ и лѣсѣ, не получивъ на то предварительнаго согласія всей общины. Весьма характерны въ этомъ отношеніи слѣдующіе приговоры закатальскаго народнаго суда, записанные мною въ бытность мою въ округѣ. Житель селенія Бѣлоканы махмедъ али курбанъ оглы жалуется на захватъ сосѣдомъ его «ахо» или земли, полученной отъ расчистки лѣса. По справкамъ оказывается, что спорный участокъ подвергся корчеванію безъ разрѣшенія «векилей» общества (т. е. сельскихъ начальниковъ въ немъ). Постановлено: отобрать землю у истца и передать ее обществу. [2]) Другой случай: жалоба подается на самихъ векилей, которые обвиняются въ присоединеніи къ общественной землѣ звилки (ахо), сдѣланной истцемъ. Такъ какъ судебное слѣдствіе выяснило, что жалобщикъ произвольно открылъ свое ахо, то постановлено удержать его расчистку за обществомъ. [3])

Все сказанное нами доселѣ оправдываетъ, кажется, тотъ общій выводъ, что родовые порядки не предполагаютъ необходимо господства одной какой либо формы землевладѣнія, что нельзя поэтому говорить о родовыхъ порядкахъ, какъ исключающихъ по существу всякій другой видъ собственности кромѣ той, участниками которой являются члены одного и того же рода. Характеръ мѣстности, служащей для поселенія родовыхъ группъ, во многомъ обусловливаетъ ихъ отношеніе къ землѣ. Тамъ, гдѣ, какъ на кабардинскай плоскости, природа не установила особыхъ границъ для территоріальнаго распространенія отдѣльныхъ родовъ, тамъ возможно удержаніе, какъ племенной

---

[1]) См. Экономическій и домашній бытъ жителей горскаго участка Ингушевскаго округа, Грабовскаго, III-й вып. Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 13.

[2]) Дѣло разбиравшееся въ Закатальскомъ народн. судѣ 2 марта 1878 г

[3]) Дѣло отъ 12 марта 1878 г.

или народной, такъ и «братской» собственности. Наоборотъ тамъ, гдѣ роды по причинѣ тѣсноты долинъ принуждены занять своими вѣтвями нерѣдко замкнутыя другъ отъ друга мѣстности, тамъ распространеннымъ типомъ собственности является не родовая, а дворовая; но чего мы нигдѣ не встрѣчаемъ—такъ это подавляющаго господства частной собственности, сосредоточенной въ рукахъ отдѣльныхъ паръ или индивидуальныхъ семей. Другой выводъ, на который наводитъ изученіе фактовъ кавказскаго землевладѣнія — это отсутствіе между общинно-родовымъ и общинно-сельскимъ землевладѣніемъ той строгой грани отличія, какая проводится обыкновенно изслѣдователями германскихъ, кельтическихъ или славянскихъ древностей. Очевидно, что если видѣть въ родѣ группу лицъ, имѣющихъ общаго родоначальника и отличающихся единствомъ происхожденія, а въ сельской общинѣ — связанныхъ отношеніями сосѣдства и совладѣнія членовъ разныхъ родовъ, то различіе между обоими сведется къ тому, какое существуетъ между кровнымъ и территоріальнымъ союзомъ, между развѣтвившейся семьею и землевладѣльческой артелью. Но если, придерживаясь данныхъ кавказской этнографіи, видѣть въ родахъ экзогамическіе союзы съ общимъ ихъ членамъ родовымъ культомъ и коллективнымъ владѣніемъ занятой ими площади, а въ сельскихъ общинахъ эндогамическіе союзы, члены которыхъ связаны однимъ фактомъ совладѣнія, то различіе между обоими и самый процесъ ихъ обособленія другъ отъ друга прійдется искать далеко не въ томъ, въ чемъ ихъ искали доселѣ.

Поселеніе въ одной мѣстности членовъ разныхъ родовъ, въ которомъ видѣли источникъ происхожденія сельской общины, можетъ и не имѣть такого послѣдствія. Усыновленный черкескимъ родомъ чужеродецъ, устраивая свою жизнь въ родовомъ поселкѣ, не измѣняетъ еще тѣмъ характера этого поселка; точно также какъ присоединившійся къ сильному роду или «тохуму» слабый родъ не становится въ Дагестанѣ причиною, по которой родъ переходитъ въ сельскую общину, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ между соединяющимися въ одно цѣлое индивидами и группами устанавливается и общность культа, и общность брачныхъ запретовъ. Ни того, ни другого не бываетъ

тогда, когда принадлежащія къ разнымъ родамъ семьи, не становясь членами общаго братства, въ то же время селятся бокъ-о-бокъ и оставляютъ въ общемъ владѣніи часть занятой ими мѣстности.

Возникшее такимъ порядкомъ селеніе тѣмъ отличается отъ родоваго поселка, что населяющія его семьи придерживаются каждая своего домашняго культа и, въ то же время, свободно вступаютъ другъ съ другомъ въ брачное общеніе. Мы не ошибемся поэтому, если скажемъ въ заключеніе, что различіе между родомъ и сельской общиной сводится во 1-хъ къ тому, что первый является не только экономическимъ, но и религіознымъ союзомъ, и во 2-хъ къ тому, что родъ обязательно придерживается началъ экзогаміи, которая для сельской общины необязательна.

Данныя кавказскаго землевладѣнія поучительны еще въ томъ отношеніи, что показываютъ, что система періодическнго передѣла полей, которую большинство изслѣдователей еще недавно соединяло съ древнѣйшими порядками собственности, на самомъ дѣлѣ нимало ни отвѣчаетъ этому представленію. Мы встрѣчаемъ у черкесовъ и кабардинцевъ существованіе племенной, братской и родовой собственности на землю и рядомъ съ этимъ господство переложной системы хозяйства—этой первобытнѣйшей формы земледѣлія; и въ то же время передѣлы, возобновляемые въ разъ навсегда опредѣленные сроки, совершенно неизвѣстны этимъ народностямъ. У чеченцевъ и ингушей господство нераздѣльно-семейнаго или подворнаго владѣнія землею также исключаетъ собою всякую мысль о передѣлахъ. Съ этими передѣлами мы встрѣчаемся только въ плоскостной части Грузіи, сельско хозяйственныя условія которой очевидно отнюдь не могутъ быть названы болѣе архаичными, чѣмъ черкесскія или осетинскія.

Такимъ образомъ и по этому вопросу данныя кавказовѣдѣнія являются новымъ подтвержденіемъ тѣхъ выводовъ, которые установлены сравнительной этнографіей, доказывающей, какъ мы видѣли выше, что на низшихъ ступеняхъ общественности мѣсто сельской общины съ періодически-передѣляемыми полями занимаетъ община семейная, чуждая передѣловъ и придерживающаяся началъ полнаго имущественнаго коммунизма не только въ сферѣ производства, но и въ сферѣ потребленія.

Едва ли не самымъ спорнымъ вопросомъ въ теоріи родового быта является вопросъ о томъ, какой характеръ носила современная ему организація суда и управленія.

У первыхъ по времени историковъ германскаго права, у Эйхгорна, Филипса и Рогге, какъ и у представителей теоріи родового быта въ древнѣйшей исторіи русскихъ и западныхъ славянъ, обыкновенно говорится о родовыхъ старѣйшинахъ и народныхъ собраніяхъ, какъ о первыхъ органахъ правительственной и судебной власти. Только въ новѣйшее время параллельное изученіе древне-кельтическаго и германскаго права навело нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль о томъ, что выбираемый сторонами посреднический судъ, пожалуй, долженъ быть признанъ болѣе старинной формой отправленія правосудія. Суды ирландскихъ брегоновъ и франкскихъ рахимбурговъ подведены были подъ понятіе посредническаго суда; но ни у кого, быть можетъ, этотъ взглядъ на древнѣйшій характеръ суда не проведенъ съ такой обстоятельностью и полнотою, какъ въ недавно-отпечатанной монографіи Деклярёля, озаглавленной «судъ у первобытныхъ народовъ» [1]).

Въ своихъ заключеніяхъ авторъ руководствуется, какъ онъ самъ говоритъ, между прочимъ тѣмъ матеріаломъ, какой для рѣшенія этого вопроса даютъ ему обнародованныя мною свѣдѣнія объ осетинскомъ процессѣ. Я полагаю, что авторъ не ошибается, высказывая ту мысль, что данныя кавказской этнографіи призваны пролить яркій свѣтъ на характеръ суда въ эпоху господства родовыхъ порядковъ. Вотъ въ частности тѣ выводы, какіе могутъ быть сдѣланы на основаніи ихъ по занимающему насъ вопросу.

Обычному праву родовыхъ общинъ извѣстно одновременное существованіе двухъ видовъ подсудности: первая обнимаетъ собой преступленія, проступки и правонарушенія, совершенные въ родственной средѣ; эти въ свою очередь распадаются на такіе, при которыхъ обидчикъ и обиженный являются членами одного и того двора, и на такіе, при которыхъ

---

[1]) Revue historique de droit français et étranger за 1889 г., первые три выпуска.

обидчикъ и обиженный состоятъ членами разныхъ дворовъ. Первые разбираются тѣмъ самымъ лицомъ, въ рукахъ котораго находится завѣдываніе религіозными и имущественными интересами двора. Лицо это занимаетъ у черкесовъ, чеченцевъ, осетинъ и грузинскихъ горцевъ то самое положеніе, какое въ югославинскихъ задругахъ принадлежитъ «домачину», а въ великорусскихъ большихъ семьяхъ «набольшему». Старшинство по лѣтамъ обыкновенно указываетъ осетинскому «каау» и черкесскому «оггъ», или что̀ тоже двору или семейной общинѣ, кого поставить во главѣ себя. Только при неспособности старшаго по возрасту слѣдуетъ выборъ старѣйшины со стороны всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ двора. Власть старѣйшины далеко не является деспотической: онъ не болѣе, какъ первый между равными; постановляемые имъ приговоры не являются его единоличными рѣшеніями, а обыкновенно предлагаются на обсужденіе всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ управляемой имъ семейной общины.

Изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ удержалось начало семейнаго коммунизма, гдѣ, какъ напримѣръ у осетинъ и ингушей, встрѣчаются дворы, обнимающіе собою цѣлые десятки семей, власть мужа надъ женой и отца надъ дѣтьми далеко не является столь произвольной, какъ въ тѣхъ малыхъ семьяхъ, въ которыхъ она не встрѣчаетъ ограниченій со стороны семейнаго старѣйшины и семейнаго совѣта. Неудивительно поэтому, если у ингушей и вообще у чеченцевъ, у которыхъ еще Рейнегсъ отмѣтилъ существованіе дворовъ съ сорока и пятидесятью членами въ каждомъ, дѣти пользуются гораздо большей независимостью, нежели въ Чечнѣ напримѣръ, гдѣ болѣе распространена малая семья и гдѣ до послѣдняго времени отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими домочадцами [1]). О характерѣ тѣхъ дѣлъ, какія подлежатъ разбирательству дворового старѣйшины и окружающаго его совѣта родственниковъ, можно судить по нѣкоторымъ примѣрамъ; дворовый старѣйшина принуждаетъ мужа прогнать виновную въ невѣрности жену и

---

[1]) См. Берже. Чечня и чеченцы. Тифлисъ. 1859 г., стр. 92 и 93.

произноситъ надъ лицомъ, виновнымъ въ отце- и братоубійствѣ, приговоръ отверженія.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ физическія условія не являлись препятствіемъ къ поселенію бокъ-о-бокъ отдѣльныхъ развѣтвленій одного и того же рода, на ряду съ старѣйшинами отдѣльныхъ дворовъ мы встрѣчаемъ и родовыхъ старшинъ. Нельзя связывать съ этимъ понятіемъ представленія о какой-то избирательной или наслѣдственной должности съ разъ-навсегда установленными обязанностями и правами. Старѣйшинами въ родѣ считались всѣ тѣ, которые своимъ возрастомъ, своею воинскою доблестью и смѣлыми набѣгами, своей мудростью и справедливостью успѣвали снискать себѣ довѣріе своихъ собратій.

Испрашиваніе ихъ совѣтовъ, добровольное подчиненіе ихъ третейскому разбирательству—вотъ каковы проявленія признаваемаго за ними чисто-нравственнаго, а не юридическаго авторитета. Еще въ большей степени, чѣмъ старѣйшины отдѣльныхъ дворовъ, родовые старшины могли смотрѣть на себя, какъ на первыхъ между равными. Ихъ первенствующее значеніе сказывалось съ особою силою на тѣхъ родовыхъ сходахъ, на которыхъ между прочимъ разбирались и судились случаи столкновеній между отдѣльными дворами—случаи, поводъ къ которымъ могли дать и раздѣлъ совмѣстно награбленной добычи, и пользованіе принадлежащей всѣмъ дворамъ совмѣстно родовой землею. Право исключенія изъ рода порочныхъ членовъ, присутствіе которыхъ являлось постоянной угрозой мирному сожитію его съ другими родами [1]), обсужденіе общихъ мѣръ къ отмщенію нанесенныхъ роду обидъ, а также къ уплатѣ причитающагося

[1]) Дагестанскіе тохумы или роды осуществляли это право на своихъ сходахъ; объ этомъ прямо говорятъ постановленія кайтопскаго Уцмія Рустемъ хана, современника Олеарія (см. путешествія Олеарія въ Московію и Персію въ 1633 и 39 годахъ, переводъ Барсова, стр. 976). Въ этомъ первомъ по времени письменномъ памятникѣ кавказскаго обычнаго права значится, что родственники могутъ убить своего порочнаго собрата, а тѣмъ болѣе исключить его изъ своей среды; тохумъ, невоспользовавшійся этой возможностью, отвѣчаетъ за все, что будетъ сдѣлано предосудительнаго его безпокойнымъ сочленомъ. (См. I томъ Сб. свѣд. о кавк. горц., стр. 87).

съ него выкупа за убійства, раненія и другія преступленія, совершенныя лицами изъ его среды, рѣшеніе такихъ существенныхъ для рода вопросовъ, какъ вопросъ о вступленіи его въ братство съ другими родами, или о заключеніи имъ съ ними временныхъ наступательныхъ и оборонительныхъ союзовъ — таковы тѣ дѣла, которыя входятъ въ компетенцію родовыхъ собраній. Собранія эти носили у осетинъ названіе «нихасовъ». Адигейскимъ народностямъ они извѣстны подъ наименованіемъ «зиуча».

Баронъ Сталь въ слѣдующихъ словахъ описываетъ намъ родовое устройство у абазеховъ, шапсугъ, убыховъ и другихъ черкесскихъ народностей, расположенныхъ къ сѣверу отъ главнаго хребта неподалеку отъ Чернаго моря. «Каждая родовая община («псухо») управляется своею мірскою сходкою; на этой сходкѣ большимъ вліяніемъ пользуются почетные старшины, «тамата»; простой народъ обыкновенно только присутствуетъ на ней, но рѣшающаго голоса не имѣетъ» [1]).

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ отдѣльные роды входятъ въ составъ болѣе обширныхъ соединеній—братствъ, права родовыхъ собраній переносятся на собраніе всего братства или «тлеуща» Братство подобно роду имѣетъ своихъ старѣйшинъ или такъ-называемыхъ «тамата», юрисдикція которыхъ въ спорахъ, возникающихъ между отдѣльными братствами, носитъ скорѣе факультативный, нежели обязательный характеръ. Каждый разъ, когда старшинамъ, «тамата», не удается примирить враждующихъ, они обращаются къ назначенію спеціальныхъ посредниковъ.

При самостоятельности отдѣльныхъ родовъ и братствъ,—самостоятельности, которая до начала сороковыхъ годовъ съ особенною наглядностью выступала въ средѣ приморскихъ черкесовъ и была удержана чеченцами до времени ихъ добровольнаго подчиненія Шамилю,—споры, поводъ къ которымъ даютъ обиды нанесенныя членомъ одного рода члену другаго, не могли имѣть другихъ послѣдствій кромѣ самосуда родовъ. Этотъ самосудъ принималъ двоякую форму, смотря по характеру самой обиды.

---

[1]) См. Адаты кавказскихъ горцевъ, т. I, стр. 192.

Обиды имущественныя, къ числу которыхъ горцы относятъ не только случаи неисполненія принятыхъ обязательствъ, но и случаи насильственнаго или тайнаго присвоенія себѣ чужой собственности (воровства), давали поводъ къ имущественному самоуправству. Самъ обиженный или любой изъ членовъ его рода имѣлъ право обратиться къ насильственному захвату имущества обидчика или любого изъ членовъ его рода. Предметами этого захвата являлись обыкновенно стада овецъ и табуны лошадей. Такая допускаемая обычаемъ самопомощь извѣстна на западномъ Кавказѣ подъ наименованіемъ «баранты», а на восточномъ «ишкиля». Постановленіе кайтагскаго уцмія Рустема упоминаетъ о ней, какъ объ общераспространенномъ явленіи.

Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ намъ порядокъ производства этого легализированнаго обычаемъ захвата г. Берже въ своей извѣстной монографіи о «Чечнѣ и чеченцахъ». «Адатъ предоставляетъ обиженному право во всякое время украсть у обидчика лошадь или какую либо цѣнную вещь. Онъ предоставляетъ похищенные имъ предметы старикамъ, которые, оцѣнивъ ихъ, выдѣляютъ ему ту долю, на которую онъ имѣетъ право, остальное же возвращаютъ хозяину» [1]).

Въ томъ видѣ, въ какомъ обычай «баранты» выступаетъ въ бытѣ чеченцевъ, родовая отвѣтственность уже отодвинута на задній планъ, и мѣсто ея занимаетъ отвѣственность одного обидчика. Но въ «постановленіяхъ кайтагскаго уцмія Рустема» вполнѣ удержанъ еще за «ишкилемъ» и за «барантою» первоначальный характеръ самоуправства, грозящаго имущественному составу всего рода. «Брать баранту слѣдуетъ съ тѣхъ, кто не отдѣлился отъ тохума (т. е. рода) отвѣтчика» [2]),—значится въ этихъ постановленіяхъ; другими словами—съ любого изъ членовъ одного съ отвѣтчикомъ рода, такъ какъ отдѣленіе отъ тохума, т. е. формальный выходъ изъ него, одинъ освобождаетъ отъ отвѣтственности.

Обычай прибѣгать къ насильственному захвату чужаго иму-

---

[1]) Берже, стр. 104.

[2]) Адаты и судопроизводство по нимъ. Комарова, стр. 86 (I вып. Сб. свѣд. о кавк. горц.).

щества съ цѣлью возмѣщенія вреда, причиненнаго воровствомъ или невозвращеніемъ долга, извѣстенъ также всѣмъ картвельскимъ народностямъ Кавказа. Тавернье [1]) говоритъ о немъ, какъ о явленіи широко распространеннымъ въ Грузіи; а Вахтангъ принимаетъ тщетныя мѣры къ его запрещенію. Въ Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи первое, что̀ дѣлаетъ хозяинъ украденной скотины, это захватить у подозрѣваемаго имъ вора все, что̀ попадется ему подъ руку. Обвиняемый обязанъ очистить себя присягой отъ подозрѣнія. Сдѣлалъ онъ это—захваченное у него имущество снова поступаетъ въ его пользу. Въ противномъ случаѣ предоставляется выдѣлить изъ захваченнаго имущества столько, сколько нужно для покрытія причиненныхъ хозяину убытковъ и положенной пени (обыкновенно равной шесть разъ взятой стоимости украденнаго); излишекъ возвращается вору [2]).

Всякому, кто знакомъ съ содержаніемъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, самоуправный захватъ, практикуемый горцами съ цѣлью удовлетворенія гражданской претензіи порожденной имущественнымъ преступленіемъ или простымъ неплатежемъ долга, представится чѣмъ-то вполнѣ знакомымъ. Это тотъ-же способъ возстановленія нарушеннаго права, какимъ занимается «Книга древняго закона Ирландцевъ» (Сенхусъ Моръ), и который подъ именемъ «Грабованія» унаслѣдованъ былъ Малороссами отъ Поляковъ [3]).

Насколько имущественныя обиды даютъ поводъ къ проявленію легализированнаго обычаемъ самоуправнаго захвата, на столько личныя вызываютъ кровомщеніе. Выраженіе личная обида невѣрно передаетъ то представленіе, какое горцы связываютъ съ такими видами преступныхъ дѣйствій, какъ убійство, увѣчье, раненіе и оскорбленіе семейной нравственности и чести. Такія обиды могутъ быть названы личными лишь въ смыслѣ противоположенія ихъ имущественнымъ, такъ какъ въ глазахъ горца обиженнымъ является каждый разъ не частное лицо, но весь

---

[1]) Les six voyages de M. Tavernier.

[2]) Свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ.

[3]) О «гробованіи», см. культурно-историческіе этюды г. Сумцова въ Кіевской Старинѣ за 1889 годъ.

его родъ, и кровомщеніе составляетъ обязанность не однихъ ближайшихъ родственниковъ-наслѣдниковъ, но всѣхъ и каждаго, кто входитъ въ составъ одной съ ними родовой группы. Таковы по крайней мѣрѣ:—исходная точка зрѣнія на кровную месть, причины, вызывающія ее къ жизни, и налагаемыя ею обязательства. Горцы со временемъ отступили отъ такого взгляда на нее главнымъ образомъ подъ вліяніемъ писаннаго закона магометанъ—Шаріата, отчасти также по причинѣ всѣми сознаваемой необходимости положить предѣлъ неограниченности кровомщенія, грозившей въ конечномъ исходѣ полнѣйшимъ истребленіемъ враждующихъ родовъ. На первыхъ порахъ всякая личная обида, хотя бы вызванная необходимостью самозащиты, неосторожностью или случаемъ, равно имѣла своимъ послѣдствіемъ кровную месть. Уклониться отъ мщенія, допустить обидчика къ выкупу грозящаго ему возмездія—признаваемо было позоромъ. Со временемъ установилось воззрѣніе, что убійства и раненія, сдѣланныя въ необходимой оборонѣ, убійство вора или грабителя въ моментъ совершенія имъ преступнаго дѣйствія, какъ и убійство застигнутаго на мѣстѣ прелюбодѣя—не даютъ повода къ возмездію; что въ примѣненіи кровомщенія къ требующимъ мести обидамъ должна быть установлена извѣстная градація; что размѣръ возмездія измѣряется величиною обиды; и что неосторожныя и случайныя дѣйствія, какъ бы значителенъ ни былъ причиненный ими вредъ, подлежатъ возмездію въ меньшей степени, чѣмъ обиды предумышленныя. Первоначально прощеніе обидъ, какъ не согласное съ тѣми религіозными обязательствами какими живущія поколѣнія связаны съ усопшими, не было предоставлено доброй волѣ самыхъ мстителей; позднѣе выработалось воззрѣніе, что душа того, чья обида дастъ поводъ къ мщенію, готова удовольствоваться простымъ признаніемъ обидчикомъ его вины и готовностью его искупить ее добровольнымъ посвященіемъ себя обиженной имъ тѣни. Осетинскій обычай уже знаетъ прощеніе убійцы добровольно приходящаго на могилу убитаго человѣка и формально заявляющаго о томъ, что онъ отнынѣ всецѣло посвящаетъ себя ему.

Въ Дагестанѣ весьма употребителенъ слѣдующій способъ достигнуть примиренія съ родомъ обиженнаго: облеченный въ бѣ-

лый саванъ, съ распущенными волосами и висящимъ при поясѣ топоромъ, обидчикъ въ сопровожденіи своихъ близкихъ является въ домъ ближайшаго родственника своей жертвы. Лицо, къ которому онъ явился, совершаетъ надъ нимъ обрядъ, по своему характеру напоминающій постриженіе и прощаетъ ему затѣмъ его обиду. Прощеніе обидъ не всегда безвозмездно. Обычай считаетъ, правда, постыднымъ принимать выкупъ съ прелюбодѣя, но онъ допускаетъ «выкупъ крови», т. е. требованіе платы за убійства, увѣчья и раненія, прилагая къ этимъ выкупамъ то же правило о соразмѣрности ихъ съ виною, какое ранѣе этого выставлено было по отношенію къ самой мести. Слѣдуя этому требованію, обычай родовыхъ сообществъ Кавказа опредѣляетъ за неосторожныя и случайныя убійства—платежи въ два раза меньшіе противъ тѣхъ, какіе полагаются за предумышленныя, и придерживается той же пропорціи въ случаяхъ непредумышленныхъ увѣчій. Уже изъ сказаннаго видно, что величина слѣдуемаго съ виновнаго платежа не является чѣмъ-то неизмѣннымъ. Чтобы опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ размѣръ причитающагося съ обидчика выкупа необходимымъ представляется посредничество безпристрастнаго лица, выборъ котораго происходитъ съ обоюднаго согласія какъ стороны обидѣвшей, такъ и обиженной. Такъ какъ подобное согласіе не легко достижимо, то весьма распространенной является слѣдующая практика: каждая сторона назначаетъ своего посредника, одного или нѣсколькихъ, но всегда въ равномъ числѣ. При невозможности единогласнаго рѣшенія выбранныя сторонами посредники передаютъ свои права третьему лицу, которое затѣмъ и постановляетъ свой приговоръ. Рѣшеніе посредниковъ по самой природѣ своей не имѣетъ ничего обязательнаго. Если осужденная сторона не согласится его исполнить, то пріостановленное на время кровомщеніе оживаетъ снова.

Обычному праву горцевъ свойственно тѣмъ не менѣе стремленіе придать обязательную силу постановляемымъ приговорамъ. Съ этой цѣлью осетины требуютъ или предварительнаго назначенія сторонами поручителей въ томъ, что приговоръ будетъ ими исполненъ, или частичнаго выполненія самого приговора до момента провозглашенія его посредниками. Благодаря

такому частичному выполненію, приговоръ принимаетъ для сторонъ характеръ добровольно-заключеннаго ими реальнаго обязательства. Нѣкоторыя народности Кавказа идутъ еще далѣе въ своемъ стремленіи обратить посредническій приговоръ изъ факультативнаго въ обязательный. По словамъ г. Грабовскаго, въ Кабардѣ въ прежнее время существовалъ обычай, по которому убійца почему либо несоглашавшійся заплатить опредѣленную посредниками плату преслѣдовался цѣлымъ обществомъ и отдавался въ полное распоряженіе семьѣ потерпѣвшаго [1]).

Тѣ же причины, которыя вызывали необходимость посредничества въ случаяхъ личныхъ обидъ, обнаруживали свое дѣйствіе и при обидахъ имущественныхъ. Ничемъ неограниченый произволъ при совершеніи имущественнаго захвата неизбѣжно имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ междуродовую рознь и вражду.

Каждый разъ, когда размѣръ захваченнаго имущества превышалъ сумму долга, должникъ, считая себя обиженнымъ, вправѣ былъ бы примѣнить къ своему кредитору тотъ же порядокъ самоуправнаго захвата, какой былъ приложенъ къ нему самому. Чтобы избѣжать непрекращающейся цѣпи самоуправствъ естественно было предоставить выборному сторонами посреднику рѣшеніе вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ сдѣланный захватъ покрываетъ имущественную претензію захватчика, и не слѣдуетъ ли вернуть должнику часть конфискованной у него собственности. Мы видѣли образецъ подобныхъ порядковъ въ бытѣ ингушей и хевсуръ; самоуправство еще предшествуетъ у нихъ постановкѣ посредническаго приговора. Но, очевидно, нѣтъ причинъ, по которымъ съ обоюднаго согласія сторонъ оно не могло бы быть отложено до времени, слѣдующаго за приговоромъ. Однажды будетъ установленъ подобный ходъ дѣла—посредничество сдѣлается нормальнымъ порядкомъ разбирательства имущественныхъ обидъ, а самоуправство изъ обыкновеннаго—чрезвычайнымъ способомъ удовлетворенія имущественныхъ претензій, чрезвычайнымъ въ томъ смыслѣ, что обращеніе къ нему дозволено будетъ лишь при нежеланіи осужденной стороны

---

[1]) Очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ Кабардинскомъ округѣ, стр. 31, IV-го вып. Сб. свѣд. о кавк. горц.

подчиниться рѣшенію судей-посредниковъ. Мы имѣли до сихъ поръ въ виду лишь тотъ видъ посредническаго суда, при которомъ каждая новая тяжба вызываетъ назначеніе новыхъ разбирателей. Но нѣтъ причинъ, по которымъ обычай противился бы однообразному обращенію тяжущихся сторонъ къ разбирательству тѣхъ родовыхъ старшинъ, о которыхъ мы имѣли случай говорить выше. Обращеніе къ нимъ можетъ быть или непосредственнымъ, или ему можетъ предшествовать судъ выборныхъ сторонами посредниковъ, — судъ, рѣшеніемъ котораго они остались недовольны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково возникаютъ условія, благопріятныя образованію постоянной судебной власти. Наступленіемъ этихъ условій объясняется между прочимъ происхожденіе власти Кайтагскихъ уцміевъ, первоначально избиравшихся народомъ судей, которые съ XVII вѣка, не безъ содѣствія персидскихъ шаховъ снабжавшихъ ихъ своими фирманами, пріобрѣтаютъ характеръ верховныхъ судей, передающихъ свою власть изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Кавказская этнографія нимало не подтверждаетъ ходячаго ученія о томъ, что на раннихъ ступеняхъ общежитія судебная власть составляетъ аттрибутъ всего собравшагося на сходку народа.

Все, что̀ извѣстно намъ изъ горскихъ адатовъ объ участіи народа въ судѣ, говоритъ о его чисто-пассивной роли. Посредничество не требуетъ необходимо публичности и гласности. Присутствія на судѣ тяжущихся, какъ могущаго повлечь за собою кровавыя схватки между враждующими родами, народный обычай всячески старается избѣжать. Съ этою цѣлью осетины издревле отводятъ для засѣданій своихъ посредниковъ узкую площадку, расположенную въ Дагомѣ между двумя уходящими вглубь ущельями, въ которыхъ и скрываются ищущіе примиренія роды. Такой порядокъ представляетъ двойное удобство: тяжущіеся не попадаютъ на глаза другъ другу, чѣмъ избѣгается возможность предписуемаго обычаемъ кровопролитія; въ то же время близость сторонъ къ суду облегчаетъ посредникамъ веденіе переговоровъ о соглашеніи.

Не будучи народнымъ, судъ горцевъ своимъ посредническимъ

характеромъ служитъ прототипомъ для организаціи политической власти между ищущими единенія родами. Въ минуты одинаково-сознаваемой всѣми опасности и необходимости отвратить ее общими усиліями, отдѣльные роды нерѣдко искали объединенія своей дѣятельности путемъ установленія постоянныхъ союзовъ. Кому же въ этомъ случаѣ ввѣряли они заботу о руководительствѣ общими дѣлами? Никому иному, какъ выбраннымъ каждымъ родомъ посредникамъ, которые, сходясь на общіе совѣты, постановляли обязательные для всѣхъ родовъ рѣшенія. Если простой народъ и присутствовалъ на этихъ собраніяхъ, то не потому, что принималъ самъ дѣятельное участіе въ обсужденіи дѣлъ, а потому, что призывался принесть присягу въ строгомъ исполненіи того, что̀ рѣшено будетъ его старшинами. У тѣхъ изъ адигейскихъ племенъ, у которыхъ княжеская власть является слабо-выработанной, по словамъ барона Сталя, придерживаются на этотъ счетъ слѣдующихъ порядковъ: «когда избранные уполномоченные старшины обсудятъ и рѣшатъ предложенный вопросъ, старшій между ними по лѣтамъ и почету сообщаетъ собранному у подножія кургана народу, чѣмъ рѣшено дѣло. Если народъ согласенъ съ рѣшеніемъ старшинъ, то подаютъ коранъ и народъ пообщинно присягаетъ исполнить свято это рѣшеніе. Послѣ присяги эфендій составляетъ «дефтеръ», т. е. текстъ послѣдовавшаго соглашенія; присутствующіе прикладываютъ къ нему печати («мухоръ») или пальцы, смоченные въ чернила, и съ этого времени дефтеръ получаетъ обязательную силу» [1]).

Что̀ касается до тѣхъ адигейскихъ племенъ, у которыхъ княжеская власть является вполнѣ-выработанной, и въ частности до кабардинцевъ, то у нихъ, по вѣрному замѣчанію г. Леонтовича, народныя собранія состояли исключительно изъ князей и узденей; остальные же члены родовъ только присутствовали на сходахъ родовой знати, но не надѣлены были правомъ голоса. Вѣчевыя права присвоены были свободнымъ простолюдинамъ лишь съ прошлаго вѣка. Крестьяне же до временъ рус-

---

[1]) Леонтовичъ. Адаты, стр. 196, тома I-го.

скаго владычества и освобожденія ихъ изъ неволи не принимали дѣятельнаго участія въ народныхъ собраніяхъ [1]).

То обстоятельство, что одна изъ статей составленнаго Рустемъ-ханомъ въ началѣ XVII вѣка сборника дагестанскихъ адатовъ выставляетъ требованіе: «всѣ должны говорить единогласно, кто же будетъ противорѣчить обществу, домъ того разрушать, а самого изгонять» [2]);—не позволяетъ сомнѣваться, что и въ Дагестанѣ дѣятельное участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ отнюдь не было предоставлено народу. Въ старинныхъ отчетахъ о бытѣ черкесовъ совершенно отсутствуютъ упоминанія объ организаціи народныхъ собраній. У Стрюйса, на котораго есть ссылка въ сочиненіи г. Леонтовича, на самомъ дѣлѣ говорится не о племенныхъ собраніяхъ черкесовъ съ опредѣленными политическими функціями, а о религіозныхъ собраніяхъ, цѣлью которыхъ бываетъ совмѣстное жертвоприношеніе [3]). Въ новѣйшихъ же описаніяхъ народныхъ сходовъ, къ числу которыхъ я отнесу тѣ, которые даетъ намъ Кохъ и Дубровинъ, народныя собранія изображены красками довольно близкими къ тѣмъ, какими средневѣковые памятники рисуютъ «мартовскія и майскія поля» франкской монархіи. Всякое предложеніе, говоритъ послѣдній изъ названныхъ мною писателей, выходило отъ владѣльцевъ, князей и старшинъ. Условясь между собою относительно рѣшенія, они предлагали его на сужденіе узденей, а уздени въ свою очередь простонародью, которое могло только принять или отвергнуть уже готовое рѣшеніе [4]). Князья, прибавляетъ Дубровинъ, занимали такимъ образомъ на собраніи первое мѣсто и обыкновенно имѣли рѣшающее вліяніе на его постановленія; но для этого необходимо было, чтобы князь пользовался репутаціею рыцаря и имѣлъ даръ слова. Такой князь пріобрѣталъ въ средѣ своихъ согражданъ названіе Лтегубзыгъ, что въ переводѣ значитъ «языкъ народа» [5]). Поста-

---

[1]) Леонтовичъ, т. I, стр. 380.
[2]) Комаровъ. Адаты и судопроизводство по нимъ, стр. 87.
[3]) См. Struys, стр. 169.
[4]) См. Дубровинъ, стр. 236 и 237.
[5]) См. Кохъ, стр. 359.

повленія, дѣлаемыя собраніемъ, могли касаться самыхъ разнообразныхъ вопросовъ; между ними вопросы войны и мира стояли всегда на первомъ планѣ; споры между общинами изъ-за границъ ихъ владѣній также входили въ компетенцію собранія. Когда категорія преступныхъ дѣйствій была расширена включеніемъ въ нее на-ряду съ обидами, причиняемыми однимъ родомъ другому, и такихъ, жертвою которыхъ являлся весь народъ, и въ частности измѣнъ,—постановка по нимъ приговоровъ, обыкновенно примѣняемыхъ немедленно, была возложена на собраніе—точь въ точь какъ это имѣло мѣсто въ древней Германіи, въ которой народные сходы, по словамъ Тацита, подвергали смерти черезъ повѣшаніе всѣхъ измѣнниковъ и перебѣжчиковъ [1]).

Коху только-что описанныя собранія извѣстны подъ наименованіемъ «тафесъ»; другія ихъ названія на-ряду съ упомянутыми уже нами—«зауча», «ибаръ и джемэ». Въ Осетіи тѣ же собранія подъ именемъ «нихасъ», въ виду отсутствія замкнутыхъ сословныхъ группъ, носятъ болѣе простонародный характеръ. То же слѣдуетъ сказать и о тѣхъ, какія по временамъ имѣли мѣсто въ средѣ вполнѣ демократическихъ обществъ тушинъ, хевсуровъ или пшавовъ. Что касается до чеченцевъ, то за исключеніемъ короткаго промежутка времени, въ который они добровольно подчинялись призваннымъ ими самими князьямъ Турловымъ, отсутствіе въ ихъ средѣ народнаго единства воспрепятствовало появленію и общихъ народныхъ совѣтовъ; каждый аулъ управлялся самостоятельно своимъ сходомъ, на который собирался весь народъ, и на которомъ право дѣлать предложеніе принадлежало всякому, кто высказывалъ желаніе говорить. Самые сходы собираемы были слѣдующимъ образомъ: желавшій сдѣлать какое нибудь предложеніе всходилъ на крышу мечети или собственной сакли и начиналъ громогласно созывать съ нея всѣхъ жителей аула. Сбѣжавшаяся толпа выслушивала его предложеніе и вступала затѣмъ по поводу его въ довольно продолжительныя препирательства [2]).

---

1) Traditores et transfugas arboribus suspendunt.

2) Берже. Чечня и чеченцы, стр. 92.

Мы покончили съ вопросомъ о народныхъ основахъ общественнаго быта горцевъ и намъ предстоитъ въ настоящее время обратиться къ изученію тѣхъ многообразныхъ причинъ, которыя въ разное время такъ или иначе измѣнили эти основы, внося въ нихъ чужеземныя вліянія: религіозныя, общественныя и юридическія. Какою замкнутостью и консерватизмомъ ни отличается бытъ отрѣзанныхъ отъ міра горцевъ, но послѣдовательная проповѣдь зороастризма или вѣрнѣе маздеизма, христіанства и магометанства оставила замѣтные слѣды не только на ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, но и на ихъ нравственныхъ представленіяхъ, повседневномъ складѣ жизни, обычаяхъ и обрядахъ, изъ которыхъ нѣкоторые носятъ и чисто-юридическій характеръ.

Какъ ни ничтожна была съ другой стороны зависимость горцевъ отъ плоскостныхъ племенъ Кавказа, тѣмъ не менѣе смѣнявшія другъ друга во власти надъ Черноморскимъ побережьемъ греко-римскія и итальянскія колоніи, какъ и располагавшія судьбами Закавказья и сѣверо-кавказской плоскости персидскіе, грузинскіе, болгарскіе, хозарскіе, татарскіе, монгольскіе и кабардинскіе правители—во многомъ измѣнили строй общественной и юридической организаціи горцевъ, обогащая въ то же время ихъ народныя вѣрованія и нравы чужеземными по своему источнику культами и обыкновеніями. Сословная организація горцевъ въ частности всецѣло должна быть отнесена на счетъ одновременнаго воздѣйствія на ихъ бытъ грузинскаго феодализма и возникшаго на сѣверной плоскости, благодаря завоеванію ея пришлымъ племенемъ, не менѣе феодальной по своему характеру организаціи кабардинцевъ. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы не даютъ намъ возможности изучить съ одинаковой подробностью тѣ многообразныя вліянія, которымъ въ различное время подчинялась жизнь горцевъ. Мы укажемъ только въ общихъ чертахъ на тѣ слѣды, какіе оставила въ ихъ народномъ быту греко-римская и византійская культура, а также раннее, правда, но совершенно поверхностное воспріятіе ими христіанства.

Съ несравненно большей подробностью остановимся мы на плохо-изученномъ доселѣ вопросѣ о томъ значеніи, какое имѣло

среди горцевъ религіозное, нравственное и юридическое ученіе маздеизма, систематическимъ выраженіемъ котораго является приписываемая Зороастру Авеста. Мы изучили также съ нѣкоторой полнотою тѣ отношенія, въ какихъ народные обычаи и сословная организація горцевъ стоятъ къ древнѣйшему на Кавказѣ писанному праву Арменіи и Грузіи и усвоеннымъ имъ началамъ римскаго, византійскаго и еврейскаго законодательствъ.

Другой вопросъ, не потерявшій своего практическаго значенія, есть вопросъ о вліяніи, какое писанное законодательство магометанъ, иначе говоря шаріатъ, оказало и доселѣ оказываетъ на видоизмѣненіе и даже совершенную отмѣну народнаго обычая. Такъ какъ вліяніе шаріата съ особенною силою сказывается въ восточной части Кавказа, которая слѣдуетъ не ганефитскимъ, какъ западная, а шафаитскимъ истолкователямъ корана, то мы остановимся на сопоставленіи народныхъ обычаевъ Дагестана съ нормами общераспространеннаго въ восточной половинѣ Кавказа свода Навави, такъ-называемаго миногаджа. Постоянная забота раскрыть отношеніе, существующее между писаннымъ закономъ и передаваемымъ устной традиціей обычаемъ, оправдываетъ названіе этой книги, но не исчерпываетъ ея содержанія. Обычное право можетъ отражать на себѣ вліяніе не только чуждаго ей закона, но и чуждаго обычая. На примѣрѣ «балкарцевъ» мы покажемъ возможность почти всецѣлой передачи пришельцамъ-завоевателямъ обычнаго права покоренной ими народности. Сословная организація тѣхъ же балкарцевъ, а также сѣверныхъ осетинъ, даетъ намъ возможность прослѣдить обратное воздѣйствіе народныхъ обычаевъ пришельцевъ на туземное право.

Общее заключеніе, которое читатель вынесетъ, какъ мы надѣемся, изъ чтенія настоящаго труда, по своему значенію выходитъ за предѣлы тѣхъ скромныхъ задачъ, какія ставитъ себѣ кавказовѣденіе. Оно будетъ состоять въ признаніи, что дѣйствующій обычай не является исключительнымъ отраженіемъ современнаго ему юридическаго сознанія народа, а представляетъ собою рядъ историческихъ наслоеній, изъ которыхъ однѣ вызваны естественнымъ ростомъ народной жизни, а другія обу-

словливаются тѣмъ вліяніемъ, какое въ разныя эпохи писанный законъ оказывалъ на народный обычай. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы быть всегда и неизмѣнно, какъ думала школа Пухты, первоисточникомъ закона, народный обычай нерѣдко самъ въ числѣ своихъ первоисточниковъ можетъ указать и на законъ.

ОТДѢЛЪ II.

КУЛЬТУРНЫЯ ВЛІЯНІЯ И ИХЪ ОТРАЖЕНІЕ НА ОБЫЧНОМЪ ПРАВѢ ГОРЦЕВЪ.

ГЛАВА I.

Иранскія вліянія.

По показаніямъ арабскихъ лѣтописцевъ Кавказъ, до прибытія въ него полчищъ предводимыхъ Абу-Муслимомъ, занятъ былъ «изидами». Подъ тѣмъ же именемъ извѣстны доселѣ въ средѣ бродячихъ у подножья Арарата курдовъ нѣкоторыя племена и роды, у которыхъ современные изслѣдователи, и въ числѣ ихъ г. Егіазаровъ, нашли явственные слѣды зороастризма [1]). Армянская миѳологія въ томъ изложеніи, какое даетъ ей г. Эминъ [2]), въ свою очередь подтверждаетъ фактъ широкаго распространенія нѣкогда на Кавказѣ общаго съ древнимъ Ираномъ культа. Религія армянъ, говоритъ этотъ ученый, имѣла въ своемъ основаніи дуализмъ. Съ такимъ по крайней мѣрѣ характеромъ представляется она въ тѣхъ отрывочныхъ извѣстіяхъ, которыя уцѣлѣли до насъ. Въ нихъ имя верховнаго божества Арамазда встрѣчается на каждомъ шагу. Храмъ его находился въ крѣпости Ани—мѣстѣ погребенія армянскихъ царей Аршакидовъ. Какъ верховное божество, Арамаздъ у армянъ назывался отцомъ всѣхъ боговъ. Постоянными его эпитетами были: великій, мужественный, творецъ неба и земли, производитель обилія и плодородія. Древнимъ армянамъ извѣстно было также почитаніе Митры, который слылъ у нихъ подъ

---

1) См. 2 й вып. XIII-й книжки Зап. кавк. отд русск. географ. общ.

2) См. Приложеніе XIV-е къ всеобщей исторіи Степаноса Таронскаго. Москва, 64 годъ.

названіемъ Михра. Михръ былъ богомъ невидимаго огня, что доказывается происшедшимъ отъ этого имени словомъ «хуръ», которое до сихъ поръ служитъ у армянъ для выраженія понятія невидимаго, невещественнаго огня; видимыми же проявленіями Михра армяне одинаково признавали солнце и луну. Хотя противникъ Арамазда, Ангра Майнью, Аримань греческихъ писателей, ни разу не упоминается армянскими источниками, но его ближайшіе помощники, девы, и воплощеніе ихъ въ драконовъ хорошо извѣстны народной миѳологіи.

Моисей Хоренскій упоминаетъ о томъ, что въ началѣ IV вѣка армяне поклонялись двумъ почернѣвшимъ драконамъ, въ которыхъ по ихъ мнѣнію вселились злые духи. Что эти драконы были своего рода воплощеніемъ Ангра Маньюслѣдуетъ изъ того, что въ сказаніяхъ, придерживающихся началъ маздеизма парсовъ, значится, что послѣ неудачнаго нападенія, совершеннаго на царство Ормузда, глава злыхъ духовъ, ища спасенія въ бѣгствѣ, въ формѣ дракона бросился съ неба на землю. Такимъ образомъ есть основаніе полагать, что въ поклоненіи древнихъ армянъ драконамъ слѣдуетъ видѣть своеобразное проявленіе того культа, которымъ древніе иранцы, наравнѣ съ Ормуздомъ, окружали и Аримана. По словамъ Моисея Хоренскаго армяне приносили драконамъ человѣческія жертвы: цѣломудренныхъ дѣвъ и невинныхъ юношей. Скала, на которой производимы были эти жертвоприношенія, окружена была глубокими ущельями, наполненными змѣями и скорпіонами, т. е. тѣми животными, которыхъ религія Авесты считаетъ и твореніемъ, и символомъ Аримана.

На загробную жизнь древніе армяне смотрѣли такъ же, какъ и персы. Подземное царство извѣстно было имъ подъ названіемъ Джохкъ. Терминъ этотъ напоминаетъ парсійское «дузахъ», мѣсто пребыванія Аримана. Царство это отдѣлено отъ жилища блаженныхъ, упоминаемымъ Авестою, мостомъ «чинвадъ» и управляется особымъ правителемъ, не названнымъ по имени, но въ которомъ немудрено узнать владѣтеля ада—Аримана [1]).

Обращаясь къ грузинскимъ источникамъ, мы и въ нихъ на-

[1]) Ibid, стр. 260, 261, 272, 278 и 279.

ходимъ неоднократныя указанія на то, что религія Ормузда нѣкогда была распространена на всемъ Кавказѣ. Повторяя свидѣтельство Моисея Хоренскаго о святой Нунэ или Нинѣ, просвѣтительницѣ Грузіи, разрушившей истуканъ громомета Арамазда въ Мцхетѣ [1]), грузинская хроника царя Вахтанга упоминаетъ и о сооруженіи въ Мцхетѣ особаго идола Армаза (очевидно Ормузда) и о принесеніи ему въ жертву невольниковъ,—и все это не далѣе какъ за 237 лѣтъ до Рождества Христова.

О царѣ Нарнаджомъ или вѣрнѣе Фарнаджомъ, правившемъ въ Грузіи въ періодъ времени отъ 112 до 93 года до Рождества Христова, тотъ же лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующія подробности: онъ поставилъ особаго идола Зюдену, что въ переводѣ значитъ сатана. Затѣмъ, сдѣлавшись приверженцемъ огнепоклонства, господствовавшаго въ то время въ Персіи, онъ выписалъ изъ этой страны огнепоклонниковъ и маговъ, которыхъ и поселилъ въ Мцхетѣ на мѣстѣ, называемомъ Могута [2]). О самомъ Моріанѣ, обращенномъ въ христіанство святою Ниной въ 331 году отъ Вознесенія Спасителя, въ той же хроникѣ говорится, что онъ поклонялся семи идоламъ и огню [3]).

Если въ грузинскихъ хроникахъ и не видѣть ничего, кромѣ безпорядочной и сравнительно поздней записи народныхъ преданій, то все же придется сказать, что приведенныхъ изъ нихъ отрывковъ достаточно для обоснованія того взгляда, что въ глазахъ самихъ грузинъ эпохѣ ихъ обращенія въ христіанство предшествовалъ довольно продолжительный періодъ, въ теченіи котораго они являлись послѣдователями маздеизма.

Переходя къ восточной половинѣ Кавказа, извѣстной въ древности подъ наименованіемъ Агавоніи и Албаніи, т. е. къ провинціямъ, расположеннымъ: первая по нижнему теченію Куры, а вторая въ предѣлахъ современнаго Дагестана, мы въ агованской исторіи Моисея Каганкатваци, писателя VII вѣка, находимъ показанія о томъ, что, несмотря на раннюю проповѣдь христіанства, эти провинціи, подъ вліяніемъ персидскихъ пра-

---

1) См. Иванъ Шопенъ. Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и его обитателей. Петербургъ, 66 года, стр. 78.

2) Шопенъ, стр. 237 и 241.

3) Ibid, стр. 265.

вителей, долгое время придерживались «огнепоклонства магов». Этотъ культъ связанъ былъ, какъ видно изъ показаній того же лѣтописца, съ бѣсопочитаніемъ. Кагконтоваци разсказываетъ по этому поводу, что послѣдователи секты бѣсопочитателей приписывали злымъ духамъ силу чародѣйства и признавали за бѣсами способность «ослѣплять и испещрять тѣло» тѣхъ, которые не соглашались имъ служить. Не далѣе какъ во времена Феодосія Великаго персидскіе владыки еще заботились о поддержаніи въ Агавоніи «огнепоклонства и ученія маговъ» [1]).

О распространеніи древней религіи иранцевъ къ сѣверу отъ кавказскихъ горъ мы не находимъ прямыхъ свидѣтельствъ ни въ армянскихъ, ни въ грузинскихъ лѣтописяхъ; но тщательно изученныя г. Миллеромъ данныя осетинскаго языка и осетинской миѳологіи наводятъ на мысль о томъ, что и въ средѣ этого иранскаго племени поклоненіе добрымъ и злымъ геніямъ, а также семейному очагу и освященнымъ имъ предметамъ, было распространено не менѣе, чѣмъ въ средѣ послѣдователей Авесты.

Въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» я счелъ нужнымъ остановиться въ подробности на тѣхъ аналогіяхъ, какія осетинское почитаніе духовъ-покровителей семьи представляетъ съ культомъ авестинскихъ фравашей. Я повторю здѣсь то, что было сказано мною въ главѣ о религіозныхъ вѣрованіяхъ и общественномъ устройствѣ осетинъ. «Вторая часть Авесты представляетъ на мой взглядъ лучшій комментарій къ тому почитанію, какимъ осетины окружаютъ своихъ мертвыхъ. Священная книга иранцевъ изображаетъ передъ нами души покойниковъ постоянно озабоченными одной мыслью: «кто будетъ почитать и прославлять насъ, кто принесетъ намъ жертвы, кто заготовитъ для насъ достаточно пищи, чтобы мы никогда не могли нуждаться въ ней?» Питаніе мертвыхъ въ формѣ совершаемыхъ въ ихъ честь поминокъ составляетъ главное содержаніе осетинскаго культа предковъ. Осетинъ считаетъ своимъ долгомъ питать покойниковъ въ надеждѣ получить отъ нихъ въ замѣнъ дѣятельную помощь и поддержку во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни.

---

[1]) Шопенъ, стр. 428, 429 и 437.

Тотъ же мотивъ для жертвоприношеній въ пользу фравашей выставляетъ и Авеста. Вотъ въ какихъ словахъ фраваши благословляютъ заботливаго потомка: «да будутъ всегда въ его жилищѣ стада животныхъ и людей!; да обладаетъ онъ кроткой лошадью и крѣпкой колесницей!; да будетъ въ его семьѣ человѣкъ, знающій почитать Бога и управлять въ собраніи народа, опытный въ жертвоприношеніяхъ» и т. д. Довольные потомствомъ, неоставляющимъ ихъ безъ пищи, фраваши спѣшатъ ему на помощь: въ сраженіи они борятся за одно съ нимъ, защищая каждый свое прежнее жилище; они же ближайшіе виновники урожаевъ, посылающіе обиліе водъ каждый своему роду, мѣстечку, городу или странѣ съ пожеланіемъ имъ расти и богатѣть. Осетины и послѣдователи Зороастрова ученія одинаково придерживаются того воззрѣнія, что покойники способны надѣлить потомство не только счастьемъ и процвѣтаніемъ, но и всякаго рода бѣдствіями: они мстительны по природѣ и охотно карають того, кто оставляетъ ихъ безъ пищи, питья и свѣта. Здоровье и болѣзни, думаетъ Авеста, лежатъ въ ихъ власти; ихъ злоба страшна тѣмъ, кто оскорбляетъ ихъ. Въ эпитетахъ, которыми Авеста сопровождаетъ терминъ фраваши, выступаютъ тѣ свойства, какими иранцы надѣляли души умершихъ предковъ. Фраваши щедры, мужественны, милосердны, могущественны, сильны и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижны, какъ птицы, и легки, какъ воздухъ. Все это тѣ самыя свойства, какими въ глазахъ осетинъ обладаютъ души усопшихъ предковъ, нерѣдко уподобляемыя ими падучимъ звѣздамъ [1]). Народная миѳологія осетинъ представляетъ еще ту сходную черту съ религіей Авесты, что дѣлаетъ предметомъ особаго культа домашній очагъ и все, что имѣетъ къ нему ближайшее касательство, въ частности цѣпь (рахисъ), на которой виситъ котелъ для варки пищи. Эта цѣпь считается у осетинъ стоящей подъ покровительствомъ особаго божества Сафо, отъ котораго зависятъ богатство и изобиліе.

---

1) Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 99. Тѣ же положенія развиты мною въ сообщеніи, сдѣланномъ въ Стокгольмѣ и отпечатанномъ затѣмъ въ журналѣ шведскаго антропологическаго общества, подъ заглавіемъ «Om dyrkan of förfädren hos de Kaukasiska folken».

Не безполезенъ также осетинамъ и возмутившійся нѣкогда добрый духъ Ариманъ. Они называютъ его Амиранъ. Въ ихъ сказаніяхъ онъ изображенъ какъ притѣснитель, не дававшій людямъ покоя и спорившій какъ съ божьими дзуарами (святыми) такъ и съ самимъ Богомъ. Богъ поймалъ его однажды хитростью и велѣлъ запереть въ пещеру. Тотъ же Амиранъ ставится въ какую-то весьма темную связь съ цѣпью домашняго очага, которая по видимому нужна ему для того, чтобы избавиться отъ заточенія. Ужъ не потому ли Ариманъ можетъ, какъ видно изъ парсійскихъ сказаній, принять форму дракона и въ этомъ видѣ бѣгать отъ преслѣдованій? Не отождествляетъ ли въ данномъ случаѣ народная фантазія дракона съ цѣпью? Не даромъ же въ осетинскихъ сказаніяхъ о цѣпи затѣмъ говорится, какъ о спускающейся съ самого неба [1]). Въ осетинской легендѣ объ Амиранѣ легко прослѣдить процессъ авестинскаго Аримана въ греко-римскомъ Прометеѣ. Въ записанномъ Вахтангомъ сказаніи, Прометей, закованный въ желѣзныя цѣпи и привязанный къ высокой горѣ Беврасна, считается владыкою змѣй, но этотъ титулъ въ Авестѣ принадлежитъ ни кому другому какъ Анграманью Ариману Геродота [2]). Похититель божественнаго свѣта извѣстенъ иранской мифологіи, которая подобно греческой приковываетъ его за этотъ проступокъ къ горѣ Домавентъ (Эльборусъ) [3]) .Сказанія о Прометеѣ доселѣ живы и въ средѣ горцевъ, которые также считаютъ его прикованнымъ къ Эльборусу [4]).

Итакъ, на протяженіи всего Кавказа, религіозныя вѣрованія иранцевъ являлись одно время господствующими. Въ теченіе столѣтій, большинство населяющихъ перешеекъ племенъ оставались огнепоклонниками и дуалистами, имѣли по образцу иранцевъ своихъ маговъ или жрецовъ и свой строго выработанный домашній культъ, напоминающій тотъ, изъ котораго постепенно развилось авестинское вѣрованіе въ фравашей. Такое продол-

---

[1]) См. Миллеръ. Осетинскіе этюды, ч. I, преданіе объ Амиранѣ, стр. 69.
[2]) Шопенъ, стр. 226.
[3]) James Darmesteter u. Introduction to the Vendidad, LXV.
[4]) Сказаніе о Прометеѣ на Кавказѣ, В. Миллера.

жительное господство Маздеизма не могло пройти безслѣдно для умственнаго, нравственнаго, общественнаго и юридическаго склада горцевъ. Раскрытіе этого вліянія является первымъ шагомъ къ уразумѣнію многихъ и совершенно непонятныхъ на первый взглядъ Кавказскихъ обычаевъ и обрядовъ.

Грузинскія хроники, говоря о прошломъ картвельскихъ племенъ, упоминаютъ «о водворившемся у нихъ гнусномъ обыкновеніи: въ бракахъ не обращать вниманія ни на какую степень родства, питаться всѣмъ, что только имѣло жизнь, покойниковъ не хоронить, а пожирать ихъ тѣла» [1]).

Интересно опредѣлить, въ какой мѣрѣ эти записанныя Вахтангомъ народныя преданія находятъ подтвержденіе себѣ въ данныхъ Кавказской археологіи и этнографіи. Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что въ Дагестанѣ у пограничнаго съ Грузіей и на половину грузинскаго племени Дидойцевъ, вмѣстѣ съ поклоненіемъ идоламъ и не чистой силѣ, во времена Клапрота встрѣчалась та интересная черта, что они смѣшивались между собою безъ всякаго разбора родства [2]), другими словами, ихъ бракъ вмѣсто того, чтобы быть экзогамическимъ, какъ у большинства горскихъ народностей Кавказа, являлся эндогамическимъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова; но та же эндогамія съ тѣми ограниченіями, какія по отношенію къ ней выставляютъ брачные запреты Шаріата, доселѣ господствуетъ на протяженіи всего Дагестана. Въ доставленныхъ мнѣ оффиціальныхъ данныхъ объ организаціи дагестанскихъ тохумовъ или родовъ прямо значится, что браки не должны быть заключаемы съ женщинами чужеродками, что принадлежность невѣсты къ роду жениха надо поставить выше знатности и богатства, и что самымъ рекомендуемымъ обычаемъ, другими словами, самымъ почетнымъ бракомъ является тотъ, который заключаютъ между собою двоюродные братья и сестры. Источникъ всѣхъ этихъ предписаній скрывается ни въ чемъ иномъ, какъ въ продолжительномъ господствѣ на Кавказѣ связанныхъ съ древней религіей иранцевъ нравственныхъ и юридическихъ представленій.

---

[1]) Хроника царя Вахтанга, Шопенъ, стр. 229.

[2]) Klaproth. Voyage autour du Caucase, v. 1, Шопенъ, стр. 345.

«Hvaêtvôdatha» или святость брака, заключаемаго между родственниками и доходящаго до кровомѣшенія, прямо признается Авестою. До Сассанидовъ подобные браки были обязательны для однихъ маговъ, но съ этого времени они сдѣлались въ Персіи общимъ правиломъ [1]) и брачное сожитіе было допускаемо какъ между восходящими и нисходящими, такъ и между братьями и сестрами [2]). Косвеннымъ подтвержденіемъ не ограниченнаго господства эндогаміи въ періодъ времени, предшествовавшій введенію Корана, служитъ самый фактъ наименованія аравитянами пересѣкающаго Кавказъ хребта «Горами Непотребныхъ» (Джебаль аль Кахиъ) [3]). Для послѣдователей Корана сожитіе братьевъ и сестеръ, матерей и сыновей очевидно не могло представиться въ иномъ свѣтѣ.

И такъ, одно изъ обвиненій, возводимыхъ на язычниковъ Кавказа хроникою Вахтанга, находитъ полное подтвержденіе, какъ въ господствующей доселѣ эндогаміи въ Дагестанѣ, такъ и въ полномъ равнодушіи, съ которымъ грузинское по своему происхожденію племя додойцевъ относится къ кровосмѣсительнымъ бракамъ. И тотъ, и другой фактъ не являются случайными, а служатъ проявленіемъ нѣкогда распространеннаго среди горцевъ маздеизма.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ оправдывается данными кавказской археологіи и этнографіи другое обвиненіе, возводимое на старинныхъ обитателей Кавказа хроникою царя Вахтанга: «покойниковъ не хоронили и пожирали ихъ тѣла».

Во время путешествія по Хевсуретіи и Тушетіи, мое вниманіе на разъ возбуждали попадающіяся по дорогѣ старинныя усыпальницы. Эти усыпальницы, расположены вдалекѣ отъ всякаго жилья, лѣса и воды на обнаженныхъ горныхъ возвышенностяхъ. Достаточно описать одну изъ нихъ, чтобы составить себѣ понятіе объ остальныхъ.

По дорогѣ изъ Хевсурскаго аула Шатиль въ Ардоты, ближай-

---

1) James Darmesteter u. Introduction to the Vendidad. стр. XLIV.

2) См. Rodolphe Dareste. L'ancien droit des Perses въ Etudes d'histoire du droit. Paris, 1889. стр. 108.

3) Шопенъ, стр. 20 и 21.

шему къ Ацунскому перевалу Хевсурскому селенію, на голой возвышенности подымается шесть каплицъ, представляющихъ каждая одну и ту же форму удлиненнаго параллелограмма. Каплицы эти сложены изъ простыхъ камней, цементированныхъ глиной и прикрыты сверху грифельными досками; каждая каплица имѣетъ только два четырехъ-угольныхъ отверстія: одно съ восточной, другое съ южной стороны; въ каждое съ удобствомъ можетъ быть пронесено тѣло взрослаго человѣка. Проникнувъ во внутренность одной изъ этихъ каплицъ, я очутился въ коридорѣ, по обѣ стороны котораго устроены были не прикасающіяся къ землѣ каменныя палати; на этихъ палатяхъ расположены трупы или точнѣе скелеты мертвецовъ, изъ которыхъ одни лежатъ вытянутыя во весь ростъ, другіе прислонены спиною къ стѣнѣ. Такъ какъ сдѣланныя въ каплицѣ отверстія даютъ свободный проходъ и птицамъ и звѣрямъ, то отпаденіе мышцъ отъ костяка могло быть результатомъ не одного только процесса гніенія. По срединѣ коридора въ землѣ сдѣлано углубленіе, на подобіе канавы. Оно наполнено костями распавшихся отъ времени скелетовъ.

Въ другихъ видѣнныхъ мною въ Хевсуретіи усыпальницахъ и въ частности—въ той, которая расположена на большой и голой возвышенности не подалеку отъ недавно возникшаго аула Муцо, можно было отмѣтить слѣдующую не безъинтересную подробность: яма, расположенная внутри каплицы, глубиною въ полтора аршина, была вся выложена кладкой на сухо, такъ что трупы, даже по распаденіи скелета, не приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ землею.

Въ Анатори и Муцо каплицы одинаково представляли собою удлиненные параллелограммы съ однимъ четыреугольнымъ отверстіемъ, начинавшимся съ самого уровня почвы. Приближаясь къ Ардотамъ, мнѣ привелось увидать усыпальницы нѣсколько иного порядка, а именно правильной четыреугольной формы съ двумя большими и четырьмя меньшими отверстіями; большія начинались на высотѣ почвы, остальныя продѣланы были въ стѣнахъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ первыхъ; величина ихъ разсчитана на то, чтобы дать свободный проходъ и воздуху и дождевой водѣ. Слѣдующія подробности похоронnаго обряда хевсуръ дополняютъ собою ту картину ихъ

погребальныхъ обычаевъ, какую даютъ намъ только что описанныя усыпальницы.

Г. Худадовъ, который на правахъ окружнаго слѣдователя имѣлъ возможность познакомиться въ подробности съ особенностями хевсурскаго быта, сообщаетъ на этотъ счетъ тоже, что записано было мною со словъ мѣстныхъ жителей. Едва наступитъ агонія, къ умирающему сходятся родственники и чужіе. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, такъ называемые «нареви», выносятъ умирающаго на дворъ на заранѣе приготовленное мѣсто. Изъ домашнихъ и родныхъ никто ни прикасается къ умирающему; съ нимъ возятся только нареви. Они также одѣваютъ покойника и относятъ его тѣло въ усыпальницу. Остальная публика, собравшаяся на похороны, не подаетъ наревамъ руки, не ѣстъ и не пьетъ съ ними за однимъ столомъ; мало этого, она не прикоснется ни къ какому блюду, которое попало предварительно въ руки наревовъ. Это объясняется представленіемъ хевсуръ, что покойникъ «не чистъ», и что всякій прикасающійся къ нему становится «запятнаннымъ». Покойника заворачиваютъ въ бѣлый, а потомъ въ красный саванъ и держатъ на открытомъ воздухѣ 5—7 дней, при чемъ наревы должны сторожить его и днемъ и ночью. Когда наступитъ время похоронъ, они берутъ трупъ и несутъ его на могилу; никто изъ родственниковъ не провожаетъ покойника. [1])

Пирикительскіе горцы, т. е. живущіе по сѣверному склону Кавказскаго хребта хевсуры и ихъ сосѣди кистины, имѣли обыкновеніе хоронить своихъ мертвецовъ въ склепахъ или каплицахъ подобныхъ тѣмъ, какія описаны мною выше. Въ послѣднее время они обходятъ запрещеніе класть тѣла покойниковъ въ землю тѣмъ, что выкладываютъ могилу громадными шиферными плитами.

Чтобы понять источникъ, изъ котораго вытекли погребальные обычаи хевсуръ, необходимо прибѣгнуть къ священной книгѣ иранцевъ къ Авестѣ. Въ той части ея, которая извѣстна подъ названіемъ Вендидадъ, о чистотѣ говорится какъ о величайшемъ благѣ послѣ жизни [2]). Понятія: чистота и нечистота,

[1]) Замѣтки о Хевсуретіи Худадова.

[2]) См. Fardard V, § 21 (Sacr. Books of the East, Vendidad, стр. 55).

замѣчаетъ Дармстетеръ, имѣютъ въ глазахъ Авесты совершенно другое значеніе, нежели какое мы связываемъ съ ними нынѣ; они выражаютъ собою все состояніе человѣческаго духа и его тѣла. Нечистота означаетъ для нея то, что тѣломъ человѣка овладѣлъ бѣсъ; цѣлью очищенія является изгнаніе бѣса. Обычный путь, которымъ нечистота овладѣваетъ человѣкомъ, есть смерть, такъ какъ она знаменуетъ собою торжество дьявола или нечистой силы; едва человѣкъ скончался и душа покинула тѣло, «трупный бѣсъ» (Drug Nasu) подымается изъ ада и вселяется въ тѣло покойнаго; кто приблизится къ этому тѣлу, становится «нечистымъ» и можетъ сдѣлать такимъ же всякаго, кто прикоснется къ нему вослѣдствіи. Признавая характеръ святости за элементами природы, древніе иранцы старались избѣжать всякаго приближенія труна къ огню, землѣ или водѣ. Отсюда запрещеніе сожигать мертвыхъ или зарывать ихъ тѣло въ землю; отсюда же требованіе, чтобы усыпальницы воздвигаемы были не иначе, какъ на извѣстномъ разстояніи отъ воды и огня, т. е. отъ рѣкъ, колодцевъ и семейныхъ очаговъ, а также на извѣстной высотѣ отъ земли; отсюда, наконецъ, происхожденіе тѣхъ расположенныхъ на горахъ, вдалекѣ отъ всякаго жилья, усыпальницъ (dakhme), о которыхъ такъ подробно говоритъ Вендидадъ и слѣдующій предписываемый ею порядокъ обращенія съ покойниками: въ каждомъ поселкѣ должны быть устроены небольшіе домики для мертвыхъ, въ которыхъ мертвецы выставляются по меньшей мѣрѣ на двѣ ближайшія ночи, слѣдующія за смертью, затѣмъ тѣло покойника переносится на горную возвышенность, о которой извѣстно, что на ней постоянно пребываютъ пожирающія трупы собаки и клюющія ихъ хищныя птицы. Трупъ покойнаго несутъ при этомъ не родственники и знакомые, а два постороннихъ человѣка, «которые снявъ съ себя одежды, изъ опасенія осквернить ихъ прикосновеніемъ къ мертвецу, доставляютъ его въ домикъ, сооруженный изъ камней и глины и предназначенный служить для него усыпальницею, или dakhme. Чтобы очистить себя отъ осквернения, «носильщики труповъ» (nasu—Kasha) совершаютъ омовеніе, причемъ мѣсто воды занимаетъ коровья и овечья урина, и только въ крайнемъ случаѣ урина ближайшаго родственника или родствен-

ницы покойнаго [1]). Тѣла мертвецовъ доставленныя въ dakhme прописывается прикрѣплять изъ опасенія, чтобы питающіяся ими животныя не растаскали костей и не осквернили ими рѣкъ и деревьевъ [2]). Въ теченіе года тѣло продолжаетъ лежать въ dakhme. Перепадающіе по временамъ дожди, даръ Агура Мазды, уносятъ подлежащіе тлѣнію остатки мертвецовъ и по истеченіи годичнаго срока, со времени смерти, освободившійся отъ подлежащихъ порчѣ частей остовъ мертвеца становится тѣмъ самымъ свободнымъ отъ владѣвшаго имъ дотолѣ бѣса [3]).

Что предписываемый Авестой погребальный ритуалъ не оставался мертвой буквой, доказательство этому мы находимъ въ отчетахъ христіанскихъ миссіонеровъ въ Персіи и въ частности въ томъ описаніи, какой въ XVII вѣкѣ составленъ былъ іезуитомъ Шиноиъ и послужилъ матеріаломъ для всѣхъ сообщеній, дѣлаемыхъ о Гебрахъ или огнепоклонникахъ Персіи путешественниками Шарденомъ и Таверніе.

Самое сильное обвиненіе возводимое на гебровъ, пишетъ Шиноиъ, состоитъ въ томъ, что они не погребаютъ своихъ мертвецовъ; покойникъ считается у нихъ существомъ нечистымъ, они совлекаютъ съ него одежду и одѣваютъ его въ самое изношенное платье, какое только могутъ найти; лицо оставляютъ не прикрытымъ; трупъ уносятъ въ особо отведенное для него мѣсто и, прислонивши его къ стѣнѣ, придаютъ ему такимъ образомъ сидячее положеніе.

Самимъ даже жрецамъ не дозволено сопровождать тѣло, но это не мѣшаетъ имъ приносить молитвы о душѣ усопшаго. Мнѣ говорили, что гебры придаютъ большое значеніе тому, выклюютъ ли вороны сперва правый или лѣвый глазъ мертвеца; первое считается признакомъ того, что душа покойника отправилась въ рай, второе, что ея удѣлъ быть въ аду. Когда я сталъ разспрашивать знакомаго мнѣ гебра о томъ, насколько справедливъ этотъ слухъ, онъ отвѣтилъ мнѣ отрицательно, но

---

[1]) Fargad, VIII, II, § 11, 12 и 13.

[2]) Vendidad, Fargad VIII, SS. 10; IV, SS. 16; V, SS. 45—47.

[3]) Fargad, VII, I, II.

въ то же время сообщилъ мнѣ нѣчто, еще болѣе нелѣпое, а именно то, что приставленный къ трупамъ сторожъ внимательно слѣдитъ затѣмъ, какъ скоро происходитъ процессъ гніенія и кости освобождаются отъ покрывающихъ ихъ мускуловъ. Въ быстромъ разрушеніи трупа гебры видятъ доказательство тому, что душа покойника устремилась въ рай. Тѣ, которые носятъ трупы покойниковъ, каждый разъ снимаютъ съ себя все что было у нихъ на тѣлѣ, затѣмъ, все это моется въ особо отведенномъ для того мѣстѣ, отнюдь не въ собственныхъ ихъ жилищахъ. Сами носильщики обливаютъ себя коровьей урином въ надеждѣ тѣмъ самымъ достигнуть очищенія; все, къ чему трупъ имѣлъ хотя-бы мимолетное прикосновеніе, считается нечистымъ, поэтому, когда трупъ выносутъ изъ дома, тщательно сгребаютъ землю на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ покоился и выбрасываютъ ее какъ «вещество нечистое» далеко за городъ [1]).

Сопоставляя погребальный ритуалъ хевсуръ и описанный нами типъ ихъ усыпальницъ съ религіозными предписаніями Авесты на счетъ порядка похоронъ и той живой иллюстраціей, какую даютъ намъ обычаи гебровъ, мы необходимо приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) отмѣченный еще грузинскими лѣтописцами фактъ: «картвельцы не хоронятъ мертвыхъ, а пожираютъ ихъ тѣла» вполнѣ подтверждается тѣми переживаніями, какія этотъ обычай оставилъ въ бытѣ хевсуръ. Самое пожираніе тѣлъ легко можетъ означать собой не болѣе, какъ то, что картвельскія народности, подобно всѣмъ вообще послѣдователямъ Авесты и въ частности гебрамъ, выставляли своихъ мертвыхъ на пожраніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Такимъ образомъ не является необходимости объяснять, какъ это дѣлаетъ Шопенъ [2]), происхожденіе только что приведеннаго свидѣтельства тѣмъ фактомъ, что древніе картвельцы были каннибалами [3]).

---

1) Relations Nouvelles du Levant. Lyon, 1671, стр. 466.

2) Шопенъ, стр. 328.

3) Авеста принимаетъ строгія мѣры противъ людоѣдства, грозя виновному въ немъ истребленіемъ всей его семьи и обращеніемъ его навсегда въ существо нечистое, которымъ «до оконечности его ногтей»

2) Источникъ похоронnаго ритуалла хевсуръ тотъ-же, что и у гебровъ. Я разумѣю тѣ религіозныя предписанія о соблюденіи физической чистоты и необходимости избѣгать всякаго соприкосновенія съ трупами, о которыхъ говоритъ Авеста. Отказываясь отъ погребенія своихъ мертвыхъ и выставляя ихъ тѣла на пожираніе собакъ и хищныхъ птицъ, хевсуры еще недавно поступали точно также, какъ, по словамъ Геродота и Страбона, не говоря уже о византійскомъ писателѣ Агатіасъ, поступали древніе персы, не хоронившіе своихъ мертвыхъ раньше, какъ послѣ выставленія ихъ на пищу собакамъ. Къ нимъ вполнѣ примѣнимы слова Цицерона: «Majorum mos est non humare corpore cuorum, nisi a feris sint ante laniata» [1]), но сами они потеряли память объ источникѣ того страннаго обычая, который запрещаетъ имъ погребать покойниковъ въ землѣ.

Они объясняютъ его происхожденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Хевсуретіи, расположенной на горныхъ покатостяхъ, такъ мало удобной къ обработкѣ земли, что приходится дорожить каждымъ ея клочкомъ; вотъ почему, говорятъ они, мы не считаемъ нужнымъ отводить ея подъ кладбище и на разстояніи немногихъ лѣтъ, обыкновенно семи, собираемъ распавшіяся кости нашихъ покойниковъ и бросаемъ ихъ въ общую яму; такимъ образомъ освобождается мѣсто для новыхъ мертвецовъ и земля не пропадаетъ даромъ. Хевсуры, повидимому, далеки отъ мысли, что однохарактерная практика, вызванная ничѣмъ инымъ какъ религіозными предписаніями Авесты не далѣе какъ въ XVII вѣкѣ, продолжала еще держаться у гебровъ въ окрестностяхъ Испагани. Когда для новыхъ покойниковъ не окажется болѣе мѣста въ капличѣ, говоритъ Шарденъ, гебры бросаютъ въ устроенную среди капличы яму, однохарактерную съ той какую я видѣлъ въ Анатори, наиболѣе подвергувшіяся тлѣнію тѣла и на мѣсто ихъ кладутъ новыя [2]).

владѣетъ «трупный бѣсъ» (Drug Nasu), обитавшій въ съѣденномъ имъ трупѣ (Vendidad, Fargad, VII—IV, § 24).

[1]) См. Hovelacque. L'Avesta, стр. 486.

[2]) Chardin, t. III, стр. 131.

Не одни только хевсуры воздерживаются отъ погребенія своихъ мертвецовъ; того-же обычая придерживаются на Кавказѣ и сосѣднія съ ними племена. Я упомянулъ уже о кистикахъ, какъ о народѣ, слѣдовавшемъ еще недавно тому-же порядку выставленія мертвыхъ въ особо устроенныхъ для нихъ капличцахъ. Въ настоящее время я приведу отрывокъ изъ очерка экономическаго быта ингушей, авторъ котораго г. Грабовскій, весьма далекій отъ мысли искать въ обычаяхъ горцевъ слѣды воздѣйствія древнихъ религіозныхъ законодательствъ востока, довольствуется тѣми объясненіями, какія даютъ имъ сами горцы. «Недостатокъ земли, говоритъ г. Грабовскій, такъ ощутителенъ, что у ингушей не имѣется даже обыкновенныхъ кладбищъ; трупы умершихъ кладутся ими въ нарочно устроенные склены. Подобный обычай погребенія, какъ говорятъ сами жители, сложился единственно вслѣдствіе недостатка земли. Это показаніе подтверждается самымъ наглядным образомъ: склены обыкновенно находятся на такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствительно сдѣлать что-нибудь другое было нельзя» [1]).

Похоронные обряды далеко не представляютъ у хевсуръ и сосѣднихъ съ ними горцевъ единственнаго пережитка тѣхъ религіозныхъ воззрѣній, выразителемъ которыхъ является Авеста. Ея ученіе о чистомъ и нечистомъ, связь, въ которую она приводитъ осквернение путемъ прикосновенія съ нечистыми предметами и одержимость этихъ предметовъ злыми духами, признаніе ею нечистыми не только всего, что не имѣетъ еще или лишилось жизни, поэтому одинаково ребенка въ утробѣ матери и мертваго тѣла, но и всѣхъ отдѣленій живаго организма, какъ-то: женскихъ очищеній, обрѣзанныхъ волосъ и ногтей, и т. п.—все это съ наглядностью сказывается въ тѣхъ мелочныхъ предписаніяхъ, какими хевсуры обставляютъ такіе повседневные факты, какъ обрѣзываніе волосъ и ногтей, наступленіе у женщинъ періода очищенія или беременности. Предписаніе Авесты держать женщинъ въ эпоху менструацій въ

---

1) Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго участка, Ингушовскаго округа. Грабовскаго, стр. 13, третій выпускъ Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ.

спеціально отведенномъ для нихъ помѣщеніи, съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ осквернение ими домашняго очага «даже взглядомъ» [1]), объясняетъ намъ источникъ того обычая, въ силу котораго въ хевсурскихъ дворахъ поодаль отъ усадьбы встрѣчается плетенка изъ хворосту, обмазанная навозомъ и называемая «босель»; въ этой плетенкѣ женщина обязательно проводитъ ежемѣсячно періодъ очищенія, вкушая пищу отдѣльно отъ прочей семьи. Въ той-же Авестѣ надо искать ключъ къ объясненію и другаго обычая, по которому хевсурскія женщины проводятъ время родовъ въ особой избушкѣ, построенной вдали отъ селенія и называемой «кохи». Слѣдуя предписаніямъ Авесты, родильница во все время своего принужденнаго заточенія получаетъ пищу черезъ продѣланное въ избушкѣ отверстіе; когда ребенокъ родится на свѣтъ, онъ согласно воззрѣніямъ той-же Авесты признается нечистымъ, такъ какъ состоялъ въ прикосновеніи съ выдѣляемымъ живымъ организмомъ мертвыми тѣлами. На этомъ основаніи родильница и ребенокъ не сразу переходятъ въ общую саклю, а проводятъ еще три дня въ упомянутомъ выше «босель»; домикъ, въ которомъ произошли самые роды, какъ оскверненный ими, подлежитъ сожженію. Мать и новорожденный выходятъ изъ боселя не раньше, какъ по совершеніи надъ ними обряда омовенія. Этотъ обрядъ, примѣненный къ ребенку, принимается не рѣдко у хевсуръ за обрядъ крещенія.

Послѣ сказаннаго не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что источникъ предполагаемаго у хевсуръ обряда крещенія совершенно иной; что-же касается до омовенія самой роженицы, то оно, въ полномъ соотвѣтствіи съ предписаніями Авесты, производится не простой водой, а коровьей уриной [2]).

Не одни хевсуры придерживаются этихъ странныхъ обыкновеній, стѣснительность которыхъ, какъ я имѣлъ случай убѣ-

---

1) Vendidad. Fargad, XVI—I, § 2.

2) Свѣдѣнія эти собраны мною на мѣстахъ; нѣкоторыя изъ нихъ отмѣчены были много лѣтъ назадъ Эристовымъ. См. сочиненіе послѣдняго, «Хевсурія и хевсуры», въ переводѣ Вейденбаума. (Записки кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, книга XI. Тифлисъ, 1881 г., стр. 73).

диться, они въ настоящее время вполнѣ сознаютъ. Сто лѣтъ назадъ Рейнегсъ вносилъ въ свои путевыя замѣтки слѣдующую подробность о тушинахъ, грузинскомъ племени, живущемъ по ту сторону отъ Ацунскаго перевала: собирающаяся женщина должна удалиться у нихъ изъ селенія. Въ глухой никѣмъ непосѣщаемой мѣстности она производитъ на свѣтъ ребенка и остается съ нимъ въ теченіе слѣдующихъ сорока дней. Никто не заботится о ней, никто не доставляетъ ей пищи, за исключеніемъ какой нибудь старухи, потерявшей уже всякую надежду сдѣлаться матерью [1]).

По словамъ г. Хоранова, пшавы — южные сосѣди хевсуръ, также смотрятъ на женщину какъ на существо нечистое, по крайней мѣрѣ во время менструаціи и родовъ. Женщина проводитъ эти періоды своей жизни въ особо-устроенной для этого хижинѣ, куда никто не смѣетъ проникнуть; пищу ей подаютъ черезъ отверстіе, опасаясь осквернится прикосновеніемъ къ ней [2]).

Къ числу оригинальнѣйшихъ постановленій Авесты надо отнести тѣ статьи Вендидадъ, въ которыхъ говорится объ осквернеиіи себя прикосновеніемъ къ обрѣзаннымъ волосамъ и ногтямъ, каждый разъ когда такое соприкосновеніе не сопровождается совершеніемъ предписуемыхъ религіей обрядовъ. Падающіе съ головы волосы, обрѣзываемые ногти и сбриваемая борода, какъ мертвыя отдѣленія живаго организма, считаются состоящими во власти злыхъ духовъ; ихъ предписывается поэтому держать вдалекѣ отъ огня и воды и зарывать въ землю, сопровождая это дѣйствіе произнесеніемъ изгоняющихъ бѣса заклинаній [3]).

Любопытенъ тотъ фактъ, что хевсуры и пшавы не бросаютъ остриженныхъ ими волосъ и ногтей и обыкновенно прячутъ ихъ въ землю изъ опасенія, чтобы ими не овладѣли черти [4]).

Проникающее Авесту представленіе, что міръ наполненъ не

---

1) Reineggs, т. I, стр. 183.

2) См. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ, вып. III, стр. 92.

3) Vendidad, Fargad, XVII—I, II.

4) Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, т. III, стр. 89

видимыми для глаза злыми духами, съ которыми человѣкъ долженъ вести постоянную вражду, наглядно выступаетъ въ повседневной жизни картвельскихъ племенъ и другихъ горцевъ Кавказа. Рейнегсъ передаетъ намъ слѣдующія интересныя подробности о суевѣріяхъ грузинъ. Они думаютъ, говоритъ онъ, что злые духи особенно охотно нападаютъ послѣ родовъ какъ на саму роженицу, такъ и на ребенка; чтобы предохранить обоихъ отъ ихъ дурнаго вліянія грузины кладутъ подъ подушку роженицы кинжалъ или мечь ея мужа. Надъ одѣяломъ прикрѣпляютъ краснаго цвѣта сѣтку, на узлахъ которой повѣшены свинцовыя шарики одинаковой величины; дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы сѣть, сохраняя всегда неизмѣнное положеніе и прикрывая роженицу со всѣхъ сторонъ, не дала возможности злымъ духамъ проникнуть подъ ея одѣяло. Сорокъ дней проводитъ роженица въ этомъ положеніи, не смѣя выйти изъ постели или показаться на чистый воздухъ. Величайшимъ опасностямъ, по воззрѣнію грузинъ, подвергнется она въ томъ случаѣ, если позволитъ себѣ обрѣзать ногти или волосы—очевидно по той же причинѣ немедленнаго овладѣнія ими нечистой силой [1]).

Не менѣе живо сознаніе необходимости ежечасной борьбы съ злыми духами и въ восточной половинѣ Кавказа. Еще Олеарій отмѣтилъ существованіе въ Тарку, обыкновенномъ мѣстопребываніи Шамхаловъ, слѣдующаго свадебнаго ритуала: каждый гость приноситъ съ собой стрѣлу и пускаетъ ее въ верхъ стѣны или потолокъ брачнаго покоя. Стрѣлы эти остаются въ стѣнѣ, пока сами не выпадутъ или не сгніютъ тамъ [2]).

У осетинъ тотъ же обычай принимаетъ нѣсколько иную форму: вводя невѣсту въ домъ, шаферъ нѣсколько разъ машетъ по воздуху кинжаломъ, какъ бы направляя его противъ невидимыхъ злыхъ духовъ. Ближайшее сообщеніе съ огнемъ, этимъ чистымъ по возрѣнію Авесты элементомъ, доселѣ признается мингрельцами однимъ изъ средствъ освобожденія себя отъ

---

[1]) Reinegs, т. II, стр. 000.

[2]) Путешествіе Адама Олеарія въ Москву и Персію въ 1633—9 гг., переводъ Барсова, стр. 993.

нечистый силы. Этимъ объясняется причина, по которой въ Мингреліи наканунѣ Вознесенія устраиваютъ въ окрестностяхъ церквей большіе огни, черезъ которые перепрыгиваютъ одинаково взрослые и дѣти. Поступая такимъ образомъ, говоритъ г. Мурье, думаютъ спугнуть дьяволовъ, изъ которыхъ самый могущественный будто обитаетъ на Табакелѣ—горной возвышенности, расположенной въ окрѣстностяхъ Мартвили. Въ Грузіи тѣ же обряды совершаются во вторникъ страстной недѣли великаго поста. Преданіе гласитъ, что просвѣтительница Грузіи святая Нина, видя, что обращенные ею грузины продолжаютъ по прежнему зажигать большіе огни, воспользовалась этимъ для того, чтобы чудомъ укрѣпить ихъ въ новой вѣрѣ: она сама развела большой костеръ и перепрыгнула черезъ него невредимой. Съ этого времени, гласитъ преданіе, языческій по своему происхожденію обрядъ сдѣлался христіанскимъ. Онъ извѣстенъ въ Грузіи подъ названіемъ Чаріа - Коконоба и строго соблюдается въ ней и въ наши дни [1]).

Этотъ обрядъ тѣмъ болѣе интересенъ для насъ, что мы встрѣчаемъ его, на ряду съ многими другими переживаніями иранской культуры, и въ нашей собственной средѣ. Хорошо извѣстенъ обычай, по которому наканунѣ Ивана Купала разводятся на поляхъ большіе огни, черезъ которые о босу ногу перепрыгиваютъ въ Малороссіи парубки и дивчины. Что обращеніе къ огню имѣетъ своею задачей изгнаніе нечистой силы, которой по воззрѣніямъ Авесты особенно подвержены женщины и дѣвушки, видно изъ того страннаго свадебнаго обряда, который продолжалъ держаться въ Слободской Украинѣ въ прошломъ столѣтіи. При въѣздѣ въ жениховъ домъ, пишетъ Григорій Калиновскій въ 1776 году, посреди воротъ зажигается куль соломы, черезъ который переѣзжаютъ ѣдущіе съ невѣстой въ телѣгѣ и всѣ слѣдующіе за ними [2]).

Борьба съ нечистою силой, которая ставится Авестою въ обязан-

---

1) См. L'état religieux de la Mingrélie par J. Mourier (Revue de l'histoire des religions, 1887, juillet-août).

2) См. Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, сочиненное Григоріемъ Калиновскимъ въ 1776 году, и Харьковскій Сборникъ, издаваемый В. Касперовымъ, вып. III, стр. 170).

ность человѣку, должна принимать между прочимъ форму истребленія нечистыхъ животныхъ. Весь животный міръ, слѣдуя общему закону вселенной, учитъ Авеста, распадается на двѣ части: на твари, созданныя Ариманомъ и состоящія въ услуженіи этого представителя злаго начала, и на тѣ, творцомъ которыхъ былъ Агура Мазда (верховный богъ Ормузда), представитель добраго начала [1]). Борьба добра съ зломъ, составляющая задачу человѣческой жизни, происходитъ не безъ содѣйствія добрыхъ животныхъ и въ частности собаки, быка и коровы; послѣднія доставляютъ человѣку урину, омовеніе которой освобождаетъ его отъ нечистой силы; собака же считается самымъ опаснымъ врагомъ того трупнаго бѣса, который овладѣваетъ тѣломъ усопшаго немедленно послѣ кончины и покидаетъ [2]) это тѣло не раньше какъ послѣ того, какъ собаки пожрутъ на немъ все подлежащее тлѣнію. Нѣтъ поэтому въ глазахъ послѣдователя Авесты искупленія для того, кто убьетъ собаку: онъ лишается всѣхъ благъ будущей жизни, а за увѣчье собаки подвергается на землѣ самому страшному наказанію [3])—разрѣзанію тѣла на части. Наоборотъ истребленіе нечистыхъ животныхъ считается Авестой прямой обязанностью вѣрующихъ; такими животными считаются: черепахи, змѣи, ящерицы, жабы, лягушки и вообще земноводные. Гебры относятъ къ нимъ также муравьевъ, крысъ и мышей, въ особенности же кота; отвращеніе, какое внушаетъ имъ это животное, говоритъ Шинонъ, причина тому, что они никогда не держутъ его при домѣ. Предпочитается переносить терпѣливо тѣ неудобства, какія имъ причиняютъ крысы и мыши [4]).

Все это надо имѣть въ виду при объясненіи слѣдующихъ странныхъ обычаевъ осетинъ, чеченцевъ, пшавовъ и хевсуръ. Потоцкій сообщаетъ въ своемъ дневникѣ, что у ингушей обычнымъ способомъ взысканія долга бываетъ обращеніе къ пріятелю или кунаку съ заявленіемъ: такой-то изъ твоего рода долженъ мнѣ столько-то; позаботься о томъ, чтобы платежъ былъ

---

1) Darmesteter. Introduction to Vendidad, стр. LXXIII.

2) Vendidad Fargad, XIII.

3) См. Миллеръ. Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ, стр. 7—8.

4) См. Chinon, стр. 462.

мнѣ сдѣланъ, такъ какъ я привелъ съ собою собаку и убью ее надъ мертвыми твоего рода. Эта угроза приводитъ ингуша въ трепетъ, и онъ немедленно соглашается исполнить поставленное ему требованіе [1]).

Въ этомъ разсказѣ идетъ рѣчь объ обычномъ у горцевъ способѣ удовлетворенія гражданской претензіи, который, какъ мы видѣли, состоялъ въ томъ, что истецъ самоуправно принуждалъ къ уплатѣ долга любого изъ членовъ одного съ отвѣтчикомъ рода; но особенность приводимаго случая состоитъ въ томъ, что самоуправство принимаетъ на этотъ разъ не форму имущественнаго захвата, а форму нравственнаго принужденія, и что это нравственное принужденіе сказывается въ обѣщаніи убить собаку на могилѣ предковъ того лица, противъ котораго истецъ направилъ свою претензію.

Какое, спрашивается, основаніе имѣетъ ингушъ къ тому, чтобы противиться такому убійству? Примемъ во вниманіе прежде всего то, что собака, хотя и принадлежитъ къ числу животныхъ, посвященныхъ Ормузду, а слѣдовательно чистыхъ, но трупъ ея въ той же мѣрѣ, какъ и трупъ человѣка, считается обиталищемъ нечистаго духа (Drug nasu). Всякое соприкосновеніе съ нимъ необходимо влечетъ за собою оскверненіе.

Смѣшивая древне-иранскую точку зрѣнія съ тою, какой по отношенію къ собакѣ придерживается коранъ, ингушъ въ наше время часто прибѣгаетъ къ слѣдующему заклинанію. Если, говоритъ онъ, сопровождая свои слова ударами шашкою по собакѣ, такой-то виновенъ въ томъ, въ чемъ я его подозрѣваю, то пусть эта собака будетъ кормомъ его покойниковъ [2]).

Во времена Потоцкаго отвѣтчикъ, отрицавшій существованіе долга, въ доказательство истины утверждаемаго принуждался ингушами къ совершенію слѣдующаго обряда: передъ однимъ изъ священныхъ утесовъ или такъ называемыхъ «уерда», игравшихъ въ народной миѳологіи ингушей роль божествъ, ставили смѣсь собачьяго кала и костей; послѣ этого должникъ въ

1) Voyages dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, 28 octobre 1797, (стр. 126).

2) Сборникъ свѣд. о Терской области, изданный г. Благовѣщенскимъ, т. I, стр. 281.

присутствіи кредитора произносилъ буквально слѣдующее заклинаніе: «если я говорю неправду, то да понесутъ мои предки на своихъ плечахъ покойниковъ истца, по лежащему предъ нами пути, послѣ орошенія его предварительно дождевой водой и при яркомъ солнечномъ свѣтѣ». Какое, спрашивается, основаніе могутъ имѣть предки уклоняться отъ слѣдованія тому пути, о которомъ говорится въ заклинаніи?—только то, что путь этотъ оскверненъ присутствіемъ на немъ отбросковъ живыхъ организмовъ. А такимъ онъ можетъ представиться только воображенію ревностнаго послѣдователя Авесты, вѣрующаго, что оскверненіе неизбѣжно падаетъ на того, кто пройдетъ по тропѣ, на которой предварительно пронесенъ былъ трупъ—все равно человѣка или собаки, или только отброски живыхъ организмовъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ заклинаніи. Отмѣтимъ еще упоминаніе о дождевой водѣ, смѣшивающей съ землею только-что упомянутыя нечистоты и оскверняющей ее ими, а также ярко свѣтящее солнце, неоставляющее вѣрующимъ сомнѣнія въ характерѣ производимаго ими дѣйствія. Заклинаніе, текстъ котораго приведенъ мною выше, очевидно имѣетъ силу только въ глазахъ послѣдователя Авесты, и значеніе, придаваемое ему ингушами, служитъ немалымъ доказательствомъ распространенности между ними нѣкогда тѣхъ самыхъ религіозныхъ воззрѣній, которыхъ придерживались древніе персы, и которые доселѣ исповѣдаются гебрами.

Не менѣе характеренъ порядокъ принесенія очистительной присяги у хевсуръ—порядокъ, котораго также придерживаются и пшавы. Съ большей наглядностью, какъ мы сейчасъ увидимъ, сказывается въ немъ вѣра пранцевъ въ неизбѣжность осквернения не только для живыхъ, но и для покойниковъ, каждый разъ, когда они приходятъ въ соприкосновеніе съ такимъ нечистымъ животнымъ, какъ кошка. Въ 1881 году, разсказываетъ г. Худадовъ, я въ качествѣ врача пріѣхалъ въ центръ Пириксетельской Хевсуретіи, въ аулъ Гули; здѣсь мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ изумительнаго зрѣлища: на пригоркѣ возлѣ молельни стоялъ обвиняемый въ воровствѣ хевсуръ Джакола; блѣдный, дрожащій отъ волненія, съ живымъ котенкомъ въ лѣвой и съ палкой въ правой рукѣ; онъ громкимъ, но не твердымъ голо-

сомъ, произносилъ проклятіе тѣмъ, кто знаетъ, что онъ невиненъ и не свидѣтельствуютъ объ этомъ; «пусть эта кошка», выкрикивалъ онъ прикасаясь палкой къ головѣ котенка, «сопровождаетъ покойника того, кто укралъ котелъ; пусть она также оскверняетъ своимъ присутствіемъ и мяуканіемъ поминки того, кто знаетъ вора и не называетъ его; пусть на томъ свѣтѣ сядетъ она ему на плечо, на голову». Произнесши заклинаніе, онъ швырнулъ котенка и твердой ногой направился къ толпѣ. Эффектъ былъ поразительный: «нѣтъ не онъ воръ»—раздалось со всѣхъ сторонъ [1]).

До 1859 года оба вида присяги—присяга надъ трупомъ собаки и присяга надъ трупомъ кошки—были извѣстны и осетинамъ. Въ этомъ году народъ принялъ рѣшеніе не обращаться впредь къ этимъ противорѣчащимъ христіанству «остаткамъ древняго язычества» [2]).

Одно религіозное суевѣріе пшавовъ вызвано тѣми же мотивами, что̀ и только-что упомянутая очистительная присяга хевсуръ. Пшавы полагаютъ, что тотъ, кто, убивъ кошку, будетъ хранить ея ноги въ своей шапкѣ, тѣмъ самымъ заслужитъ себѣ прощеніе всѣхъ грѣховъ. Какъ присяга хевсуръ, такъ и суевѣріе пшавовъ имѣютъ своимъ основаніемъ высказываемое Авестой положеніе, что прикосновеніе къ нечистому животному, а такимъ, какъ мы видѣли, считается кошка—оскверняетъ человѣка, такъ какъ этимъ животнымъ владѣетъ бѣсъ. Кто убиваетъ бѣса и одержимую имъ нечистую тварь—совершаетъ тѣмъ самымъ подвигъ благочестія. Если поэтому постоянное сопровожденіе предковъ котенкомъ, о которомъ говорится въ хевсурскомъ заклинаніи, неизбѣжно должно повесть за собою ихъ непрекращающіяся мученія въ аду, то ношеніе въ шапкѣ ножекъ кошки, какъ наглядное доказательство тому, что долгъ истиннаго ревнителя вѣры, состоящій въ убіеніи нечистыхъ животныхъ, исполненъ, очевидно не можетъ имѣть для носящаго ничего иного, кромѣ добрыхъ послѣдствій.

Открытіе аналогіи между древнимъ персидскимъ правомъ и

---

[1]) Худадовъ. Замѣтки о Хевсуретіи, стр. 20.

[2]) Адаты кавк. горц., т. II; см. о вредныхъ обычаяхъ осетинъ.

современными обычаями осетинъ, чеченцевъ и грузинскихъ горцевъ представляетъ несомнѣнно больше трудностей, чѣмъ тѣ, какія стоятъ на пути при опредѣленіи вліянія, оказаннаго на Кавказъ всей вообще иранской культурой. Трудности эти двоякаго рода: во-первыхъ всякое древнее право вообще и въ особенности право арійскихъ народностей запечатлѣно извѣстнымъ характеромъ, который неизмѣнно повторяется законодательствами и обычаями народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени развитія или принадлежащихъ къ общему племенному стволу. При этихъ условіяхъ трудно сказать съ опредѣленностью, что то или другое учрежденіе воспроизводитъ собою особенности правовыхъ воззрѣній того, а не иного народа; что оно непремѣнно иранское по источнику, а не общеарійское и даже общечеловѣческое въ томъ смыслѣ, что равно свойственно всѣмъ народамъ, переживающимъ родовую фазу общежитія. Обратный выводъ былъ бы справедливъ лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было доказать, что аналогія не ограничивается однѣми общими и основными чертами изучаемаго учрежденія, но можетъ быть отмѣчена и въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ.

Вторая причина, еще болѣе затрудняющая изслѣдователя, это скудость и отрывочность свидѣтельствъ о древнѣйшемъ правѣ иранцевъ. Она объясняется тѣмъ фактомъ, что вмѣсто 21 тома, которые, согласно одному сохранившемуся въ Индостанѣ преданію, заключало въ себѣ изложеніе религіозно-нравственныхъ и юридическихъ воззрѣній древнихъ персовъ, до насъ въ полномъ видѣ дошла одна только Авеста. Девятый и девятнадцатый томы, которые согласно тому же преданію заключали въ себѣ нормы процессуальнаго, гражданскаго и уголовнаго права персовъ, погибли для насъ безвозвратно. Чтобы возстановить хотя нѣкоторыя черты древне-иранскаго права, Шпигель, Гайгеръ и другіе изслѣдователи утилизируютъ частью отрывочныя свидѣтельства греческихъ писателей, частью уцѣлѣвшія до насъ также далеко не въ полномъ видѣ священныя книги персовъ, религіозныя вѣрованія которыхъ имѣютъ своимъ источникомъ Авесту. Въ недавнее время наконецъ французскій ученый Родольфъ Дарестъ сдѣлалъ попытку восполнить этотъ довольно скудный матеріалъ

тѣми данными, какія о древнемъ правѣ персовъ содержитъ въ себѣ еврейскій Талмудъ.

Пользуясь установленными новѣйшей литературой данными по отношенію къ особенностямъ древне-персидскаго права, мы попытаемся отмѣтить въ юридическихъ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ наиболѣе согласныя съ ними черты.

Мы не будемъ останавливаться на отмѣченныхъ уже нами порядкахъ эндогамическаго брака, одинаковаго въ древней Персіи и въ современномъ Дагестанѣ, ни на необходимости искать въ Авестѣ объясненія нѣкоторымъ формамъ осетинской, ингушевской или хевсурской присяги. Но мы считаемъ нужнымъ указать какъ въ семейномъ, такъ и въ процессуальномъ правѣ горцевъ такія подробности, которыя цѣликомъ воспроизводятся священными книгами иранцевъ и парсовъ.

Парсы Индіи, говоритъ Дарестъ, различаютъ пять видовъ брака: 1) шогъ занъ или бракъ съ молодой дѣвушкой, становящейся законной супругой; 2) іоганъ занъ, при которомъ выговаривается, что происшедшій отъ брака ребенокъ будетъ считаться сыномъ отца или старшаго брата мужа, смотря по тому, какой изъ двухъ умеръ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола; 3) сатаръ занъ, когда то же условіе выговаривается въ пользу третьяго лица, не принадлежащаго къ числу родственниковъ и принимающаго на себя обязательство совершить денежный платежъ въ пользу мужа; 4) сакиръ занъ или бракъ на вдовѣ; 5) ходаскъ рай занъ или бракъ на дѣвушкѣ, вступающей въ супружество противъ воли ея родителей; такой бракъ, значится въ текстахъ, долженъ быть признанъ худшимъ изъ всѣхъ [1]).

Что въ только что приведенной классификаціи слѣдуетъ видѣть черты древне-иранскаго права доказываетъ существованіе однохарактерныхъ съ упоминаемой ею формъ брака Персіи XVII вѣка, эпохи, къ которой относится путешествіе Шардена въ эту страну. Вотъ что говоритъ намъ французскій путешественникъ объ одномъ изъ трехъ видовъ супружескаго сожитія до-

---

1) Spiegel. Avesta, t. III, стр. 678.—Bundehesch (West, Pahlav. texts, t. I, стр. 142) Gaîger, Ost-irani R., стр. 245.

пускаемыхъ обычаями персовъ: на ряду съ законнымъ супружествомъ, говоритъ онъ, повторяя въ этомъ отношеніи свидѣтельство іезуита Шинона, персы заключаютъ еще временные браки съ взятыми ими на время женщинами; эти браки извѣстны подъ наименованіемъ Möta (Шинонъ пишетъ Moutta, Шарденъ Moutaa) [1]). Число такихъ временныхъ женъ неопредѣленно. Взявшій ихъ къ себѣ мужчина долженъ, по окончаніи срока, дать имъ выговоренное напередъ вознагражденіе. Платежъ долженъ быть произведенъ полностью даже въ томъ случаѣ, когда одна изъ такихъ женъ будетъ отпущена раньше срока. Временные браки заключаются обыкновенно съ женщинами, общественное положеніе которыхъ ниже того, какое принадлежитъ ихъ жениху. Если, говоритъ Шарденъ, кто нибудь пожелаетъ пріобрѣсть такую женщину навсегда, онъ достигаетъ этого, нанявши ее срокомъ на девяносто лѣтъ. И не обращаясь къ этому средству, персы, по словамъ Шардена, имѣютъ возможность продолжить существованіе подобныхъ союзовъ, возобновляя ихъ по истеченіи срока. Шинонъ, а за нимъ Шарденъ, настаиваютъ на необходимости отличать эти временные браки отъ того, дозволеннаго обычаемъ сожитія, въ какое персы вступаютъ съ своими рабынями. Такія связи извѣстны у нихъ подъ особымъ наименованіемъ Canise; онѣ не сопровождаются никакими платежами и могутъ быть заключаемы и расторгаемы неопредѣленное число разъ и во всякое время. Хотя временныя жены и не поставлены у персовъ на одну доску съ конкубинами, онѣ могутъ тѣмъ не менѣе быть ссужаемы во временное пользованіе постороннимъ лицамъ. Магометанское законодательство не устанавливаетъ на этотъ счетъ другихъ ограниченій, кромѣ слѣдующихъ. Въ теченіе сорока дней по окончаніи срока сожитія съ прежнимъ супругомъ временная жена должна воздерживаться отъ сожитія съ новымъ супругомъ. Это сорокодневіе признается нужнымъ для «очищенія».

Только что упомянутые временные браки персовъ представляютъ аналогію съ тѣми, которые священныя книги парсовъ обозначаютъ терминомъ «сатаръ занъ», т. е. браковъ, основу

---

[1]) Relation du Ledaut, стр. 105. Chardin, t. I, стр. 268.

которыхъ составляетъ временная ссуда жены постороннему лицу подъ условіемъ вознагражденія.

Шакиръ занъ или бракъ на вдовѣ вполнѣ отвѣчаетъ общему персамъ съ индусами и греками, не говоря уже о евреяхъ, левирату или деверству.

Если сопоставить съ только что упомянутыми формами брака тѣ, съ какими знакомитъ насъ обычное право осетинъ, то намъ необходимо будетъ признать между ними рѣшительное сходство: на ряду съ законной женой осетинамъ извѣстны жены по имени или «номулусъ», которыхъ они пріобрѣтаютъ во временное пользованіе, платя имъ меньшую плату, чѣмъ та, какая полагается при вступленій въ законный бракъ. Свою именную жену осетинъ можетъ ссудить кому угодно, причемъ дѣти, рожденныя ею отъ сожитія съ постороннимъ человѣкомъ, считаются дѣтьми ея мужа. Юридическое положеніе номулусъ выше положенія, занимаемаго конкубинами; ее нельзя продать подобно тому, какъ продаютъ любовницу-рабыню, мужъ можетъ только отпустить ее раньше положеннаго срока, послѣ чего она пріобрѣтаетъ право свободно располагать собою; но пока она остается подъ однимъ кровомъ съ своимъ временнымъ мужемъ, она имѣетъ право требовать отъ него всего нужнаго для своего содержанія. Дѣти, рождаемыя ею отъ ея владѣльца или отъ того лица, которому мужъ уступитъ ее въ сожительство, не считаются незаконными дѣтьми на подобіе тѣхъ, какія прижиты отъ наложницъ-рабынь, и при прекращеніи линіи законныхъ наслѣдниковъ мужескаго пола вступаютъ во всѣ врава дѣтей рожденныхъ отъ равныхъ браковъ [1]). Если прибавитъ къ сказанному, что осетинамъ извѣстенъ левиратъ въ формѣ обязательнаго сожитія вдовы съ ближайшимъ родственникамъ мужа и что, подобно парсамъ, они допускаютъ сожитіе вдовы даже съ постороннимъ человѣкомъ, съ цѣлью рожденія ею ребенка, который считался бы сыномъ ея бездѣтнаго супруга, то сходство осетинскихъ брачныхъ порядковъ съ парсійскими покажется намъ доходящимъ до полнаго тождества. Правда, ссуда женъ съ цѣлью возстановленія племени умершаго [2]) извѣстна также и древнимъ сводамъ Ин-

1) См. Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 233 и 234.

2) Manou, кн. IX, p. 164—7.

діи, но въ этомъ можно видѣть только подтвержденіе давно установленному положенію о болѣе тѣсной связи между индуской и иранской вѣтвью арійцевъ, наглядным проявленіемъ чего является и большее сходство ихъ юридическихъ обычаевъ. Оно ни мало не подрываетъ силы того общаго положенія, что брачныя порядки осетинъ являются выраженіемъ тѣхъ же нравственныхъ и юридическихъ воззрѣній, которыя нѣкогда были господствующими на протяженіи всего Ирана и въ частности въ древней Персіи.

Въ сферѣ процессуальнаго права общность кавказскихъ юридическихъ порядковъ съ тѣми, родиной которыхъ былъ древній Иранъ сказывается въ существованіи одинаково въ древней Персіи и въ древней Грузіи однихъ и тѣхъ же видовъ судебныхъ испытаній или ордалій. При общераспространенности въ древнемъ правѣ этого вида судебныхъ доказательствъ невозможно было бы утверждать, что его присутствіе въ древней Грузіи не имѣетъ другаго источника, кромѣ вліянія оказаннаго на нее религіознымъ законодательствомъ Ирана. Но если принять во вниманіе, что распространенные на Кавказѣ виды ордалій тѣ самые, которые упоминаются Авестой, и что порядокъ производства испытанія представляетъ поразительное сходство съ тѣмъ, о которомъ говорятъ иранскіе источники, то трудно будетъ отрѣшиться отъ того впечатлѣнія, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть нѣчто не самобытно развившееся, а привнесенное извнѣ, и притомъ ни отъ куда болѣе, какъ изъ Ирана, культура котораго такъ могущественно вліяла на культуру Кавказа. То обстоятельство, что какъ замѣчаетъ Г. Бакрадзе, объ ордаліяхъ нѣтъ упоминаній ни въ древне-грузинской и армянской письменности, ни въ доселѣ обнародованныхъ грузинскихъ актахъ, и что о нихъ говорится исключительно въ «уложеніи царя Вахтанга», до нѣкоторой степени подкрѣпляетъ нашъ взглядъ на самый источникъ ихъ происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы самостоятельно развившееся учрежденіе оставило такъ мало слѣдовъ своего существованія,—и легче помирить этотъ фактъ съ предположеніемъ о заимствованіи и перенесеніи извнѣ. Источникомъ, изъ котораго сдѣлано было это заимствованіе, была не Русская правда и Новгородская Судная грамота, какъ ошибочно

думаетъ г. Бакрадзе [1]), а древнее законодательство иранцевъ. Судебныя испытанія иранцевъ, какъ показываетъ и Гейгеръ [2]), а за нимъ Дарестъ [3]), были троякаго рода: испытанія съ помощью кипятка съ опущеннымъ въ него золотымъ кольцомъ, которое испытуемый долженъ былъ вынуть; испытаніе съ помощью погруженія въ текущую воду, подъ поверхностью которой надо было пробыть положенное судьями время; и испытаніе съ помощью огня, по всей вѣроятности принимавшее форму зажженнаго костра. Не обо всѣхъ этихъ видахъ испытаній идетъ рѣчь въ уложеніи царя Вахтанга. Статья 6, 8 и 9 знаютъ только объ испытаніи раскаленымъ желѣзомъ и кипяткомъ, и тѣ же виды ордалій упоминаются въ тѣхъ протоколахъ судебныхъ рѣшеній гурійскихъ мдиванъ—беговъ, которые г. Бакрадзе удалось открыть во время его путешествія по Гуріи и Адчара [4]). Но въ Осетіи, адаты которой ни словомъ не упоминаютъ объ Ордаліяхъ, еще сохранились поговорки, невольно наводящія на мысль объ общераспространенности нѣкогда въ народномъ быту того вида судебныхъ испытаній, который состоялъ въ погруженіи подвергавшагося ему лица въ холодную воду. «Праведнаго даже вода не несетъ», говоритъ одна изъ этихъ пословицъ, выражая этимъ ту мысль, что говорящій истину останется подъ водою положенное судьями время, а не всплыветъ на ея поверхность. Въ основаніи такого убѣжденія, послужившаго источникомъ для упоминаемой Авестой водной ордаліи, лежитъ религіозное вѣрованіе иранцевъ, что вода, эта «чистая» стихія, согласна принять въ свое лоно только невиннаго; виновнаго же она выбрасываетъ на свою поверхность. Въ той же Осетіи, по словамъ Г. Шанаева, доселѣ сохранился одинъ обрядъ, происхожденіе котораго невольно наводитъ на мысль о существованіи нѣкогда въ ней того же испытанія «кострищемъ», на которое можно найти, по словамъ Гейгера, намеки въ древне-иранскихъ источникахъ. «При кражахъ

---

[1]) Сборникъ законовъ грузинскаго царя Вахтанга VI. Тифлисъ. 1887 г. стр. 6, примѣчаніе.

[2]) Ost-iranische Kultur, стр. 461.

[3]) Etudes d'histoire du droit, стр. 105.

[4]) См. Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчарѣ, Петербургъ, 1878 г., стр. 341 и 351.

движимаго имущества, по преимуществу же мелкихъ женскихъ вещей, говоритъ онъ, подозрѣваемому назначалась потерпѣвшимъ лицомъ присяга:—перепрыгнуть черезъ зажженную волчью жилу».

Зажигали высушенную волчью жилу, опускали ее въ небольшую яму и слегка прикрывали землею, чтобы дать ей возможность дымиться. Подозрѣваемаго приглашали затѣмъ перепрыгнуть черезъ нее.—Если подозрѣваемый дѣйствительно былъ виновенъ и тѣмъ не менѣе рѣшался сдѣлать этотъ прыжокъ, то послѣдствіемъ его поступка, согласно вѣрованію осетинъ, неизбѣжно должно было сдѣлаться искривленіе: онъ на всю жизнь становился калѣкой. Очевидно, что въ томъ видѣ, въ какомъ только что описанное испытаніе примѣняется въ настоящее время, оно не можетъ ни въ какомъ случаѣ произвести того послѣдствія, на которое разсчитано, то есть калѣчества, происходящаго отъ обжога. А это даетъ поводъ думать, что въ былое время испытаніе это практиковалось въ нѣсколько иной формѣ: земли не присыпали и искривленіе могло произойти самымъ естественнымъ образомъ, каждый разъ, когда вмѣшательство божества не спасало испытуемаго отъ природнаго дѣйствія огня. Такимъ образомъ, въ осетинской формѣ огневой ордаліи слѣдуетъ видѣть не иное что, какъ извращеніе первоначальнаго ея характера, предполагавшаго у осетинъ такое же прохожденіе черезъ «кострище», какъ и у древнихъ иранцевъ. Если прибавить къ сказанному, что въ доказательство правоты утверждаемаго осетины до сихъ поръ употребляютъ выраженіе: «пройду черезъ огонь» и что употребляемый ими терминъ для обозначенія присяги:—артхарынъ въ буквальномъ переводѣ значитъ: пожирать огонь, то предположеніе о существованіи у нихъ нѣкогда иранскаго испытанія костромъ пріобрѣтаетъ еще большее вѣроятіе. Въ народной фантазіи человѣкъ, проходящій невредимо черезъ огонь, рисуется пожирающимъ эту стихію. [1])

Что касается до грузинскаго порядка испытанія путемъ кипятка, то онъ представляетъ большое сходство съ тѣмъ, о которомъ говоритъ Авеста. Статья 8 уложенія Вахтанга заклю-

---

[1]) Сравни мой Современный обычай и древній законъ, т. II, стр. 255.

часть въ себѣ на этотъ счетъ слѣдующее: передъ испытаніемъ невинности черезъ каленое желѣзо и кипятокъ, кои обыкновенно назначаются по одинаковымъ дѣламъ, обвиняемому дается время на молитву. Въ это время на лобномъ мѣстѣ кипятятъ въ котлѣ воду; на котелъ кладутъ палочку, а къ ней привѣшиваютъ нитку, на которой и опускаютъ въ воду желѣзный, мѣдный или серебряный крестикъ безъ мощей и безъ всякаго на немъ изображенія. Когда вода закипитъ, то котелъ снимается съ огня и обвиняемый опускаетъ руку въ кипятокъ во имя божіе и вынимаетъ ею крестикъ. Тотчасъ по совершеніи этого обряда обвиняемому надѣваютъ на руку мѣшочекъ, завязываютъ его и прилагаютъ къ узлу печать. Рука остается въ этомъ положеніи до третьяго дня, послѣ чего снимаютъ мѣшочекъ. Если рука окажется не обожженой, то обвиняемый правъ; если-же она обожжена, то неправъ и долженъ быть наказанъ, по мѣрѣ преступленія.

Въ описанномъ ритуалѣ можно отмѣтить всѣ черты предписываемаго Авестой испытанія кипящей водой; единственной чертой отличія является замѣна золотаго кольца крестикомъ. Источникъ этой перемѣны лежитъ очевидно въ видоизмѣненіи старинаго обряда позднѣйшей по времени проповѣдью христіанскаго ученія. «Раскаленное желѣзо и кипятокъ одно и то же», таковъ буквальный переводъ Грузинскаго текста Вахтангова уложенія. Этимъ объясняется, почему въ Грузіи отъ выбора судьи зависѣло назначить подсудимому то или другое испытаніе. Самый порядокъ производства испытанія съ помощью желѣза передается уложеніемъ Вахтанга въ слѣдующихъ словахъ: желѣзо раскаляется до красна; затѣмъ, положивши обвиняемому на руку листъ бумаги, кладутъ на него орудіе испытанія; обвиняемый дѣлаетъ съ нимъ три шага и бросаетъ его на землю; если желѣзо не обожгло ему руки, онъ считается правымъ и наоборотъ. Передавая, со словъ грузинскаго свода, подробности только что описаннаго ритуала, итальянецъ Гамба въ своемъ путешествіи въ Южную Россію замѣчаетъ: такъ какъ обычай дозволялъ покрывать руку испытуемаго болѣе или менѣе толстой бумагой, то въ рукахъ судей всегда была возможность повліять на самый исходъ испытанія; стоило только положить на руку

болѣе толстую бумагу и испытуемый избѣгалъ обжога [1]). Въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» я указалъ на тѣ пріемы, къ какимъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ прибѣгали и доселѣ прибѣгаютъ съ цѣлью направить испытаніе къ напередъ намѣченному результату; къ числу этихъ пріемовъ необходимо отнести и тотъ, къ которому прибѣгали грузинскіе судьи.

Только возможностью такого обхода закона и объясняется фактъ удержанія въ Грузіи почти до нашихъ дней этого вида судебныхъ доказательствъ, нелѣпость котораго невольно бросается въ глаза всякому.

Считать ордаліи нововведеніемъ Вахтангова кодекса, какъ это, повидимому, склоненъ думать г. Бакрадзе, я не вижу основанія, хотя бы по той причинѣ, что въ описаніи Колхиды или Мингреліи, составленномъ миссіонеромъ Ламберти [2]) до появленія Вахтангова кодекса, уже идетъ рѣчь о погруженіи руки въ котелъ съ кипяткомъ и о вынутіи изъ него обвиняемымъ опущеннаго въ него предварительно крестика.

Въ отчетѣ Ламберти вниманія заслуживаетъ слѣдующая черта: вода въ котлѣ должна быть согрѣта съ помощью топлива изъ особо предназначеннаго для этого лѣса, который онъ называетъ «bois de serment» [3]).

Эта подробность интересна потому, что, какъ видно изъ данныхъ сообщаемыхъ Гейгеромъ, не всякій лѣсъ считался въ древней Персіи одинаково годнымъ для поддержанія огня на очагѣ, а только тотъ, который спеціально предназначаемъ былъ для этой цѣли; такимъ образомъ сходство древне-иранскихъ и грузинскихъ обрядовъ восполняется еще новою чертою.

Труднѣе доказать непосредственную филіацію правовыхъ идей между послѣдователями Авесты и современными горцами Кавказа въ сферѣ уголовнаго права.

---

1) Voyage dans la Russie meridionale depuis 1820 jusqu'en 1824, par le chevalier Hamba, Consul du roi à Tiphlis. Paris. 18—26, т. I, стр. 313.

2) Кодексъ Вахтанга VI появился не позже 1707 года, годъ смерти этого короля. Отчетъ Ламберти о состояніи Мингреліи обнародованъ Тевено въ 1696 г., но написанъ десятками лѣтъ раньше.

3) Thévenot, т. 1, стр. 37.

Все что мы можемъ сказать на этотъ счетъ, это то, что немногія постановленія, какія иранскіе источники содержатъ въ себѣ по вопросу о кровной мести и выкупахъ или композиціяхъ, ни мало не противорѣчатъ ни общераспространенности кровомщенія на Кавказѣ, ни возможности откупиться отъ мести, уплативъ цѣну крови (цоръ, какъ называютъ её одинаково сванеты, пшавы, и хевсуры). Фраза, влагаемая персійскимъ аналистомъ Табари въ уста одного изъ послѣднихъ представителей династій Сассанидовъ, «кто не убьетъ убійцу своего отца, долженъ считаться незаконорожденнымъ», могла бы какъ нельзя лучше передать общераспространенное на Кавказѣ убѣжденіе, что отмщеніе составляетъ священную обязанность дѣтей. Солидарность родственниковъ въ платежѣ и соотвѣтственно въ полученіи выкуповъ за «кровь», о которой, въ примѣненіи въ древнимъ персамъ, говорятъ намъ Геродотъ, Амміанъ и Марцелинъ, доселѣ составляетъ общее явленіе на Кавказѣ и въ частности среди осетинъ и картвельскихъ горцевъ. То же можетъ быть сказано и о другой, не менѣе характерной чертѣ, одинаково присущей и древнеперсидскому праву, и современнымъ обычаямъ кавказскихъ горцевъ; я разумѣю отсутствіе кровомщенія въ родственной средѣ и проистекающую отсюда безотвѣтственность убійствъ, совершенныхъ мужемъ надъ женою, братомъ надъ братомъ и отцомъ надъ сыномъ [1]).

Если я не настаиваю на этихъ аналогіяхъ, какъ на доказательствѣ тѣснаго соотношенія между древнимъ правомъ иранцевъ и современными обычаями осетинъ, пшавовъ и хевсуръ, то потому только, что указанныя черты составляютъ, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, общую характеристику всякаго права, развившагося на почвѣ родового быта.

Больше основаній доказывать вліяніе древне-иранскихъ правовыхъ идей на тѣ обычаи, которые доселѣ продолжаютъ держаться въ Пшавіи и Хевсуретіи по вопросу о средствахъ добиться исполненія обязательства. Талмудъ отмѣчаетъ ту особенность древне-персидскаго права, что кредиторъ имѣетъ обыкновеніе обращаться съ требованіемъ объ удовлетвореніи долга не

[1]) Rodolphe Darèste, стр. 114 и 115.

къ самому должнику, а къ постороннему лицу, принявшему на себя обязанность поручителя. Это лицо, какъ общее правило, гарантировало себя отъ денежной неисправности должника требованіемъ отъ него особаго залога. Описываемые Талмудомъ порядки не мудрено узнать въ тѣхъ, какіе доселѣ продолжаютъ держаться среди Хевсуръ. Въ случаѣ неисправности, кредиторъ требуетъ у нихъ уплаты не отъ должника, а отъ постороннаго лица, которое носитъ названіе «Музевали», что въ буквальномъ переводѣ значитъ «на мнѣ лежитъ долгъ». «Музевали» обязанъ удовлетворить кредитора и пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ право требовать отъ должника уплаты ему не простой, а двойной суммы его долга. Не видѣть ли въ этомъ добавочномъ платежѣ, производимомъ должникомъ въ пользу Музевали, тотъ равный суммѣ долга залогъ, какимъ въ древней Персіи поручители обезпечивали себя по отношенію къ должникамъ [1]). Обычай музевальства одинаково распространенъ въ Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи и составляетъ такимъ образомъ общую черту въ бытѣ грузинскихъ горцевъ. Отрывочность уцѣлѣвшихъ до насъ данныхъ о договорномъ правѣ древнихъ иранцевъ мѣшаетъ намъ продолжить наши аналогіи и мы ограничимся по этому заявленіемъ, что рукобитіе, безъ котораго не совершается сколько нибудь серьезныхъ сдѣлокъ въ современной Осетіи, есть тотъ самый символическій актъ, которымъ Вендидадъ предписываетъ закрѣплять договоры и соглашенія [2]).

Ни въ одной сферѣ, однако, вліяніе, оказанное иранской культурой на юридическіе порядки кавказскихъ горцевъ, не можетъ быть прослѣжено съ такой наглядностью, какъ въ сферѣ ихъ сословнаго устройства. Говоря это, я имѣю въ виду тотъ фактъ, что въ бытѣ хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, равно какъ и въ бытѣ сванетовъ, можетъ быть отмѣчено существованіе пополняемаго не путемъ наслѣдственнаго преемства, а путемъ вербовки, особаго класса народныхъ жрецовъ, извѣстнаго въ Пшавіи

---

[1]) Rodolphe Darèste, стр. 113. — Худадовъ. Замѣтки о Хевсуретіи, стр. 20 и 21.

[2]) Vendidad, Fargad, IV, II a. When they strike hand in hand and make then agreement by word (Darmesteter The Avesta, part I, p. 35, Note I). Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 174.

подъ названіемъ хевисберовъ, въ Хевсуретіи—подъ наименованіемъ деканозовъ и дастуровъ, а въ Сванетіи—подъ прозвищемъ папи. Изъ этихъ именъ одно заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ оно буквально то же, что и названіе жрецовъ въ Авестѣ; я разумѣю терминъ «дастуръ».

Этотъ терминъ, говоритъ Говелакъ, обозначаетъ собою верховныхъ представителей класса жрецовъ въ Авестѣ, обязанность которыхъ не только знать на память текстъ священныхъ книгъ, но и толковать ихъ при случаѣ [1]). Хевсурскій дастуръ, наоборотъ, далеко не первое лицо въ церковной іерархіи; это не болѣе какъ непосредственный служитель святыни, обязанный неотлучно находиться при капищѣ; одна изъ его обязанностей состоитъ въ приготовленіи выпиваемаго на празднествахъ въ честь святого пива или бузы, которое онъ сливаетъ въ хранящіеся при капищѣ желѣзные чаны. Во время варки пива онъ обязанъ придерживаться извѣстнаго ритуала: ходить разутымъ безъ шапки и пояса, во всемъ соблюдать чистоту и воздерживаться отъ всякаго разговора съ кѣмъ-бы то ни было [1]). Высшими членами церковной іерархіи являются тѣ лица, которыя у пшавовъ носятъ названіе хевисберовъ, т. е. монаховъ ущелья. Вотъ какими чертами характеризуетъ намъ порядокъ назначенія этихъ хевисбери, иначе деканозовъ, князь Эристовъ въ своемъ описаніи тушино-пшаво-хевсурскаго округа. Желающій носить это званіе притворяется больнымъ и затѣмъ объявляетъ, что видѣлъ во снѣ святого, который обѣщалъ ему выздоровленіе подъ условіемъ, что онъ посвятитъ себя его служенію; нерѣдко также волю божества объявляютъ будущему деканозу мужчины и женщины гадалки, извѣстныя подъ названіемъ «кадаги». Ищущій званія деканоза или хевисбера отправляется въ капище, въ сообществѣ имѣющихся уже деканозовъ, закалываетъ передъ капищемъ корову, это посвященное Ормузду животное, угощаетъ мясомъ ея своихъ товарищей и даетъ клятву строго соблюдать обряды религіи и употреблять въ пищу только мясо рогатаго скота. Въ отличіе отъ пшавовъ и хевсуръ, ту-

---

[1]) Hovelacque (Abel). L'Avesta. стр. 442.

[2]) Худадовъ, стр. 35.

шины знаютъ наслѣдственность жреческихъ функцій. На деканозѣ лежитъ обязанность соблюдать чистоту и цѣломудріе, не прикасаться къ трупамъ умершихъ или къ тѣлу новорожденнаго въ продолженіе извѣстнаго времени, слѣдующаго послѣ рожденія, не ступать на слѣдъ менструирующихъ женщинъ, не употреблять въ пищу ни свинины, ни куръ, ни яицъ и довольствоваться мясомъ посвященнаго Ормузду рогатаго скота. Когда къ деканозу народъ обратится за разузнаніемъ воли божества или того, или другого святого, онъ начинаетъ съ того, что совершаетъ въ его честь жертвоприношеніе, послѣ чего начинаетъ бѣсноваться, вертится на мѣстѣ, бьетъ себя камнемъ въ грудь и въ изнеможеніи падаетъ на землю; пролежавъ на ней нѣкоторое время въ притворномъ безчувствіи, онъ вскакиваетъ на ноги и съ пѣной на губахъ вѣщаетъ волю святого.

У пшавовъ компетенція хевисбери, по словамъ Г. Хаханова, была нѣкогда весьма обширной; онъ соединялъ права и обязанности языческаго жреца, библейскаго судьи и христіанскаго священника; въ его рукахъ сосредоточивалась духовная и свѣтская власть; въ военное время онъ предводительствовалъ ополченіемъ, въ мирное—призываемъ былъ какъ посредникъ къ судебному разбирательству. Его религіозныя обязанности и доселѣ весьма разнообразны: онъ закалываетъ принесенныхъ въ жертву животныхъ, произноситъ заклинанія надъ больными и благословляетъ брачущихся; онъ же назначаетъ служителей церкви или дастуровъ [1]).

Сопоставляя эти данныя съ тѣми, которыя древніе писатели передаютъ намъ о магахъ, мы безъ труда можемъ отмѣтить поразительное сходство тѣхъ и другихъ. Подобно магамъ, хевисбери,

---

1) Литература о народныхъ жрецахъ Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи довольно обширна. Укажу на записки о тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ, кн. Р. Эристова. 1854 г. Записки о Тушетіи, Цискарова. Кавказъ. 1849 г., № 8. Путешествіе въ Хевсуретію Бакрадзе. Записки о ней Худадова и статью о пшавахъ, составленную г. Хахановымъ на основаніи статей изъ грузинской газеты «Дроэба». (Сб. матеріаловъ по этнографіи, изданный Дашковскимъ музеемъ, вып. III, стр. 86 и 87). Г-нъ Дубровинъ и д-ръ Радде, и кн. Мачабелли не прибавляютъ ничего новаго къ собраннымъ ранѣе ихъ даннымъ.

деканозы или дастуры обходятся безъ храмовъ и идоловъ [1]), собственноручно закалываютъ приводимыхъ вѣрующими жертвенныхъ животныхъ, истолковываютъ народу волю божества, соблюдаютъ всѣ предписанія Авесты на счетъ физической чистоты, употребляютъ въ пищу только мясо жертвенныхъ животныхъ, посвященныхъ Ормузду коровъ и воловъ [2]). Они еще такъ близки къ своему языческому первообразу, что въ совершаемыхъ ими христіанскихъ таинствахъ и въ томъ числѣ въ крещеніи и причащеніи не всегда легко отличить христіанскія черты отъ языческихъ. Совершаемый въ Пшавіи хевисбери обрядъ крещенія скорѣе напоминаетъ собою предписанное Авестою омовеніе новорожденнаго съ цѣлью избавить его отъ пріобрѣтенной имъ въ утробѣ матери нечистоты; а раздача дастуромъ собравшейся на празднество толпѣ пива для причащенія больныхъ представляетъ лишь отдаленное подобіе съ христіанскимъ причащеніемъ.

Въ народныхъ преданіяхъ пшавовъ хевисбери и ихъ родоначальникъ Копала изображаются намъ ведущими ожесточенную борьбу съ девами или злыми духами, нерѣдко принимающими приписываемую имъ древней иранской миѳологіей форму драконовъ. Въ этихъ сказаніяхъ сходство между народными жрецами грузинскихъ горцевъ и магами Мидіи и Персіи такъ велико, что всякое дальнѣйшее настаиваніе на немъ является излишнимъ [3]).

Намъ остается еще задаться вопросомъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести происхожденіе тѣхъ культурныхъ вліяній, изученіе которыхъ составило задачу настоящей главы. Я полагаю, что иранская культура наложила свою печать на кавказскую въ двѣ далеко отстоящія другъ отъ друга эпохи и что ея вліяніе на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребра сказалось гораздо ранѣе, нежели на южномъ. Если принять во вниманіе, что описанныя нами усыпальницы, весьма похожія на упоминаемыя Авестой «dakhme», расположены въ Перикительской Хевсуре-

1) См. на этотъ счетъ свидѣтельства Геродота о древнихъ персахъ, кн. VI—9. V—102, VIII—109, VII—8.

2) См. Abel Hovelacque. L'Avesta, стр. 444—449.

3) См. Этнографическое обозрѣніе, вып. I, стр. 138.

тіи, т. е. въ той, которая тянется по южному склону главнаго хребта; если имѣть въ виду, что своеобразная организація народнаго жречества, близкая по характеру къ древне-персидскому или мидійскому магизму, составляетъ особенность однихъ картвельскихъ горцевъ и не повторяется въ осетіи;—что терминъ дастуръ, въ которомъ обозначаются служители капищъ ухевсуръ,—тотъ самый, какой употребляется Авестой;—что предписанія о соблюденіи физической чистоты, однохарактерныя съ тѣми, о какихъ идетъ рѣчь въ Вендидадъ, не извѣстны осетинамъ;—что въ отличіе отъ осетинъ—хевсуры надѣляютъ и солнце и горы тѣми же геніями или фравашами, какими надѣляетъ ихъ и Авеста [1]),—то не трудно будетъ прійти къ тому заключенію, что, въ отличіе отъ сѣвернаго Кавказа, южный получилъ открываемые въ немъ слѣды иранской культуры изъ того источника и изъ той эпохи, въ которой религіозное, нравственное и юридическое ученіе Авесты являлось вполнѣ сложившимся.

На эту мысль наводятъ насъ также свидѣтельства грузинскихъ хроникъ, не разъ упоминающихъ, какъ мы видѣли выше, о призваніи изъ Персіи «маговъ и огнепоклонниковъ» въ эпоху правленія въ ней династіи Сассанидовъ—этихъ извѣстныхъ ревнителей Авестинскаго вѣроученія.

Съ другой стороны, сопоставляя осетинскій культъ предковъ съ тѣмъ, которымъ иранцы окружаютъ своихъ фравашей, нельзя не отмѣтить его большой близости къ обще-арійскому образцу, выраженіемъ котораго можетъ считаться культъ ведійскихъ пиѳиссъ. Гарлезъ справедливо отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ Авестѣ фраваши не являются исключительно душами усопшихъ, но геніями, которыми одинаково надѣлены и умершіе, и живущіе, и имѣющія явиться народныя поколѣнія. Своихъ фравашей имѣютъ и божественныя существа, обитающія на небѣ; ихъ имѣютъ и отдѣльные предметы природы. Такое воззрѣніе, удаляющееся отъ

---

[1]) Въ молитвѣ, дѣлаемой хуцесомъ или помощникомъ деканоса передъ жертвоприношеніемъ, на ряду съ Всемогущимъ Богомъ, матерью земли и солнцемъ, упоминается также ангелъ или геній солнца. О геніяхъ горъ и ихъ почитаніи хевсурами говоритъ и Эристовъ и Мачабелли. Надѣленіемъ фравашами предметовъ природы только и объясняется упоминаемое Раддe многобожіе хевсуръ. (стр. 89).

общаго всѣмъ арійскимъ народностямъ почитанія усопшихъ душъ, составляетъ позднѣйшую особенность религіознаго ученія Авесты. Каковъ бы ни былъ источникъ этого позднѣйшаго спиритуализма [1]), но отсутствіе его въ осетинской миѳологіи приближаетъ ее къ той, изъ которой развилась со временемъ миѳологія Авесты. Отсутствіе строгаго дуализма, того сосредоточенія добраго и злаго начала въ лицѣ двухъ непрестанно борющихся между собою божествъ, Агарамазды и Анграманью, которое характеризуетъ собою религіозныя ученія Авесты, подкрѣпляетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что переселеніе на Кавказъ того иранскаго племени, потомками котораго являются современные осетины, началось ранѣе той эпохи, въ которую были составлены религіозныя книги иранцевъ. [2]) Профессоръ Миллеръ приходитъ къ тѣмъ же заключеніемъ на основаніи данныхъ осетинскаго языка. Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что культурныя слова, относящіяся къ скотоводству, въ осетинскомъ языкѣ всѣ чисто иранскаго происхожденія, и что, наоборотъ, названія земледѣльческихъ орудій и нѣкоторыхъ злаковъ, не говоря уже объ овощныхъ растеніяхъ и фруктовыхъ деревьяхъ,—или неизвѣстнаго происхожденія, или носятъ явные признаки заимствованія; г. Миллеръ приходитъ на основаніи этого къ заключенію, что, до поселенія на Кавказѣ, осетины были по преимуществу народомъ кочевымъ. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что осетинскія названія серебра, мѣди и свинца урало-алтайскаго происхожденія, приводитъ автора осетинскихъ этюдовъ къ тому убѣжденію, что «осетины должны были двигаться не съ юга, откуда они не могли бы принести съ собою урало-алтайскихъ названій для трехъ металловъ, а съ сѣвера, близъ

---

1) Гарлезъ полагаетъ, что онъ проникъ въ иранскую миѳологію изъ Мидіи и выработанъ былъ впервые въ средѣ магозъ. (См. Avesta, trad. par Harlet. Introduction, стр. CXXV).

2) Этому заключенію нимало не противорѣчатъ факты присутствія въ средѣ осетинскихъ богатырей или нартовъ и такъ называемаго Амирана (т. е. Аримана), такъ какъ сказаніе о немъ, по словамъ Мурье, доселѣ распространено въ Мингреліи, откуда ему легко было проникнуть и въ Осетію. (Сравни l'état religieux de la Mingrélie въ R. de l'histoire des religions за 1887 годъ).

обильныхъ металлами отроговъ Урала, т. е. пройти въ Европу тѣмъ путемъ, — между Уральскимъ хребтомъ и Каспіемъ, — по которому шли угро-финскія и урало-алтайскія племена, частью даже въ историческія времена» [1]).

«Архаичность осетинскаго языка, который въ своей фонетикѣ и формахъ представляетъ между всѣми иранскими языками черты наибольшей старины» [2]), также приводитъ г. Миллера къ убѣжденію, что переселеніе осетинъ въ Европу началось за долго до появленія древнѣйшихъ памятниковъ языка Авесты. Колыбелью осетинъ онъ считаетъ не Персію и Мидію, а лежащія къ сѣверу отъ нихъ степи, представлявшія больше удобства для кочевья. Изъ этихъ то степей, которыя онъ признаетъ прародиной иранцевъ, осетины и двинулись въ юго-восточную Россію и сѣверный Кавказъ, вмѣстѣ съ тою массою одноплеменныхъ съ ними народностей, которыхъ древніе въ разное время разумѣли подъ наименованіемъ сарматовъ и аланъ.

И такъ происхожденіе слѣдовъ иранской культуры на Кавказѣ объясняется двояко: во первыхъ, иммиграціей въ лицѣ осетинъ, доселѣ называющихъ себя иранами, иранской по происхожденію народностью, иммиграціей, время которой должно быть отнесено болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ до Рождества Христова и ранѣе составленія Авесты; а во вторыхъ,—распространеніемъ Авестинской культуры силой оружія персидскими монархами, по преимуществу—Сассанидами, въ нерѣдко зависимой отъ нихъ Грузіи.

---

[1]) Осетинскіе этюды, часть III, стр. 11—15.

[2]) Ibid, стр. 72.

ГЛАВА II.

Греческое и римско-византійское вліяніе.

Извѣстна роль, какую Колхида, т. е. современная намъ Грузія, разумѣя подъ нею и Мингрелію, играетъ въ героическомъ эпосѣ древнихъ эллиновъ. Сказаніе о походѣ аргонавтовъ и о принесенномъ ими изъ Колхиды золотомъ рунѣ, какъ нельзя лучше доказываетъ и раннія сношенія древнихъ грековъ съ Кавказомъ и то представленіе, какое они имѣли о его богатствахъ. Миѳъ о Прометеѣ, — этотъ греческій пересказъ на половину иранской, на половину кавказской легенды—также говоритъ о той роли, какую восточное побережье Чернаго моря играло въ судьбахъ древне-греческаго мореходства и торговли. Натуральныя богатства страны рано вызвали колонизацію береговой полосы Кавказа греческими колонистами. Сцилаксъ, писатель VI-го вѣка до Р. Х., перечисляетъ слѣдующія греческія поселенія къ востоку отъ керченскаго пролива: Ѳанагорію, Кепи, Пату (Бату Страбона) [1]).

При современномъ состояніи кавказовѣдѣнія не возможно сказать опредѣленно, какое вліяніе греческія колоніи оказали на бытъ сосѣднихъ съ ними горцевъ. Есть основаніе полагать, что отношенія колонистовъ и туземцевъ были весьма отдаленными. Греческіе писатели, самою отрывочностью и неполнотою

---

1) Vivien de St. Martin. Mémoire historique sur la géographie ancienne du Caucase, стр. 22.

своихъ данныхъ о Табаренахъ и Мошисахъ, Амазонкахъ и Гаргаренахъ, Керкетахъ, Геніокахъ [1]), Кораксахъ, Коликахъ, Меланхленахъ, укрѣпляютъ насъ въ этомъ мнѣніи. Читая Сцилакса, Геродотаи ли Страбона, выносишь впечатлѣніе о совершенно поверхностномъ знакомствѣ Грековъ съ бытовыми условіями горцевъ. Упоминаніе о людоѣдствѣ, о макроцефализмѣ Абхазцевъ, о комунальномъ [2]) бракѣ Мошиссовъ, о кувадѣ Тибареновъ, о владычествѣ женщинъ у нѣкоторыхъ племенъ Сармановъ и объ обычаѣ Амазонокъ вырѣзывать себѣ правую грудь и вступать лишь во временное сожитіе съ сосѣдними имъ Гаргаренами, къ чему въ сущности сводятся всѣ завѣщанныя намъ греками данныя о кавказской этнографіи, еще не доказываетъ существованія непосредственныхъ сношеній между колонистами и дикими и полудикими народностями главнаго хребта. Самая неопределенность тѣхъ свѣдѣній, какія греческіе географы и историки сообщаютъ намъ о бытѣ горцевъ, даетъ основаніе думать, что источникомъ служили не личныя наблюденія колонистовъ, жившихъ на черноморскомъ побережьи, а дошедшіе до нихъ слухи. На основаніи греческихъ свидѣтельствъ трудно еще сказать, что бы Лезги были антропофагами, такъ какъ доказательствомъ ихъ каннибализма греки могли признать господствовавшій у нихъ доселѣ обычай рѣзать руки своихъ враговъ и вывѣшивать ихъ какъ трофеи. Трудно также видѣть опредѣленный историческій фактъ въ разсказѣ объ устраиваемыхъ Гаргаренами и Амазонками сходкахъ на раздѣляющей ихъ горѣ съ цѣлью устройства временныхъ связей. Культурное вліяніе запада на Кавказъ едва ли усилилось со времени присоединенія Греціи къ римскимъ владѣніямъ. Изъ римскихъ полководцевъ

---

1) Иначе называемыхъ ими леки и лезги и отвѣчающихъ современнымъ лезгинамъ. См. Mémoire historique sur la géographie ancienne du Caucase depuis l'époque des Argonautes pesqu'aux guèrres de Mithridate par. Vivien de S. Martin. Paris. 1847, стр. 22, 28 и 30.

Aristote. Politique, livre VIII, ch. 3. trad. de Barth. S. Hilaire, 1837, t. II, p. 137.

2) Упоминаніе о немъ принадлежитъ Гиппократу. (St. Martin, 72). Сдѣланныя Вс. Миллеромъ раскопки кургановъ въ Озроковѣ доставили не мало такихъ искусственно удлиненныхъ череповъ.

народныя сказанія горцевъ, записанныя армяно-грузинскими хрониками, сохранили память объ одномъ только Помпеѣ. Онъ проникъ въ дехины, лежащія на южномъ склонѣ кавказскаго хребта, воевалъ съ пшавами и сванетами и, по возвращеніи на родину, приказалъ вырѣзать на спеціально предназначенныхъ для того доскахъ имена яко-бы завоеванныхъ имъ кавказскихъ народностей. Между ними, на ряду съ плоскоснымн Армянами, Иберами и Кольхами мы находимъ и Ахейцевъ (теперешнихъ Абхазцевъ), Іозиковъ (Зиковъ или Черкесовъ), Сдановъ (сванетовъ) и Геніоковъ (Лезгинъ) [1]).

Заявленное официально покореніе Кавказа не перешло однако въ дѣйствительность, и все, что римляне сдѣлали для упроченія своего могущества на перешейкѣ, сводится къ поддержанію основанныхъ ранѣе ими греческихъ колоній. Эти колоніи и сдѣлались постепенно источникомъ религіозной культуры горцевъ. Къ упоминаемому Прокопьемъ мѣстному культу священныхъ рощъ, слѣды котораго обнаружены были еще недавно между черкесами, присоединилось почитаніе разнообразныхъ божествъ, включенныхъ въ первые вѣка Имперіи въ составъ римскаго Пантеона. Отличающій его синкретизмъ,—результатъ послѣдовательнаго воспріятія имъ александрійскихъ, фригійскихъ, сирофиникійскихъ и персидскихъ божествъ, находитъ отраженіе себѣ въ средѣ горцевъ въ эклектизмѣ народныхъ миѳологическихъ вѣрованій абхазцевъ, черкесовъ и осетинъ. Въ абхазской покровительницѣ посѣвовъ богинѣ «Джаджи» черты греко-римской Цереры сливаются съ чертами фригійской египетской Изиды, «великой матери» «Сибеллы», въ честь которой, въ началѣ весны совершаемы были особыя празднества [2]). Подобныя празднества доселѣ въ ходу у абхазцевъ; къ нимъ приглашаются всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ посѣвѣ. Осенью послѣ уборки кукурузы слѣдуетъ новое торжество, на которое опять таки являются исключительно лица, занятыя до толѣ уборкой. На этихъ весеннихъ и осеннихъ пиршествахъ не подается другихъ яствъ, кромѣ хлѣба и плодовъ; когда кушанья поставлены на

---

1) St. Martin, стр. 95.

2) Сравни Jean Révilli. La religion à Rome sous les Sévères. стр. 63.

столъ, старшій въ семействѣ обращается къ Джаджѣ съ молитвой о ниспосланіи обильнаго урожая или высказываетъ ей признательность за хорошую жатву [1]).

Въ большей чистотѣ и съ меньшей примѣсью постороннихъ элементовъ сохранились черты греко-римскаго божества въ лицѣ абхазскаго «Шесту», покровителя кузнечнаго и слесарнаго дѣла. Подобно греко-римскому Вулкану, Шесту считается изобрѣталемъ оружія и всего вообще кузнечнаго промысла. Присяга его именемъ приносится въ самой кузнѣ; взявъ молотъ въ руки, присягающій произноситъ: «если я виновенъ въ томъ въ чемъ меня обвиняютъ, пусть Шесту разобьетъ мою голову на наковальнѣ». Такъ какъ Шесту считается изобрѣтателемъ оружія, то его именемъ приносится присяга и нѣсколько иного порядка. Присягающій проходитъ между двумя рядами заряженныхъ ружей и говоритъ: «если я сказалъ ложь, пусть Шесту пронзитъ мою голову пулями изъ этихъ ружей». На ряду съ Шесту абхазскій богъ Афа, повелитель надъ громами, по волѣ котораго исходитъ дождь на землю, а тѣмъ болѣе абхазскій патронъ воровъ и грабителей Эйригъ воспроизводятъ собою каждый въ своемъ родѣ типическія черты греко-римскихъ божествъ: первый громовержца Юпитера, второй напоминаетъ намъ покровителя всякихъ рискованныхъ предпріятій Гермеса или Меркурія [2]). Въ осетинской народной миѳологіи мы снова встрѣчаемся съ нѣкоторыми изъ поименованныхъ божествъ греко-римскаго Пантеона; такъ осетинскій Курдалагонъ не иное что, какъ Вулканъ или божественный кузнецъ, такъ крѣпко закалившій одного изъ «нартовъ или богатырей (Батраза) въ своемъ горнѣ», что сдѣлалъ его стальнымъ на вѣки. Тотъ же Курдалагонъ сковываетъ другому богатырю мѣдный черепъ, когда ему проломили голову. Осетинамъ извѣстенъ также своего рода Нептунъ—это Донбетаръ, властитель надъ водами. Онъ живетъ въ водѣ, владѣетъ рыбою и имѣетъ много дочерей, напоминающихъ нашихъ русалокъ [3]). Что касается до повелителя громами, то его образъ смѣши-

---

1) Религіозныя вѣрованія абхазцевъ, стр. 10, въ пятомъ выпускѣ Сб. свѣд. о кавк. горц

2) Ibid, стр. 15—17.

3) Миллеръ. Осетинскіе этюды, часть II, стр. 247—249.

вается уже у осетинъ и у занявшихъ ихъ старинныя мѣста жительства балкарцевъ съ личностью пророка Ильи [1]).

Въ народной миѳологіи черкесовъ черты громовержца Юпитера и кузнеца Вулкана оживаютъ въ лицѣ божествъ Чибле и Тлепсъ. Въ честь перваго устроивается ежегодно нѣсколько празднествъ и совершаются жертвоприношенія козлятъ, сопровождаемыя молитвою о предохраненіи отъ его гнѣва, выраженіемъ котораго служатъ поражающіе смертью удары молніи. Что касается до Тлепса, то онъ считается спеціальнымъ покровителемъ кузнецевъ, творцомъ всего, что связано съ кузнечнымъ дѣломъ, а потому въ частности и плуга, чтовъ свою очередь дѣлаетъ изъ него также покровителя земледѣльцевъ и земледѣлія [2]).

Намъ неизвестенъ тотъ путь, какимъ миѳологическія вѣрованія классическихъ народовъ проникли въ среду туземныхъ племенъ Кавказа. Легко можетъ статься, что имъ была армянская миѳологія, отличающаяся тѣмъ же синкритизмомъ, что и римскій политеизмъ второго и третьяго вѣка. Въ пользу такого предположенія говоритъ фактъ существованія культа священныхъ рощъ одинаково въ армянской миѳологіи и въ народныхъ вѣрованіяхъ абхазцевъ, мингрельцевъ, ишавовъ и черкесовъ, а также то обстоятельство, что древнимъ армянамъ извѣстно было наравнѣ съ упомянутыми горцами и классическими народами древности, почитаніе «великой матери» (Анахитъ) и божества, напоминающаго собою Гермеса или Меркурія (Тиръ). Согласно [3]), Моисею хоренскому древнимъ армянамъ было извѣстно также божество водъ. «Источникъ—братъ» окруженъ былъ у нихъ тѣмъ же почитаніемъ, что и огонь—сестра [4]).

---

1) См. статью, озаглавленную «Въ Горскихъ Обществахъ Кабарды» изъ путешествія Вс. Миллера и М. Ковалевскаго. Вѣстникъ Европы. Апрѣль 84 года.

2) См. Koch. Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus, т. I, стр. 450.

3) См. Эминъ. Очеркъ религій и вѣрованій языческихъ армянъ въ приложеніи къ всеобщей исторіи Асохика. Москва. 64 годъ, стр. 293, Религіозное вѣрованіе абхазцевъ, въ V томѣ Сб. свѣд. о кавк. горц. Mourier, l'état religieux de la Mingrélie. Koch. Reise nach dem Kauk Istmus, т. I, стр. 451.

4) Эминъ. стр. 270 и 274.

Прямое вліяніе западной культуры на юридическій строй Кавказа не начинается однако ранѣе эпохи полнаго разсцвѣта Византійской имперіи во времена Юстиніана. Къ царствованію этого императора относитъ Прокопій первоначальное обращеніе въ христіанство береговыхъ черкесовъ—абазинцевъ, постройку въ ихъ странѣ храма Божьей Матери, посылку греческихъ духовниковъ и монаховъ и воспрещеніе торга невольниками [1]).

Къ этому времени по всей вѣроятности слѣдуетъ отнести и начало воздѣйствія римско-византійскаго права на горскій адатъ.

Проводникомъ этого воздѣйствія явилась древняя Арменія, которая при Арсацидахъ и Багратидахъ стояла, какъ извѣстно, въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Византіей.

Это обстоятельство открыло свободный доступъ въ страну началамъ римско—византійскаго права и вызвало въ XII вѣкѣ даже попытку слить ихъ воедино какъ съ ветхозаветными предписаніями и правилами вселенскихъ соборовъ, такъ и съ нѣкоторыми постановленіями народнаго обычая. Результатомъ этой попытки явился составленный на армянскомъ языкѣ Судебникъ Мехитара Гоша.

Этотъ судебникъ представляетъ собою чистую компиляцію, въ составъ которой вошли по преимуществу статьи изъ сборника, составленнаго въ концѣ IX вѣка по повелѣнію Льва Мудраго и заключающаго въ себѣ отрывки изъ институцій Ѳеодосіева кодекса, Пандектовъ, Базиликъ и постановленій Соборовъ [2]). Грузинскій Законникъ Вахтанга VI включилъ въ свой составъ этотъ древнѣйшій памятникъ писаннаго права на Кавказѣ. Судебникъ Гоша составляетъ особый отдѣлъ грузинскаго свода, озаглавленный «Армянскіе Законы». Знакомясь съ содержаніемъ этихъ законовъ, открываешь источникъ нѣкоторыхъ юридичес-

---

1) De Aedificiis, l. III, стр. 7, Цитата Dubois de Mompéreux, т. I, стр. 229.

2) Сборникъ Льва VI-го Мудраго извѣстенъ пока лишь въ грузинской передачѣ его сборникомъ законовъ Вахтанга VI. Онъ составляетъ особый отдѣлъ этого сборника, озаглавленный «Греческіе Законы». Онъ не знаетъ раздѣленія на титлы и заключаетъ въ себѣ счетомъ 418 параграфовъ. Подробности о немъ можно найти въ примѣчаніи къ 159 стр. сдѣланнаго г. Бакрадзе изданія грузинскаго законника.

кихъ нормъ, общихъ всѣмъ горцамъ западнаго Кавказа и поражающихъ своимъ сходствомъ съ извѣстными положеніями римско-византійскаго права. Для примѣра я укажу на отношеніе обоихъ законодательствъ къ воровству и всякому вообще присвоенію чужой собственности. Въ судебникѣ Мехитара Гоша оба дѣйствія поставлены на одну доску; такъ, срывающій колосья на чужой нивѣ подвергается равной отвѣтственности съ воромъ (статья 270), продавецъ получившій отъ покупщика задатокъ и отказывающій ему затѣмъ въ совершеніи купчей обязанъ возвратить двойную сумму задатка (статья 27), и то же правило примѣняется къ расточителямъ чужой собственности и сожигателямъ хлѣба въ скирдахъ (статьи 327 и 328). Обыкновеннымъ наказаніемъ за воровство судебникъ Мехитара Гоша за одно съ правомъ византійскимъ признаетъ возвращеніе двойной цѣнности похищеннаго. Пойманный воръ повиненъ заплатить хозяину вдвое противъ покраденнаго (статья 223). Но при воровствѣ скота «duplum» смѣняется «quadruplum», т. е. уплатой четверной стоимости похищеннаго. Къ нѣкоторымъ видамъ воровства Мехитаръ Гошъ, слѣдуя опять таки постановленіямъ римско-византійскаго права, относится съ особенною суровостью. Ночной воръ (fur nocturnus) подлежитъ смерти (статья 117), и та же участь ожидаетъ того, кто, ворвавшись въ чужой домъ силой, обокрадетъ его (статья 121).

Если мы сопоставимъ только что приведенныя статьи съ тѣми, какія по вопросу о воровствѣ содержитъ въ себѣ упомянутый уже мною сборникъ императора Льва VI Мудраго, то намъ не мудрено будетъ прійти къ заключенію, что Мехитаръ Гошъ цѣликомъ заимствовалъ ихъ изъ этого византійскаго источника. Въ отличіе отъ Юстиніанова права, относившагося къ воровству почти исключительно какъ къ частному преступленію, право византійское признаетъ за нѣкоторыми видами его характеръ публичности и подвергаетъ ихъ соотвѣтственно уголовнымъ карамъ, неустраняющимъ, впрочемъ, возмѣщенія хозяину украденной вещи двойной, четверной и т. д. стоимости ея [1]).

---

1) Karl Eduard Zacharia von Lingenthal. Geschichte des Gricchisch-römischen Rechts. Berlin. 1877, стр. 317.

Воромъ, постановляетъ этотъ сборникъ, называется тотъ, кто безъ оружія тайно крадетъ [1]) (статья 325). За первое воровство виновный подлежитъ двойному взысканію покраденнаго въ пользу хозяина (статья 320). Duplum платитъ и тотъ, кто, взявъ вещь на храненіе, станетъ запираться въ ея принятіи (статья 308), опекунъ, присвоившій себѣ что либо изъ имѣнія малолѣтняго (ст. 253), должникъ, несправедливо отрицавшій существованіе за нимъ долга (ст. 249); но если кто угонитъ скотину или присвоитъ себѣ вещи, вынесенныя изъ чужого дома во время пожара, или насильно отниметъ у кого его имущество, тотъ платитъ уже не duplum, а quadruplum (ст. 44, 43 и 19). За многократное воровство сборникъ Льва VI назначаетъ отсѣченіе руки (ст. 320); то же наказаніе постигаетъ того, кто во время похода присвоитъ себѣ чужую скотину (ст. 318). Если воровство сдѣлано ночью, оно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишеніе виновнаго зрѣнія (ст. 281—259). Кто съ оружіемъ въ рукахъ воруетъ и нападаетъ на людей, постановляетъ тотъ же сборникъ, тотъ считается разбойникомъ и подлежитъ сажанію на колъ; за убійство разбойника, какъ и за убійство ночного вора, не полагается никакой отвѣтственности (ст. 325, 323, 315) [2]).

Если мы зададимся въ настоящее время вопросомъ, въ какой мѣрѣ основной принципъ римскаго, а за нимъ и византійскаго права о возвращеніи воромъ двойной, а въ извѣстномъ случаѣ и четверной стоимости похищеннаго, воспринятъ народнымъ правомъ кавказскихъ горцевъ, то мы увидимъ, что въ отмѣну старинаго обычая родовыхъ обществъ, по которому воровство сдѣланное у чужеродцевъ не считается преступленіемъ и неимѣетъ по этому инаго послѣдствія, кромѣ простого возвращенія похищеннаго уличеннымъ въ кражѣ лицомъ, картвельскіе горцы и въ числѣ ихъ сванеты и юрскіе грузины требуютъ съ виновнаго, какъ общее правило, двойной цѣнности похищеннаго. Той же пропорціи придерживаются въ обыкновенныхъ случаяхъ кражи и осетины. Если подчасъ и дѣлается ими добавочное взысканіе, равное стоимости украденнаго, то лишь

[1]) Сборникъ Льва VI вошелъ въ составъ грузинскаго законника подъ названіемъ «Греческіе Законы».

[2]) Сравни постановленія Прохирона, титулъ 39, статьи 53—54.

съ цѣлью вознаградить имъ того, кто, принявъ на себя добровольно роль сыщика или доносчика (осетины называютъ его камдэогъ), успѣлъ обнаружить дѣйствительнаго виновника злодѣянія.

Подобно римско-византійскому праву, обычаи картвельскихъ горцевъ и осетинъ подводятъ подъ понятіе воровства всякое присвоеніе себѣ чужой собственности и соотвѣтственно предъявляютъ требованіе о duplum и къ неисправному должнику, и къ лицу, взявшему вещь на храненіе и погубившему ее по собственной винѣ.

Что касается до отвѣтственности лицъ, которыя, застигнувъ вора на самомъ мѣстѣ преступленія, посягнули на его жизнь, то осетины еще придерживаются той исконной точки зрѣнія, по которой всякое убійство, безъ различія мотивовъ, даетъ поводъ къ кровомщенію, тогда какъ сванеты, пшавы, хевсуры и тушины уже оставляютъ безнаказаннымъ убійство вора, найденнаго съ поличнымъ.

Требованіе съ вора двойной цѣнности украденнаго установлено въ Грузіи съ давнихъ временъ. За долго до включенія въ законы Вахтанга правила, что за украденное у крестьянина возвращается вдвое, а у лицъ прочихъ состояній вчетверо (ст. 154 и 149) и въ семеро, законы Бека (извѣстныя подъ названіемъ законовъ Агбуги) выразили старинное правило римскаго права о платежѣ воромъ «duplum» въ слѣдующей категорической формѣ: «кто украдетъ лошадь или что другое и оно окажется у него на лицо, тотъ долженъ возвратить покраденное вдвое» (ст. 63). То же взысканіе полагается и съ того, кто, взявъ вещь на храненіе, откажется возвратить ее хозяину (ст. 89). Грузинское право понимаетъ воровство въ томъ же широкомъ смыслѣ, въ какомъ понимало его и древнее римское, разумѣвшее подъ «furtum» всякіе виды присвоенія чужой собственности. Черезъ посредство грузинскаго права римское по природѣ своей постановленіе о duplum, ранѣе всего усвоенное на Кавказѣ армянскимъ правомъ, проникло такъ далеко, что его можно найти даже по ту сторону кавказскаго хребта въ Чечнѣ [1]). Только при воровствѣ на сторонѣ у чужихъ остается

[1]) См. Адаты кавк. горц. Леонтовича, т. II, стат. 94.

въ силѣ старинное правило родовыхъ сообществъ, по которому воръ не несетъ другого обязательства, кромѣ возвращенія присвоеннаго [1]). Обычаи чеченцевъ предъявляютъ требованіе о duplum только тогда, когда кража сдѣлана изъ дому [2]), но ингуши распространяютъ дѣйствіе этого правила на всѣ случаи воровства [3]). Подобно осетинамъ и чеченцамъ балкарцы не знаютъ по отношенію къ ворамъ иного возмездія, кромѣ взысканія съ нихъ двойной, тройной и четверной цѣнности похищеннаго. Всѣ виды присвоенія чужой собственности одинаково признаются ими за воровство, и самый поджогъ не сопровождается у нихъ другимъ послѣдствіемъ кромѣ взысканія въ пять разъ превышающаго стоимость сожженнаго. Даже въ средѣ черкесъ и кабардинцевъ правило о платежѣ воромъ нѣсколько разъ повторенной цѣнности украденнаго соблюдается каждый разъ, когда обидчикомъ является крестьянинъ, а обиженнымъ лицо высшаго общественнаго состоянія [4]).

На только что приведенномъ примѣрѣ видно, какимъ образомъ обычаи кавказскихъ горцевъ черезъ посредство грузинскаго и армянскаго права могли усвоить себѣ нѣкоторыя воззрѣнія римско-византійскаго законодательства. Я не думаю, чтобы при современной разработкѣ грузинскаго и армянскаго права была возможность опредѣлить съ точностью, какъ далеко идутъ заимствованія сдѣланныя кавказскими народными правами изъ римско-византійскихъ источниковъ, но я попытаюсь показать еще на нѣкоторыхъ случайно выбранныхъ мною примѣрахъ порядокъ воспріятія адатами кавказскихъ горцевъ отдѣльныхъ нормъ римско-византійскаго права. Путь, которымъ эти нормы проникли въ юридическое сознаніе туземныхъ племенъ, преимущественно южнаго склона главнаго хребта, очевидно не могъ быть иной, какъ черезъ посредство армянскаго и грузинскаго права. По этому въ каждомъ данномъ случаѣ мнѣ необходимо будетъ указать, во первыхъ, на усвоеніе того или другаго на-

---

1) Адаты кавк. горц., т. II, стр. 17.

2) См. описаніе гражданскаго быта чеченцевъ 1843 года. Леонтовича, т. II, ст. 94.

3) Леонтовичъ, т. II, ст. 179.

4) См. Адаты кавк. горц., т. I, ст. 253 и 256.

чала Судебникомъ Мехитара Гоша и грузинскимъ Законникомъ; а во вторыхъ, на присутствіе его въ адатномъ правѣ горцевъ.

Въ сборникѣ Льва VI Мудраго, приложенномъ, какъ мы сказали выше, къ законнику Вахтанга, между прочимъ, значится, что при сговорѣ вносится предбрачный залогъ, который въ случаѣ невыполненія брачнаго обязательства въ двойномъ размѣрѣ уплачивается тою стороной, каторя неустояла въ соглашеніи (ст. 392). Это правило не соблюдается въ томъ случаѣ, если невѣста окажется беременной отъ другаго (ст. 396); женихъ не обязанъ тогда взять ее въ жены и получаетъ обратно внесенный имъ предбрачный залогъ. Если кто поцѣлуетъ свою невѣсту, значится въ ст. 394, и послѣ того до бракосочетанія умретъ, то половина предбрачнаго залога остается за невѣстой. Приведенныя статьи какъ нельзя лучше иллюстрируютъ тотъ фактъ, что въ глазахъ византійскаго законодателя сговоръ является юридической сдѣлкой. Въ судебникѣ Мехитара Гоша постановленія греческихъ законовъ переданы въ слѣдующемъ видѣ: кто, желая вступить въ супружество, доставитъ черезъ невѣстку свою или другую родственницу свадебный залогъ невѣстѣ своей для сговора, а потомъ, раздумавъ, захочетъ обратно взять оный,—перстень ли это, золото или деньги,—лишается какъ права на невѣсту, такъ и залога, который остается въ пользу дѣвицы, въ чемъ бы оный ни состоялъ (ст. 58). Если женщина помолвлена (обручена), и это обстоятельство будетъ утверждено священникомъ и тремя свидѣтелями, не имѣетъ права (женихъ) оставить ее и взять другую жену, развѣ только по случаю прелюбодѣянія ея или осквернения тѣла, ибо за женщину священникъ и свидѣтели поручились; по случаю прелюбодѣянія воленъ оставить, такъ какъ не въ его домѣ случился грѣхъ; равнымъ образомъ по случаю осквернения тѣла, когда женщина имѣетъ неизлѣчимыя раны (язвы), воленъ онъ лѣчить ее, но по другимъ причинамъ не можетъ оставлять обрученную (ст. 87) [1]).

Если къ дѣвицѣ послань будетъ свадебный залогъ, состоящій въ золотѣ, серебрѣ или въ чемъ нибудь другомъ, а же-

[1]) Юридическое Обозрѣніе, № 255.

нихъ по волѣ Божіей умретъ до бракосочетанія и домъ его станетъ требовать возвращенія залога, то буде женихъ и невѣста видѣлись другъ съ другомъ, забавлялись вмѣстѣ и цѣловались, тогда одну половину онаго оставить невѣстѣ у себя, а другую возвратить; но буде обрученные не видѣлись другъ съ другомъ, а сосватаны были заочно, то въ цѣлости возвратить залогъ; когда же умретъ невѣста, то женихъ можетъ обратно взять залогъ свой, исключая вещей подверженныхъ тлѣнію и потребленію (ст. 57).

Отъ византійскаго и армянскаго права перейдемъ въ настоящее время къ грузинскому.

Предбрачный залогъ извѣстенъ грузинскому праву, которое, по словамъ г. Бакрадзе, [1]) придерживалось по отношенію къ нему тѣхъ самыхъ правилъ, какія заключаетъ въ себѣ судебникъ Мехитара Гоша. Статья 77 законовъ Вахтанга постановляетъ: если невѣсту, сосватанную при свидѣтеляхъ или получившую отъ жениха свадебный залогъ, выдастъ отецъ за другого или похититъ кто нибудь, то жениху слѣдуетъ получить отъ виновнаго третью часть полнаго удовлетворенія за кровь. Предбрачный залогъ, гласитъ ст. 223, возвращается въ домъ жениха одинаково, какъ въ случаѣ смерти невѣсты, такъ и въ случаѣ собственной его кончины.

Такимъ образомъ, по примѣру римско-византійскаго права и противно современному законодательству, армянское и грузинское равно признаютъ за сватовствомъ характеръ договора, строго вынуждаемаго обычаемъ и совершаемаго путемъ передачи со стороны жениха семьѣ невѣсты особаго задатка.

Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ народные обычаи кавказскихъ горцевъ отразили на себѣ это воззрѣніе на юридическій характеръ сговора? У сванетовъ сватовство, заключаемое еще въ младенческомъ возрастѣ брачущихся, скрѣпляется уплатой задатка, называемаго «нагданури». Задатокъ этотъ состоитъ, обыкновенно, изъ одного или двухъ барановъ, рѣдко когда—изъ рогатой скотины. Невыполненіе одной изъ сторонъ принятого при сговорѣ обязательства считается оскорбленіемъ для всей

[1]) Русскій переводъ закона Вахтанга VI, стр. 67, примѣчаніе I.

семьи и даетъ обиженной сторонѣ право на кровную месть. Кровопролитія избѣгаютъ только при вмѣшательствѣ посредниковъ, которые каждый разъ опредѣляютъ размѣръ вознагражденія слѣдуемаго обиженной сторонѣ [1]).

О хевсурахъ г. Худадовъ сообщаетъ слѣдующее: браку предшествуетъ сватовство, заключаемое еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Отецъ, желая породниться съ извѣстной семьею, посылаетъ главѣ ея свата. Вошедши въ домъ родителей невѣсты, сватъ дѣлаетъ отъ имени пославшаго его слѣдующее предложеніе: «если ты считаешь мой домъ достойнымъ твоего, то не откажи сыну моему въ рукѣ твоей дочери». Когда отецъ дѣвушки дастъ свое согласіе, сватъ передаетъ ему обручальный знакъ «нишану», обыкновенно перстокъ или пряжку [2]). У пшавовъ, при передачѣ сватомъ задатка, какъ общее правило, слѣдуетъ рукобитіе и обмѣнъ поцѣлуевъ. При неисполненіи отцомъ невѣсты принятого на себя обязательства, женихъ въ правѣ требовать отъ него платежа 16 коровъ за безчестіе [3]).

У осетинъ, какъ видно изъ оффиціальной записки о существующихъ въ ихъ средѣ вредныхъ обычаяхъ (1859 годъ), засватанная въ дѣтствѣ невѣста не смѣетъ выйти замужъ за постороняго человѣка, не получивъ на то предварительно согласія той семьи, въ которую она засватана. Не сдѣлай она этого,— между обѣими семьями возникло бы кровомщеніе [4]).

Тотъ же обычай существуетъ и въ Чечнѣ. И здѣсь женитьбѣ предшествуетъ сговоръ или сватовство, при совершеніи котораго женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, состоящій обыкновенно изъ шелковаго платья и 10 рублей. Послѣ сватовства женихъ получаетъ право видѣться втайнѣ съ невѣстою, но онъ не долженъ имѣть свиданія съ ней при постороннихъ. Отъ жениха зависитъ освободить невѣсту по ея личной просьбѣ отъ даннаго ею слова (Чеченцы называютъ это отпущеніемъ невѣсты);

---

[1]) Свѣдѣнія собранныя во время путешествія по Сванетіи, см. Вѣстникъ Европы на 86.

[2]) Худадовъ. Замѣтки о Хевсуретіи, стр. 22.

[3]) См. Пшавы. Этнографическій очеркъ, напечатанный мною въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 88 г., стат. 214. Февраль.

[4]) Адаты кавк. горц., т. II, стат. 51.

но по собственной волѣ сговоренная дѣвушка не въ правѣ выйти замужъ за другого. По цѣлымъ годамъ ждетъ она уплаты за нее «калыма» ея женихомъ или освобожденія отъ принятаго ею обязательства. Нерѣдко бываетъ, что, разсердившись за что нибудь на дѣвушку, женихъ долго не соглашается «отпустить ее», а самъ между тѣмъ женится на другой [1]). Что касается до судьбы сдѣланнаго при сватовствѣ подарка, то женихъ не въ правѣ требовать возвращенія его обратно въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что онъ хоть разъ дотронулся до невѣсты. Ичкерицы требуютъ въ этомъ случаѣ уплаты женихомъ особаго вознагражденія за безчестіе; а салатавцы—въ замѣнъ такого платежа—предоставленіе невѣстѣ половины выговореннаго при сговорѣ «кебина», своего рода douaire [2]).

Итакъ, въ договорномъ характерѣ сватовства, а также въ отношеніи къ нему какъ къ юридической сдѣлкѣ, заключаемой реальнымъ путемъ, путемъ уплаты задатка и дающей въ случаѣ ея нарушенія право на вознагражденіе,—римско-византійское, армянское и грузинское право оказываются солидарными съ обычаями большинства горскихъ племенъ западнаго Кавказа. Такой фактъ трудно объяснить иначе, какъ допустивъ послѣдовательную передачу армянскими и грузинскими законами народному праву горцевъ этого исконнаго римскаго начала.

Остановимся еще навопросѣ о вліяніи, какое не столько римское, сколько византійское право оказало на юридическое положеніе женщины; нодля этого необходимо выяснить предварительно, какое мѣсто удѣляетъ женщинѣ въ семьѣ само византійское право, какія личныя и имущественныя права предоставляетъ оно ей какъ женѣ и любовницѣ, какія дары приняты имъ къ обезпеченію правъ на случай развода, и насколько женщина надѣлена для ихъ защиты исковой охраной и свободой свидѣтельствованія на судѣ. Отвѣтимъ прежде всего на этотъ послѣдній вопросъ.

Сборникъ Льва VI категорически высказывается противъ допущенія женщинъ къ какой бы то ни было дѣятельности кромѣ домашняго хозяйства (ст. 84); женщинѣ не слѣдуетъ входить

---

[1]) Адаты кавк. горц., т. II, стр. 97.

[2]) Ibid, стр. 144 и 145.

въ судъ ни по какимъ дѣламъ, за исключеніемъ случаевъ убійства ея отца, дѣтей, родственника или господина (ст. 85). Если женщина являясь къ судьѣ обвинитъ кого-либо въ насильственномъ сожитіи съ нею, то ей не слѣдуетъ вѣрить (ст. 86), не слѣдуетъ принимать ея свидѣтельствъ на судѣ (статья 148), или допускать ее къ поручительству (статья 205). Сокращая такимъ образомъ юридическую правоспособность женщинъ, законъ принимаетъ подъ свою защиту ея честь и имущество; за похищеніе женщины съ оружіемъ въ рукахъ грозитъ: главному виновнику—отсѣченіе головы, а пособнику сверхъ тѣлеснаго наказанія и отрѣзаніе носа; если похищеніе сдѣлано будетъ лицомъ невооруженнымъ—смертная казнь замѣняется отсѣченіемъ руки (ст. 49). Въ случаѣ растлѣнія законъ принуждаетъ обидчика вступить въ бракъ съ своей жертвой, какъ бы низко ни было ея общественное положеніе; при отказѣ съ его стороны въ пользу обиженной отбиралась треть всего имущества; сверхъ того виновнаго наказывали отрѣзаніемъ носа. Вступивъ въ бракъ и сдѣлавшись матерью, женщина не пріобрѣтаетъ тѣхъ правъ родительской власти, какія признаются за ея мужемъ. Наказывать дѣтей есть право одного только отца (ст. 87). Господство моногамическаго начала въ бракѣ не лишаетъ мужа возможности держать «конкубинъ», юридическое положеніе которыхъ, какъ и ихъ потомства, принимается подъ защиту закона. Бездѣтной наложницѣ выдѣляется двѣнадцатая часть изъ всего имущества; такую же часть получаетъ по достиженіи совершеннолѣтія и прижитой въ конкубинатѣ ребенокъ. Лицо умирающее безъ законныхъ наслѣдниковъ можетъ оставить побочному сыну все свое достояніе (ст. 286). Подобно римскому праву, византійское озабочено сохраненіемъ за женою принесеннаго ею мужу имущества; отсюда слѣдующее постановленіе: приданымъ жены мужъ не въ правѣ распоряжаться. Въ случаѣ бездѣтной смерти мужа родители жены могутъ потребовать отъ его родственниковъ все что дано было ими въ приданое. Пока мужъ въ живыхъ отчужденіе приданаго не дозволяется ни одному изъ супруговъ; но полученное женою сверхъ приданаго отъ ея родственниковъ можетъ быть затрачено ею на торговые обороты для приращенія (ст. 215—216).

По смерти мужа жена имѣетъ право на четвертую часть оставленнаго имъ наслѣдства (ст. 288). Въ отношеніи къ разводу византійское законодательство не устанавливаетъ между супругами равноправія: распутная жизнь жены признается имъ основаніемъ къ разводу, но отнюдь не распутная жизнь мужа. Законами Льва и Константина отъ 780 года о распутствѣ жены говорится какъ о единственномъ поводѣ къ разводу; но сорока годами ранѣе разводъ признавался дозволеннымъ и при импотенціи мужа, дурномъ обращеніи его съ женою, представляющимъ угрозу для ея жизни, и оставленіи ея безъ средствъ къ существованію [1]). Сборникомъ Императора Льва приводится еще одинъ поводъ къ разводу, неизвѣстный позднѣйшему праву Византіи и служащій основаніемъ къ расторженію брака только для мужа. По постановленію Льва Мудраго и Константина (стат. 401) если жена одержима неизлѣчимой болѣзнью, а мужъ здоровъ, супружество ихъ расторгается, съ тѣмъ однако, что, пока жена остается въ живыхъ, мужъ обязанъ кормить и одѣвать ее.

Въ Судебникѣ Мехитара Гоша юридическое положеніе женщины существенно не отличается отъ того, какое она занимаетъ въ византійскомъ законодательствѣ: женщина не можетъ быть ни поручителемъ, ни принимать на себя дѣлъ приличныхъ мужчинамъ, постановляетъ ст. 78 судебника; мужъ во всемъ долженъ имѣть предъ женою «преимущество и перевѣсъ власти». Стѣсненная въ своей личной свободѣ, жена въ сферѣ имущественной пользуется защитой закона; она въ правѣ пріумножать свое приданое, распоряжаясь имъ свободно, не иначе однако какъ съ вѣдома мужа. При отпущеніи ея мужемъ она получаетъ обратно все свое приданое и половину тѣхъ приращеній, какія сдѣланы были къ нему во время супружескаго сожитія (ст. 46 и 81). Мужъ не въ правѣ безъ законной причины выгнать жену изъ своего дома и отнять у нея приданое; но въ случаѣ прелюбодѣянія, ночлега безъ позволенія мужа въ чужомъ домѣ, гдѣ нѣтъ родныхъ, или отлучки въ непристойныя мѣста для увеселенія—можетъ выгнать жену и лишить ее приданаго (ст. 87).

---

[1]) Zacharia—Gesch des Griechisch-römischen Rechts, стр. 57 и 58.

Прочими основаніями къ разводу служатъ преступленія и проступки, имѣвшіе мѣсто между супругами, психическая и физическая болѣзнь и семилѣтнее безвѣстное отсутствіе [1]).

Арцруни указываетъ, что кодексу Мехитара Гоша, какъ и обычному праву армянъ, извѣстно существованіе на-ряду съ законнымъ бракомъ и простое сожительство, опиравшееся на договорѣ и расторгаемое путемъ выдачи сожительницѣ разводнаго письма [2]). Сборникъ Мехитара Гоша ни словомъ не упоминаетъ о юридическомъ положеніи дѣтей, происшедшихъ отъ конкубината, быть можетъ потому, что это положеніе не отличалось существенно отъ того, какое составляло удѣлъ законныхъ дѣтей, такъ какъ, согласно г. Арцруни, обычному праву армянскихъ провинцій такія различія неизвѣстны [3]). Судебникъ Гоша подобно византійскому праву охраняетъ незамужнихъ женщинъ отъ насилія и требуетъ отъ соблазнителя женитьбы на обманутой имъ дѣвушкѣ, грозя ему въ противномъ случаѣ смертью (ст. 62). Если мѣсто дѣвушки занимаетъ замужняя женщина, похититель подлежитъ кастраціи (178 и 179).

Если въ настоящее время отъ законодательства греческаго и армянскаго мы перейдемъ къ грузинскому, то въ отношеніи его къ общественному и семейному положенію женщинъ намъ не трудно будетъ отмѣтить рѣшительную аналогію съ только-

---

1) См. статью «Арцруни», озаглавленную кодексъ Мехитара Гоша. (Юридическое Обозрѣніе, № 260, стр. 308).

2) Статья 272 армянскихъ законовъ, помѣщенныхъ въ законникѣ царя Вахтанга, невѣрно передаетъ смыслъ постановленія о гражданскомъ сожитіи. Отвѣчающая ей статья 43 судебника Гоша постановляетъ буквально слѣдующее: если кто возьметъ жену и будетъ имѣть съ нею сожительство, и случится, что не найдетъ въ ней симпатіи къ себѣ, потому что она не добропорядочная особа, то да напишетъ онъ для нея бумагу развода и отпуститъ ее изъ своего дома. Затѣмъ, если она пойдетъ къ другому и этотъ послѣдній тоже будетъ ее ненавидѣть, то и ему слѣдуетъ дать ей въ руки разводную бумагу и отпустить изъ своего дома. Послѣ этого, если умретъ послѣдній мужъ, то первый, который отпустилъ ее, не можетъ вернуть ее къ себѣ въ жены, такъ какъ она уже осквернена, ибо нечиста она предъ Господомъ Богомъ твоимъ, и не оскверняйте землю, которую Господь Богъ далъ вамъ на наслажденіе.

3) Юридическое Обозрѣніе, № 255, стр. 175.

что представленными порядками. Во-первыхъ, что касается до свидѣтельства женщинъ на судѣ, то ст. 216 законовъ Вахтанга постановляетъ: женщина, приносящая какую либо жалобу на мужчину, можетъ входить въ судъ и должна быть выслушана; но по ея требованію не слѣдуетъ ни возлагать на отвѣтчика присягу, ни отбирать отъ него что либо; если бы женщина сослалась на свидѣтельство мужчины, то и такого свидѣтеля не допускать къ присягѣ. Что означаетъ это предписаніе, какъ не то, что женщина не можетъ выступать ни въ роли обвинителя, ни въ роли свидѣтеля? Подобно греческому и армянскому праву грузинскіе законы охраняютъ незамужнихъ отъ насилія, грозя виновнымъ отрѣзаніемъ носа.

За замужней они не признаютъ права оставить мужа даже по причинѣ прелюбодѣянія; если вопреки этому запрещенію женщина покинетъ своего супруга, то она согласно законамъ Агбуги повинна сдѣлать ему удовлетвореніе за кровь по достоинству его рода (ст. 33). Мужъ наоборотъ воленъ оставить свою ни въ чемъ неповинную жену, но подъ условіемъ уплатить ей цѣну крови (ст. 30). Раздѣльность имуществъ между супругами находитъ гарантію себѣ въ требованіи, чтобы мужъ, разводящійся съ женою по причинѣ ея прелюбодѣянія, выдалъ ей полностью ея приданое (ст. 63 и 67 законовъ Вахтанга). То же обязательство существуетъ при разводѣ вызванномъ болѣе трехъ лѣтъ продолжающимся помѣшательствомъ жены или ея падучей болѣзнью (ст. 225). Грузинскому законодательству извѣстно также существованіе на-ряду съ бракомъ и конкубината. Отправляясь отъ положенія римскихъ юристовъ: «infans sequitur ventrem», оно признаетъ право на дѣтей, рожденныхъ въ внѣбрачномъ сожитіи, за матерью и тѣмъ лицомъ, которое имѣетъ надъ нею власть (законы Агбуги, ст. 32). Незаконнорожденному сыну, какъ видно изъ 110 статьи законовъ Вахтанга, выдѣляется часть какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества въ размѣрѣ, достаточномъ для крестьянскаго обихода; самъ же онъ отдается своимъ законнымъ братьямъ въ крестьянство (статья 110).

Намъ предстоитъ теперь отвѣтить на вопросъ: въ какой мѣрѣ черезъ посредство армянскаго и грузинскаго права римско-

византійскому законодательству удалось наложить печать на юридическое положеніе горскихъ женщинъ?

Въ Сванетіи и Хевсуретіи женщина, какъ общее правило, считается существомъ несравненно ниже стоящимъ, нежели мужчина. Обычай запрещаетъ ей всякое приближеніе къ капищу или храму, который въ глазахъ народа неизбѣжно бы подвергся осквернению отъ одного прикосновенія этихъ нечистыхъ существъ. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ свидѣтельство женщинъ не принимается на судѣ [1]).

Въ Осетіи и Чечнѣ женщины также не допускаются къ свидѣтельствованію. Показаніе женщины можетъ служить въ Чечнѣ основаніемъ для обвиненія только тогда, когда она сознается въ потерѣ невинности и укажетъ на виновника [2]).

Впрочемъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ дѣлахъ о прелюбодѣяніи, судъ считаетъ нужнымъ требовать подтвержденія женскаго свидѣтельства присягой ближайшаго родственника обвиненной [3]).

Недопущеніе женщинъ къ свидѣтельствованію составляетъ настолько общую черту въ бытѣ кавказскихъ горцевъ, что мы находимъ ее и въ нѣкоторыхъ обществахъ Дагестана. Адаты Кюринскаго округа, напримѣръ, формально заявляютъ, что лица женскаго пола не могутъ быть свидѣтелями [4]), и это запрещеніе нельзя объяснить всецѣло вліяніемъ писаннаго права магометанъ, такъ какъ Шаріатъ запрещаетъ принимать свидѣтельство женщинъ только въ тѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, въ которыхъ мѣрой наказанія является уравновѣшенное съ виною членовредительсто (Kesos) [5]).

Подчиняя женщину родительской власти, обычное право кавказскихъ горцевъ понимаетъ подъ нею почти исключительно власть отца или, въ случаѣ его смерти, ближайшаго его род-

---

1) См. монографію г. Бакрадзе о Сванетіи, стр. 46.

2) Адаты кавк. горц., т. II. Описаніе обычаевъ Ингушовскаго округа, статья 172.

3) Ibid, статья 141.

4) См. Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, въ V томѣ Сб. свѣд. о кавк. горц., статья I.

5) Tornau. Le droit musulman, стр. 274.

ственника мужчины; имъ однимъ предоставлено право распоряжаться рукою дѣвушки, а также получать плату за причиненное ей безчестіе.

Виновной въ незаконномъ сожитіи отецъ, согласно обычаямъ хевсуръ и тушинъ, имѣлъ право рѣзать носъ.

Адатное право горцевъ строго охраняетъ цѣломудріе незамужнихъ женщинъ. Одного прикосновенія къ рукѣ или косѣ дѣвушки, отнятія у ней платка и даже простаго поцѣлуя подчасъ бываетъ достаточно для того, чтобы побудить юношу къ вступленію въ бракъ или къ производству полнаго платежа за кровь «обезчещенной имъ дѣвушки». Таковъ по крайней мѣрѣ обычай восточной половины Кавказа—Дагестана и Чечни. Картвельскіе горцы и осетины обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи меньшую суровость; но и они не иначе соглашаются простить похитителя дѣвушки, какъ подъ условіемъ женитьбы и платежа калыма за похищенную.

Повсюду на Кавказѣ замужняя женщина въ большей или меньшей степени стоитъ во власти мужа. Эта власть не даетъ однако мужу права располагать ея жизнью, по крайней мѣрѣ въ западномъ Кавказѣ, въ которомъ обычай надѣляетъ родственниковъ жены правомъ мстить за ея смерть даже въ томъ случаѣ, если мужъ застигнетъ ее въ прелюбодѣйной связи и убьетъ на мѣстѣ. Оскорбленный супругъ не только въ правѣ, но и обязанъ прогнать невѣрную жену и прекратить съ ней всякое супружеское сожитіе; онъ можетъ прибѣгнуть къ публичному опозориванью ея, можетъ отрѣзать ей носъ (у чеченцевъ), посадить ее полунагой на осла (у осетинъ) и въ такомъ видѣ вывести изъ селенія, подвергая оскорбленіямъ со стороны сосѣдей. Но убійство нарушившей вѣрность супруги не обходится безъ мести со стороны ея родственниковъ и имѣетъ своимъ послѣдствіемъ уплату мужемъ цѣны ея крови [1]).

---

[1]) Другое дѣло въ Дагестанѣ: и на кумыкской плоскости, и въ средѣ горцевъ убійство жены, застигнутой in flagrante, считается дозволеннымъ. Такимъ образомъ обозначается та географическая граница, далѣе которой, какъ общее правило, не сказывается вліяніе римско-византійскихъ нормъ права, если только не имѣть въ виду той, совсѣмъ еще не выясненной роли, какая выпала имъ въ удѣлъ въ исторіи образованія «Шаріата», или писаннаго права масульманъ.

Запрещая мужу убивать свою жену, обычай горцевъ западнаго Кавказа въ то же время дѣлаетъ мужа неограниченнымъ владыкою надъ личностью жены, отнюдь однако не надъ ея имуществомъ. Жена у чеченцевъ,—читаемъ мы въ описаніи ихъ гражданскаго быта составленномъ въ 1843 году,—во всемъ подчинена мужу, какъ своему законному господину; она должна работать на него, сносить безропотно налагаемыя на нея наказанія и во всемъ своемъ поведеніи обнаруживать раболѣпное почтеніе холопки къ вольному [1]).

Эта характеристика въ большей или меньшей мѣрѣ примѣнима и къ осетинамъ, и къ хевсурамъ, и къ сванетамъ, и къ пшавамъ, и къ тушинамъ. Но замѣчательно, что личная зависимость мужа отъ жены уживается у всѣхъ названныхъ мною горцевъ съ ея имущественной независимостью. У сванетовъ напримѣръ жена удерживаетъ вполнѣ право собственности на приданое; безъ ея согласія ни одна часть этого приданаго не можетъ быть отчуждена мужемъ, который только считается управителемъ женинаго имущества [2]). У чеченцевъ «калымъ» и жениховый подарокъ составляютъ неприкосновенную собственность замужнихъ женщинъ. Безъ ихъ согласія мужья не могутъ распоряжаться этимъ имуществомъ. Станетъ кто принуждать свою жену къ отчужденію его по частямъ или сполна—жена ищетъ защиты у собственныхъ родственниковъ [3]). Обычаямъ пшавовъ и хевсуръ также извѣстно существованіе обособленнаго женинаго имущества, такъ-называемаго «сатавно»; мужъ распоряжается имъ только съ согласія жены, которая уноситъ его съ собою при разводѣ. У осетинъ треть платимаго мужемъ «ирада» или выкупа за невѣсту поступаетъ въ пользу жены и становится ея неотъемлемымъ достояніемъ; въ случаѣ же развода выдается ей сполна ея мужемъ [4]).

Въ этой самостоятельности женинаго имущества, связанной съ полнымъ подчиненіемъ ея личности волѣ супруга, трудно не

---

[1]) Адаты кавк. горц., т. II, статья 113.

[2]) См. Путешествіе по Сванетіи. Иванюкова и Ковалевскаго въ Вѣстникѣ Европы за 1886 годъ.

[4]) Адаты кавк. горц., т. II, стр. 98.

[4]) Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 256.

видѣть отраженія римско-византійскихъ понятій. Но вліяніе, оказанное ими на нѣкоторыя стороны семейнаго быта горцевъ, сказывается еще съ большей наглядностью въ вопросѣ о «конкубинатѣ». Конкубинатъ составляетъ общее явленіе въ бытѣ горцевъ.

Мы встрѣчаемъ его и у картвелскихъ народностей, у которыхъ бездѣтный супругъ беретъ въ домъ любовницу нерѣдко съ согласія своей жены, при чемъ прижитыя въ такомъ свободномъ союзѣ дѣти наслѣдуютъ въ его имуществѣ на правахъ законныхъ [1]), и у осетинъ, у которыхъ конкубины, носящія названіе именныхъ женъ, «номулусъ», не смѣшиваются съ простыми любовницами и имѣютъ опредѣленное юридическое положеніе, устанавливаемое путемъ договора съ ихъ родителями. Въ этомъ договорѣ опредѣляется размѣръ платимаго за нихъ «калыма» или «ирада», часть котораго поступаетъ въ пользу ихъ самихъ. «Номулусъ» имѣетъ право на содержаніе. Рожденныя отъ сожитія съ нею дѣти составляютъ особый классъ лицъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «кавдасардовъ». При существованіи законныхъ наслѣдниковъ «кавдасарды» не имѣютъ доли въ оставленномъ ихъ отцомъ имуществѣ, но они навсегда остаются при дворѣ ихъ усопшаго родителя и покидаютъ его не иначе, какъ для того, чтобы слѣдовать за тѣмъ или другимъ законнымъ наслѣдникомъ по собственному ихъ выбору. При неимѣніи законныхъ наслѣдниковъ «кавдасарды» заступаютъ ихъ мѣсто и дѣлятъ между собою все оставленное покойникомъ имущество [2]).

Въ обычаяхъ, регулирующихъ разводъ, также находятъ себѣ выраженіе римско-византійскія идеи, прошедшія предварительно рядъ измѣненій подъ вліяніемъ армянскихъ и грузинскихъ порядковъ. Разводъ у горцевъ представляетъ ту сходную съ византійскимъ правомъ черту, что существуетъ почти всецѣло въ интересахъ мужа. У хевсуръ жена, оставившая мужа, въ старые годы и на разстояніи десяти, пятнадцати

---

[1]) Пшавы. Этнографическій очеркъ. Юридическій Вѣстникъ за 88 г., № 2, стр. 216. Тоже и у хевсуръ. Худадовъ, стр. 26.

[2]) Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 41 и 295.

лѣть со времени бѣгства могла безнаказанно быть обезображена при встрѣчѣ съ своимъ супругомъ, который, слѣдуя обычаю, рѣзалъ ей носъ и уши. У осетинъ адатъ признаетъ за однимъ мужемъ неограниченную свободу на разводъ. Поводомъ къ отпущенію жены можетъ быть не только супружеская невѣрность, но и безплодіе, и тѣ или другіе физическіе недостатки (болѣзнь). Оставить мужа жена въ прежнее время была не въ правѣ. Отпущенная мужемъ супруга обыкновенно возвращается въ свою семью и далеко не всегда вступаетъ въ новый бракъ въ виду дурной репутаціи, какой пользуются въ народѣ разводки (уагдусъ). У однихъ только сванетовъ и чеченцевъ разводъ былъ дозволенъ обоимъ супругамъ. Но будетъ ли разводъ исключительной привиллегіей мужа, или общимъ для обоихъ супруговъ средствомъ прекратить супружеское общеніе—онъ допускается горскими обычаями не иначе, какъ подъ условіемъ имущественныхъ утратъ для виновной стороны. Такъ у осетинъ, если основаніемъ къ разводу была невѣрность жены, мужъ въ правѣ былъ требовать возвращеніе ему всего или части уплоченнаго имъ выкупа за невѣсту. Если же вина была не на сторонѣ жены, «ирадъ» оставляемъ былъ всецѣло въ рукахъ ея родни [1]). Если разводъ имѣлъ мѣсто по волѣ мужа, женѣ возвращалось ея приданое, а родственникамъ ея производился особый платежъ «за безчестіе». При оставленіи же мужа женою такой же точно взносъ производимъ былъ въ пользу обезчещеннаго супруга, которому возвращался также уплаченный имъ за невѣсту выкупъ «пачулашъ». Приданое въ обоихъ случаяхъ оставалось въ рукахъ жены. У хевсуръ, если мужъ отпускалъ жену спустя нѣсколько лѣтъ послѣ брака, онъ надѣлялъ ее столькими коровами, сколько лѣтъ она провела подъ однимъ съ нимъ кровомъ. Въ счетъ не шли только первые два года супружества, по всей вѣроятности потому, что бо́льшую часть этого времени молодая, слѣдуя обычаю, проводитъ въ домѣ своихъ родителей [2]).

Изъ всего сказаннаго немудрено сдѣлать слѣдующій выводъ.

---

1) Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 256, прим. 0.

2) Худадовъ, ст. 24.

Сравненіе обычнаго права горцевъ Западнаго Кавказа съ нормами римско-византійскаго права, насколько тѣ и другія опредѣляютъ собою юридическое положеніе женщины, невольно вызываютъ въ умѣ представленіе о заимствованіи и воспріятіи горцами нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ юридическихъ воззрѣній, начало которымъ было положено еще римскими юристами. Эти нормы принадлежатъ по преимуществу къ той сферѣ юридическихъ отношеній, которая всего ближе стоитъ къ христіанству и проводимому имъ нравственному ученію. Этимъ въ значительной степени объясняется и самый фактъ проникновенія ихъ въ среду горцевъ.

ГЛАВА IV.

Вліяніе христіанства, каноническаго и моисеева права.

Въ настоящее время не вызываетъ болѣе сомнѣнія тотъ фактъ, что христіанство было нѣкогда распространено на протяженіи всего Кавказа. Даже въ восточной его половинѣ, не смотря на появленіе въ ней арабовъ, уже въ первомъ столѣтіи послѣ Геджры можно открыть слѣды христіанскихъ храмовъ и церковной утвари [1]).

Мнѣ самому пришлось во время моей поѣздки по Дагестану найти цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ существованіе нѣкогда въ этой странѣ христіанскихъ храмовъ; такъ, напримѣръ, записанное однимъ изъ сподвижниковъ Шамиля преданіе о существованіи церкви въ Гидатлѣ (см. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, т. XII: Воспоминанія о Шамилѣ) находитъ подтвержденіе себѣ въ любопытномъ церковномъ сосудѣ, пріобрѣтенномъ мною въ этомъ аулѣ. Сосудъ этотъ представляетъ собою стеклянную фляжку темно-синяго цвѣта, на одной сторонѣ которой изображенъ св. Матѳей, а на другой читается надпись: «Sanct. Mathias» съ обозначеніемъ года 1616. О существованіи подобнаго же храма въ окрестностяхъ Гуниба свидѣтельствуетъ не менѣе любопытный предметъ — обыкновенный мѣдный подсвѣчникъ съ широкимъ

---

[1]) См. сообщеніе, сдѣланное мною археологическому обществу въ Москвѣ и напечатанное въ послѣднемъ томѣ его протоколовъ.

основаніемъ, на которомъ имѣется армянская надпись, въ переводѣ гласящая: «пожертвовалъ въ память покойной Маріи, жены Пефаноса, внука Вамтха, Игунъ Согратль Мухайскій, святому Камомиру. 1245 года». Наконецъ въ казикумукской мечети, которая основана по преданію Абу-Муслимомъ, мнѣ показывали посохъ, состоящій изъ 4 кусковъ чернаго дерева, связанныхъ тремя костяными кольцами съ костянымъ же набалдашникомъ — той самой формы, какую мы встрѣчаемъ на армянскихъ епископскихъ посохахъ: извивающаяся двуглавая змѣя, пасти которой направлены въ противоположныя стороны. Посохъ этотъ употребляется кадіемъ въ торжественныхъ случаяхъ. Магометанское преданіе считаетъ его принадлежащимъ главѣ того духовенства, которое дѣйствовало въ Кази-Кумухѣ до водворенія въ немъ мусульманства.

На южный склонъ кавказскаго хребта проникло христіанство изъ Арменіи и Грузіи, обращеніе которыхъ относится къ самому началу IV-го вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Изъ горскихъ народностей Западнаго Кавказа едва ли не первыми приняли христіанство сванеты. Уцѣлѣвшіе въ этой странѣ храмы и часовни напоминаютъ своей архитектурой скорѣе византійское, нежели грузинское зодчество, а слѣдовательно должны быть отнесены къ той эпохѣ, когда грузины не успѣли еще создать собственный архитектурный типъ. Хевсуры, пшавы, тушины и южные осетины или туальтцы относятъ эпоху ихъ обращенія въ христіанство ко временамъ грузинской царицы Тамары. Что касается до абхазцевъ и черкесовъ, то къ нимъ христіанство занесено было по всей вѣроятности изъ Византіи черезъ посредство расположенныхъ на восточномъ берегу Чернаго моря греческихъ поселеній. Прокопій приписываетъ Юстиніану окончательное упроченіе евангельскаго ученія на Западномъ Кавказѣ; а баронъ Усларъ говоритъ, что воспоминанія объ этомъ императорѣ доселѣ сохранилось въ пѣсняхъ адигейской народности [1]).

Остатки христіанскихъ церквей доселѣ можно встрѣтить на

---

[1]) См. «Начало христіанства въ Закавказьи и на Кавказѣ», барона Услара, стр. 25, второй выпускъ Сб. свѣд. о кавк. горц.

Тебердѣ и верховьяхъ Кубани, въ Куртатинскомъ ущельѣ и на Какадурскомъ перевалѣ [1]).

Каменные кресты съ греческими иниціалами имени Іисуса Христа попадались мнѣ въ ближайшихъ къ Эльборусу балкарскихъ селеніяхъ. О распространеніи между черкесами еще въ наши дни культа крестовъ, которые они вѣшаютъ на деревья, сообщая тѣмъ священный характеръ той рощѣ, въ которой они расположены, говорятъ одинаково и Лонгвудъ [2]), и баронъ Гакстгаузенъ [3]). Не далѣе какъ въ XV вѣкѣ генуэзецъ Интеріано считалъ возможнымъ говорить о черкесахъ какъ о народѣ, который выдаетъ себя за христіанъ и имѣетъ греческихъ священниковъ. Въ 1637 году въ эпоху посѣщенія ихъ страны доминиканцемъ Іоанномъ Луккскимъ многіе черкесы придерживались еще греческаго вѣроисповѣданія, но большинство уже приняло магометанство. Одни абазы оставались по-прежнему христіанами, и въ занятыхъ ими мѣстностяхъ можно было встрѣтить много христіанскихъ крестовъ, водруженныхъ въ землю.

Тетбу де Мариньи, посѣтившій черкесское побережье Чернаго моря въ 1818 году, еще нашелъ въ его жителяхъ одичавшихъ христіанъ; а Белль, проведшій двадцать лѣтъ спустя цѣлыхъ два года въ ихъ средѣ, пишетъ, что на всемъ побережьѣ отъ Анапы до Гагръ можно встрѣтить столько же приверженцевъ старой вѣры, сколько и новой.

Въ средѣ абхазцевъ, также перешедшихъ уже въ мусульманство, Рейнегсъ въ 1782—84 годахъ еще находилъ многіе слѣды христіанства. Въ началѣ мая народъ, слѣдуя древнему обыкновенію, собирался въ его время въ священной рощѣ, посреди которой, какъ говорили Гейнегсу, расположенъ былъ большой желѣзный крестъ [4]).

До настоящаго времени, читаемъ мы въ статьѣ о религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазцевъ, сохранился обычай рѣзать въ праздникъ Святой Пасхи ягненка и обмѣниваться крашеными яйцами. Хотя празднику этому не вездѣ предшествуетъ пость,

---

1) Кавказъ. Путевыя замѣтки граф. Уваровой. Москва, 1887 г., ст. 26.

2) Year among the Cercastions.

3) Закавказскій Край.

4) Статья Услара, стр. 22 и 23.

но тѣмъ не менѣе употребленіе приготовляемыхъ къ этому дню кушаній имѣетъ видъ розговинъ, и самая трапеза сохранила прежній патріархальный характеръ. Въ дни, совпадающіе съ празднованіемъ Св. Троицы, устраиваются обѣды и гулянья въ рощахъ, оканчивающіяся пляской. Въ праздникъ Рождества Христова, точно также какъ и на Пасху, по совершеніи ночью моленія отправляются съ поздравленіями другъ къ другу, при чемъ бывшіе подвластные приносятъ своимъ владѣльцамъ подарки и угощаются за то обѣдомъ. При всѣхъ моленіяхъ и религіозныхъ обрядахъ употребляются абхазцами восковыя свѣчи и куреніе ладономъ. Христіанство оставило также въ народѣ какое-то безсознательное уваженіе къ храмамъ. Церковь считается мѣстомъ неприкосновеннымъ, и всякій, прибѣгающій подъ защиту ея, спасается отъ преслѣдованія, какое бы ни сдѣлалъ преступленіе. Даже развалины храмовъ, о которыхъ въ памяти народной сохранились какія-нибудь преданія, считаются святынею, и магометане приносятъ въ нихъ присягу въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ. Присяга въ развалинахъ храма на горѣ Дудрюпшъ считается самою священною, и не найдется абхазца, который бы рѣшился принять тамъ ложную присягу [1]). Слѣды недавняго еще господства христіанства сохранились и въ Кабардѣ. Въ своихъ историческихъ пѣсняхъ кабардинцы, вспоминая о помощи оказанной ими Петру Великому при осадѣ Азова, упоминаютъ и о тѣхъ крестахъ, какіе были воздвигнуты ими въ память объ убитыхъ. Въ горскихъ обществахъ Кабарды, занятыхъ балкарцами, слѣды христіанства попадаются на каждомъ шагу. Въ татарскихъ названіяхъ мѣсяцевъ, пишетъ проф. Миллеръ въ отчетѣ о своей поѣздки въ Хуламъ и Чегемъ, слышатся, какъ и у осетинъ, искаженныя имена христіанскихъ святыхъ: Николай (май), Тотуръ (Ѳедоръ), Эліа-ай (мѣсяцъ Ильи), Башилай (мѣсяцъ Василія) и т. п. Подобно осетинамъ балкарцы доселѣ чтутъ подъ именемъ Ашкирги грузинскаго патрона Георгія храбраго, извѣстнаго осетинамъ подъ названіемъ Уаскерги. Вблизи Чегема по-

---

1) Смотри: Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ выпускъ V, статью, озаглавленную «Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ», стр. 7.

казываютъ камень Байремъ, къ которому женщины обращаются съ молитвой о ниспосланіи дѣтей, принося въ жертву пироги. Такіе же камни имѣются и въ другихъ татарскихъ аулахъ. Ихъ имя и значеніе объясняются фактомъ существованія у осетинъ однохарактерныхъ святилищъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мады-Майрамъ (матери Маріи) [1]. Объ этихъ святилищахъ графиня Уварова сообщила намъ слѣдующія небезъинтересныя подробности. Въ окрестностяхъ аула Цей въ гущѣ деревъ замѣчаются маленькія деревянныя постройки, рубленныя какъ наши избы, съ деревянною, тесовою крышей, на которой для бо̀льшаго устоя положены камни. Слеги, поддерживающія крышу, заканчиваются коньками или птичьими головками, рѣзаными изъ дерева и украшеными продольными насѣчками. Постройки эти или храмики называются Майремъ. Майремъ окруженъ дворикомъ; ограда грубо сложена изъ деревьевъ; въ храминѣ—дверь, черезъ которую осетины накидываютъ свои приношенія: вату, остатки матерій, одежды, бутылки, банки, кружки и очень много стальныхъ стрѣлъ. Около Майрема въ оградѣ лежатъ колотушки, напоминающія наши сторожевыя; онѣ — деревянныя, состоятъ изъ трехъ дощечекъ, изъ которыхъ верхняя украшена рѣзнымъ крестомъ; съ этими колотушками ходятъ за нѣсколько дней до Троицы по ауламъ, напоминая правовѣрнымъ о приближеніи праздника и необходимости готовить быковъ и барановъ на убой въ честь Майрема. На вопросъ, что̀ значитъ Майремъ, проводникъ нашъ, прибавляетъ графиня, осетинъ изъ Цея и христіанинъ, отвѣчалъ, что храмъ этотъ посвященъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, память которой справляютъ женщины, собираясь у его входа въ Троицынъ день [2].

Христіанство небезъизвѣстно было также и ингушамъ. Въ Галгаевскихъ горахъ—мѣстѣ ихъ старинныхъ поселеній—сохранились доселѣ слѣды церквей и часовень, расположенныхъ по теченію рѣки Ассы, а также высѣченные изъ камня кресты [3].

---

[1]) См. Въ горскихъ обществахъ Кабарды изъ путешествія В. Миллера и М. Ковалевскаго. Вѣстн. Евр., апрѣль 1884, стр. 551.

[2]) Кавказъ. Путевыя замѣтки графини Уваровой, стр. 59.

[3]) Смотри: Ингуши, ихъ жизнь и обычаи, Грабовскаго, IX томъ. Сб. св. о кавказскихъ горцахъ, стр. 21.

Понятіе о Богѣ въ трехъ ипостасяхъ доселѣ удержалось въ средѣ ингушей. Они нерѣдко клянутся «тремя великими лицами», въ характерѣ которыхъ они однако не даютъ себѣ яснаго отчета. Въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ ауловъ попадаются еще часовни, напоминающіе собою осетинскіе «дзуары» и пшавскія «капища». Названіе имъ «Эльгуцъ». Внутри часовни, входъ которой обращенъ на востокъ, можно видѣть рога быковъ, барановъ, оленей и туровъ, принесенныхъ въ жертву Святому. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ мѣсто такихъ часовень занимаютъ небольшіе каменные столбы съ нишею, въ которую ставятъ восковыя свѣчи. Каждый аулъ имѣетъ своего патрона «Ццу», въ честь котораго ежегодно устраивается праздникъ [1]). У чеченцевъ также можно найти нѣкоторыя указанія на раннее христіанство. Въ рукахъ г. Лаудаева нѣкоторое время находилась арабская рукопись съ хронологическимъ перечнемъ важнѣйшихъ событій на Кавказѣ. Въ ней значилось между прочимъ, что до принятія мусульманства чеченцы находились въ «крестопоклонствѣ». Сами ингуши называютъ своихъ предковъ «керестанами» и доселѣ сохранили у себя христіанскій порядокъ счисленія дней недѣли [2]).

Въ пограничномъ съ Дагестаномъ нанбствѣ г. Попову приходилось встрѣчать могильные памятники съ изображеніемъ на нихъ креста [3]).

И такъ на протяженіи всего кавказскаго хребта отъ Чернаго моря до Каспійскаго христіанство нѣкогда пользовалось правами оффиціально—признаннаго культа. Это не означаетъ, разумѣется, того, чтобы горскія племена были на самомъ дѣлѣ христіанами. Въ ихъ средѣ продолжали держаться старинныя вѣрованія, получившія одну лишь христіанскую окраску. Культъ «великой матери» напримѣръ, этой проникшей въ Римскую имперію фригійской богини плодородія, смѣшался у нихъ съ

---

1) Ингушевскіе праздники, Чаха Ахріева, стр. 2 и 3, выпускъ V Сб. св. о кавказскихъ горцахъ.

2) Чеченское племя, Умалата Лаудаева, VI выпускъ. Сб. св. о кавказскихъ горцахъ, стр. 29 и 58.

3) Ичкерія, историко-топографическій очеркъ П. М. Попова, выпускъ IV. Сб. св. о кавказскихъ горцахъ, стр. 11.

культомъ Божіей Матери и сдѣлался источникомъ тѣхъ многочисленныхъ «Мади-Майремъ и байремъ», т. е. освященныхъ религіей камней и капищъ, къ которымъ въ эпоху весенняго равноденствія осетинскія и татарскія женщины приходятъ съ молитвой о дарованіи потомства. Языческіе по происхожденію богатыри, въ родѣ осетинскаго Рекома и Батрага или пшавскихъ Копала, Пиркуша, Пирцецхла и Сулкурдгела, перешли въ категорію христіанскихъ сподвижниковъ; и наоборотъ христіанскіе святые и во главѣ ихъ святой Георгій подъ именемъ осетинскаго Уаскерги, кабардинскаго Уастырджи и балкарскаго Ашкирги наполнили собою ряды полумиѳическихъ и полуисторическихъ народныхъ героевъ. Самые догматы христіанства настолько остались чуждыми даже картвельскимъ горцамъ, что о самомъ Христѣ хевсуры не имѣютъ почти никакого представленія, хотя и покрываютъ свои платья и предметы домашняго обихода изображеніями креста.

Но какъ ни поверхностно было усвоеніе христіанства народными массами, все же ему удалось повліять существенно на юридическій бытъ горцевъ, прививая имъ дотолѣ чуждую многимъ мысль о необходимости регулировать ихъ брачную жизнь сообразно требованіямъ церковныхъ каноновъ. Только вліяніемъ христіанства объясняю я переходъ хевсуръ, тушинъ и пшавовъ,—этихъ, какъ я пытался доказать выше, послѣдователей религіозно-нравственнаго ученія Авесты,—отъ предписываемыхъ ею браковъ съ родственниками къ экзогамическимъ союзамъ. Ни одно преступленіе не кажется въ настоящее время хевсурамъ болѣе тяжкимъ, какъ бракъ не только на близкихъ, но и на отдаленныхъ родственницахъ.

Въ Сванетіи кровосмѣшеніе также считается однимъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ передъ Богомъ и передъ людьми, и нарушеніе брачныхъ запретовъ нѣкоторыми дворянскими или азнаурскими семьями селенія Мѣсты приводимо было мнѣ какъ причина совершеннаго истребленія ихъ родовъ. Путь, которымъ каноническія предписанія, направленныя противъ брака съ родственницами, проникли въ юридическое сознаніе кавказскихъ горцевъ—тотъ самый, какому слѣдовали нормы римско-византійскаго права. Въ армянскомъ судебникѣ Мехитара Гоша

буквально значится: «всѣхъ грѣховъ тяжеле кровосмѣшеніе. Печальны послѣдствія его; отъ него происходитъ недостатокъ на землѣ во всемъ, даже въ животныхъ, птицахъ и рыбахъ, ибо Богъ посылаетъ гнѣвъ свой въ возмездіе за такое преступленіе [1])». Грузинскіе церковные «гуджары» (грамоты) съ середины XVI вѣка содержатъ въ себѣ слѣдующаго рода постановленія о кровосмѣсителяхъ: за преступную связь съ лицами, находящимися въ естественномъ и духовномъ родствѣ, виновные должны быть побиты каменьями; въ случаѣ же раскаянія штрафуются 4 коровами [2]). Общій источникъ всѣхъ этихъ предписаній есть, какъ извѣстно, Второзаконіе, книга 27, стихъ 22; оно произноситъ проклятіе надъ всякимъ, кто вступаетъ въ сожитіе съ близкой родственницей. Византійское и каноническое право усвоили себѣ это раздѣляемое христіанами древнееврейское воззрѣніе и передали его армянскому и грузинскому юридическому сознанію, изъ котораго въ свою очередь оно проникло вслѣдъ за христіанствомъ и въ уединенныя долины Кавказа. Исламъ, также проникнутый на этотъ счетъ ветхозавѣтною суровостью противъ «скверноты езидовъ», сошелся съ христіанствомъ въ преслѣдованіи кровосмѣсительныхъ союзовъ, и на всемъ Кавказѣ установилось понятіе объ ихъ грѣховности и необходимости примѣнять къ виновнымъ въ нихъ ветхозавѣтное по источнику наказаніе—побіеніе камнями.

На приведенномъ примѣрѣ уже можно убѣдиться въ томъ вліяніи, какое «Моисеево Законодательство» оказало на нравы и обычаи кавказскихъ горцевъ.

Нѣкоторые изслѣдователи Кавказа и въ числѣ ихъ г. Пфафъ и баронъ Усларъ, пораженные тѣмъ обстоятельствомъ, что въ юридическихъ обычаяхъ горцевъ немало чертъ, напоминающихъ ветхозавѣтные порядки, на этомъ основаніи рѣшились утверждать: одни (Пфафъ), что по своему этнографическому составу нѣкоторые горцы и въ частности осетины представляютъ смѣсь арійской и семитической (еврейской) крови, другіе (баронъ Усларъ), что еврейскіе порядки привиты были горцамъ

---

[1]) Законы Вахтанга, VI отдѣлъ, Армянскіе законы, стр. 362.

[2]) Сборникъ законовъ Вахтанга, VI, изданіе Бакрадзе, стр. 141.

хазарами, долгое время господствовавшими на сѣверномъ Кавказѣ и исповѣдовавшими, какъ извѣстно, іудейство. Никому не приходило въ голову задаться вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ армянское и грузинское законодательства содѣйствовали привитію горцамъ и въ частности осетинамъ нѣкоторыхъ юридическихъ нормъ, источникомъ которыхъ является Второзаконіе; а между тѣмъ на этой мысли стоитъ остановиться, особенно въ виду того обстоятельства, что еврейскія поселенія на Кавказѣ, насажденіе которыхъ Усларъ приписывалъ хазарамъ, на самомъ дѣлѣ, въ виду сходства ихъ языка съ средневѣковымъ персидскимъ, оказываются выходцами не съ сѣвера, а съ востока и юга. Что Моисеево законодательство принято было во вниманіе при составленіи Судебника Мехитара Гоша, въ этомъ убѣждаетъ насъ даже бѣглое знакомство съ этимъ памятникомъ армянской юриспруденціи. Самое введеніе къ Судебнику указываетъ на неоднократное обращеніе его компилятора къ книгамъ ветхаго завѣта. Если желательно вамъ знать, стоитъ въ немъ, изъ какихъ твореній или изъ какого рода сочиненій собрано нами это уложеніе, то мы пояснимъ: изъ ветхаго завѣта, даннаго въ началѣ отъ Бога Моисею, изъ новаго завѣта, Святаго Евангелія и изъ прочихъ священныхъ писаній, древнихъ и новыхъ. Взглядъ составителя Судебника на еврейскіе законы какъ нельзя лучше выступаетъ изъ слѣдующаго мѣста вступленія: «Всѣ націи, пожелавшія управляться по закону, заимствовали его отъ Моисея... и появившіяся между ними въ разное время философы соображались съ израильтянами, управляемыми закономъ Божіимъ, ибо ни у кого не было письма до Моисея, который былъ прежде всѣхъ ихъ и принялъ заповѣди Божіи до мудрецовъ и философовъ эллинскихъ и аѳинскихъ, римскихъ и египетскихъ [1]).

При такомъ заявленіи со стороны самого составителя сборника неудивительно встрѣтить въ ряду его постановленій и слѣдующую статью, цѣликомъ заимствованную изъ закона Моисея: если рогатая скотина забодаетъ до смерти мужчину или женщину, то надо побить таковую скотину камнями не

1) Сборникъ законовъ Вахтанга, VI, стр. 232 и 233.

употребляя мяса ея въ пищу [2]). По закону Моисееву, объясняетъ Гошъ въ другой статьѣ своего судебника [1]), если отъ скотины приключится кому вредъ или смерть, то ее слѣдуетъ почитать нечистой и не употреблять въ пищу даже молока отъ нея, но надлежитъ побить ее каменьями и отдать на съѣденіе псамъ. Дерево же, отъ котораго причинится человѣку смерть, срубить съ корнемъ и плода его не употреблять въ пищу».

Только что приведенныя постановленія должны быть отнесены въ одну категорію съ тѣми нормами древне-греческаго и древне-римскаго права, которыми устанавливается совершенно противный нашему юридическому сознанію судъ надъ животными и растеніями, причинившими человѣку какой-либо матеріальный вредъ. Существованіе такого суда, какъ я старался установить въ моемъ «современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ» есть явленіе весьма распространенное въ средѣ народовъ, стоящихъ на родовой стадіи общежитія, такъ какъ у нихъ злая воля преступника не принимается въ расчетъ, и преслѣдованію подлежитъ одинъ лишь имтеріальный вредъ, причиненный членомъ одного рода члену другого. Неудивительно поэтому если и у кавказскихъ горцевъ помимо всякаго заимствованія могло возникнуть представленіе о необходимости кровнаго или имущественнаго возмездія и въ тѣхъ случаяхъ, когда источникомъ причиненнаго вреда является неодушевленный предметъ. Но что заставляетъ меня сомнѣваться въ томъ, чтобы обычай, регулирующій у осетинъ порядокъ отвѣтственности въ случаяхъ подобнаго рода, сложился независимо отъ нормъ древне-еврейскаго права и того толкованія, какое дано было имъ армянскою юриспруденціею, это то, что между постановленіями Гошевскаго судебника и нормами осетинскаго адата существуетъ въ данномъ вопросѣ полное совпаденіе. Кладя въ основаніе своихъ постановленій Моисеевъ законъ, Гошъ существенно измѣняетъ вытекающія изъ него послѣдствія, когда говоритъ: если человѣкъ, упавшій съ дерева умретъ или удавится

---

1) Статья 215 армянскихъ законовъ или 31 второй части Судебника Гоша.

2) Статья 369 армянскихъ законовъ — 111 первой части судебника Гоша.

на ономъ, то дерево, яко бездушное и безсловесное, и тотъ кому оно принадлежитъ невинны. Но если хозяинъ скотины, будучи предостереженъ, что скотина его бодлива, не позаботится сбыть ее съ рукъ, то и онъ вмѣстѣ съ нею заслуживаетъ смерти (статья 215, 359 и 361 армянскихъ законовъ). Тою же смертью грозитъ хозяину бодливой скотины и осетинскій адатъ, такъ какъ допускаетъ въ этомъ случаѣ осуществленіе кровомщенія родомъ убитаго. Хозяинъ скотины только тогда можетъ избавиться отъ угрожающей его жизни опасности, когда согласится заплатить полную плату за кровь убитаго [1]).

Еще нагляднѣе выступаетъ вліяніе еврейскаго законодательства на адатное право нѣкоторыхъ горцевъ Кавказа въ общемъ обоимъ требованіи съ вора шести стоимостей незаконно присвоенной имъ вещи. Источникомъ этого предписанія является «Моисеевъ законъ» опредѣленія котораго на этотъ счетъ Гошъ передаетъ въ слѣдующемъ видѣ. «Богъ бесѣдуя съ Моисеемъ сказалъ ему: если кто преступитъ заповѣдь мою и обманетъ другого, какъ напримѣръ утаитъ порученную ему или найденную имъ вещь и поклянется въ неимѣніи оной, а впослѣдствіи откроется, что онъ ложно поклялся, тотъ повиненъ заплатить за ту вещь вшестеро (ст. 236)». Изъ армянскаго законодательства постановленіе о платежѣ воромъ шестерной стоимости похищеннаго перешло въ грузинскіе законы Вахтанна, который даже увеличилъ размѣръ взысканія, имѣя въ виду существующій въ Грузіи обычай розыскивать краденное чрезъ частныхъ сыщиковъ и доносчиковъ, къ которымъ и поступаетъ въ седьмой разъ взысканная стоимость украденнаго 154 статья законовъ Вахтанга, гласящая, что воры должны вернуть хозяину цѣнность украденнаго семь разъ, является прямой отмѣной древнѣйшаго закона Агбуги, по которому съ воровъ требовался только предписываемый римско-византійскимъ правомъ duplum (ст. 63 и 89). Законы Вахтанга приказываютъ брать съ вора семь разъ стоимость украденнаго лишь въ томъ случаѣ, если является лицо низшаго общественнаго состоянія, а обворован-

---

[1]) Смотри Пфафъ, Народное право Осетинъ, Сб. св. о Кавказѣ, томъ II, стр. 271.

нымъ—высшаго. Но народное право нѣкоторыхъ горцевъ не знаетъ этихъ различій и облагаетъ платежемъ всемеро всякаго, кто похититъ что-либо у единоплеменника. Такъ поступаетъ въ частности обычное право тушинъ, хевсуръ и осетинъ тагаурскаго и куртатинскаго общества [1]). Прочіе горцы ограничиваютъ свое требованіе съ вора установленнымъ еще римскимъ правомъ duplum; есть и такіе, которые не идутъ далѣе требованія вернуть украденное или его стоимость. Къ числу положеній, заимствованныхъ большинствомъ культурныхъ народовъ изъ законодательства Моисея, принадлежитъ, какъ извѣстно, и правило о необходимости по меньшей мѣрѣ двухъ свидѣтелей для установленія судебной достовѣрности. Небезинтересно поэтому то обстоятельство, что правило это пользуется всеобщимъ признаніемъ и между горцами Кавказа. Адаты черноморскихъ черкесъ за-одно съ кабардинскими трѣбуютъ присутствія по меньшей мѣрѣ двухъ свидѣтелей при составленіи завѣщаній и обвиненіи одинаково мужчинъ [2]) и женщинъ въ незаконномъ сожитіи [3]). То же требованіе выставляютъ и осетинскіе адаты при удостовѣреніи факта подчиненія сторонъ имѣющему состояться третейскому приговору, а также данааго докащику обѣщанія вознаградить его услугу по розысканію вора [4]).

Отпущеніе на волю рабовъ, согласно чеченскому адату, можетъ состояться только подъ условіемъ скрѣпленія отпускной подписью двухъ свидѣтелей [5]). Для обвиненія, читаемъ мы въ описаніи гражданскаго быта чеченцевъ, составленномъ въ 1843 году, необходимо, чтобы истецъ представилъ съ своей стороны двухъ свидѣтелей [6]). Существованіе долга также доказывается у чеченцевъ письменнымъ документомъ за подписью двухъ свидѣтелей [7]). Дѣйствительность завѣщанія наконецъ зависитъ отъ выполненія этого условія [8]).

---

[1]) См. О нравахъ и обычаяхъ горцевъ владикавказскаго округа. 1849 г., стр. 8, 16, 24 и 32 (Адата кавк. горцевъ, т. II, ст. 41—44).

[2]) Адаты кавказскихъ горцевъ, т. I. Адата черном. черк. ст. 76.

[3]) Ibid. Адаты Кабардинцевъ, ст. 113.

[4]) Адаты кавк. горц., т. II. Осет. II, 68, 76, VII, 77.

[5]) Ibid, чеченц., т. I, ст. 7.

[6]) Ibid, стр. 29. [7]) Ibid, стр. 71. [8]) Ibid, стр. 75.

Можно почти съ увѣренностью сказать, что къ мусульманскимъ народностямъ горнаго Кавказа положеніе о минимальномъ числѣ свидѣтелей перешло изъ писаннаго закона Магомета или шаріата, который въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, слѣдуетъ правиламъ Моисеева закона.

Но какъ объяснить существованіе однохарактерныхъ нормъ въ народномъ правѣ осетинъ-христіанъ и картвельскихъ горцевъ, также являющихся послѣдователями христіанскаго ученія [1]). Я полагаю, что оно проникло къ нимъ чрезъ посредство армянскихъ и грузинскихъ сводовъ. Въ Судебникѣ Мехитера Гоша стоитъ между прочимъ слѣдующая статья: «свидѣтельства одного человѣка недостаточно для удостовѣренія въ истинѣ; но для сего потребны два или три вѣрныхъ свидѣтеля (ст. 253 армянскихъ законовъ). Свидѣтелямъ, которые бы боялись Бога и имѣли попеченіе о душахъ своихъ, были бы умны, извѣстны справедливостью и достойны вѣры, судья можетъ повѣрить двумъ и безъ присяги,—постановляютъ въ свою очередь законы Вахтанга (ст. 13).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности и не утомляя болѣе вниманія читателя выписками и цитатами, я считаю себя въ правѣ сдѣлать тотъ выводъ, что армянскіе законы были тѣмъ источникомъ, изъ котораго горцы почерпнули свои свѣдѣнія о Моисеевомъ законодательствѣ.

1) У Пшавовъ минимальное число свидѣтелей два—(Пшавы, Эти. очеркъ. Юр. Вѣст., 1888 г., № 2.

ГЛАВА IV.

Вліяніе армянскаго и грузинскаго права.

Близкое сосѣдство и нерѣдкое подчиненіе горцевъ западнаго и восточнаго Кавказа армянскимъ и грузинскимъ правителямъ невольно вызываютъ въ умѣ вопросъ о томъ, не оказало ли нѣкотораго вліянія на горскій адатъ и народное право помянутыхъ горцевъ—право ихъ южныхъ сосѣдей. Трудность, какую представляетъ рѣшеніе этого вопроса въ примѣненіи къ Арменіи, лежитъ въ томъ, что народные элементы армянскаго права доселѣ никѣмъ не выяснены, и что главнымъ источникомъ для сужденія о томъ, каковы были обычаи армянъ въ средніе вѣка, является частная компиляція, бо́льшая половина которой цѣликомъ заимствована, какъ мы видѣли, изъ римско-византійскаго права, Моисеева закона и постановленій церковныхъ соборовъ [1]). Это не мѣшаетъ однако тому, что нѣкоторыя статьи судебника Гоша являются ничѣмъ инымъ, какъ записью народнаго права армянъ. Между этими статьями попадаются и такія, которыя содержатъ въ себѣ нормы, общія какъ грузинскому праву, такъ и обычаямъ кавказскихъ горцевъ. Укажу для примѣра на слѣдующія.

Въ статьѣ 251 армянскихъ законовъ упоминается о случаѣ, когда по смерти кого-либо не останется другихъ родственниковъ

---

[1]) Г-нъ Губе слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ составъ судебника Гошо: 125 статей его заимствованы изъ церковнаго права, 67 изъ Моисеева закона, 152 изъ римско-византійскаго права (Zeitschrift der Savignystiftung, Rom. Abth. III, стр. 18).

кромѣ брата и дочери, имѣющей мужа и дѣтей, и дочь переселится съ мужемъ и дѣтьми въ отцовское имѣніе. Относительно такой дочери приводимая статья постановляетъ: отцовское имѣніе принадлежитъ ей и дядя по отцу не въ правѣ ей въ томъ препятствовать.

Совершенно въ томъ же смыслѣ высказываются и грузинскіе законы Вахтанга: «если единственная дочь выйдетъ по смерти отца своего замужъ, то домъ и все движимое и недвижимое его имѣніе принадлежатъ ей (ст. 145)».

Обращаясь къ адатамъ кавказскихъ горцевъ намъ нетрудно будетъ отмѣтить существованіе у нихъ обычая селить зятя въ домѣ невѣстки и при отсутствіи другихъ наслѣдниковъ переносить все имущество въ его руки. О предложеніи зятю жить въ домѣ свекра и замѣнить ему сына и наслѣдника не разъ упоминается между прочимъ въ народныхъ сказаніяхъ кабардинцевъ [1]) и осетинъ [2]). Обычай этотъ еще болѣе распространенъ между горцами Грузіи.

Во всѣхъ деревняхъ Тіонетскаго уѣзда, населенныхъ картвельскою народностью, говоритъ г. Мачабели, доселѣ встрѣчается усыновленіе зятя. Когда крестьянинъ не имѣетъ наслѣдника мужскаго пола, онъ при жизни старается выдать дочь замужъ съ условіемъ, чтобы зять поступилъ въ его домъ и замѣнилъ ему сына-наслѣдника. Такой принятый въ семью зять называется «зедеидзе». Онъ и его дѣти носятъ фамилію того дома, къ которому принадлежитъ вышедшая замужъ дѣвушка [3]).

Не меньшее совпаденіе представляютъ армянскія, грузинскія и горскія (въ частности осетинскія) постановленія о молочномъ родствѣ и о связанныхъ съ нимъ брачныхъ запретахъ. Въ старые годы осетины и по ихъ примѣру татары-горцы соблюдали эти запреты даже въ отдаленныхъ степеняхъ—обстоятельство

---

1) Сб. св. о кавк. горц. вып. VI, кабардинская старина, стр. 100.

2) Осетинскія народ. сказ. Шанаева. «Какъ родился Батразъ», V т. Сб. св. о кавк. горц.

3) Смотри экономическій бытъ крестьянъ Тіонетскаго уѣзда Тифлисской губерніи, изслѣдованія М. В. Мачабели (матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ закавказскаго края, томъ V, стр. 396 и 397).

наглядно выступающее въ ихъ поговоркѣ: «молоко идетъ такъ же далеко, какъ и кровь». Въ настоящее время бракъ не дозволяется только между молочными братьями и сестрами [1]). О такомъ же родствѣ, какъ о препятствіи вступать въ бракъ, говоритъ и статья 343 армянскихъ законовъ: «буде женихъ и невѣста—гласитъ эта статья—воспитаны будутъ одною кормилицею, то хотя бы между ними и не было родства, они не могутъ сочетаться бракомъ, ибо кормилица то же для нихъ значитъ что̀ мать».

Въ сферѣ вещнаго права поразительную аналогію представляютъ собою горскій обычай пріобрѣтать собственность на землю путемъ заимки или первоначальнаго обращенія ея подъ обработку и слѣдующая статья армянскаго судебника: «буде крестьянинъ построитъ домъ въ горахъ и удобритъ тамъ землю, то все, что̀ будетъ имъ присвоено, поступаетъ въ его собственность потомственно» (ст. 98 судебника Гоша). На протяженіи всей Грузіи земля, пріобрѣтенная путемъ обработки, извѣстна подъ наименованіемъ «ахо». Въ Хевсуретіи, Пшавіи, Тушетіи одинаково указываютъ на трудъ, какъ на одинъ изъ титуловъ пріобрѣтенія собственности, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ никѣмъ еще неприсвоенной земельной площади. Но всего этого недостаточно для утвержденія, что источникомъ горскаго обычая въ данномъ случаѣ является постановленіе армянскаго законодателя. Подъ именемъ bifang, assartum, purprestura, purprise, assart lands и т. п. заимка равно извѣстна средневѣковому нѣмецкому, французскому и англійскому праву. Старозаимочное владѣніе въ Украйнѣ иллюстрируетъ намъ фактъ существованія ея въ славянской средѣ; о распространеніи ея на мусульманскомъ востокѣ можно составить себѣ представленіе по тѣмъ нормамъ, какія на счетъ пріобрѣтенія собственности трудомъ рукъ содержитъ законодательство одинаково сунитовъ и шіитовъ. Въ виду повсемѣстности отмѣченнаго нами явленія невозможно говорить о заимствованіи его изъ той или иной среды и приходится допустить фактъ самопроизвольнаго его развитія одинаково въ Арменіи и на Кавказѣ. Въ приведен-

[1]) Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 313 и 314.

ныхъ доселѣ аналогіяхъ нельзя такимъ образомъ видѣть еще доказательствъ заимствованія тѣхъ или другихъ нормъ горскаго обычая изъ армянскаго законодательства, такъ какъ ничто не мѣшаетъ предположить, что общность бытовыхъ условій вызвала наступленіе одинаковыхъ юридическихъ порядковъ и въ Арменіи, и въ Грузіи, и въ Осетіи. Еще менѣе основаній говорить о заимствованіи даетъ фактъ существованія нѣкогда у армянъ обычая кровной мести, отъ которой въ эпоху редактированія Гошевскаго судебника сохранилось одно право уголовныхъ выкуповъ или композицій [1]). Кровная месть, какъ не разъ уже было сказано, составляетъ общую характеристику тѣхъ обществъ, основу которыхъ составляетъ родовое устройство. Недопущеніе на первыхъ порахъ армянскихъ женщинъ къ наслѣдованію, о которомъ идетъ рѣчь въ отмѣняющемъ такой порядокъ законѣ Юстиніана [2]), также свидѣтельствуетъ только объ общности бытовыхъ условій древнихъ армянъ съ тѣми, которыми доселѣ живутъ горцы Кавказа. Упоминаемая же 107 статьею судебника [3]) семейная община, при которой продажи и покупки «могутъ происходить не иначе, какъ съ вѣдома и согласія всѣхъ сыновей и дочерей», вполнѣ подтверждаетъ эту догадку и даетъ ключъ къ пониманію причинъ, по которымъ имущественное и договорное право армянъ во многомъ приближаются къ типу того, какое представляютъ намъ горцы Кавказа.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако, чтобы совпаденіе горскихъ и армянскихъ порядковъ никогда не могло служить указателемъ того вліянія, какое болѣе развитой бытъ Арменіи оказалъ на сосѣднія съ нимъ народности. Раннее и широкое распространеніе въ Арменіи торговаго оборота необходимо должно

---

[1]) Хотя прежде, постановляетъ статья 213 законовъ армянскихъ, и полагалось око за око, зубъ за зубъ, рука за руку, нога за ногу, рана за рану, ударъ за ударъ,—но сей законъ по милосердію Божію отмѣненъ евангельскимъ ученіемъ, и за кровь человѣка принимается денежное удовлетвореніе, смотря по важности дѣла и по различію членовъ тѣла.

[2]) Edictum III, 535 и Novella XXI, 536. Оба приведены Дарестомъ Etudes d'histoire du droit, глава о грузинскомъ правѣ.

[3]) Статья 367 судебника Гоша.

было содѣйствовать выработкѣ такихъ сторонъ ея права, которыя одновременно не могли развиться въ средѣ живущихъ вдали отъ торговыхъ путей горцевъ Кавказа.

Договорное право въ частности получило въ Арменіи такую разработку, что прочимъ народностямъ Кавказа осталось только заимствовать ея нормы, съ тѣмъ, чтобы примѣнить ихъ къ собственному быту съ тѣми измѣненіями, конечно, какія потребовали не сходныя бытовыя условія. Къ числу такихъ заимствованныхъ нормъ надо отнести тѣ, какія регулируютъ собою порядокъ установленія залога и права кредитора на данное ему въ обезпеченіе имущество.

Въ ряду другихъ нормъ залоговаго права армянскому судебнику извѣстно и то, при которомъ кредиторъ взамѣнъ слѣдуемыхъ ему процентовъ пріобрѣтаетъ право пользоваться заложеннымъ ему должникомъ имуществомъ. Къ этому виду залоговъ относятся слѣдующія постановленія 233 и 133 ст. армянскихъ законовъ. «Если кто возметъ въ залогъ домъ или землю съ водою, или что другое, и залогъ останется у него на долгое время, такъ что онъ воспользуется доходами съ залога свыше слѣдуемыхъ процентовъ, то излишекъ зачесть въ плату капитала». «Кто, занявъ деньги, отдастъ заимодавцу въ залогъ землю подъ условіемъ пахать оную и пользоваться въ замѣнъ процентовъ, тотъ послѣ имѣетъ заплатить одинъ только капиталъ; если же заложитъ лошадь, осла, корову или овецъ съ условіемъ употреблять изъ нихъ рабочихъ въ работу, а отъ дойныхъ получать молоко, то симъ и пользоваться ему взамѣнъ процентовъ; приплодъ же отъ скота принадлежитъ первому, если оный также не предоставленъ заимодавцу съ обязанностью удовлетворить пастуха за пастьбу; буде же дана въ залогъ служанка, то службу ея считать за проценты, а если въ залогъ отданъ сынъ, то по уплатѣ капитала съ процентами возвратить его отцу». Въ древнѣйшихъ законахъ Грузіи Георгія ни словомъ не упоминается о залогѣ съ передачей права пользованія имъ кредитору. Рѣчь о немъ заходитъ впервые въ законахъ Агбуги въ серединѣ XV столѣтія. Не устанавливая прямо армянской формы залога, законодатель въ то же время отдаетъ ей рѣшительное предпочтеніе. Гораздо лучше, говоритъ

онъ, чтобы въ облегченіе должника кредиторъ довольствовался одними доходами заложеннаго ему имѣнія (ст. 84). Это факультативное предписаніе повидимому вошло въ нравы. Въ сборникѣ обычаевъ, введенныхъ въ Грузію закономъ, мы читаемъ: «Когда кто какое-либо недвижимое свое имѣніе отдавалъ за нѣкоторую сумму подъ закладъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто процентовъ пользоваться доходами закладнаго имѣнія, и прописываемо было въ бумагѣ такъ: «на сколько времени деньги твои останутся у меня, ты не будешь требовать процентовъ, равно и я доходовъ заложеннаго мною имѣнія»,—въ такомъ случаѣ, пока замодавецъ не получалъ сполна капитала, до тѣхъ поръ не отбирали у него закладнаго имѣнія, какъ бы долго ни владѣлъ онъ имъ и хотя бы болѣе получалъ доходовъ, нежели сколько слѣдовало бы ему процентовъ». «Статья 233 армянскихъ законовъ по сему обычаю примѣнялась»—читаемъ мы въ заключеніе приведенной статьи, и это утвержденіе можетъ быть признано вѣрнымъ съ тою оговоркой, что грузинскій обычай въ своемъ воспріятіи нормъ армянскаго права по вопросу о залогѣ отнесся къ нимъ довольно самостоятельно и отвергнулъ между прочимъ тѣ мѣры, какія судебникъ Мехитара Гоша принимаетъ на случай превышенія доходомъ отъ залога размѣра слѣдуемыхъ кредитору процентовъ. Эта подробность интересна для насъ потому, что даетъ право утверждать, что въ обычаи горцевъ нормы армянскаго закладнаго права проникли не въ ихъ первоначальной формѣ, а съ тѣмъ характеромъ, какой приданъ былъ имъ законами грузинскихъ царей.

Въ Осетіи обезпеченіе долга залогомъ недвижимости или движимости подъ условіемъ перехода права пользованія на кредитора извѣстно подъ наименованіемъ «бавстау». Пользованіе кредиторомъ залогами исключаетъ всякое право его на полученіе процентовъ. Оно продолжается до момента окончательной расплаты и не допускаетъ возможности какихъ-либо вычетовъ въ случаѣ превышенія доходомъ отъ залога размѣра положенныхъ по обычаю процентовъ [1]).

Тотъ же видъ залога встрѣчается въ средѣ балкарцевъ подъ

---

1) Современный обычай и древній законъ т. I, стр. 214 и 215.

наименованіемъ «бегенды». Наконецъ въ Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи залогъ также предполагаетъ за кредиторомъ право взамѣнъ процентовъ извлекать доходъ изъ заложеннаго ему имущества [1]).

Если мы перейдемъ въ настоящее время къ Грузіи и спросимъ себя, въ какой мѣрѣ ея старинное законодательство находитъ отраженіе себѣ въ дѣйствующемъ обычаѣ горцевъ, то намъ придется остановится не на такихъ общераспространенныхъ явленіяхъ, какъ семейная община, кровная месть, система уголовныхъ выкуповъ или композицій, родовая преэмпція и родовой выкупъ, исключеніе женщинъ отъ наслѣдованія въ родовомъ имуществѣ, рѣшеніе судебныхъ споровъ на основаніи присяги отвѣтчика и присяги его родственниковъ и односельчанъ, — а на такихъ болѣе конкретныхъ явленіяхъ, какъ опредѣленіе пропорціи, въ какой платежъ за отдѣльные виды увѣчья стоитъ къ выкупу за убійство.

Въ законахъ Георгія V (1318—1346 годъ), древнѣйшихъ изъ тѣхъ которые извѣстны въ Грузіи, значится, что убійца обязанъ немедленно покинуть свое жилище и оставаться въ изгнаніи срокомъ отъ двухъ до трехъ лѣтъ [2]). Это правило принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя равно примѣняются доселѣ какъ въ западномъ, такъ и на восточномъ Кавказѣ. Мы находимъ его не только въ средѣ картвельскихъ народностей—у хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, но и на протяженіи почти всего Дагестана. Замѣтимъ при этомъ, что шаріатъ ни словомъ не упоминаетъ о немъ, и что присутствіе его въ дагестанскомъ адатѣ отнюдь не можетъ быть отнесено поэтому къ вліянію писаннаго права магометанъ.

Законы Георгія, предназначенные, какъ сказано въ ихъ текстѣ, для горскихъ народностей Кавказа, наложили также свою печать и на дѣйствующую доселѣ въ ихъ средѣ систему выкуповъ. Размѣръ взысканія, полагаемаго обычаемъ за отдѣльные виды увѣчій и ранъ—приблизительно тотъ самый, какой установленъ былъ Георгіемъ въ серединѣ XIV-го вѣка. Въ законахъ этого

---

1) Свѣдѣнія, собранныя на мѣстахъ.

2) Законы Вахтанга, отдѣлъ законы Георгія.

царя мы читаемъ: «За отсѣченіе или за совершенное поврежденіе правой руки слѣдуетъ третья часть удовлетворенія за кровь (ст. 33); лѣвша получаетъ удовлетвореніе за отсѣченіе лѣвой руки какъ за правую (ст. 34); за вышибъ глаза, за совершенное поврежденіе или отсѣченіе ноги слѣдуетъ четвертая часть удовлетворенія за кровь (ст. 35); за совершенное поврежденіе въ дракѣ обѣихъ рукъ, или обѣихъ ногъ, или же обоихъ глазъ, т. е. изъ сихъ 6-ти членовъ двухъ вмѣстѣ, слѣдуетъ половинное удовлетвореніе за кровь по достоинству рода и вознагражденіе за издержки на лѣченіе; за поврежденіе же одного изъ тѣхъ членовъ въ каждой дракѣ, а не двухъ вмѣстѣ, поступить по вышеписанному (ст. 36); за отсѣченіе или совершенное поврежденіе большаго пальца взыскать половину удовлетворенія, слѣдующаго за руку, смотря по тому правой ли или лѣвой руки палецъ; въ случаѣ же отсѣченія или совершеннаго повреждения какого-нибудь другаго пальца, лишившемуся онаго слѣдуетъ третья часть полнаго удовлетворенія за руку (ст. 37); за каждую рану на покрываемомъ одеждою мѣстѣ, неизувѣчивающую раненнаго, сдѣлать ему удовлетвореніе, слѣдующее за одну обиду по достоинству рода, и вознаградить его за издержки на лѣченіе (ст. 38); за вышибъ каждаго изъ переднихъ 4-хъ верхнихъ и 4-хъ нижнихъ зубовъ взыскать съ виновнаго слѣдующее за двѣ обиды удовлетвореніе по состоянію его и достоинству рода (ст. 39); за вышибъ же каждаго изъ прочихъ зубовъ сдѣлать взысканіе, слѣдующее за одну обиду (ст. 40).

Позднѣйшіе по времени законы Бека, извѣстные подъ именемъ законовъ внука его Агбуги, а также законы царя Вахтанга VI внесли лишь немногія перемѣны въ только-что приведенную скалу выкуповъ или композицій.

За вышибъ передняго или задняго зуба Бека опредѣлилъ то же взысканіе, что и за отсѣченіе пальца (ст. 9 законовъ Агбуги). Поврежденіе: глаза, руки, ноги, вышибъ передняго зуба и нанесеніе лицевой раны поставлены имъ на одну доску и обложены половиннымъ удовлетвореніемъ за кровь; за вышибъ-же задняго зуба опредѣлено взыскивать лишь пятую часть того же платежа (статьи 125, 143 и 444 законовъ Агбуги). Воз-

становляя тотъ же размѣръ выкупа за отсѣченіе руки, ноги и выколъ глаза, который опредѣленъ законами Георгія, Вахтангъ одновременно уравнялъ по уголовнымъ послѣдствіямъ вышибъ передняго и задняго зуба, мотивируя эту мѣру слѣдующимъ соображеніемъ: лишеніе переднихъ зубовъ безобразитъ человѣка, задніе же нужны ему для пищи; будучи одинаково необходимы человѣку, передніе и задніе зубы одинаково охраняются закономъ.

За каждый вышибленный зубъ Вахтангъ, придерживаясь законовъ Георгія, опредѣлилъ то же взысканіе, что и за отсѣченіе пальцевъ руки. Примѣняя то же начало соразмѣрности взысканія съ размѣромъ причиненнаго кому либо матеріальнаго вреда, Вахтангъ за отѣченіе уха и носа установилъ тотъ же выкупъ, что и за отсѣченіе руки. За отнятіе пальца отъ ноги взыскивается въ половину меньше того, что опредѣлено за отсѣченіе пальца отъ руки. «Палецъ отъ ноги, замѣчаетъ Вахтангъ, не можетъ равняться съ пальцемъ отъ руки: отсутствіе его не столь замѣтно и не является въ такой мѣрѣ препятствіемъ для дѣйствія, въ какой отсутствіе одного изъ пальцевъ руки. За всякую лицевую рану, безобразящую человѣка и не настолько значительную, чтобы въ нее можно было вложить мизинецъ, предписано то же вознагражденіе, что и за отсѣченіе руки. По отношенію же къ прочимъ ранамъ приняты слѣдующія мѣры: раны предписано измѣрять ячменными зернами и за каждое зерно, вошедшее въ рану, взыскивать по одной коровѣ. Такой размѣръ опредѣляется впрочемъ лишь тогда, когда рана нанесена холоднымъ оружіемъ. Наоборотъ въ томъ случаѣ, когда она причинена выстрѣломъ изъ ружья, пистолета или лука, ударомъ копья или дротика, размѣръ вознагражденія увеличивается вдвое (статья 44 и 49 законовъ Вахтанга). Лѣченіе и содержаніе раненаго, какъ общее правило, падаютъ на поранителя.

Сопоставимъ теперь съ этими предписаніями грузинскихъ законодателей тотъ размѣръ вознагражденія, какой обычное право горцевъ опредѣляетъ въ случаяхъ отдѣльныхъ видовъ увѣчій и раненій. Въ Пшавіи, Хевсуретіи и Тушетіи [1]) за убій-

[1]) Смотри Эристова о тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ въ запискахъ кавказскаго отдѣла русскаго географическаго общества 53 годъ, стр.

ство—60 коровъ, за увѣчье руки и ноги установленъ выкупъ въ 30 коровъ, и то же число коровъ предписано взимать при отрѣзаніи носа и выколѣ глаза. Что касается до пальцевъ рукъ, то картвельскіе горцы устанавливаютъ слѣдующія различія: цѣну большого пальца они опредѣляютъ въ 5 коровъ, указательнаго въ 4, средняго въ 3, четвертаго въ 2 и мизинца въ одну корову. Относительно ранъ мы встрѣчаемъ у нихъ то же правило объ измѣреніи ихъ хлѣбными зернами, что и въ законахъ Вахтанга, съ слѣдующими только различіями: рана измѣряется въ перемежку ячменными и пшеничными зернами; одно кладется вдоль, другое поперекъ; за каждое зерно взыскиваютъ одну корову. Треть всего взысканія скидывается хевсурами, согласно и на этотъ разъ съ предписаніями Вахтангова Сборника, постановляющаго, что третью часть слѣдуемаго обиженному удовлетворенія царь и католикосъ должны простить (статья 24 законовъ Вахтанга). Если раненію подвергнется часть тѣла, покрытая волосами, то размѣръ вознагражденія уменьшается на половину. Когда же рана нанесена была въ черепъ, такъ что обнаружится мозгъ, раненіе приравнивается къ увѣчью и облагается половиннымъ платежемъ за кровь. Плата лѣкарю и издержки по содержанію больного всецѣло падаютъ на лицо, причинившее раны.

У сванетовъ увѣчье, къ числу которыхъ одинаково относятся: отсѣченіе руки и ноги, выколъ глаза и отрѣзаніе уха и носа, какъ общее правило, ведутъ къ платежу, равному половинѣ того, который взыскивается въ случаяхъ убійствъ. Что касается до раненій, то сванеты различаютъ тѣ, которыя сдѣланы ружьемъ и пистолетомъ, отъ тѣхъ, которыя причинены кинжаломъ или шашкой; первыя считаются болѣе тяжкими нежели вторыя. Лицевыя раны, сдѣланныя огнестрѣльнымъ оружіемъ, подобно увѣчьямъ ведутъ къ платежу половинной платы за кровь. Издержки по лѣченію и содержанію раненаго несетъ поранитель [1]).

Платежемъ въ половину меньше того, какой полагается за

---

132 и 133. Мачабели. Экономическій бытъ крестьянъ Тіонетскаго уѣзда, стр. 369, примѣчаніе.

[1]) Поѣздка въ Сванетію Ивановскова и Ковалевскаго.

убійство, караютъ также осетины слѣдующіе виды увѣчій: отсѣченіе руки, ноги, носа, уха и выколъ глаза. За отсѣченіе отдѣльныхъ пальцевъ руки полагается тотъ же размѣръ взысканія, что и у хевсуръ [1]). Баронъ Гакстгаузенъ имѣлъ случай убѣдиться, что осетины прибѣгаютъ къ тому же способу опредѣленія важности ранъ, какой доселѣ удержался въ средѣ пшавовъ и хевсуръ. О ранѣ говорятъ у нихъ: она имѣетъ въ длину 10, 12 и т. д. зеренъ ячменя. За каждое зерно обидчикъ обязанъ отдать корову, но далѣе 12 коровъ взысканіе не идетъ [2]). Лѣкаря нанимаетъ поранитель; на него же падаетъ и содержаніе раненаго до исцѣленія.

Тотъ же размѣръ выкуповъ за отдѣльные виды увѣчій извѣстенъ былъ до послѣдняго времени и балкарцамъ.

Въ Хуламѣ и Чегемѣ, въ Балкарахъ и въ Урузбіевскомъ аулѣ отсѣченіе ноги, руки или выколъ глаза оплачивались въ половину меньше противъ убійства—точь въ точь какъ въ любомъ осетинскомъ аулѣ.

У чеченцевъ и ингушей размѣръ удовлетворенія, требуемаго за остѣченіе руки и ноги, выколъ глаза и отрѣзаніе носа или уха, приблизительно тотъ же, что и въ Осетіи: онъ равняется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ половинѣ платежа, требуемаго за убійство.

Отдѣльные пальцы руки оцѣнивались какъ у осетинъ: за большой палецъ полагалось взысканіе 5 коровъ, за указательный 4, за средній 3, за безъименный 2 и за мизинецъ одной [3]). Плата за лѣченіе раны падала на виновнаго.

Сравнивая размѣръ вознагражденія, требуемаго за увѣчья законами Агбуга, съ тѣмъ, какого придерживаются горцы западнаго Кавказа, трудно придти къ заключенію о существующемъ между ними тождествѣ. Въ свою очередь рекомендуемый сборникомъ Вахтанга способъ опредѣленія важности ранъ, за одно съ правиломъ о покрытіи издержекъ лѣченія и содержанія

---

1) Современный обычай и древній законъ, т. II, стр. 137.

2) Закавказскій край, страница 108.

3) Харузинъ. Замѣтки о Юридическомъ бытѣ Чеченцевъ и Ингушей. (Сб. Матер. по Этнографіи, издав. при Дашковск. музеѣ, вып. III, стр. 139).

больнаго лицомъ причинившимъ раненіе—доселѣ находятъ полное признаніе въ ежедневной практикѣ горцевъ. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ поводъ думать, что грузинское законодательство не осталось чуждымъ образованію горскаго адата въ примѣненіи къ увѣчьямъ и раненіямъ и что вліяніе его равно сказалось и въ опредѣленіи того отношенія, въ какомъ выкупъ за увѣчье стоитъ къ выкупу за убійство, и въ установленіи самого способа опредѣлять размѣръ слѣдуемыхъ за раны композицій, и въ фактѣ возложенія на виновнаго издержекъ по лѣченію и содержанію.

Къ числу не менѣе рѣзкихъ примѣровъ воздѣйствія грузинскаго права на горскій адатъ надо отнести тотъ, какой представляетъ собою порядокъ раздѣла наслѣдства между сыновьями и выдѣленія изъ наслѣдства особыхъ добавочныхъ долей для старшаго, младшаго и средняго брата.

Грузинскій законъ заключаетъ въ себѣ на этотъ счетъ слѣдующія постановленія: при раздѣлѣ изъ общаго имѣнія берется за старшинство, за меньшинство и за срединство. Изъ каждыхъ двадцати крестьянскихъ дворовъ слѣдуетъ давать старшему два двора; одинъ богатѣйшій по собственному его выбору, а другой бѣднѣйшій по выбору его братьевъ; такимъ же образомъ выдѣлять ему за старшинство и изъ людей, неимѣющихъ садовъ и безземельныхъ (ст. 100).

О преимущественномъ наслѣдованіи средняго брата статья 102 говоритъ слѣдующее: прежде ничего особеннаго не выдѣляли среднему брату, но царь Георгій и за срединство установилъ особый выдѣлъ изъ общаго имѣнія. Эта ссылка на законы Георгія нимало не оправдывается ихъ содержаніемъ. Мы имѣемъ такимъ образомъ основаніе предполагать, что преимущественное наслѣдованіе средняго брата принадлежитъ къ числу исконныхъ обычаевъ грузинъ, возникшихъ за-долго до появленія законовъ Георгія. Относительно самого порядка выдѣленія добавочной доли среднему брату законникъ Вахтанга постановляетъ: изъ каждыхъ двадцати дворовъ крестьянъ выдѣляется по одному двору среднимъ братьямъ между старшимъ и младшимъ, при чемъ преимущество оказывается тому, кто больше трудился на пользу дома (ст. 102).

Преимущественное наслѣдованіе старшаго и средняго брата не исключаетъ добавочнаго платежа въ пользу младшаго. Ему за меньшинство отдается домъ, отцемъ или братьями построенный, со всѣми постройками, находящимися, въ усадебной чертѣ, и прилегающимъ къ нему садомъ, а также гумно и мякинница, обыкновенно лежащія внѣ этой черты (ст. 103).

Сопоставляя съ этими порядками наслѣдованія тѣ, съ которыми знакомитъ насъ обычное право осетинъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ Осетіи практиковались при семейныхъ раздѣлахъ тѣ же приблизительно правила, что и въ Грузіи. Добавочная доля старшаго въ наслѣдованіи извѣстна у осетинъ подъ наименованіемъ «хестагъ», младшаго «кастагъ», средняго «астаукакъ». О сборникѣ осетинскихъ адатовъ, сдѣланномъ въ 1866 году, встрѣчаются слѣдующія подробности о порядкѣ выдѣла этихъ долей. Въ Стырдагорѣ дѣлятъ все имѣніе на части такимъ образомъ, чтобы число ихъ единицей превышало число дѣлящихся братьевъ; двѣ части затѣмъ отдаются старшему, остальныя поступаютъ къ прочимъ братьямъ. Младшему дается излишекъ изъ движимости и рабочаго скота.

Въ Дигоріи, когда наслѣдниками останутся трое, четверо и болѣе братьевъ, и предстоитъ раздѣлить, положимъ, 10 участковъ земли, лица, производящія дѣлежъ, выбравши одинъ участокъ, обыкновенно самый большой и самый лучшій, дѣлятъ его по числу братьевъ; затѣмъ старшему брату предоставляется остановить свой выборъ на какомъ нибудь участкѣ и, раздѣливъ его на три части, взять себѣ двѣ, а третью предоставить младшему; оставшіеся затѣмъ 8 участковъ поступаютъ въ равный раздѣлъ между братьями. И при раздѣлѣ движимости, хотя и въ меньшей степени, соблюдаются преимущества старшаго и младшаго брата. Добавочная доля средняго брата всецѣло берется изъ одной движимости; она рѣдко превышаетъ собою стоимость одного, двухъ быковъ. Самый выдѣлъ ея далеко не составляетъ общей черты всѣхъ безъ исключенія осетинскихъ ауловъ.

Я нашелъ упоминанія о немъ въ новохристіанскомъ селеніи, жители котораго—переселенцы изъ Дигоріи; о немъ говорится также въ адатахъ Касагонскаго Ущелья [1]).

1) Ср. современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 327 и слѣд.

Совпаденіе грузинскаго и осетинскаго обычая по вопросу о добавочныхъ доляхъ, одновременно выдѣляемыхъ въ пользу старшаго, младшаго и средняго брата, интересно не только потому, что указываетъ на возможность воздѣйствія грузинскаго права на осетинское, но и потому, что говоритъ намъ о близости обоихъ къ праву древней Индіи, законодательные сборники которой, и въ числѣ ихъ Васшита и Гаутама, заводятъ рѣчь о преимуществахъ, признаваемыхъ при наслѣдованіи за старшимъ, младшимъ и среднимъ братомъ [1]). О непосредственномъ заимствованіи изъ Индіи этой характерной особенности наслѣдственнаго права не можетъ быть конечно и рѣчи; но ничто не мѣшаетъ предположенію, что перво-источникомъ ея одинаково для осетинъ и грузинъ послужило ближе всего стоящее къ индусскому праву иранское законодательство. Его нормы по вопросу о наслѣдованіи не дошли до насъ, такъ какъ содержащія ихъ книги Авесты навсегда затеряны. Не можетъ ли въ данномъ случаѣ осетинское и грузинское право, въ виду его совпаденія съ индусскимъ, служить указателемъ того, что преимущественное наслѣдованіе старшаго, средняго и младшаго брата извѣстно было и древнему Ирану. Такой порядокъ не только не противорѣчитъ, но и непосредственно вытекаетъ изъ его религіознаго и общественнаго строя: изъ признаваемаго имъ культа домашняго очага и той преимущественной роли, какую въ этомъ культѣ играетъ продолжатель рода—старшій сынъ; и далѣе изъ факта совмѣстнаго сожитія младшаго съ отцомъ и выдѣла прочихъ при жизни, благодаря чему, при смерти отца, лицомъ, не имѣющимъ усадьбы, является одинъ младшій сынъ.

Если признать правильность этой догадки, то совпаденіе грузинскаго закона съ осетинскимъ обычаемъ найдетъ объясненіе себѣ въ томъ воздѣйствіи, какое культура Авесты оказала на древнюю Грузію и черезъ ея посредство—на Осетію.

Къ числу несомнѣнныхъ заимствованій, сдѣланныхъ изъ Грузіи горскимъ адатомъ, надо отнести и тѣ элементы сословности, какіе заключаетъ въ себѣ обычное право абхазцевъ или юж-

---

[1]) Gautama (Sacred booksof the East), XXVIII—Vasishta (ibid), XVII, стр. 14 и 35.

ныхъ осетинъ—туальтцевъ. Въ Абхазіи, какъ и въ Грузіи, высшее сословіе распадалось на классъ князей, называемыхъ тавадами» и на простыхъ дворянъ (азнауры въ Грузіи, амиста въ Абхазіи). Размѣръ выкупа за убійство зависѣлъ одинаково въ Грузіи и Абхазіи отъ принадлежности жертвы къ тому или другому классу дворянъ [1]).

И той, и другой странѣ одинаково были извѣстны зародыши средняго сословія, высшіе слои котораго, составленные изъ богатыхъ купцовъ «макалаковъ», ставились въ Грузіи при опредѣленіи слѣдуемыхъ за ихъ убійство выкуповъ на одну доску съ второклассными дворянами.

Приблизительно тѣми же преимуществами пользовалось въ Абхазіи сословіе «шмакма»—своего рода личные, а не потомственные дворяне, получившіе это право отъ владѣтеля Абхазіи (такъ-называемаго «ахъ»). Сословіе это подобно дворянамъ владѣло землею и крестьянами; члены его избавлены были отъ податей наравнѣ съ грузинскими азнаурами.

Низшіе классы общества одинаково были представлены въ Грузіи и Абхазіи, во первыхъ, «вольными людьми», отвѣчающими понятію средневѣковыхъ «libri homines». Тѣ изъ нихъ, которые селились на земляхъ помѣщиковъ (князей и дворянъ), вступали къ нимъ въ отношенія наслѣдственныхъ арендаторовъ, обязанныхъ опредѣленною платою и опредѣленною работою: лѣтомъ они приносили помѣщику ягненка, зимою барана и отъ 5 до 8 мѣръ кукурузы. Въ большинствѣ случаевъ вольные люди работали на помѣщика только три дня въ году: весною одинъ день удѣляемъ былъ на пахоту помѣщичьяго поля собственнымъ скотомъ и сохою; лѣтомъ полотьба сорныхъ травъ, подбивка кукурузы и уборка хлѣба отымали у нихъ еще два дня. Къ числу этихъ натуральныхъ повинностей присоединялась еще почетная обязанность сопровождать господина въ его поѣздкахъ, обыкновенно верхомъ на собственной лошади.

При выходѣ дѣвушки замужъ изъ семейства вольнаго человѣка, отецъ ея или братъ обязаны были сдѣлать землевладѣльцу подарокъ, напоминающій собою средневѣковый «maritagium». При

---

[1]) Сравни постановленія 26—31 статьи законовъ Вахтанга.

неимѣніи наслѣдниковъ мужескаго пола, недвижимое имущество вольнаго человѣка поступало въ руки земельнаго собственника, наслѣдственныя права котораго такимъ образомъ существенно не отличались отъ тѣхъ, какими пользовался на Западѣ феодальный сеніоръ по отношенію къ выморочному имуществу своего вассала [1]).

Вторую категорію зависимыхъ сословій составляли вольные крестьяне, извѣстные въ Абхазіи подъ наименованіемъ «анхоэ» Они надѣлены были правомъ свободнаго перехода отъ одного земельнаго собственника къ другому. Право это носило въ Абхазіи наименованіе «ассаства» и соотвѣтствовало тому, какимъ въ Грузіи пользовались «глейхи» или лица добровольно отдавшія себя въ крестьянство. Не имѣя земельной собственности, «анхоэ» подобно «глейхамъ» получали ее отъ князей и дворянъ взамѣнъ разъ навсегда установленныхъ путемъ соглашенія службъ и платежей. Обыкновенный размѣръ тѣхъ и другихъ былъ слѣдующій: «анхоэ» не работали на господина болѣе трехъ дней въ недѣлю; за то съ своихъ достатковъ они отдавали ему значительную часть, такъ напримѣръ половину ежедневнаго удоя коровъ и козъ. Анхоэ обязанъ былъ также пасти и стеречь стада помѣщика. На обязанности его лежало нерѣдко также прокормленіе въ зимнее время помѣщичьихъ лошадей и части его рогатаго скота. Женщины, принадлежавшія къ семейству крестьянина, исполняли обыкновенно обязанности служанокъ въ домѣ помѣщика.

За притѣсненія и обиды крестьянинъ имѣлъ право привлечь помѣщика къ суду, который, удостовѣрившись въ справедливости обвиненія, могъ освободить крестьянина отъ дальнѣйшей зависимости.

Третью категорію зависимыхъ сословій составляли крѣпостные, которыхъ абхазцы называли «агруа», а грузины «мзахури» [2]). Они составляли собственность помѣщика, не пользовались правомъ перехода и работали на помѣщика круглый годъ. Крѣпостное право установлялось всего чаще происхожденіемъ, по-

---

[1]) См. для Грузіи акты кавк. археогр. коммиссіи, т. VII, стр. 26.

[2]) Reise nach dem kaukasischen Isthmus von Koch, т. II, стр. 299.

упкой, пожалованіемъ отъ царя, кабалою, женитьбой на чьей нибудь крестьянкѣ, обращеніемъ въ несвободное состояніе неспособнаго уплатить пеню вора, каждый разъ когда воровство сдѣлано было въ предѣлахъ чьего либо дома.

На самой низшей ступени общественной лѣстницы стояли такъ называемые рабы («ахашала» у абхазцевъ, «мона» у грузинъ). Ими, какъ общее правило, являлись иноплеменники, добытые грабежемъ, покупкою или войной; владѣть ими могли всѣ прочія сословія, не исключая и крестьянъ. Рабъ считался собственностью господина, который по произволу могъ продать, подарить и даже убить его. Тогда какъ владѣлецъ не имѣлъ права разлучить крѣпостного съ его женою, раба можно было продать и отдѣльно отъ жены [1]).

Меньшую выработку получили сословныя отношенія въ Осетіи, въ которую понятія личной несвободы и крѣпостничества также занесены были изъ Грузіи путемъ пожалованій, дѣлаемыхъ въ разное время царями въ пользу арагвскихъ и ксанскихъ эриставовъ—своего рода губернаторовъ, выродившихся со временемъ въ феодальныхъ сеньеровъ [2]).

Причиной тому было замѣщеніе должности эриставовъ неизмѣнно членами одной и той же династіи. Эриставами въ Грузіи назначаемы были неизмѣнно члены однихъ и тѣхъ же семей и родовъ. Это обстоятельство въ такой же мѣрѣ содѣйствовало переходу ихъ изъ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ въ феодальныхъ сеньеровъ, въ какой наслѣдственное исправленіе графской должности въ предѣлахъ Карловингской имперіи содѣйствовало обращенію ея носителей въ ленныхъ владѣльцевъ. Осуществляя изъ поколѣнія въ поколѣніе права верхов-

---

[1]) См. «Очеркъ общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани» (III вып. Сб. св. о кавк. горц., стр. 13 и слѣд.). «Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго моря» Ив. Аверкіева, ч. II, стр. 26 и слѣд. (Сборникъ газеты Кавказъ. т. I). Пурцеладзе. Грузинскія дворянскія грамоты. Калантаровъ. Крѣпостное право въ Грузіи (Сб. свѣд. о Кавказѣ, т. II).

[2]) Примѣръ такого пожалованія представляетъ намъ грамота царя Александра отъ 1737 г., которой Бармію Мачабели отданы въ крестьянство осетины Джавскаго ущелья. (Пурцеладзе. Дворянскія грамоты, стр. 17).

ныхъ судей, полицейскихъ агентовъ и налоговыхъ сборщиковъ, эриставы воспользовались широтою предоставленныхъ функцій для установленія системы чисто-личной зависимости поселенныхъ въ ихъ округахъ крестьянъ отъ членовъ своего семейства. Упроченію этой зависимовти въ Грузіи, какъ и на Западѣ Европы, содѣйствовалъ еще фактъ надѣленія эриставовъ царями въ награду за ихъ службу значительными участками въ предѣлахъ состоявшихъ въ ихъ управленіи округовъ. Эта «terra comitalis» (употребляя выраженіе карловингскихъ дипломовъ) сдѣлалась тѣмъ ядромъ, изъ котораго развились обширныя помѣстья эриставовъ, заселенныя дотолѣ свободными крестьянами; помѣстья эти пріобрѣли постепенно характеръ феодальныхъ леновъ и жители ихъ перешли въ ряды крѣпостныхъ людей, удерживая право владѣть землею не иначе, какъ подъ условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей и платежей въ пользу своихъ сеньеровъ. Систему отношеній, въ первые возникшую на жалованныхъ имъ земляхъ, эриставы старались обобщить, распространяя ее на участки, не входившіе въ составъ пожалованія и занятые по прежнему свободными поселенцами.

Путемъ захватовъ, нерѣдко вызывавшихъ возстанія въ мѣстномъ населеніи приводимомъ къ покорности каждый разъ силою оружія, эриставы сдѣлались современемъ верховными собственниками большей части земель южной Осетіи и распространили на ея жителей начала крѣпостной зависимости и службы. Исключеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи составили только тѣ изъ осетинъ, которые, живя въ недоступныхъ по своей природѣ горныхъ ущельяхъ, фактически не признавали надъ собою власти эриставовъ—ни какъ чиновниковъ грузинскаго государства, ни какъ феодальныхъ собственниковъ. Но и по отношенію къ горскому населенію эриставамъ нерѣдко удавалось установить нѣкоторую степень подчиненія и зависимости. Строя свои замки и крѣпости при самомъ входѣ въ ущелья, они, затрудняя горцамъ доступъ въ долины, побуждали ихъ стать по отношенію къ себѣ въ положеніе данниковъ и только подъ этимъ условіемъ предоставляли имъ свободу прохода. Попытки эриставовъ закабалить свободное населеніе вызывали время отъ времени возстанія въ средѣ угнетенныхъ. Такими возстаніями

грузинскіе цари пользовались для того, чтобы отнять у вызвавшей недовольство династіи эриставовъ дальнѣйшее несеніе правительственныхъ функцій. Съ этимъ нерѣдко связывалась конфискація всего предоставленнаго ей имущества, которое или поступало къ смѣнившей ее династіи, или служило къ расширенію доманіальныхъ владѣній грузинскихъ царей. Такъ въ въ 1740 г. цари Теймуразъ и Ираклій лишили эриставства родъ Сидамоновыхъ и на мѣсто ихъ поставили новую династію арагвскихъ князей Чолокаевыхъ, съ тѣмъ, чтобы на разстояніи немногихъ лѣтъ отдать его двумъ своимъ сыновьямъ. Та же судьба постигла и правившихъ дотолѣ въ Ксанскомъ ущельи эриставовъ изъ дома Бибилуровыхъ; царь Ираклій отнялъ у нихъ вмѣстѣ съ эриставствомъ и принадлежавшія имъ имѣнія, при чемъ, какъ видно изъ грамотъ данныхъ имъ жителямъ, царь принялъ клятвенное обязательство за себя и за своихъ наслѣдниковъ никогда не создавать новыхъ эриставовъ и въ выполненіе этого обѣщанія раздѣлилъ эриставство Ксанское между тремя своими дѣтьми.

Со времени перехода южной Осетіи въ руки русскаго правительства крѣпостная зависимость туальтцевъ или южныхъ осетинъ, поселенныхъ на земляхъ перешедшихъ во владѣніе грузинскаго царскаго дома и родственныхъ ему князей Мачабели, проявлялась въ слѣдующей формѣ: каждое семейство крестьянъ обязано было давать ежегодно помѣщику по три барана, цѣною каждый въ рубль серебромъ. Съ каждаго сакомло земли, величина котораго равнялась 15 или 20-ти дневной пахатѣ, взыскивалось ежегодно въ пользу помѣщика по одной коровѣ (цѣною въ 5 рублей) или взамѣнъ ея 5 барановъ. Платежъ этотъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ бегары; онъ взыскивался съ сакомло независимо отъ числа пользующихся имъ дворовъ или лицъ. Каждые два года тотъ же сакомло несъ еще особый платежъ, «даса-чукаръ», въ размѣрѣ одного быка цѣною въ 10 рублей. Сверхъ этихъ видовъ платежей осетинскія селенія, расположенныя по джавскому ущелью, несли по отношенію къ помѣщикамъ слѣдующія обязательства: въ сырную недѣлю съ каждаго дома полагался платежъ въ 2 фунта масла и одинъ литръ сыру цѣною въ 40 коп.; въ великій постъ —

пиво или иной продуктъ на сумму одного рубля; и сверхъ того ежегодно съ каждаго дома двѣ коды ячменя и одна копна сѣна въ 5 пудовъ съ доставкой на помѣщичій дворъ.

Изъ повинностей жители джавской долины несли только слѣдующія: одинъ день въ году они обязаны были пахать расположенную при ихъ селеніи помѣщичью землю; посѣвъ хлѣба и уборка его также падали на крестьянъ. Если помѣщикъ нуждался въ дровахъ для топлива, эти дрова доставляемы были крестьянами. Тѣ же крестьяне обязаны были поставлять изъ своей среды столько домашнихъ слугъ, сколько требовалъ помѣщикъ [1]).

Въ Сванетіи сословныя различія также занесены были изъ Грузіи одновременно съ назначеніемъ въ нее особыхъ эристовъ изъ грузинскихъ фамилій Гелованій. При нихъ, какъ гласитъ преданіе, впервые сдѣлана была попытка установить крѣпостную зависимость, возложивъ на свободныхъ дотолѣ крестьянъ (мыбгери) обязанность барщины и натуральныхъ приношеній. Попытка эта оказалась неудачной и повела къ повсемѣстному возстанію, кончившемуся изгнаніемъ Геловани и родственныхъ имъ семей. Не ранѣе середины XV вѣка удалось пришлой въ Сванетію семьѣ Дадешкельяни установить свое господство надъ четырьмя обществами, образующими изъ себя такъ называемую княжескую Сваненію. Крестьяне обложены были барщиной (галдамъ) и натуральными сборами. Въ страдную пору помѣщикъ въ правѣ былъ требовать выполненія ими всѣхъ работъ на его поляхъ. Зимою крестьянскій дворъ обязанъ былъ содержать по меньшей мѣръ одну пару быковъ, составлявшихъ собственность помѣщика. На новый годъ слѣдовали натуральныя приношенія, въ Пасху угощенія князя и всей его свиты. Ни одинъ дворъ не справлялъ поминокъ безъ того, чтобы не сдѣлать князю извѣстныхъ подарковъ. Отдача въ замужество дочери, какъ и уплата княземъ положеннаго медіаторами выкупа за убійство не обходились безъ добровольныхъ, разумѣется только по имени, приношеній. Княжеская казна попол-

[1]) Рапортъ Г. М. Ховена генералу Ермолову отъ 28 мая 1824 г. Адаты кавказской археографической коммиссіи, т. VI. См. совр. обыч. и древній законъ стр. 22—26.

нялась также штрафами, взимаемыми въ случаяхъ убійствъ, раненій и. т. п. и не мало не устранявшихъ необходимости частныхъ выкуповъ или композицій [1]). Въ нашу задачу не входятъ объясненія причинъ, поведшихъ къ образованію въ Закавказьи общественной организаціи, довольно близкой по характеру къ феодальной. Мы отмѣтимъ только фактъ существованія еще въ древней Арменіи нѣкоторыхъ элементовъ, благопріятныхъ образованію феодализма. Я разумѣю, въ частности, дѣленія королевства на своего рода наслѣдственные удѣлы, во главѣ которыхъ стояли особаго рода префекты, по имени «нхарары», передававшія свою власть изъ поколѣнія въ поколѣніе. Число этихъ нхараровъ съ теченіемъ времени стало возрастать такъ, что при Аршакѣ оно достигло уже цифры 900 [2]).

Сами нхарарства распались на старшіе и младшіе и между ними возникли отношенія, напоминающія если не ленную, то вассальную зависимость. Такую систему нельзя еще назвать феодальной, такъ какъ ей недоставало той характерной черты феодализма, въ силу которой власть неразрывно связана съ землевладѣніемъ и отношенія собственника къ наслѣдственному арендатору являются фундаментомъ, на которомъ построены отношенія сюзерена и вассала.

Крестоносцы нашли такимъ образомъ въ Арменіи готовую почву для воспріятія принесенной ими съ запада феодальной системы—и учрежденія «франковъ», извѣстныхъ на всемъ Кавказѣ подъ наименованіемъ «френки», нашли горячихъ приверженцовъ въ лицѣ армянскихъ магнатовъ XIII-го вѣка, поспѣшившихъ передать на армянскій языкъ постановленія франкскихъ «оксизъ» Антіохійскаго королевства. Эти «оксизы» въ основныхъ чертахъ воспроизводятъ ту же систему феодальнаго права, выразителемъ которой являются іерусалимскіе ассизы [3]). Примѣръ Арменіи въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, не могъ пройти безслѣднымъ для Грузіи—и ея наслѣдственные эристовы, изъ которыхъ со временемъ образовались

[1]) Вѣстникъ Европы. Поѣздка въ Сванетію. Иванюкова и Ковалевскаго.

[2]) См. «Внутренній бытъ Арменіи» Эзова, стр. 91 и слѣд.

[3]) См. Les Assises d'Antioche, reproduites en français, Venise. 1876, p. XIX.

независимые правители Мингрелiи, Имеретiи и Гурiи, во многомъ напоминаютъ собою армянскихъ нхараровъ.

Черезъ посредство Арменiи и Грузiи проникли къ горцамъ Кавказа и занесенные изъ запада рыцарскiе порядки. Нѣкоторыя явленiя въ обычномъ правѣ грузинскихъ горцевъ еще доселѣ сохраняютъ намъ память о тѣхъ временахъ, когда лучшимъ средствомъ къ рѣшенiю юридическихъ споровъ являлся честный поединокъ и когда служенiе выбранной рыцаремъ дамѣ входило въ обязанности хорошо воспитаннаго «кавалера».

Въ Хевсуретiи поединокъ доселѣ не вышелъ изъ нравовъ. Одѣтый въ рыцарскiе доспѣхи, въ желѣзной колчугѣ и рукавицахъ, съ лицомъ покрытымъ подобiемъ шлема, хевсуры дерутся и въ наши дни такими же плоскими мечами, какими дрались нѣкогда рыцари временъ крестовыхъ походовъ. Вышитые на ихъ платьѣ кресты въ связи съ латинскими надписями, попадающимися на ихъ мечахъ, на столько вызываютъ въ памяти представленiя о затерявшихся въ горахъ при проходѣ черезъ Грузiю крестоносцахъ, что нельзя поставить въ вину г. Зиссерману, если, судя по одному ихъ внѣшнему виду, онъ призналъ ихъ потомками крестоносцевъ. Только подъ условiемъ тщательнаго изслѣдованiя ихъ религiозныхъ суевѣрiй и особенностей ихъ юридическихъ обычаевъ и домашнихъ обрядовъ приходишь къ убѣжденiю, что въ современныхъ хевсурахъ слѣдуетъ видѣть представителей культуры, несравненно болѣе древней, чѣмъ та, изъ которой вышли крестоносцы. Культура эта, какъ я старался показать выше, имѣетъ свои корни въ иранской Авестѣ, и, слѣдовательно, переноситъ насъ мысленно не на западъ, а на востокъ. Присутствiе же въ бытѣ хевсуръ слѣдовъ рыцарскихъ нравовъ, въ связи съ особенностями ихъ туалета и военной амуницiи, объясняется вліянiемъ Грузiи. О поединкѣ прямо говорится въ законахъ Вахтанга, какъ объ одномъ изъ способовъ рѣшенiя судебныхъ споровъ (ст. 6 и 7). Своеобразный же костюмъ хевсуръ, по мнѣнiю грузинскихъ изслѣдователей, напоминаетъ собою тотъ, который носила гвардiя грузинскихъ царей [1]).

---

[1]) Латинскiя надписи на мечахъ, изъ которыхъ многiя, какъ напримѣръ «NAN» или «Fringia», сами по себѣ не имѣютъ смысла, легко

Въ Сванетіи продолжаютъ держаться другія не менѣе интересныя стороны рыцарскихъ нравовъ. Говоря это, я разумѣю тотъ своеобразный обычай, въ силу котораго сванетъ, совершившій извѣстную церемонію, имя которой «Линтуралія, становится на всю жизнь служителемъ избранной имъ дамы, все равно—будетъ ли ею замужняя женщина или дѣвушка. Самая церемонія, которой заключаются такія отношенія между сванетомъ и сванеткой, носитъ туземную окраску и напоминаетъ собою горскій обычай усыновленія. Получивъ согласіе родителей или мужа обожаемой имъ дамы, сванетъ отправляется къ ней вечеромъ въ сопровожденіи друга. Его радостно встрѣчаютъ и угощаютъ съ почетомъ. Во время пиршества всѣ присутствующіе съ хозяиномъ во главѣ подымаютъ чаши съ водкой и просятъ Бога благословить Линтурала. Самая церемонія происходитъ слѣдующимъ образомъ: сванетъ подходитъ къ дамѣ, падаетъ предъ нею на одно колѣно и преклоняетъ голову въ знакъ неизмѣнной вѣрности. Сдѣлавъ все это, онъ обращается къ ней съ вопросомъ: ему ли прикоснуться губами къ ея груди, или же, на оборотъ, она припадетъ къ его груди, т. е. ему ли быть ея отцомъ, или ей быть его матерью? Въ послѣднемъ случаѣ обожатель разстегиваетъ ей платье и, насыпавъ на грудь ея соли, прикладываетъ къ ней свои губы, трижды повторяя при этомъ: «си ди ми гезиль»—«ты мать я сынъ». Обрядъ завершается взаимнымъ обмѣномъ поцѣлуевъ. На другой день сванетъ получаетъ отъ своей дамы въ подарокъ барана, корову или какую либо другую скотину, а самъ въ свою очередь отдариваетъ ее лучшими подарками. Послѣ этого устанавливается между рыцаремъ и его дамой кровное родство; они бываютъ другъ у друга, спятъ даже вмѣстѣ, но никто до сихъ поръ не сомнѣвался въ чистотѣ ихъ отношеній [1]).

могутъ быть результатомъ такой же поддѣлки, какую профессоръ Анучинъ нашелъ въ Кубачахъ—одинаково подъ латинскія, арабскія и даже русскія надписи (См. его путешествіе по Дагестану).

[1]) Перепечатано изъ газеты Иверія, январь 1889 годъ. Этнографическое обозрѣніе Янчука, книга I, стр. 138.

ГЛАВА V.

Вліяніе хазаровъ, гуновъ и болгаръ.

Культурными въ строгомъ смыслѣ слова нельзя назвать тѣ вліянія, какимъ въ разное время подвергались горцы Кавказа со стороны кочующихъ народностей сѣверныхъ его степей и тѣхъ разноплеменныхъ варваровъ, которые подъ именемъ хазаръ, гуновъ, аваръ, черныхъ болгаръ, татаръ большой орды и монголовъ, предводительствуемыхъ Тимуромъ (Тамерланомъ), то созидали болѣе или менѣе прочное государственное общежитіе, какъ это сдѣлали напримѣръ хазары основавшіе при устьѣ Волги свой политическій центръ, свою столицу Саркелъ, то подобно гунамъ, татарамъ и монголамъ довольствовались одними временными набѣгами и опустошеніями Грузіи, Агавоніи и Албаніи, проникая подъчасъ и въ горныя тѣснины, по Дербентскому и Даріальскому проходамъ. Лежа на пути между Азіей и Европой и граница на востокѣ съ степями Туркестана и Монголіи, колыбелью тѣхъ народностей, движеніе которыхъ въ Европу извѣстно подъ наименованіемъ великаго переселенія, сѣверо-кавказскія степи наводняемы были разновременно полудикими полчищами кочевниковъ, культура которыхъ по своей первобытности способна была оказать лишь слабое вліяніе на нравы и обычаи горцевъ. Первыми по времени явились хазары. Моисей Хоренскій упоминаетъ о первыхъ ихъ походахъ на Кавказъ подъ 193—213 годомъ по Рождествѣ Христовомъ. Къ тому же времени пріурочиваетъ ихъ нашествіе и историкъ Агавоніи Моисей Каганкатваци.

товаци. Послѣдній рисуетъ ихъ намъ безобразной, гнусной, широколицей, лишенной рѣсницъ толпой, вооруженной луками и стрѣлами, съ хищностью волковъ бросавшейся на женщинъ и мущинъ, стариковъ и младенцевъ [1]). Пища ихъ была та же, что и всѣхъ кочевниковъ. «Въ мѣдныхъ тазахъ варили они, по словамъ записаннаго Каткантоваци преданія, нечистое мясо, которое опускали за тѣмъ въ особые сосуды, наполненные соленой водой. Нечистыми, жирными ковшами выливали они въ свой желудокъ чистое вино и кумысъ» [2]). Ихъ нашествіе Каткантоваци объясняетъ ничѣмъ инымъ, какъ жаждою добычи и грабежа. До принятія іудейства хазары были «поклонниками солнца и вола». Моисей Хоренскій противопоставляетъ ихъ «варсиліанамъ,» — «поклонникамъ коня».

Въ своей исторіи осетинъ господинъ Пфафъ записываетъ туземное сказаніе, по которому изъ разбитыхъ арабами въ Дагестанѣ во второй четверти VIII-го вѣка хазаръ три колѣна бѣжало на рѣку Чегемъ, верховья которой заселены въ настоящее время такъ называемыми балкарцами, а въ VIII вѣкѣ заняты были осетинами. Отъ этихъ бѣглыхъ хазаръ, думаетъ Пфафъ, произошло и названіе одного изъ близкихъ къ Чегему горныхъ ущелій—казарскаго [3]). Если сказаніе сохранило намъ память о дѣйствительно совершившемся фактѣ, то имъ легко объяснить слѣдующій долгое время державшійся въ Чегемѣ языческій обычай. На правой сторонѣ рѣки Джилги еще недавно можно было видѣть каменный домикъ, называвшійся «навтціогъ». При немъ держали быка, который назывался хычаулгогюзъ [4]) и кормился на счетъ всего аула въ теченіе цѣлаго года, до мѣсяца хычауманъ (пасха—божій день). Когда приближался этотъ срокъ, быка выводили въ поле и гадали объ урожаѣ: если быкъ мычалъ, обративши голову вверхъ, то лучшій урожай будетъ на верхнихъ пахотныхъ участкахъ; если—внизъ, то на нижнихъ.

---

[1]) Шопенъ, стр. 442.

[2]) Ibid, стр. 445 и 446.

[3]) Смотри Матеріалы для исторіи Осетинъ, стр. 18 и 19, сборн. св. о кавказскихъ горцахъ, выпускъ V.

[4]) Хычаулгъ—искаженное осетинское слово худауагъ—посвященный Богу; огюзъ по-татарски быкъ.

Замѣтимъ, что употреблявшійся при этомъ терминъ для генія урожая—Хардаръ—есть искаженное осетинское слово (хордаръ) и значитъ хлѣбодержецъ. Затѣмъ быка убивали и начинался жертвенный пиръ. Каждая сакля къ этому дню должна была приготовить ватрушки (хычинъ) и принести къ домику. Жертвенныя ватрушки были больше обыкновенныхъ и отмѣчены углубленіями, сдѣланными большимъ пальцемъ; имъ давали особое названіе хычауагъ—хычьенъ, т. е. достойная Бога лепешка. Противъ святилища, на правой сторонѣ Чегема, была ровная площадка, на которую собирались пѣть священную пѣсню съ припѣвомъ цоппа, употребительную доселѣ у осетинъ, которые въ честь святыхъ поютъ: цоппай. Эту пѣснь пѣли, напримѣръ, вокругъ человѣка, пораженнаго громовымъ ударомъ, а также около сумасшедшихъ [1]).

Въ этомъ только что описанномъ обрядѣ черты осетинскаго религіознаго культа смѣшиваются съ такими чертами, которыя всего свойственнѣе народу, у котораго, какъ у хазаръ, волъ являлся особымъ предметомъ почитанія. Я имѣлъ уже случай говорить о томъ значеніи, какое нѣкоторые кавказовѣды и во главѣ ихъ баронъ Усларъ придаютъ хазарскому вліянію. Хазары въ ихъ глазахъ являются ближайшими проводниками въ бытъ горцевъ многихъ чертъ еврейской культуры, воспринятой ими самими съ момента перехода ихъ въ іудейство.

Изъ того, что было сказано мною о ролп армянъ и армянскаго права въ выработкѣ нѣкоторыхъ осебенностей горскаго адата, читатель могъ убѣдиться, что такъ называемое «Моисеево законодательство» сдѣлалось доступнымъ для горцевъ въ его армянской, а за тѣмъ грузинской передачѣ, совершенно независимо отъ всякаго вмѣшательства хазаръ. Временной характеръ ихъ владычества на Кавказѣ, владычества прекращавшагося обыкновенно вмѣстѣ съ нашествіемъ, и окончательное подавленіе ихъ вліяпія въ Дагестанѣ не позже, какъ во второй четверти VIII вѣка, благодаря побѣдамъ арабовъ и проводимому ими магометанству, рѣшительно не позволяютъ намъ говорить

---

1) Вѣстникъ Европы, апрѣль 1884 года. Въ горскихъ обществахъ Кабарды, Миллера и Ковалевскаго, стр. 561.

о хазарахъ, какъ о народности, содѣйствовавшей привитію горцамъ началъ еврейской религіи и культуры. Такое предположеніе представляется намъ тѣмъ менѣе основательнымъ, что подъ именемъ совершавшихъ свои набѣги на Кавказъ хазаровъ легко могутъ скрываться не одни лишь представители этого племени, но и подчинявшіеся ихъ власти и увлекаемые ими въ походы калмыки. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что описываемыя Каргантовади особенности наружнаго вида и домашняго обихода хазаръ вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ, какія путешественники XVII ст. сообщаютъ о калмыкахъ. Это люди, говорятъ они, съ крупными чертами, со спускающейся съ головы нерѣдко расплетенной косицой, люди питающіеся нечистымъ мясомъ коней и незнающіе другаго напитка кромѣ кумыса [1]).

Двумя вѣками позднѣе хазаръ появились на Кавказѣ полчища гунновъ. Объ этомъ фактѣ Аминіанъ Марцеллинъ передаетъ намъ слѣдующія подробности. Эта быстро движущаяся и необузданная человѣческая раса, пылающая страстью грабить чужую собственность, разбивъ и уничтоживъ разные народы пришла въ страну алановъ (т. е. осетинъ). Гунны прошли черезъ земли алановъ, убили и ограбили многихъ, съ остальными заключили союзъ, и, при ихъ содѣйствіи, съ большой увѣренностью вторглись въ просторныя и плодородныя владѣнія Эрменриха [2]). Амеде Тверіи приводитъ въ своей исторіи Атиллы одно свидѣтельство, не оставляющее сомнѣнія въ томъ, что временное владычество гунновъ на сѣверномъ Кавказѣ простиралось почти до самой подошвы главнаго хребта, за которымъ въ то время начиналась уже Мидія. Нѣкоторые отряды ихъ переходили даже этотъ хребетъ, вѣроятно, по дарьяльскому ущелью [3]).

Послѣ Каталаунской битвы остатки гунновъ искали убѣжища въ восточныхъ степяхъ, откуда часть ихъ переселилась на Кав-

---

1) Les Voyages de Leon Struys. Amsterdam, 1681, стр. 194.

2) Ammian Marcell. XXXI, 2. Смотри: Миллеръ осетинскіе этюды часть I, стр. 50 и 51.

3) Смотри разсказъ графа Ромула, прикомандированнаго къ посольству отправленному императоромъ Валентиніаномъ III въ Каталію (Стасюлевичъ, исторія среднихъ вѣковъ, томъ I, стр. 301).

казъ. Здѣсь они жили сперва на сѣверо-западномъ берегу Каспійскаго моря, а позднѣе въ той части Дагестана, которая и по настоящій день извѣстна подъ именемъ Аваріи. По свидѣтельству Уорнанда гунны называли себя также аварами. Византійскіе писатели говорятъ намъ о поселеніи гунновъ на Кавказѣ, при чемъ обозначаютъ наименованіе ихъ «сабирами». Въ началѣ VI вѣка, по свидѣтельству Прокофія, дарьяльскій проходъ находился въ рукахъ одного князя гунновъ, по имени Анбазукъ, который во время войнъ между греками и персами предлагалъ византійскому императору Анастасію уступить ему этотъ проходъ за ничтожную плату. Передавая эти факты, г. Шафъ замѣчаетъ отъ себя: занятіе въ VI вѣкѣ гуннами дарьяльскаго прохода, быть можетъ, относится къ извѣстному въ исторіи нашествію на средній Кавказъ и потомъ на Византію аваровъ, подъ предводительствомъ Баяна.

Каткантоваци говоритъ о двухъ разновременныхъ нашествіяхъ гунновъ на Агавонію и Арменію, при чемъ каждый разъ идетъ рѣчь о князьяхъ гуннскихъ и объ уводѣ дѣлавшимъ набѣгъ непріятелемъ многочисленныхъ плѣнниковъ и стадъ. На 62 году Геджры Каткантоваци упоминаетъ о посольствѣ агавонскаго царя Варазъ Терта къ гуннамъ для заключенія съ ними мирнаго договора. Посольство, во главѣ котораго поставленъ былъ епископъ Измаилъ, прошло на сѣверъ черезъ дербентскія ворота, извѣстныя въ то время подъ наименованіемъ воротъ Чога, и послѣ долговременнаго странствованія прибыло въ великолѣпный, какъ выражается Каткантоваци, городъ Зарачанъ. Шопенъ отождествляетъ его съ городомъ Магаръ или Маджаръ на Кумѣ (около станицы Прасковьи [1]). Съ этимъ посольствомъ Каткантоваци связываетъ обращеніе кавказскихъ гунновъ въ христіанство. Разсказъ объ этомъ обращеніи даетъ ему поводъ говорить о языческихъ вѣрованіяхъ гунновъ и объ особенностяхъ ихъ домашняго обихода. Нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ чертъ интересны для насъ, такъ какъ мы доселѣ сталкиваемся съ ними при изученіи быта сѣверныхъ горцевъ Кавказа. Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что, по словамъ Каткан-

[1]) Шопенъ, стр. 457 и 498.

товаци, одно изъ главныхъ божествъ у гунновъ, Куаръ, считалось виновникомъ громоносныхъ молній. Когда молнія поражала человѣка или другой какой предметъ, прибавляетъ лѣтописецъ, гунны приносили жертву Куару [1]).—Нельзя ли связать съ этимъ обрядомъ досель практикуемый горцами сѣверо-западнаго Кавказа и въ частности черкесами обычай выражать не скорбь, а радость по случаю пораженія кого-либо молніей. «Дерево, на которое ударила молнія, говоритъ Боденштетъ, считается черкесами священнымъ. Самый тяжкій преступникъ находитъ убѣжище подъ его сѣнью. Точно также человѣкъ, пораженный ею, считается священнымъ и хоронится съ величайшими почестями» [2]).

Другую не менѣе интересную особенность гунновъ составляли, по словамъ Кагкантаваци, ихъ погребальныя церемоніи. «Носясь по кладбищу мужъ съ мужемъ и толпа съ толпой, говоритъ Кагкантаваци, гунны боролись въ нагомъ состояніи и многочисленныя группы предавались разврату».

Эта подробность тѣмъ интересна, что воспроизводится какъ въ черкесскомъ такъ и въ абхазскомъ погребальномъ ритуалѣ. «На похоронахъ лицъ знатнаго происхожденія, говоритъ путешественникъ XV-го вѣка Интердано, принято сажать на шкуру только что заколотаго быка невинную дѣвушку двѣнадцати, четырнадцати лѣтъ отъ роду; на глазахъ у присутствующихъ сильный и бойкій парень (un giovine gaillardo), снявъ бурку, пытается лишить дѣвушку невинности. Онъ повторяетъ это три или четыри раза; дѣвушка каждый разъ противится его намѣренію. Наконецъ она сдается, и молодой человѣкъ спѣшитъ показать всѣмъ присутствующимъ внѣшніе знаки одержанной имъ побѣды». Прежде чѣмъ отнести этотъ разсказъ къ числу такъ часто распространяемыхъ путешественниками басень, приведемъ слѣдующее свидѣтельство имеретинскаго архіепископа Гавріила. Одинъ причетникъ разсказывалъ мнѣ какъ очевидецъ, пишетъ архіепископъ, слѣдующій случай: читалъ онъ ночью около покойника псалтырь; домъ по обыкновенію наполненъ былъ мужчинами и женщинами, произносившими на рас-

---

[1]) Шопенъ, стр. 458, глава 23, лѣтописи Кагкантаваци.

[2]) Bodenstedt, Des peuples du Caucase. 1859 г.. стр. 353.

пѣвъ свои причитанія; вдругъ кто то загасилъ у него свѣчу, огонь же на очагѣ посреди комнаты кѣмъ то мгновенно былъ залитъ водой; воцарилась темнота; замѣтно было, что мужчины и женщины кидались другъ къ другу, перемѣшивались между собой. Послышались смѣхъ, писк, визгъ, гробъ покойника опрокинули въ темнотѣ; есть поводъ думать, прибавляетъ пастырь, что въ подобныхъ случаяхъ, предаются гнусному разврату, и что этотъ мерзостный обычай имѣетъ языческое происхожденіе [1]).

Сопоставимъ съ этимъ и слѣдующее свидѣтельство Потоцкаго объ ингушахъ. Когда ингушъ потеряетъ сына, кто нибудь изъ его единоплеменниковъ, у котораго въ томъ же году умерла дочь, является къ отцу съ слѣдующимъ предложеніемъ: сынъ твой можетъ нуждаться на томъ свѣтѣ въ женѣ, говоритъ онъ ему, я отдаю ему руку моей дочери, заплати мнѣ въ калымъ, т. е. въ плату за невѣсту столько то коровъ. Обычай, прибавляетъ Потоцкій, не допускаетъ отказа отъ подобнаго предложенія [1]). Соображая все сказанное, намъ не трудно придти къ заключенію, что въ основаніи записаннаго Интердано обычая, какъ и въ упомянутомъ архіепископомъ Гавріиломъ случаѣ и отмѣченной Потоцкимъ чертѣ ингушевскихъ нравовъ, лежитъ одно и то же представленіе, именно то что покойники на томъ свѣтѣ сохраняютъ потребности живущихъ и что имъ по этому не приличествуетъ оставаться безъ женъ.

Кагкантовацы говоритъ еще объ одной особенности похоронаго обряда гунновъ: «о беснующемся плачѣ и неистовой рѣзнѣ совершаемой въ присутствіи покойниковъ».

И эта черта принадлежитъ къ числу широко распространенныхъ на Кавказѣ обычаевъ. Еще Шарденомъ отмѣченъ былъ тотъ фактъ, что на похоронахъ мингрельцы и грузины выражаютъ свое горе наружными дѣйствіями: разрываютъ на себѣ одежды, царапаютъ лицо ногтями и тому подобное.

Когда женщина, говоритъ знаменитый французскій путешественникъ, потеряетъ мужа или близкаго родственника, она раз-

---

1) См. Дубровина, томъ I-ый, книга 2-ая, страница 56.

2) Potocki. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, стр. 127.

дираетъ свои одежды и остается голой по поясъ. Она рветъ на себѣ волосы, царапаетъ тѣло и лицо ногтями, бьетъ себя въ грудь, кричитъ и стонетъ, скрежещетъ зубами и вообще обнаруживаетъ всѣ признаки бѣшенства. Мужчины выражаютъ свою скорбь не менѣе варварскимъ способомъ: они брѣютъ голову, рвутъ не себѣ одежды, бьютъ себя кулаками въ грудь [1]).

Въ средѣ адигейскихъ народностей Кавказа однохарактерныя явленія описаны были еще французскими путешественниками XVII-го вѣка и въ числѣ ихъ Таверные [2]).

Сопровождая тѣло въ могилу, говоритъ этотъ писатель, родственники и друзья покойнаго неистово воютъ и кричатъ, одни царапаютъ себѣ тѣло и лицо заостренными камышками, другіе падаютъ на землю и вырываютъ себѣ волосы. Вернувшіеся съ похоронъ обыкновенно всѣ въ крови, похоронныя церемоніи кумыковъ или такъ называемыя «сассы» также не обходились безъ самоистязанія; въ теченіе десяти недѣль продолжалось оплакиваніе мертвеца. Родственники, ежедневно собираясь въ его саклѣ и обнаживъ тѣло по поясь, царапали его своими ногтями [3]).

Другихъ болѣе рѣзкихъ слѣдовъ того вліянія, какое гунны несомнѣнно должны были оказать на горскій адатъ, мы указать не въ состояніи, по всей вѣроятности потому, что обычаи аварцевъ Дагестана, въ которыхъ всего естественнѣе было бы искать иллюстраціи этого вліянія, издавна испытали на себѣ воздѣйствіе писаннаго права магометанъ или Шаріата, и въ настоящее время, какъ мы покажемъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ, ничѣмъ существенно не отличаются отъ обычаевъ прочихъ горцевъ Дагестана.

Послѣ гуннскаго погрома въ ближайшемъ сосѣдствѣ осетинъ и черкесовъ появляются уже тюркскія племена. Имя гунновъ смѣняется именемъ утургуровъ, вѣтви этого же народа, извѣстныхъ за тѣмъ подъ именемъ болгаръ. Профессоръ Миллеръ говоритъ, что, по словамъ Прокопія, южную границу болгаръ со-

1) Journal de Voyage du chevalier Chardin, Londres 1686, стр. 96.

2) См. Les dix Voyages de Jean Baptiste Tavernier, Paris. 1681, т. I стр. 308.

3) Potocki, стр. 122.

ставляло устье Кубани, что современникъ Прокопія, Уорнандъ, говоритъ о жилищахъ болгаръ надъ Понтомъ, и что Феофанъ помѣщаетъ древнюю или великую Болгарію между Мэотійскимъ озеромъ и рѣкою Куфисъ (Кубанью). У Константина Багрянароднаго и въ договорѣ Игоря съ греками Болгарія носитъ наименованіе Черной. Г-да Ланбинъ и Иловайскій, отказываясь отъ взглядовъ прежнихъ историковъ и въ числѣ ихъ Карамзина, помѣщаютъ эту Черную Болгарію не на берегахъ Дуная, а на берегахъ Азовскаго моря вплоть до Кубани [1]).

Въ недавно открытомъ новомъ спискѣ армянской географіи Моисея Хоренскаго (конца VII столѣтія) разныя колѣна болгаръ также отнесены къ сѣверу отъ Кубани. Всѣхъ этихъ колѣнъ Моисей Хоренскій насчитываетъ четыре. Названіе болгаръ кавказскихъ встрѣчаются у составителя географіи въ разныхъ формахъ: булгаръ, булкаръ, блкаръ, болкаръ. Въ видѣ предположенія профессоръ Миллеръ высказываетъ мысль, что въ названіи Тюркскаго общества, живущаго на востокъ отъ дигорцевъ въ долинѣ Чорека, Балкары—сохранилось одно изъ обозначеній кавказскихъ болгаръ. «Тюркская народность балкарцевъ и близость ихъ имени къ одной изъ формъ имени болгаръ (болкаръ), приводимой армянской географіей VII в., невольно наводитъ на предположеніе, говоритъ профессоръ Миллеръ, не скрываются ли въ балкарцахъ послѣдніе потомки одной изъ вѣтвей кавказскихъ болгаръ» [2]).

Первымъ мѣстомъ поселенія этой тюркской народности въ горахъ Кавказа былъ аулъ Балкары. Записанное мною и профессоромъ Миллеромъ мѣстное преданіе гласитъ, что предки теперешнихъ балкарцевъ пришли въ занимаемыя ими мѣста съ сѣвера изъ Маджаръ (развалины которыхъ находятся на берегу Кумы). Сосѣдніе аулы: бузенги, хуламъ, чегемъ и урусбій постепенно заселены были выходцами изъ Балкаръ. Балкарцы не являются первыми насельниками края. Вся занятая ими мѣстность, если не говорить о хазарскомъ поселеніи въ Чегемѣ, состояла во владѣніи осетинъ.

---

1) См. Осетинскіе Этюды, часть 3, стр. 60 и 61.

2) Ibid. стр. 104.

Мѣстныя топографическія названія не оставили въ профессорѣ Миллерѣ сомнѣнія въ томъ, что осетинскій языкъ нѣкогда былъ господствующимъ въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нынѣ господствуетъ тюркское нарѣчіе балкарцевъ. Такія имена, какъ Шаудонъ (по-осетински Черная рѣка), Куронъ и Гардонъ (мельничная и теплая вода), Шау и Даргкомъ (черное и длинное ущелье), доселѣ попадаются въ окрестностяхъ Балкаръ и Чегема. На ряду съ собственными числительными балкарцы ведутъ еще счетъ парами, при чемъ употребляютъ осетинскія слова. Названія нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, нѣкоторыя культурныя слова относящіяся къ земледѣлію и скотоводству у нихъ доселѣ осетинскія [1]).

Уже эти факты наводятъ на мысль о томъ, что пришлые съ сѣвера тюркскіе колонисты далеко не были многочисленны, а эта догадка находитъ подтвержденіе себѣ въ мѣстныхъ преданіяхъ, говорящихъ о мирномъ поселеніи балкарцевъ среди осетинъ и о постепенномъ захватѣ ими власти надъ ними, а не о покореніи послѣднихъ сразу силою оружія. Культура этихъ пришельцевъ, заимствовавшихъ у осетинъ большинство земледѣльческихъ терминовъ, очевидно, была ниже той, какая установилась ранѣе ихъ въ колонизованной ими мѣстности.

Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ намъ причину того любопытнаго явленія, что вмѣсто того, чтобы наложить свою печать на юридическіе обычаи подчиненнаго имъ народа, болгары всецѣло увоили себѣ его юридическое міросозерцаніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ мы позволимъ себѣ представить коротенькій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ балкарцевъ, отмѣчая на каждомъ шагу аналогію ихъ съ осетинскими.

Въ основѣ балкарскаго процесса лежатъ осетинскіе порядки. Какъ у осетинъ, такъ и у балкарцевъ главнѣйшимъ видомъ доказательствъ признается присяга. Медіаторы, въ числѣ трехъ съ каждой стороны, по своему усмотрѣнію назначаютъ ее то отвѣтчику, то истцу. Въ Осетіи обыкновеннымъ мѣстомъ, гдѣ приносится присяга, являются капища или такъ называемые «дзуари»; въ большинствѣ случаевъ это не болѣе, какъ полу-

[1]) Осетинскіе Этюды, часть III, стр. 8 и 9.

разрушенныя христіанскія часовни, которымъ съ теченіемъ времени придано значеніе какихъ-то усыпальницъ народныхъ богатырей. Въ средѣ татарскихъ горцевъ присяга, такъ называемый «анъ», приносится буквально въ тѣхъ же условіяхъ. Сторона, на которую возложено бремя доказательствъ, идетъ въ капище или такъ называемый татарами «джуаръ» (непорченное осетинское слово, подчасъ замѣняемое также выраженіемъ хыцау, что по-осетински значитъ Богъ). Такимъ джуаромъ является наравнѣ съ Байрамомъ такъ называемый алты-пашкерге (часовня, посвященная Георгію Побѣдоносцу). Татарамъ извѣстны, впрочемъ, и болѣе простые виды присяги. Чтобы избавиться отъ издержекъ, связанныхъ съ передвиженіемъ, они нерѣдко довольствуются принесеніемъ ея на самомъ мѣстѣ производства суда; но и въ этомъ случаѣ наглядно, хотя и безъ сознательно, сказывается среди этого мусульманскаго племени память о совершенно иныхъ порядкахъ, въ которыхъ крестъ призванъ былъ играть ту выдающуюся роль, какая принадлежитъ ему въ судѣ любого христіанскаго народа. Начертавъ на землѣ кругъ, татаринъ остріемъ своей палки проводитъ по немъ на-крестъ двѣ черты и, ставъ въ серединѣ круга, тамъ, гдѣ пересѣкаются линіи, произноситъ клятвенное обѣщаніе сказать судьямъ правду. Самое названіе, которое такая присяга носитъ у горцевъ, указываетъ на ея христіанское происхожденіе: татары говорятъ о ней не иначе,какъ о присягѣ крестомъ, называя ее «качъ» (крестъ).

На ряду съ присягами, общими для правонарушителей всякаго рода, осетинамъ и татарамъ одинаково извѣстны нѣкоторыя спеціальныя; такс[м]а, напримѣръ, присяга, приносимая въ спорѣ о границахъ, также та, къ которой обращаются при кражѣ барановъ. Любопытно, что обѣ народности придерживаются въ этомъ отношеніи буквально одного и того же ритуала. Осетинъ, которому назначена присяга, беретъ въ руку камень или глыбу земли и несетъ ее на то мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію, должна проходить межа;—и то же, до мельчайшихъ подробностей, продѣлываетъ болкарецъ, который при этомъ обнажаетъ еще голову и правое плечо. Смыслъ этого послѣдняго обряда будетъ понятенъ для насъ, разъ мы вспомнимъ, что обнаженіе всюду при-

знается за знакъ покорности, за открыто высказанное намѣреніе стоять беззащитнымъ, передать себя во власть другого [1]); а такая готовность отдаться всецѣло на судъ Божій и подвергнуться заслуженной карѣ за ложное заявленіе всего болѣе приличествуетъ присягающему. Въ другомъ спеціальномъ видѣ присяги, приносимой, какъ мы сказали, въ случаѣ кражи барановъ, слѣды языческаго культа сказываются весьма характерно. Протягивая руку надъ бараномъ, осетинъ нѣсколько разъ призываетъ бога звѣрей, Авсати, во свидѣтели того, что онъ показываетъ правду. Болкарецъ буквально дѣлаетъ то же, только вмѣсто Авсати онъ призываетъ какого-то «Аймышъ», съ которымъ связывается у него представленіе о духѣ-покровителѣ животныхъ, и который, по всей вѣроятности, никто иной какъ тотъ же осенитскій Авсати приниженный только нѣсколькомъ своемъ достоинствѣ.

Присяга одной изъ сторонъ по назначенію суда далеко не признается сама по себѣ достаточнымъ доказательствомъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ уголовныхъ или гражданскихъ случаяхъ. Отъ присягающаго требуется еще, чтобы онъ поставилъ большее или меньшее число родственниковъ, готовыхъ своей присягой поручиться за вѣрность его показаній. Этихъ такъ-называемыхъ присяжниковъ одинаково знаетъ какъ осетинскій, такъ и татарскій процессъ; и послѣдній въ данномъ вопросѣ особенно интересенъ тѣмъ, что въ немъ встрѣчаются подробныя правила о томъ, какія именно лица обязаны приносить такую присягу, и что въ числѣ этихъ лицъ, на-ряду съ родственниками по отцу, встрѣчаются и родственники по матери. Кто придерживается того воззрѣнія, что признаніе когнатическаго родства есть явленіе позднѣйшей исторіи, очевидно не найдетъ для себя ничего интереснаго въ перечнѣ лицъ призываемыхъ къ такой соприсягѣ; но тотъ, кто смотритъ на дѣло съ противоположной точки зрѣнія, кто, отправляясь отъ признанія материнства исходнымъ моментомъ развитія, придетъ послѣдовательно къ заключенію, что счетъ родства въ древности былъ скорѣе по матери, чѣмъ

[1]) См. Spenser. Ceremonial government. Ch. I.

по отцу, нерѣдко неизвѣстному—тотъ согласится съ нами, что въ этомъ перечнѣ сохранились драгоцѣнные слѣды почти доисторической старины. Кого, спрашивается, изъ числа родственниковъ ставятъ татары на первомъ планѣ, кому поручаютъ они подкрѣпить свое показаніе присягой заинтересованной стороны?—не родственникамъ по отцу и вообще не родственникамъ по мужской линіи, а дядѣ по матери и за нимъ племяннику въ женскомъ колѣнѣ, сыну сестры. За этими уже лицами слѣдуетъ братъ, обыкновенно не только родной, но и молочный. Если принять во вниманіе, что поименованныя лица тѣ самыя, которыя считаются главами материнскаго рода и, пока держится послѣдній, вообще ближайшими родственниками, то нельзя будетъ не согласиться, что мы имѣемъ предъ собою весьма характерное переживаніе той отдаленной стадіи развитія, при которой агнатическое родство еще не успѣло возникнуть—вѣроятно по причинѣ отсутствія того фундамента, на которомъ оно строится, иначе говоря—патернитета. Разъ мы допустимъ сходство татарскихъ обычаевъ съ осетинскими и заимствованіе послѣднихъ у первыхъ мы послѣдовательнопридемъ къ тому выводу, что татарскій обычай заключаетъ въ себѣ цѣнное указаніе для изслѣдователя осетинскаго быта и его историческихъ судебъ, такъ какъ въ татарскомъ обычаѣ удержалась та архаическая черта, которая, быть можетъ, подъ вліяніемъ христіанства, а также болѣе продолжительныхъ сношеній осетинъ съ русскими, успѣла совершенно изгладиться изъ собственно-осетинскихъ обычаевъ.

Построенные всецѣло на присягѣ и соприсягѣ осетинскій и татарскій прецессы одинаково чужды какъ судебному поединку, такъ и системѣ испытанія обвиняемаго огнемъ или водою. Свидѣтели и письменные документы стали приниматься въ горскихъ судахъ лишь за послѣднее время—подъ вліяніемъ требованій шаріата и русской судебной практики. Правила Моисева закона о необходимости по меньшей мѣрѣ двухъ свидѣтелей для прочнаго обоснованія судебнаго факта усвоено мусульманскимъ законодательствомъ, и чрезъ посредство послѣдняго проникло въ татарскіе суды. Согласно обычаю, женщина не можетъ быть свидѣтельницей. Если тѣмъ не менѣе она выступаетъ иногда

въ такой роли, то въ этомъ нельзя не видѣть прямого вліянія шаріата. Обычай однако и въ этомъ отношеніи не остается вполнѣ безучастнымъ: такъ онъ требуетъ увеличенія числа свидѣтелей вдвое противъ обыкновеннаго каждый разъ, когда свидѣтелемъ является женщина. Члены горскаго суда въ Нальчикѣ въ одно слово жалуются на лживость свидѣтелей и, сопоставляя ихъ съ присяжниками, даютъ рѣшительное предпочтеніе послѣднимъ. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ указателемъ того, какъ мало еще успѣлъ привиться институтъ свидѣтелей. Опасаясь мести со стороны рода лица, ко вреду котораго клонится показаніе свидѣтелей, послѣдніе обыкновенно всячески стараются уклониться отъ показанія. Встрѣчаются процессы, въ которыхъ они силою были привлекаемы въ залу суда; еще чаще такіе, въ которыхъ свидѣтель изъ постороннихъ дѣлалъ свое заявленіе не раньше, какъ потребовавъ отъ родственниковъ обвиняемаго отвѣта подъ присягою на счетъ его невинности или наоборотъ виновности. Все это какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ томъ, что древнѣйшему процессу горцевъ свидѣтельское показаніе, какъ самосостоятельный видъ доказательства отличный отъ соприсяги родственниковъ, вовсе не было извѣстно. Тоже можетъ быть сказано и о письменныхъ документахъ, которые редактируются у татаръ обыкновенно на арабскомъ языкѣ. Имъ придается значеніе не раньше, какъ послѣ того, когда росписавшіеся на нихъ свидѣтели подкрѣпятъ своими показаніями фактъ ихъ заключенія. Но какъ быть, спрашивается, если свидѣтелей сдѣлки нѣтъ болѣе въ живыхъ? Ихъ показаніе въ этомъ случаѣ замѣняется присягой отвѣтчика. И такъ мы вправѣ сказать, что письменный документъ самъ по себѣ не имѣетъ у татаръ никакой силы, такъ какъ постоянно нуждается въ посторонней помощи.

Невыработанность системы доказательствъ и въ частности невозможность разсчитывать на раскрытіе истины съ помощью свидѣтелей—причины тому, что татары подобно осетинамъ обыкновенно прибѣгаютъ къ помощи сыщика или такъ-называемаго ими доказчика (камдзога у осетинъ, айрахчи у татаръ). Особенно часты такія обращенія въ дѣлахъ о воровствѣ. Сыщикъ, нерѣдко принадлежащій къ одной компаніи съ воромъ, берется

за деньги розыскать похищенное и предоставить суду достаточныя улики противъ похитителя; при неисполненіи же этого обѣщанія онъ соглашается вознаградить довѣрившагося ему истца тою же суммою, какую истецъ вправѣ требовать отъ обидчика. Платежъ, дѣлаемый въ пользу доказчика, нерѣдко равняется цѣнности украденнаго.

Посредническому суду или такъ-называемому тере-тургань далеко не подлежатъ всѣ безъ различія случаи нарушенія чужого права. Подобно осетинамъ болкарцы предоставляютъ рѣшеніе споровъ между близкими родственниками семейнымъ совѣтамъ, въ которыхъ на-ряду съ агнатами засѣдаютъ и атылыки или воспитатели. Нецѣломудріе дѣвушекъ. невѣрность женщинъ, случаи воровства у единокровныхъ — вотъ обыкновенно тѣ дѣла, которыя вѣдаются семейными совѣтами. Не желая выносить соръ изъ избы, татары допускаютъ съ этой цѣлью и нѣкоторыя уклоненія отъ общаго порядка процесса. Хотя ихъ обычай не довольствуется въ важныхъ дѣлахъ, какъ мы видѣли, присягой заинтересованной стороны, но для случаевъ прелюбодѣянія сдѣлано то изъятіе, что при разбирательствѣ ихъ достаточно односторонняго клятвеннаго заявленія со стороны оскорбленнаго супруга. Причина такого изъятія лежитъ въ желаніи избѣжать огласки.

Общее заключеніе, къ какому приводитъ насъ ознакомленіе съ болкарскимъ процессомъ, вполнѣ подтверждаетъ ту мысль, какая высказана была въ самомъ началѣ изложенія ихъ юридическихъ обычаевъ. Судопроизводство болкарцевъ проникнуто осетинскимъ началомъ, и если встрѣчаются подчасъ нѣкоторыя отличія, то корень ихъ лежитъ въ томъ вліяніи, какое имѣлъ у нихъ шаріатъ на измѣненіе и даже совершенную отмѣну обычая.

Этой именно причиной объясняется слабое сходство уголовнаго права татаръ съ осетинскимъ. Это не значитъ однако, чтобы послѣднее не могло быть признано первообразомъ: напротивъ того въ исходныхъ моментахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, оба права совершенно сходятся между собою; все различіе въ томъ, что у осетинъ данъ былъ полный просторъ ихъ развитію, тогда какъ у татаръ развитіе тѣхъ же началъ искус-

ственно было прервано вмѣшательствамъ шаріата. Въ самомъ дѣлѣ оба права одинаково отправляются отъ начала кровной мести и одинаково ограничиваютъ ея дѣйствіе идеей равнаго возмездія или такъ-называемымъ jus talionis [1]).

Оба права незнакомы съ системою публичныхъ каръ и требуютъ имущественнаго выкупа съ обидчика, каковъ бы ни былъ характеръ обиды. Участіе родственниковъ въ платежѣ выкупа столь же обязательно у татаръ, какъ и у осетинъ. У тѣхъ и другихъ преступленія, совершаемыя въ родственной средѣ, не ведутъ за собой возмездія. Самый способъ опредѣленія выкуповъ за отдѣльные виды преступныхъ дѣйствій у обоихъ народовъ одинъ и тотъ же: тяжкія увѣчья, состоящія въ отсѣченіи руки, ноги или выколотьи глаза, оплачиваются у тѣхъ и другихъ вполовину меньше, чѣмъ убійства, если только не ведутъ за собою смерти потерпѣвшаго; за ранепія сверхъ положенной платы взимаются еще издержки лѣченія; за увозъ дѣвушки сверхъ калыма (выкупа невѣсты) слѣдуетъ еще особая плата за безчестье; отрѣзаніе носа и ушей, сопровождаемое изгнаніемъ изъ дому, грозитъ въ такой же мѣрѣ прелюбодѣйной женѣ въ татарскихъ аулахъ, какъ и въ осетинскихъ, и все различіе сводится къ порядку дальнѣйшей экзекуціи: осетины сажаютъ виновную голой по поясъ на осла и наносятъ ей палочные удары; болкарцы привязываютъ ее къ двумъ жеребцамъ и пускаютъ послѣднихъ въ поле. Подобно осетинамъ болкарцы также подводятъ подъ понятіе воровства всѣ виды похищенія чужой собственности, въ томъ числѣ и поджогъ, и въ то же время не наказываютъ особо ни обмана, ни мошенничества; подобно осетинамъ они не знаютъ ворамъ иного возмездія, кромѣ взысканія съ нихъ въ два, три, четыре или пять разъ больше противъ цѣны похищеннаго [2]). Какъ осетины, такъ и татары различаютъ кражу въ полѣ и на дому, наказывая послѣднюю строже, какъ дѣйствіе связанное съ насильственнымъ вторженіемъ въ

---

[1]) Убійство убійцы или его родственника рѣшаетъ кровное дѣло; всего чаще, однако, месть замѣняется полученіемъ выкупа или такъ называемаго «канъ-алганъ» (буквально—плата за кровь; размѣръ ея 1500 р., если убитымъ является тавубій, и меньше, смотря по состоянію).

[2]) Послѣднее въ случаѣ поджога.

чужое жилище. Но рядомъ съ этими сходствами отмѣтимъ ту существенную черту различія, что, тогда какъ осетинамъ до послѣдняго времени не было извѣстно освобожденіе отъ отвѣтственности за случайное убійство или пораненіе, татары вмѣстѣ съ усиленіемъ магометанства перешли подъ вліяніемъ шаріата къ наказанію однихъ лишь умышленныхъ преступленій. Что и татарамъ въ прежнее время извѣстенъ былъ выкупъ за убійство случайное,—это видно изъ цѣлаго ряда дѣлъ, въ которыхъ медіаторы опредѣляютъ вознагражденіе семьѣ лица случайно ранившаго себя чужимъ кинжаломъ или замерзшаго на пути, предпринятомъ по чужому предложенію. Благодаря тому же шаріату, татарамъ извѣстно также привлеченіе къ суду за покушеніе [1]), чего осетинское право до послѣдняго времени вовсе не допускало, равно какъ и распредѣленіе отвѣтственности между физическимъ виновникомъ преступленія, подстрекателями и пособниками. Все подъ тѣмъ же вліяніемъ развилась у татаръ и система публичныхъ каръ за дѣйствія оскорбительныя для общественной нравственности или для правового сознанія всего народа; напримѣръ за мужеложство и отцеубійство, которыя у осетинъ, какъ неподлежащія выкупу, или остаются безнаказанными, или сопровождаются изгнаніемъ. Прямое заимствованіе этого правила изъ шаріата выступаетъ уже изъ самаго характера той кары, какой подлежатъ виновные въ обоихъ названныхъ мною случаяхъ; я разумѣю побіеніе камнями—это ветхозавѣтное наказаніе, занесенное изъ Моисеева закона въ коранъ и суны. Наконецъ тѣмъ же религіознымъ вліяніемъ объясняется и высшая квалификація татарами нѣкоторыхъ видовъ преступныхъ дѣйствій, когда онѣ оскорбляютъ собою святыню, такъ въ частности воровства въ мечетяхъ или святотатства, за которые въ прежніе годы виновные присуждались къ лишенію правой руки.

Такимъ образомъ и въ сферѣ уголовнаго права татарскіе обычаи не болѣе, какъ видоизмѣненные осетинскіе, и всѣ различія вызваны не процессомъ самостоятельнаго развитія, а простой замѣной старинныхъ обычаевъ постановленіями шаріата.

---

[1]) За покушеніе на убійство полагается $^1/_4$ платы за кровь.

Остается перейти къ гражданскому праву городскихъ татаръ и поставить по отношенію въ нему тотъ же вопросъ о сходствѣ его съ осетинскимъ. Но прежде чѣмъ сдѣлать это, намъ необходимо познакомиться въ общихъ чертахъ съ самыми основами общественнаго быта татаръ, безъ чего невозможно понять особенности ихъ имущественнаго и наслѣдственнаго права.

Подобно другимъ народностямъ Кавказа болкарцы доселѣ живутъ родовыми сообществами. Нерѣдко цѣлые аулы, каковы, напримѣръ, азроковскій или урусбіевскій, основываются исключительно однимъ родомъ который въ этомъ случаѣ и переноситъ на нихъ свое фамильное названіе. Если съ теченіемъ времени теряется первоначальная чистота крови, и въ аулѣ, рядомъ съ основавшимъ его родомъ, появляются и другіе, то причина тому лежитъ въ позднѣйшемъ поселеніи горскими князьми или таубіями всѣхъ, кто готовъ былъ стать подъ ихъ защиту и сдѣлаться ихъ человѣкомъ, т.-е. нести, взамѣнъ получаемаго земельнаго надѣла, извѣстныя службы и платежи. Какъ и въ другихъ обществахъ, построенныхъ на кровномъ началѣ, такъ и въ средѣ татаръ родственники не живутъ всѣ совмѣстно, а распадаются на нѣсколько дворовъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ 25 и болѣе человѣкъ обоего пола [1]). Каждый дворъ имѣетъ свое отдѣльное отъ другихъ имущество, состоящее въ завѣдываніи старшаго по лѣтамъ, а также свои домашнія божества. Эта послѣдняя черта выступаетъ въ бытѣ болкарцевъ съ такою же отчетливостью и опредѣленностью, какъ и въ бытѣ осетинъ.

Татарскій дворъ подобно осетинскому представляетъ собою рядъ построекъ плотно соприкасающихся одна къ другой. У зажиточныхъ лицъ одна изъ нихъ отводится подъ кунацкую, т. е. предназначается для гостей; у бѣдныхъ ея нѣтъ, и гости проводятъ ночь въ отдѣленіи холостыхъ мужчинъ. Центральную часть дома составляетъ общая кухня. Она состоитъ обыкновенно изъ довольно просторнаго помѣщенія съ отверстіемъ наверху для выхода дыма. Съ переброшеннаго черезъ отверстіе бруска

---

[1]) Магометъ Урусбіевъ приводилъ намъ примѣръ двора въ Хуламѣ съ 183 чел. обоего пола.

спускается желѣзная цѣпь, такъ—называемый «сынжиръ», къ которой привѣшивается мѣдный котелъ («сра») для варки пищи. Подъ самымъ отверстіемъ помѣщаются два желѣзныхъ бруса («топыръ»), покрытыхъ грифельной доской («отпаши»), на которой печется хлѣбъ. При такомъ устройствѣ центральное помѣщеніе татарской сакли въ нѣкоторомъ смыслѣ напоминаетъ собою «atrium» древняго римскаго дома съ помѣщаемымъ въ серединѣ его алтаремъ. Подобно атріуму оно считается главною частью двора и играетъ важную роль во всѣхъ дѣйствіяхъ совершаемыхъ семьею или отъ ея имени: тутъ рѣшаются вопросы объ отдачѣ въ замужество и о полученіи платы за кровь; ищущій убѣжища преступникъ старается прежде всего проникнуть въ это помѣщеніе; разъ онъ вошелъ подъ его кровлю,—онъ считаетъ себя спасеннымъ отъ преслѣдованія и по обычаю не можетъ быть выданъ, будь онъ даже виновникомъ смерти кого-либо изъ домочадцевъ. Помѣщеніе съ очагомъ является одновременно и кухней, и столовой; въ немъ каждому отведено свое мѣсто: прислугѣ налѣво отъ очага, хозяйкѣ направо, хозяину же посерединѣ. Это же помѣщеніе служитъ залою для увеселеній; если танцы не происходятъ на воздухѣ передъ саклей, то для нихъ нѣтъ другаго мѣста кромѣ столовой. Фамильныя торжества, какъ общее правило, отправляются исключительно здѣсь. Наконецъ и въ семейномъ культѣ общая кухня играетъ главную роль: въ ней производятся всѣ поминки по мертвецамъ и приносятся въ ихъ честь всякаго рода жертвоприношенія. Эти поминки почти также часты, какъ и у осетинъ. Кромѣ поминокъ, которыя слѣдуютъ за похоронами и извѣстны подъ именемъ «а̀шъ», каждая семья, по разсказамъ стариковъ, справляетъ ихъ еще ежемѣсячно въ разъ навсегда опредѣленные сроки. Названіе послѣднихъ поминокъ «чёкъ». Производятся они всего чаще ночью и обязательно въ общей столовой. Обряды, которыхъ татары придерживаются при совершеніи «чёкъ», тѣмъ болѣе интересны, что они по своему характеру вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ представленіямъ о загробной жизни и о сношеніяхъ живущихъ поколѣній съ умершими, какихъ придерживались древніе индусы, греки и римляне. Подземная жизнь мертвецовъ, во многомъ сходная съ нашей, вотъ къ чему сводилось, какъ

извѣстно, древнѣйшее ученіе о загробной жизни. Одухотвореніе послѣдней или переселеніе покойниковъ на небо были ему равно чужды. Отсюда необходимо вытекало то послѣдствіе, что потомокъ обязанъ былъ питать предка и послѣ его смерти, принося ему пищу въ положенные для того сроки. Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ ученіемъ, которое, какъ показалъ Фюстель де-Куланжъ, составляетъ общее достояніе восточной и южной вѣтви арійской расы и вѣроятно вынесено изъ ихъ первоначальной родины, болкарцы доселѣ придерживаются слѣдующихъ характерныхъ обрядовъ. Въ ночь того дня, который посвящается семьею на поминки ея покойниковъ, обыкновенно приготовляютъ чучело изъ дерева и тряпокъ, которое одѣваютъ затѣмъ въ платье недавно умершаго родственника. Это чучело сажаютъ за-одно съ семьею вокругъ очага, плачутъ и горюютъ около него, жалуясь ему на свои несчастья. Затѣмъ подносятъ ему угощенье, послѣ чего всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и выходятъ изъ сакли, чтобы дать покойному время поѣсть. По возвращеніи снова садятся и съѣдаютъ приготовленный хозяйкою ужинъ. За поминками слѣдуютъ скачки, во всемъ однохарактерныя съ осетинскими. На-ряду съ этими ежемѣсячными поминками болкарцамъ были извѣстны и годовые; не далѣе какъ три года назадъ они были устроены въ честь предковъ населеніемъ болкарскаго аула. Если въ настоящее время эти поминки все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, то исключительно вслѣдствіе гоненія со стороны усиливающагося мусульманства. Годовыя поминки совпадаютъ съ праздникомъ «голу» и устраиваются отдѣльными сельскими обществами въ серединѣ марта. Праздникъ этотъ длится подъ-рядъ нѣсколько дней и ночей. Въ одну изъ послѣднихъ совершаются общія поминки по предкамъ; пекутся пироги, зажариваются бараны и изъ всего этого предлагаются лучшіе куски покойникамъ. Народъ думаетъ, что въ эту ночь предки выходятъ изъ могилъ, и что если ихъ умилостивить пищей, народу спокойно можно ждать ближайшимъ лѣтомъ хорошей жатвы.

Въ описанныхъ обрядахъ съ ихъ наивностью, которая характеризуетъ собою старинныя религіозныя вѣрованія, выступаетъ вполнѣ фактъ признанія загробной жизни и представле-

нія о ней, какъ о продолженіи земной. На покойника татары, подобно индусамъ или грекамъ, смотрятъ какъ на покровителя семьи, почему и приносятъ ему жалобы на постигшія ихъ бѣдствія. Хорошо кормимый, а потому и вполнѣ довольный своимъ потомствомъ, предокъ не преминетъ ниспослать на него изъ могилы всевозможныя благоденствія, избавитъ его отъ засухи и града, надѣлитъ обильными урожаями; надо только молиться ему, да не отказывать во всемъ, что доставляло ему удовольствіе при жизни;—вотъ почему за поминками слѣдуютъ скачки, каждый разъ спеціально посвящаемыя покойникамъ. Живется послѣднимъ хорошо и потомству будетъ недурно. Другое дѣло, если у предковъ окажется недостатокъ въ чемъ-либо: разгнѣванные они неминуемо превратятся въ злыхъ геніевъ и накажутъ потомство неурожаями и голодомъ.

Культъ предковъ стоитъ, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ поклоненіемъ домашнему очагу. Это поклоненіе у большинства арійскихъ народовъ принимаетъ характеръ своего рода огнепоклонства. Тлѣющій огонь постоянно долженъ быть поддерживаемъ на домашнемъ алтарѣ—говорятъ въ одно слово индусскіе и греческіе источники. Спрашивается: не осталось ли какихъ слѣдовъ этого культа и у болкарцевъ? Обязанности держать очагъ всегда зажженнымъ они не знаютъ, но одна любопытная черта поклоненія домашнему огню доселѣ сохранена ими. Культъ очага, какъ извѣстно, культъ исключительный, невыходящій изъ сферы лицъ живущихъ однимъ дворомъ. Отсюда древнія предписанія, что потухшій огонь не можетъ быть зажженъ снова съ помощью огня взятаго у чужого двора. Это предписаніе доселѣ встрѣчается въ средѣ болкарцевъ, но въ столь измѣненномъ видѣ, что его даже трудно узнать. Въ извѣстный день въ году (у каждой семьи свой особый) татарскій дворъ отказывается снабдить сосѣдей огнемъ. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ обычай представляетъ собой переживаніе существовавшаго нѣкогда представленія, что такая передача пріобщаетъ сосѣдей къ одному съ дворомъ домашнему культу. Какъ мало современные татары понимаютъ дѣйствительный смыслъ такого запрещенія,—видно изъ того, что они ставятъ его въ одинъ рядъ съ такъ-называемымъ «хардаръ-чюкъ» или запре-

щеніемъ отчуждать хлѣбъ и пиво, приготовляемые ежегодно изъ перваго помола;—тогда какъ на самомъ дѣлѣ природа того и другого совершенно различна: первый стоитъ въ связи съ культомъ предковъ, второй по всей вѣроятности имѣетъ въ основѣ своей чисто-фактическія отношенія—затрату годовыхъ урожаевъ на удовлетвореніе потребностей семьи, изъ чего современемъ и могло возникнуть правило о неотчужденіи ихъ, по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ, въ руки чужеродцевъ. Какъ бы то ни было, но указанный запретъ ссужать сосѣдей пламенемъ въ положенный день въ году является въ наше время единственнымъ слѣдомъ такъ долго державшагося у арійцевъ культа домашняго огня.

Причина тому лежитъ, какъ намъ кажется, въ томъ, что тѣ представленія, какія въ древности связывались съ очагомъ, перенесены болкарцами и осетинами на висящую надъ нимъ желѣзную цѣпь. Осетины называютъ эту цѣпь «рахисъ» и ставятъ ее въ таинственную связь съ Сафою, духомъ-покровителемъ семейнаго очага. Болкарцамъ она извѣстна подъ прозвищемъ «сынжыръ». И тѣ, и другіе окружаютъ ее одинаковымъ почетомъ. Продать цѣпь, а также подставки для хлѣба и ту грифельную доску, которая лежитъ на нихъ, считается у болкарцевъ позоромъ; то же по отношенію къ цѣпи встрѣчаемъ у осетинъ. Если кто осмѣлится выкинуть цѣпь изъ дому, все равно съ цѣлью ли похищенія, или нѣтъ, его неминуемо ожидаетъ месть всего двора, такъ какъ онъ считается оскорбителемъ его чести. Та же цѣпь играетъ немаловажную роль въ свадебномъ ритуалѣ. Прикосновеніе къ ней невѣсты считается съ ея стороны заявленіемъ готовности слиться воедино съ ея новою семьею, точь въ точь какъ у древнихъ римлянъ или грековъ прикосновеніе къ домашнему очагу считалось символомъ пріобщенія къ семейному культу.

Приведенныхъ случаевъ обращенія къ цѣпи, какъ къ символу домашняго очага, вполнѣ достаточно для того, чтобы прійдти къ убѣжденію, что надъ-очажная цѣпь играетъ въ бытѣ татаръ ту же роль, какая принадлежала нѣкогда въ греческомъ, римскомъ и индусскомъ обществахъ зажженному на очагѣ пламени.

Изъ всего сказаннаго съ очевидностью слѣдуетъ тотъ выводъ, что въ средѣ горскихъ татаръ религіозная сторона семейной общины сохранилась такъ же ярко, какъ и у осетинъ.

Основанная на единствѣ крови, общеніи культа и фактѣ совладѣнія имуществомъ, семейная община необходимо опредѣляетъ собой характеръ тѣхъ нормъ, которыми балкарцы руководятся въ своихъ гражданскихъ сношеніяхъ.

Мы сказали уже, что во главѣ семейной общины стоитъ у нихъ обыкновенно старшій по лѣтамъ [1]). Спрашивается: можно ли видѣть въ немъ неограниченнаго владыку надъ личностью и собственностью домочадцевъ въ родѣ того, какимъ былъ римскій «pater familias?» Отнюдь нѣтъ. Подобно домачину южнославянской задруги и набольшому нашей крестьянской семьи, старѣйшина татарскаго двора не болѣе какъ «primus inter pares». Онъ завѣдуетъ хозяйствомъ семьи, направляетъ занятія каждаго изъ ея членовъ, требуетъ отъ нихъ безусловной передачи всѣхъ ихъ заработковъ въ общую казну, производитъ въ случаѣ нужды займы и отчуждаетъ семейные доходы, не иначе однако какъ съ общаго согласія, наконецъ онъ является представителемъ семьи во всѣхъ ея сношеніяхъ съ чужими дворами, а также и передъ лицомъ суда. Далѣе этого власть его не идетъ. Исключеніе изъ семьи отдѣльныхъ членовъ и изгнаніе послѣднихъ производятся не иначе, какъ въ силу рѣшеній принятыхъ семейнымъ совѣтомъ.

Точно также продажа общаго имущества возможна лишь въ случаѣ безусловнаго единодушія на этотъ счетъ всѣхъ домочадцевъ. Нѣтъ его—и сдѣлка считается недѣйствительною; каждый протестующій членъ вправѣ остановить ея исполненіе или пріобрѣсти имущесство въ собственную пользу, представивъ за него сумму равную той, какую предлагаетъ покупатель. Но этого мало: соглашеніе состоялось, имущество продано,—и все же каждый изъ домочадцевъ можетъ помѣшать безповоротному владѣнію имъ со стороны покупателя; для этого достаточно выплатить ему покупную цѣну. Такое право выкупа принадлежитъ впрочемъ не однимъ родственникамъ, но и сосѣдямъ,

---

[1]) При неспособности старшаго можетъ быть выбранъ и болѣе молодой.

жителямъ одного аула—лучшее указаніе тому, что послѣдніе на первыхъ порахъ были связаны между собой узами крови; сосѣдскій выкупъ, какъ извѣстно, не болѣе, какъ удерживаемый сосѣдями въ свою пользу родовой выкупъ.

Нераздѣльность и неотчуждаемость семейнаго имущества, нарушаемыя лишь при согласіи на раздѣлъ или продажу всѣхъ однодворцевъ—причины тому, что обычному праву болкарцевъ совершенно чуждъ принципъ свободы дареній. Дареніе равно невозможны, будутъ ли онѣ сдѣланы въ дарственной или завѣщательной формѣ. И то, и другое положеніе требуютъ однако нѣкоторой оговорки. Дареніе возможно въ томъ случаѣ, когда одаряемымъ лицомъ является церковь, такъ какъ по понятіямъ татаръ, совершенно сходнымъ въ этомъ отношеніи съ осетинскими, такое дареніе не является вполнѣ безвозмезднымъ: наградою за него считается пріобрѣтенная семьею милость Божья. Эта точка зрѣнія далеко не составляетъ особенности кавказскихъ горцевъ; мы находимъ ее одинаково и въ индусскомъ, и въ германскомъ правѣ; первыя отчужденія земельной собственности всюду являются дареніями въ пользу церкви.

Что касается до завѣщаній, то до послѣдняго времени они совершенно не были извѣстны. По обычаю или адату завѣщаніе невозможно и въ настоящее время.

Другаго воззрѣнія придерживается на него шаріатъ, правила котораго все чаще и чаще принимаются въ разсчетъ аульными и горскими судами. Распоряженіе движимостью, сдѣланное на смертномъ одрѣ, хотя бы и словесно, признается въ настоящее время обязательнымъ, а завѣщанію не подлежатъ только недвижимыя имущества.

При существованіи семейной общины, нѣтъ, очевидно, простора для развитія частной собственности на землю: пахатныя земли и луга состоятъ, какъ общее правило, во владѣніи отдѣльныхъ дворовъ; пастбища и лѣса составляютъ общую собственность всѣхъ жителей одного или нѣсколькихъ ауловъ. То же находимъ мы и въ средѣ болкаръ. Тѣмъ не менѣе частная собственность зарождается здѣсь, какъ и повсюду, благодаря частью семейнымъ раздѣламъ, частію занятію никѣмъ еще не присвоенной земли.

Въ обществѣ, уже замиренномъ, возникновенію собственности нерѣдко кладетъ основаніе освобожденіе земли отъ лѣса и поднятіе ея плугомъ; но въ обществѣ, подобномъ тому, какое представляютъ собою горскія племена Кавказа, военная защита разъ занятой территоріи признается такимъ же основаніемъ къ праву собственности, какъ и мирный трудъ земледѣльца. Такъ, повидимому, понимали дѣло и римляне и германцы. Не даромъ occupatio bellica фигурируетъ у нихъ въ числѣ способовъ пріобрѣтенія собственности, а копье и стрѣла играютъ такую выдающуюся роль при передачѣ недвижимости.

Слабое развитіе частной собственности не допускаетъ обилія формъ договорнаго права; неудивительно поэтому, если послѣднее только зарождается между болкарцами. Въ этомъ отношеніи ихъ обычаи являются опять-таки снимкомъ съ осетинскихъ. Обѣимъ народностямъ извѣстны одинаковые виды договоровъ и одинаковые виды ихъ обезпеченія. Первыми являются дареніе или «берю», продажа или «сату», которая, при платежѣ не только деньгами, но и скотомъ, ничѣмъ не отличается отъ мѣны; ссуда производилась всѣми видами имущества, съ процентами или безъ процентовъ; далѣе:—поклажа или «аманатъ», аренда земли съ половины или съ четвертой части урожаевъ, наконецъ, личный наемъ, всего чаще практикуемый въ формѣ словеснаго договора съ баранщикомъ и табунщикомъ о вознагражденіи ихъ изъ приплода. Что же касается до тѣхъ средствъ, которыми болкарцы гарантируютъ исполненіе договора, то, при отсутствіи у нихъ задатка и неустойки, ими являются только поручительство и залогъ. Поручительство и залогъ сохранили еще ихъ древнѣйшую форму, а именно: первое носитъ слѣды заложничества, при которомъ возможны одинаково имущественная и личная отвѣтственность поручителя; второе имѣетъ характеръ имущественнаго найма, такъ какъ пользованіе земельнымъ участкомъ предоставляется кредитору во все время продолженія ссуды. Такого рода залогъ извѣстенъ подъ наименованіемъ «бегенды» (у осетинъ «бавстау»). При установленіи его кредиторъ лишается процентовъ, точно такъ же какъ при такихъ же условіяхъ лишается онъ ихъ въ Индіи [1]). Для исторіи залоговаго

[1]) Vishnu, VI, § 2.

права институтъ бегенды весьма интересенъ; это несомнѣнно древнѣйшая форма залога недвижимости, ничѣмъ не отличающаяся отъ заклада. Она возникла, по всей вѣроятности, по образцу обезпеченія кредитора скотомъ и, въ частности, коровами, при которомъ пользованіе предметомъ залогопринимателя, очевидно, является необходимостью. Европейскимъ законодательствамъ извѣстна въ прошломъ совершенно такая же форма; это nantissement во Франціи, mortgage въ Англіи. Здѣсь кредиторъ вправѣ извлекать изъ залога доходъ до момента отдачи ему долга.

Не менѣе интереснымъ для историка является и тотъ способъ вычисленія процентовъ, какого придерживаются болкарцы по образцу осетинъ. Такъ какъ ссуда дѣлается у нихъ обыкновенно скотомъ, то въ основаніе процентной системы положенъ естественный приплодъ коровы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доходъ доставляемый ею въ формѣ молока и сыра. Окружной начальникъ Петрусевичъ, долгое время прожившій въ средѣ карачаевцевъ, живущихъ у подошвы Эльборуса, передаетъ о ней слѣдующія интересныя подробности. Не зная денегъ, горцы не могли представить себѣ, какимъ образомъ могутъ давать проценты такіе предметы, которые сами по себѣ не даютъ приплода [1]), и поэтому они избрали за мѣновую единицу корову, естественный приплодъ которой и составилъ проценты на капиталъ. Кобылицу и быка не приняли за мѣновую единицу, потому что у многихъ ихъ вовсе не было. Разъ корова была признана мѣриломъ цѣнности, образовался цѣлый рядъ правилъ для вычисленія процентовъ, правилъ, основанныхъ на ея приплодѣ, а также на даваемомъ ею молокѣ. При этомъ вычисленіи въ основаніе положенъ тотъ произвольный фактъ, что корова всегда телится не теленкомъ, а телушкой; принято это основаніе въ тѣхъ видахъ, что изъ телушки со временемъ образуется корова, которая, въ свою очередь, дастъ приплодъ и такъ до безконечности,—что и дѣлаетъ возможнымъ вычисленіе процентовъ по долгосрочнымъ ссудамъ. Кромѣ приплода, горцы,

---

1) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, выпускъ IV. Замѣтка о карачаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ.

при вычисленіи процентовъ, приняли въ разсчетъ и ту пользу, какую корова приноситъ своимъ молокомъ, и, переведя ее на мѣновую единицу, признали равной двумъ баранамъ или, что то же, двумъ седьмымъ коровы (корова стоитъ въ семь разъ больше барана). Такъ какъ корова телится разъ въ году, и такъ какъ данная ею телушка черезъ два года можетъ сама сдѣлаться коровой, то, при вычисленіи процентовъ за два года, горцы считаютъ на каждую корову еще одну и, сверхъ того, одну телушку. На каждый годъ корова даетъ еще своимъ молокомъ стоимость двухъ барановъ, поэтому послѣдніе также должны быть отнесены въ число процентовъ. Сообразно этому, дѣлается вычисленіе процентовъ и на болѣе продолжительные сроки. Судя по одному мѣсту индусскаго свода Вишну, запрещающему брать проценты при ссудѣ скотомъ, на томъ основаніи, что въ счетъ ихъ долженъ идти приплодъ, можно думать, что индусы знали такой же способъ вычисленія процентовъ, чѣмъ, по всей вѣроятности, и объясняется, съ одной стороны, высокій размѣръ ихъ, а съ другой, возможность взиманія у нихъ не только процентовъ, но и процента на процентъ. И нашимъ предкамъ, по всей вѣроятности, не было чуждо вычисленіе процентовъ приплодомъ. Право думать такъ даетъ тотъ фактъ, что въ «Русской Правдѣ» за статьями о ростѣ, въ которыхъ говорится о процентѣ деньгами и присыпомъ (хлѣбнымъ зерномъ), слѣдуетъ подробное вычисленіе того приплода, какой можно ждать отъ скота въ 10-ти или 12-лѣтній періодъ; а это, очевидно, было бы дѣломъ совершенно лишнимъ, если бы и у насъ, какъ въ Индіи, ссуда скота не вознаграждалась получаемымъ отъ него приплодомъ.

Когда деньги вошли въ употребленіе у горцевъ, они не оставили своей старой системы вычисленія процентовъ, а стали только переводить на новую мѣновую единицу свои прежнія вычисленія. При этомъ, по существующимъ въ то время цѣнамъ, корова была признана равной по цѣнѣ 10 рублямъ или что то же—семи телкамъ или семи баранамъ (такъ какъ послѣдніе два вида скота были въ равной цѣнѣ). Такимъ образомъ, при разсчетѣ процентовъ за два года съ капитала въ 10 рублей или, что то же, съ коровы, мы получаемъ одну корову и телушку;

переводъ на деньги даетъ намъ 10 рублей + $^1/_7$ часть 10-ти рублей; слѣдовательно, въ два года капиталъ болѣе чѣмъ удваивается. Примѣняя это начало къ ссудамъ зерномъ и другими продуктами, балкарцы требуютъ, обыкновенно, въ концѣ года съ мѣрки полъ-мѣрки «присыпу», а съ котла бузы или пива половину послѣдняго. Никакихъ мѣръ къ ограниченію размѣра процентовъ или къ воспрещенію процента на процентъ они не знаютъ, почему сдѣланные ими долги нерѣдко въ нѣсколько разъ превосходятъ занятую сумму, а это, въ старые годы, при невозможности расплаты, вело къ частому закабаленію, въ настоящее же время послѣдствіемъ его является совершенное разоренiе многихъ семей и родовъ.

Переходимъ къ описанію семейнаго права балкарцевъ и связанныхъ съ нимъ нормъ наслѣдованія.

Хотя и мусульмане, балкарцы рѣдко обращаются къ полигаміи. Причины тому—частью неимѣніе средствъ для содержанія нѣсколькихъ женъ, частью удержанная ими христіанская традиція. Самые богатые рѣдко когда имѣютъ двухъ женъ и отнюдь не болѣе. Любовницъ они, какъ общее правило, не держали, вѣроятно потому, что до 1867-го года,—времени освобожденія зависимыхъ сословій—мѣсто ихъ занимали рабыни, сожительствовать съ которыми каждый домохозяинъ былъ вправѣ. Нерѣдко эти рабыни ссужаемы были сосѣдямъ съ правомъ собственника удерживать въ свою пользу ихъ новорожденныхъ,—точь-въ-точь какъ въ Индіи, въ которой законодатель не допускалъ процентовъ при такихъ ссудахъ, считая ростомъ рождаемыхъ отъ рабынь дѣтей.

Бракъ у балкарцевъ заключается въ настоящее время путемъ свободнаго договора съ родителями невѣсты; но уговоръ этотъ носитъ еще всѣ слѣды древней купли, а въ свадебномъ ритуалѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, есть много обрядовъ, свидѣтельствующихъ о господствѣ нѣкогда обычая похищать невѣстъ. Переговоры съ родителями невѣсты ведутся обыкновенно кѣмъ-либо изъ родственниковъ жениха. Въ случаѣ согласія родители, не давая посреднику рѣшительнаго отвѣта, отсылаютъ его къ самой невѣстѣ, которая на троекратный вопросъ о ея желаніи обыкновенно отвѣчаетъ утвердительно, такъ какъ

родительская воля для нея законъ. Уговорившись такимъ образомъ между собою, семьи жениха и невѣсты приступаютъ къ составленію брачнаго условія или «накяха», въ которомъ выговариваютъ количество взносимаго женихомъ калыма, а также опредѣляютъ, какіе подарки должны быть сдѣланы имъ невѣстиной родиѣ. Накяхъ записывается эфенди или муллою въ присутствіи свидѣтелей, обыкновенно стариковъ. Если послѣ заключенія его женихъ не устоитъ въ уговорѣ и откажется отъ невѣсты, то обязанъ уплатить ея роднымъ половину калыма. Но разъ женихъ имѣлъ сношеніе съ дѣвушкой въ своемъ домѣ и затѣмъ по какой-либо причинѣ разошелся съ ней—онъ обязанъ уплатить калымъ сполна [1]). Исключеніе представляютъ тѣ случаи, когда въ невѣстѣ окажутся извѣстные недостатки, несуществовавшіе или незамѣченные въ моментъ составленія накяха, какъ, напримѣръ, потеря невинности, глухота и т. п.

Размѣръ калыма зависитъ отъ того, къ какому сословію принадлежитъ невѣста. Изъ общаго правила, что въ калымъ за дочь князя или таубія должны поступить 800 р., встрѣчается исключеніе лишь въ урусбіевскомъ обществѣ, да въ Карачаѣ, гдѣ калымъ доходитъ до 1500 рублей. Лица простого званія выдаютъ замужъ своихъ дочерей за меньшую плату—рублей за 300. Калымъ за вдову ниже обыкновеннаго. Встрѣчаются также случаи уплаты калыма въ размѣрѣ 200 рублей [2]). Что касается до подарковъ, то въ накяхѣ выговаривается каждый разъ лошадь въ пользу отца или дяди невѣсты (такъ-называ-

---

1) Въ одномъ дѣлѣ, отъ 23 октября 1882 года, разбиравшемся въ нальчинскомъ горскомъ судѣ, мы читаемъ:—народный кади правила шаріата объяснялъ слѣдующимъ образомъ; накяхъ есть брачное условіе между женихомъ и невѣстою, совершенное имъ лично или чрезъ довѣренныхъ, причемъ опредѣляется извѣстная плата за невѣсту. Если женихъ, до взятія невѣсты въ домъ свой, по какой-либо причинѣ откажется отъ нея, то обязанъ уплатить половину калыма. Но разъ онъ имѣлъ сношенія съ нею въ своемъ домѣ и затѣмъ, по какой либо причинѣ, пожелаетъ удалить ее, онъ обязанъ уплатить калымъ полностью.

2) Дѣло 1882 года о похищеніи жены Абаева, въ которомъ приводится размѣръ уплаченнаго имъ калыма, въ первый разъ 800 р., во второй всего 200 р

емый анакарандашатъ), лошадь въ пользу ея брата (егештентула) и лошадь въ пользу молочной матери (сюдхагатъ). Подчасъ мѣсто лошади занимаетъ пара быковъ. Во всемъ этомъ, если не говоритъ о накяхѣ, совершеніе котораго предписывается шаріатомъ, обычаи татаръ цѣликомъ воспроизводятъ нормы осетинскаго права. Различіе начинается тамъ, гдѣ возникаетъ вопросъ о приданомъ. Въ прежнія времена его не было у балкарцевъ, какъ нѣтъ у осетинъ. Правила шаріата и здѣсь явились причиною новшевства. Въ настоящее время отецъ отдаетъ въ пользу невѣсты обыкновенно весь калымъ, а иногда прибавляетъ къ нему кое-что отъ себя по части платья и украшеній. Составляемое, такимъ образомъ, приданое или «бирене» поступаетъ въ отдѣльное отъ мужа владѣніе жены и на случай развода обезпечиваетъ ее имущественно [1]).

Мы сказали, что въ татарской свадьбѣ сохранились слѣды стариннаго обычая похищенія невѣстъ. Эти слѣды мы видимъ прежде всего въ томъ, что женихъ не смѣетъ самъ пріѣхать за невѣстой, а наоборотъ все время скрывается у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Первое время послѣ свадьбы мужъ можетъ жить съ молодою не иначе, какъ въ чужомъ домѣ—домѣ пріятеля, который отнынѣ становится для него лицомъ столь же близкимъ, какъ и аталыкъ или воспитатель, и получаетъ названіе «балушъ». Въ супружескія права женихъ также вступаетъ не иначе, какъ тайкомъ и ночью, скрываясь отъ всѣхъ и преслѣдуемый аульной молодежью, которая взобравшись на крышу, спускаетъ въ трубу камина всякаго рода птицъ и домашнихъ животныхъ, бросаетъ папахи и дѣлаетъ выстрѣлы, пока не истощатся всѣ заряды [2]). Къ матери и вообще во дворъ невѣсты

---

[1]) Въ одномъ дѣлѣ читаемъ: имѣніе жены не отвѣчаетъ за долги мужа; поэтому не можетъ быть задержана подаренная ей корова или волъ, данные ей ея братьями въ счетъ приданаго (протоколъ нальчикскаго горскаго суда за 1882 годъ).

[2]) Не слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ послѣднихъ обычаяхъ своего рода протеста родственниковъ противъ присвоенія дѣвушки исключительно однимъ изъ ихъ среды,—протеста, корень котораго лежитъ въ той семейной поліандріи, какую Макъ-Ленанъ предпосылаетъ по времени индивидуальному браку?

мужъ не показывается долгое время, какъ бы опасаясь мести. Въ свою очередь поѣзжане или «кіедженгеры», посылаемые женихомъ за невѣстой, приготовляются къ поѣздкѣ точно къ бою и подчасъ немало испытываютъ всякихъ непріятностей отъ молодежи того аула, изъ котораго берется ими невѣста—точно въ возмездіе за ея похищеніе. Намъ извѣстенъ между прочимъ одинъ случай, когда эти притѣсненія, выражающіяся нерѣдко въ шуточныхъ выстрѣлахъ, кончились даже убійствомъ. Что же касается до пораненій или порчи платья, то это явленія самыя обыкновенныя [1]).

Представленныя подробности свадебнаго ритуала являются буквальнымъ воспроизведеніемъ тѣхъ, какія доселѣ представляютъ собою осетинскія свадьбы. Укрывательство жениха, обиды поѣзжанамъ, обязанность мужа жить первое время въ чужомъ дворѣ, запрещеніе ему показываться на глаза тещѣ — все это осетины знаютъ такъ же хорошо, какъ и горцы.

Если увозъ подъ названіемъ «каскагерга» въ настоящее время и встрѣчается въ средѣ балкарцевъ, то не иначе какъ съ предварительнаго согласія похищаемой. Дѣло обыкновенно кончается соглашеніемъ, при чемъ женихъ сверхъ калыма платитъ еще извѣстную пеню за безчестіе: у таубіевъ нерѣдко 800 р., у простонародья отъ 50 до 100 р.

Права мужа надъ женой мало напоминаютъ собою тѣ, какія входили въ понятіе римской «manus». Подобно осетинскимъ балкарскіе мужья могутъ исправлять своихъ женъ тѣлесно, но убить ихъ безнаказанно не могутъ. Мстителями за смерть жены явились бы ея родственники, которымъ пришлось бы заплатить если не полный, то половинный размѣръ платы за кровь. Что касается до женина имущества, то, какъ уже сказано выше, мужъ не въ правѣ распоряжаться имъ по произволу и не можетъ обременять его собственными долгами. Между имуществами супруговъ существуетъ полная раздѣльность. Мужъ можетъ быть управителемъ женинаго приданаго, но лишь подъ условіемъ полной отчетности въ способѣ пользованія имъ. При раз-

---

[1]) Срав. Грабовскаго, «Свадьба въ горскихъ обществахъ кабардинскаго округа. Сб. свѣд. о кавказскихъ горцахъ», выпускъ 2-й.

водѣ жена вступаетъ въ исключительное обладаніе всѣмъ, что выговорено было ей въ накяхѣ.

Обычное право татаръ допускаетъ, по образцу осетинскаго, разводъ по волѣ одного изъ супруговъ. Если мужъ прогоняетъ жену, онъ обязанъ выплатить калымъ сполна; если жена оставляетъ мужа, родные ея принуждаются обычаемъ къ возвращенію двойной суммы того, что было взято ими въ калымъ.

По смерти мужа жена сохраняетъ извѣстныя права на его имущество. Правда, они признаются за ней не по обычаю, а на основаніи шаріата, и этимъ объясняется, почему такія права неизвѣстны осетинамъ. Вдовья часть бездѣтной вдовы—одна четвертая, имѣющей потомство—одна восьмая. Это пониженіе доли объясняется тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ жена остается при дѣтяхъ и слѣдовательно менѣе бездѣтной нуждается въ жизненныхъ средствахъ.

До послѣдняго времени впрочемъ вдовы у татаръ, какъ и у осетинъ, обыкновенно вступали въ бракъ съ кѣмъ-либо изъ рода покойнаго, всего чаще съ его неженатымъ братомъ. Эта вымирающая форма «левирата» или деверства, извѣстная одинаково индусамъ и евреямъ, носитъ въ средѣ горскихъ обществъ названіе «тулъ»; о вдовѣ говорятъ, что она «тулъ», т. е. собственность семьи покойнаго, которая (собственность) поэтому съ прочимъ наслѣдствомъ должна перейти къ оставшимся по его смерти членамъ двора.

Переходя къ отношенію родителей къ дѣтямъ и къ взаимнымъ отношеніямъ родственниковъ, мы не станемъ останавливаться на правѣ отца исправлять своихъ дѣтей, женить ихъ по собственному выбору, платя и соотвѣтственно получая за нихъ калымъ. Все это факты одинаково извѣстные и татарамъ, и осетинамъ. Мы не остановимся также на обычаѣ, по которому дѣти не имѣютъ права требовать раздѣла имущества при жизни ихъ родителя, такъ какъ эта черта является общей всѣмъ народамъ, бытъ которыхъ опирается на кровное начало и нераздѣльность семейнаго имущества. Мы отмѣтимъ только ту любопытную подробность, что балкарцамъ, подобно осетинамъ, наравнѣ съ физическимъ родствомъ извѣстно и духовное. Основаніемъ къ нему признается и воспринятіе ребенка отъ матери,

и вскормленіе его грудью, и воспитаніе его въ младенческомъ возрастѣ, и укрывательство супруговъ въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за бракомъ, и вступленіе въ братство по оружію.

Перерѣзавшая пуповину женщина (аначи), по нашему акушерка, считается родственницей новорожденнаго, а черезъ нее и вся ея семья; посему между обоими родами браки запрещаются въ тѣхъ же степеняхъ, что̀ и между родственниками, т. е. до седьмой включительно.

Молочное родство, порождаемое фактомъ вскармливанія ребенка грудью, также соблюдается татарами весьма строго. Между родомъ кормилицы и родомъ вскормленнаго ею не можетъ быть брака. Татары знаютъ на этотъ счетъ слѣдующую поговорку, повидимому заимствованную ими у осетинъ: «молоко идетъ такъ же далеко, какъ и кровь», т. е. родство по кормилицѣ соблюдается въ тѣхъ же степеняхъ, что̀ и кровное.

Къ молочному родству причисляется и то, основаніе которому кладетъ воспитаніе. Подобно осетинскимъ старшинамъ Тагауріи и Дигоріи балкарскіе князья имѣютъ обыкновеніе отдавать своихъ дѣтей въ чужія семьи, гдѣ они остаются до семилѣтняго возраста. Въ торжественной процессіи возвращается молодой князь къ родителямъ въ сопровожденіи воспитавшаго его лица [1]). Съ этого времени между обоими родами возникаетъ родственная связь, и воспитанникъ, или «емчекъ», лишается права вступать въ бракъ съ кѣмъ-либо изъ семьи аталыка.

Къ аталыку приравнивается также «болушъ»—то лицо, у котораго татаринъ проводитъ первые мѣсяцы послѣ брака. Онъ—также родственникъ и подобно аталыку причисляется къ кругу лицъ, бракъ съ семьей которыхъ запрещенъ.

Изъ всѣхъ видовъ фиктивнаго родства одно побратимство не ведетъ за собою брачныхъ стѣсненій. Устанавливается оно обмѣномъ оружія или другихъ предметовъ. «Малъ-джуокъ» или нареченный братъ не несетъ у татаръ, какъ и у осетинъ, другихъ обязанностей, кромѣ чисто-нравственныхъ и потому лишенныхъ всякой внѣшней санкціи.

1) Въ вознагражденіе за воспитаніе аталыкъ, сверхъ возмѣщенія издержекъ, получаетъ еще подарковъ рублей на 300

Усыновленіе получило въ горскихъ обществахъ такое же слабое развитіе, какъ и въ Осетіи, что̀ объясняется условіями родового быта, неблагопріятно относящагося къ включенію въ родственную среду чужеродца-наслѣдника. Одинъ лишь видъ усыновленія пустилъ повидимому глубокіе корни: это тотъ, какой слѣдуетъ за примиреніемъ враждовавшихъ между собою родовъ. Съ уплатой «канъ-алгана» или композиціи связывается обыкновенно передача роду убитаго кого-либо изъ малолѣтнихъ родственниковъ убійцы. Дитя, извѣстное подъ прозвищемъ сына крови (канъ-емчекъ), обыкновенно остается два или три года въ новой для него семьѣ и затѣмъ возвращается къ родственникамъ, одаренный подарками. По достиженіи зрѣлаго возраста канъ-емчекъ не можетъ быть женихомъ дѣвушекъ изъ рода убитаго, такъ какъ считается ихъ родственникомъ.

Въ связи съ сказаннымъ о семейномъ бытѣ балкарцевъ совершенно понятными становятся нѣкоторыя нормы ихъ наслѣдственнаго права. Семейная община слишкомъ бережно относится къ сохраненію накопленнаго предками достоянія, чтобы допустить какъ свободу завѣщательныхъ распоряженій, чего, какъ мы видѣли, до послѣдняго времени не было и у горцевъ, такъ и передачу хотя бы части перешедшаго отъ предковъ имущества въ руки женщинъ, а черезъ ихъ посредство въ чужой родъ. Этимъ объясняется то правило обычая, по которому женщины не признаются наслѣдницами. До послѣдняго времени оно строго соблюдалось и дочери не получали никакой части въ наслѣдствѣ. Но съ успѣхами мусульманства и упроченіемъ шаріата въ судахъ все чаще и чаще встрѣчаются случаи предоставленія имъ завѣщателемъ той части имущества, которая полагается дочери по писаному закону магометанъ, т. е. половинной доли сравнительно съ тою, которую получаетъ сынъ. Эта доля при случаѣ можетъ сдѣлаться и болѣе значительной, такъ какъ дочери—обыкновенныя наслѣдницы той вдовьей части, введеніемъ которой горская женщина опять-таки обязана шаріату.

Что касается до сыновей, то они признаются наслѣдниками въ равной долѣ, за исключеніемъ впрочемъ старшаго, который, какъ и въ Осетіи, получаетъ извѣстный прибавокъ скотомъ или землей. Прибавокъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ «тамата-

лыкъ». Въ Балкарскомъ аулѣ, кромѣ старшаго, и младшій братъ имѣетъ право на незначительное увеличеніе его доли. И этому мы находимъ въ осетинскихъ обычаяхъ полную аналогію. «Кастагъ», или доля младшаго, у нихъ то же, что̀ балкарскій «кичиликъ». Младшій получаетъ прибавку какъ лицо позже другихъ выдѣленное и потому долѣе другихъ трудившееся на пользу семьи; старшій — какъ преимущественный продолжатель рода, болѣе другихъ обязанный заботиться о культѣ покойниковъ и совершеніи поминокъ.

При бездѣтной смерти наслѣдниками являются не внуки, а братья покойнаго. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что право представительства неизвѣстно горцамъ. Если два брата жили послѣ смерти отца нераздѣльно и одинъ изъ нихъ умеръ, оставивъ двухъ сыновей, то эти послѣдніе получаютъ каждый по половинѣ того, что̀ слѣдовало ихъ отцу; буде же одинъ изъ сыновей умретъ до кончины родителя, оставивъ двухъ наслѣдниковъ, то его доля помимо ихъ достается дядѣ. Сыновья, отецъ которыхъ умеръ невыдѣленнымъ, называются у горцевъ «тудукъ». При отсутствіи у наслѣдодателя одинаково сыновей и братьевъ наслѣдниками его одновременно являются всѣ болѣе отдаленные родственники, иначе говоря—весь родъ. Впрочемъ, пока не уничтожено было сословное устройство горцевъ—права родни, этой «Vrund», употребляя терминъ аллеманскихъ грамотъ, совершенно игнорировались князьями: имущество считалось выморочнымъ и поступало въ ихъ пользу. Въ настоящее время наслѣдованіе рода снова всплыло на поверхность и семейное достояніе пріобрѣло возможность не выходить изъ рукъ единокровныхъ даже при совершенномъ вымираніи того или другого двора.

ГЛАВА VI.

Вліяніе арабовъ и принесеннаго ими Шаріата.

Едва ли какое нашествіе оказало на судьбы Кавказа, по крайней мѣрѣ восточной его части, большее вліяніе, нежели нашествіе арабовъ. Это нашествіе не только положило конецъ начавшему упрочиваться здѣсь хозарскому владычеству, но и сдѣлалось источкомъ довольно медленнаго, впрочемъ, распространенія магометанства на Кавказѣ. Почти одновременное завоеваніе арабами Имперіи Сассанидовъ уничтожило въ корнѣ одно изъ тѣхъ вліяній, которыя всего ранѣе и всего сильнѣе оказались на бытѣ горцевъ. Я разумѣю вліяніе священныхъ книгъ Ирана—Авесты, ревностными распространителями которой являлись Сассаниды. Противъ огнепоклонства открыто было гоненіе, и подъ именемъ Езидовъ приверженцы культа огня и дуализма добраго и злого начала поставлены были въ невозможность заключать браки съ магометанами. Запрещеніе это въ новое время отнюдь не было распространено на евреевъ и христіанъ [1]). На ряду съ Зоро-

[1]) «Le musulman, постановляетъ распространенный на восточномъ Кавказѣ Сборникъ Шафаитскаго права, составленный въ XII в. Новави, ne peut épouser une femme dont la religion ne serait pas fondée sur quelque livre sacré... Or on entend par «Infidèles dont la religion est fondée sur un livre sacré», les gens qui suivent une des révélations divines actuellement éxistantes, quoique abrogées par le Coran, c'est à dire les Juifs et les chrétiens... Le musulman ne peut donc épouser une idolâtre ou une Pyrolâtre, mais bien une Juive du Chrétienne Mirhadj Talibin, Ratavia. 1883, VI, 347).

астризмомъ и христіанство должно было испытать на себѣ разрушительное вліяніе близкаго сосѣдства фанатиковъ мусульманъ. Арабскія полчища, предводимыя Абу-Муслимомъ, нашли христіанство вполнѣ утвердившимся въ теперешнемъ казикумухскомъ округѣ. Шопенъ сообщаетъ, что арабы называли его жителей терминомъ Гумикъ и считали ихъ христіанами [1]). Это не помѣшало имъ построить въ самомъ Кумукѣ мечеть. Первый камень ея, согласно свидѣтельству Масуди, былъ положенъ самимъ Абу-Муслимомъ въ 777 году по Рождествѣ Христовомъ. Нѣсколько времени спустя возникли новыя мечети; одной изъ древнѣйшихъ, если не говорить о дербентской, слѣдуетъ признать мечеть въ Акушахъ. Исламъ далеко впрочемъ не сразу водворился среди горцевъ Дагестана. Въ Аварскомъ округѣ окончательное установленіе его должно быть отнесено не ранѣе какъ къ концу X-го вѣка. Въ глубинѣ горныхъ тѣснинъ христіанство продолжало держаться почти до нашихъ дней, и во времена Шамиля еще можно было найти—заброшенную правда—христіанскую церковь въ Гидатлѣ [2]).

Изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что арабское вліяніе сказалось всего сильнѣе въ восточной части Дагестана, которую, благодаря отсутствію въ ней непроходимыхъ горныхъ тѣснинъ, легче было держать въ зависимости какъ самимъ арабамъ, избравшимъ центромъ своей политической власти сперва Казикумухъ, а затѣмъ Тарки, такъ и смѣнившимъ ихъ со временемъ персидскимъ правителямъ Дербента. Изъ Казикумуха и Тарокъ, гдѣ по преданію самими арабами основано было первое княжество подъ именемъ Шамхальства, магометанство продолжало распространяться по всему Кавказу и въ ближайшія къ намъ столѣтія. Преданія чеченцевъ упоминаютъ о присылкѣ къ нимъ въ XVII вѣкѣ татарскимъ Шамхаломъ особыхъ проповѣдниковъ, которые вывели у нихъ изъ употребленія послѣдніе остатки смѣшанныхъ съ язычествомъ христіанскихъ обрядовъ [3]).

---

1) См. Шопенъ, стр. 413.

2) См. воспоминанія о Шамилѣ, томъ VII, сбор. свѣд. о кавказскихъ горцахъ.

3) См. „У подошвы Эльборуса; очеркъ Иванюкова и Ковалевскаго. Вѣстникъ Европы, январь 86 года, стр. 100.

Пришедшіе на Кавказъ арабы были сунниты. Это обстоятельство сдѣлалось причиной распространенія въ Дагестанѣ почти исключительно сунитскаго толка [1]). Они были выходцами изъ Багдадскаго калифата, съ которымъ во все время своего господства на Кавказѣ продолжали поддерживать самыя тѣсныя сношенія. Въ Багдадѣ же въ началѣ IX вѣка стало упрочиваться богословски-юридическое толкованіе Корана и Сунъ, излагаемое ученикомъ перваго по времени толкователя (Малика—Шафаи).

Кремеръ говоритъ слѣдующее о направленіи, какого придерживался въ своихъ толкованіяхъ этотъ основатель третей по времени школы магометанскихъ юристовъ (первыми двумя надо считать школу Малика и Абу-Ганифа). Система Шафая—говоритъ онъ—представляетъ попытку примиренія исторической школы Малика, тѣсно придерживавшейся преданія, и весьма свободно относившейся къ ней школы Абу-Ганифа. Она впрочемъ ближе подходитъ къ ученію Малика [2]).

Самымъ выдающимся послѣдователемъ этого толка является Имамъ Абуль-Казимъ-Рафи—авторъ трактата, озаглавленнаго Могараръ. Толкованіе и сокращеніе его составляетъ Мингачъ Атъ Талибинъ, что́ въ переводѣ значитъ «путеводитель ревнителей вѣры». Онъ составленъ въ XIII вѣкѣ Имамомъ Эль-Навави († въ 1298 году). Этотъ религіозный юридическій сборникъ доселѣ составляетъ въ Дагестанѣ настольную книгу для религіозныхъ судей или кадіевъ и является здѣсь главнымъ источникомъ такъ-называемаго Шаріата. Изъ другихъ толкователей того же шафаитскаго ученія болѣе другихъ извѣстенъ Абу-Ходжа (XI вѣка), сочиненіе котораго распространено въ рукописяхъ даже въ центральной части Кавказа между чеченцами и ингушами. Ганефицкое ученіе проложило себѣ дорогу въ западный Кавказъ лишь въ послѣднія три столѣтія, благодаря вліянію Турціи, крымскаго ханства и зависимыхъ отъ обоихъ кабардинцевъ. Арабское

---

1) Во всемъ Дагестанѣ можно указать только одно селеніе жителями котораго являются магометане шіиты. Это селеніе Мескинджи въ окрестностяхъ Ахты (Дубровинъ Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I., ст. 515.).

2) Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, т. I, стр. 49.

владычество въ Дагестанѣ и смѣнившее его господство поставленныхъ отъ Шаха Дербентскихъ хановъ наложили свою печать и на политическій строй горцевъ. Оно вызвало образованіе въ ихъ средѣ болѣе или менѣе зависимыхъ отъ Персіи государственныхъ сообществъ и повело къ возникновенію въ нихъ сословныхъ дѣленій.

Зачатки государственности согласно преданію существовали въ Дагестанѣ еще до пришествія аравитянъ. Авары, эта, какъ мы видѣли, уцѣлѣвшая на Кавказѣ вѣтвь гунновъ, имѣли своихъ хановъ до прихода Абу-Муслима и сохраняли свою политическую независимость цѣлыхъ два вѣка спустя [1]). Но въ Кумухѣ по словамъ Масуди не было царей и правителей. Дагестанская лѣтопись Мухаммеда Рафи (составленная въ концѣ XV вѣка) связываетъ происхожденіе кумухскихъ хановъ съ фактомъ нашествія арабовъ на Кавказъ.

«Между аравитянами, значится въ рукописи Мухаммеда-Рафи, существовалъ народный обычай выбирать для управленія старшаго; ему довѣряли они власть безъ всякаго противорѣчія съ чьей бы то ни было стороны—со стороны большаго или малаго, и такое лицо начальствовало надъ всѣмъ, слѣдуя въ своемъ гражданскомъ и религіозномъ управленіи священному шаріату и подражая по-возможности Пророку». Такимъ порядкомъ арабы, занявшіе каспійское побережье Кавказа, назначили надъ собою и надъ тѣми, которые до тѣхъ поръ были ихъ вождями, государя изъ числа потомковъ Хамзы (происходившаго изъ священнаго въ глазахъ аравитянъ рода Корейшидовъ) [2]). Этотъ государь былъ названъ «Шамъ-Халъ» по имени своего дѣда, который родился въ селеніи, называемомъ Халъ—одномъ изъ селеній Шама, т. е, Сиріи. Шамхалъ, читаемъ мы далѣе въ томъ же источникѣ, поселился въ городѣ Кумухѣ. Жители его, по словамъ Масуди, дотолѣ неимѣвшіе царя и управлявшіеся старшинами, сами послали къ Абу-Муслиму просить о присылкѣ имъ наставниковъ въ новой вѣрѣ; послѣ сего Абу-Муслимъ отправился въ Кумухъ, построилъ тамъ мечеть, назначилъ кадіевъ,

---

[1]) Сб. свѣд. о кавказскихъ горцахъ, томъ V стр. 24 и 25.

[2]) Сб. св. о кавк. горц., т. V, стр. II.

или духовныхъ судей, и подчинилъ ихъ Шамхалу. Кухумцы же, гордясь принятіемъ новой вѣры ранѣе другихъ дагестанцевъ, присоединили къ наименованію своего селенія почетный арабскій титулъ «Гази» или «Кази». Съ теченіемъ времени названіе Кази-Кумухъ обратилось въ названіе всей страны [1]). Въ персидскихъ шахахъ Шамхалы нашли поддержку своей власти и получили отъ нихъ титулъ дагестанскихъ валіевъ, въ которомъ высказывалось притязаніе ихъ на владычество всею областью. Въ XV и XVI столѣтіяхъ шамхалы были весьма могущественны. Грузинскіе цари безпрерывно обращались къ русскимъ съ просьбой о защитѣ ихъ противъ Шамхаловъ, и Ѳедоръ Іоанновичъ неоднократно посылалъ противъ нихъ своихъ воеводъ. Въ 1638 году Шамхалы начинаютъ искать покровительства Россіи и получаютъ грамоту на принятіе ихъ въ русское подданство подъ наименованіемъ владѣтелей кумыхскихъ и тарковскихъ [2]). Два года спустя резиденція Шамхаловъ изъ Кумуха окончательно переносится въ Тарки. Причиной тому было образованіе въ Кумухѣ сильной партіи, стремившейся къ совершенному уничтоженію шамхальской власти. Стремленія этой партіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Вскорѣ послѣ переселенія столицы Шамхаловъ въ Тарки казикумухцы совершенно отложились отъ нихъ и выбрали себѣ особаго правителя подъ названіемъ «Халхавчи» [3]). Правитель этотъ—говоритъ авторъ историческаго очерка судебъ казикумухскихъ и кюринскихъ хановъ—избирался старшинами и выборными отъ каждаго селенія по предварительномъ совѣщаніи; но всегда наблюдалось правило, что первымъ кандитатомъ долженъ считаться старшій въ родѣ шамхальской фамиліи, оставшейся въ Казикумухѣ, и только въ случаѣ явной его неспособности или отказа отъ званія выбирался слѣдующій за нимъ; при этомъ требовалось также, чтобы избранный не былъ «чанка», т. е. происходилъ отъ равнаго брака; но въ смутное время это обстоятельство не имѣло

---

[1]) Сб. св. о кавк. горц. выш. II. Казимухскіе и Кзоринскіе ханы.

[2]) „Шамхалы Тарковскіе“, историческая записка, стр. 5, составленная временной коммиссіей для опредѣленія личныхъ и позем. правъ туземцевъ Темиръ—Ханъ Шуринскаго округа.

[3]) Отъ арабскаго слова «халкъ»—народъ и лекскаго «ловай»—высшій.

особаго значенія; все зависѣло отъ личныхъ качествъ избираемаго [1]). Съ упадкомъ власти Шамхаловъ стоитъ въ связи возникновеніе и кайтагскаго уцмійства.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ оффиціальнымъ путемъ, кайтагскій уцмій въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій былъ избираемъ народнымъ сходомъ, собиравшимся въ окрестностяхъ Маджанлиса. На этотъ сходъ могли являться всѣ совершеннолѣтніе мужчины возрастомъ отъ 20 до 50 лѣтъ. Выборъ ограниченъ былъ членами опредѣленной династіи и обыкновенно падалъ на старшаго въ родѣ. Признакомъ избранія было возложеніе на голову кандидата особой шапочки, похожей на еврейскую ермолку. Надѣвать такую шапочку на голову уцмія составляло почетную привиллегію старшаго въ тухумѣ, Гассанъ-бека—одного изъ древнѣйшихъ и почетнѣйшихъ родовъ Кайтага. Избранный одаривалъ присутствующихъ почетныхъ лицъ: кого оружіемъ и деньгами, а кого и скотомъ. Всему же собранному народу устраиваемо было богатое угощеніе—опять-таки на средства уцмія. Избраніе уцмія вовсе не устраняло необходимости дальнѣйшаго сбора на народные сходы съ цѣлью разбирательства такихъ вопросовъ, какъ война и миръ, заключеніе союзовъ, рѣшеніе пограничныхъ и другихъ споровъ между общинами и тому подобное. Уже одно это указываетъ на ограниченность власти уцмія, которая пріобрѣтала болѣе или менѣе важное значеніе только въ военное время, когда уцмій собиралъ войска и начальствовалъ надъ ополченіемъ. Въ мирное же время онъ былъ неболѣе какъ судьею, приговоры котораго, подобно приговорамъ прочихъ посредниковъ, не носили обязательнаго характера, не могли быть насильственно приводимы въ исполненіе и входили въ силу только при желаніи заинтересованныхъ лицъ. Права уцмія, читаемъ мы въ оффиціальной запискѣ, были весьма ограничены; онъ не могъ лично подвергать наказанію ослушниковъ до тѣхъ поръ, пока само общество не считало нужнымъ выдать ихъ ему, или до тѣхъ поръ, пока подосланные имъ агенты не подкарауливали и не убивали ихъ. Власть уцмія была такъ далека отъ неограниченной, что можно припомнить случай, когда и самъ

---

1) Сб. св. о кавк. горц., вып. II. Матеріалы для И. Дагестана, стр. 14.

онъ былъ подвергаемъ штрафу по такому напримѣръ поводу, какъ не соблюденіе поста. Судебная власть уцмія проявлялась всего чаще въ случаяхъ воровства, такъ какъ само общество обыкновенно посылало къ нему подозрѣваемаго для принесенія очистительной присяги. Неподчинявшійся этому требованію признавался виновнымъ и подлежалъ уплатѣ не только стоимости похищеннаго, но и опредѣленаго штрафа. Въ прочихъ дѣлахъ уцмій являлся судьей по выбору заинтересованныхъ сторонъ, которыя, какъ общее правило, предпочитали его вмѣшательство обыкновенному посредничеству. Только собственныхъ крестьянъ уцмій казнилъ по собственному усмотрѣнію.

Благодаря иноземному вмѣшательству власть ихъ постепенно возрасла. Подобно шамхаламъ уцміи находили поддержку себѣ со стороны персидскихъ шаховъ и получали отъ нихъ по временамъ грамоты на управленіе. Въ XVII вѣкѣ они изъ избирательныхъ становятся уже наслѣдственными правителями Кайтага. Знаменитый Рустемъ Ханъ, которому мы обязаны древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ сборниковъ дагестанскихъ адатовъ (онъ правилъ отъ 1601 по 1631 г.), уже занимаетъ престолъ по преемству отъ отца Ханъ-Магомеда, что̀ не мѣшаетъ ему искать подверженія своей власти и у Шахъ-Аббаса въ 1609—10 г. и у Шахъ Сафія въ 1629 г. [1]).

Къ числу позднѣйшихъ по времени ханствъ надо отнести ханство Мехтулинское и султанство Елисуйское. Основателемъ перваго былъ одинъ изъ членовъ Кази-Кумухскаго ханскаго дома именемъ Мехти, время жизни котораго въ точности не извѣстно.

Удалившись изъ Кумуха по причинѣ несогласій съ его правителемъ, Мехти, получившій у народа прозваніе Чернаго или Кара, приглашенъ былъ—сперва аймакинцами, а затѣмъ оглинцами,—стать во главѣ народа, сдѣлаться его покровителемъ. Примѣру двухъ названныхъ селеній послѣдовали вскорѣ одиннадцать другихъ, такъ что къ концу своей жизни Кара-Мехти не только сдѣлался правителемъ и военачальникомъ надъ цѣ-

[1]) Адаты уцмійскаго владѣнія и пояснительная къ нимъ записка доставлены мнѣ окружн. начальн. Кайтаго-табазаранск. окр. кн. Макеевыми.

лымъ округомъ, но и въ состояніи былъ передать свою власть по наслѣдству старшему въ родѣ. Съ этого времени власть хановъ Мехтулинскихъ переходила безъ перерывовъ въ порядкѣ законнаго преемства вплоть до 1860 года, когда ей фактически положенъ былъ конецъ учрежденіемъ русскаго окружнаго управленія.

Одновременно съ Мехтулинскимъ ханствомъ,—быть можетъ, даже нѣсколько ранѣе его,—возникло султанство Елисуйское. Исторія его связана съ фактомъ насильственнаго занятія средней части алазанской долины, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ она примыкаетъ къ главному кавказскому хребту, спустившимися съ горъ выходцами изъ Цахура. Фактъ этотъ послѣдовалъ во второй половинѣ XV в. вслѣдъ за раздѣломъ Грузіи между сыновьями Георгія VIII и происшедшимъ отсюда упадкомъ ея оборонительныхъ средствъ. Завоеватели еще въ періодъ, предшествовавшій занятію ими принадлежавшей грузинамъ кахской провинціи, сдѣлали первые шаги на пути развитія государственной власти. Конецъ совершенной независимости родовъ или тухумовъ другъ отъ друга былъ положенъ путемъ избранія всѣми родами совмѣстно общаго правителя изъ среды прибывшихъ въ Цахуръ на жительство бековъ или дворянъ, незадолго передъ тѣмъ изгнанныхъ изъ Хоца—несуществующаго болѣе горнаго аула. Въ началѣ XVII столѣтія цахурцы, недовольные управленіемъ бековъ, рѣшились на поголовное ихъ истребленіе. Преданіе говоритъ, что замыселъ этотъ былъ исполненъ и беки перебиты вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Спаслась только одна беременная бекская женщина. Она бѣжала въ селеніе Елису, гдѣ и рожденъ былъ ею сынъ, впослѣдствіи избранный цахурцами въ правители. Али-Бекъ (таково было его имя) позаботился о подтвержденіи своей власти персидскимъ шахомъ, отъ котораго и получилъ титулъ султана. Поселившись въ Елису, онъ сдѣлался родоначальникомъ султановъ этого имени, которые подобно ему искали опоры своей власти въ покровительствѣ перемѣнно Персіи и Турціи и сохранили, благодаря этому, свою независимость до 1844 г., когда, въ виду перехода послѣдняго изъ султановъ Даніель-Бека на сторону Шамиля, званіе султана объявлено было упраздненнымъ.

Вліяніе, оказанное только-что приведенными фактами на общественный строй Дагестана, было громадно. Едва ли нужно говорить, что до ихъ наступленія въ Дагестанѣ не было сословій; родовая организація, какую представляли собою независимые другъ отъ друга тухумы, не была благопріятна развитію общественнаго неравенства. О сословіяхъ въ періодъ предшествующій возникновенію ханствъ не можетъ быть слѣдовательно и помину. Сказанное требуетъ, впрочемъ, оговорки. Военноплѣнные даже въ періодъ до-государственный всегда представляютъ собою готовый контингентъ рабовъ (куловъ и карававшей), который время отъ времени восполняется попавшими въ кабалу несостоятельными должниками. Эти два источника рабства извѣстны были издревле и дагестанскимъ горцамъ; а поэтому неудивительно, если гражданская несвобода встрѣчается и у тѣхъ изъ нихъ, которые никогда не входили въ составъ какой либо политической организаціи. Для своего дальнѣйшаго развитія процессъ образованія сословій нуждается уже въ замѣнѣ первоначальной независимости родовъ общимъ подчиненіемъ ихъ единой центральной власти, какой и является въ Дагестанѣ власть шамхаловъ, халхавчи, хановъ, султановъ и отдѣльныхъ правителей или бековъ. Поэтому только въ средѣ обществъ, достигшихъ государственной формы общежитія, встрѣчаемся мы съ фактомъ существованія отличнаго отъ свободныхъ сословія крѣпкихъ къ землѣ людей, обязательный трудъ которыхъ доставляетъ правителю и членамъ родственныхъ ему династій необходимыя средства для покрытія издержекъ его двора, его военнаго и гражданскаго управленія. Матеріаломъ, изъ котораго образуется этотъ классъ крѣпостныхъ, служатъ частью покоренныя горцами туземныя племена, какъ напр. въ елисуйскомъ султанствѣ завоеванные цахурцами грузины и монголы, извѣстные—первые подъ наименованіемъ ингелойцевъ, вторые подъ именемъ муганлы; частью поселенные самимъ правителемъ переселенцы—одинаково изъ туземцевъ и инородцемъ, свободныхъ людей и недавнихъ рабовъ, получавшихъ отъ владѣльцевъ постоянный земельный надѣлъ. Въ такомъ положеніи были напримѣръ въ предѣлахъ тарковскаго шамхальства 71 еврейскихъ дымовъ, происходящихъ отъ выселенцевъ изъ Кайтага, надѣ-

ленныхъ Шамхаловъ землею и обложенныхъ имъ постояннымъ оброкомъ, размѣромъ отъ 3 до 5 рублей; а также 90 дворовъ чагаровъ, т. е. бывшихъ холопей или рабовъ, имѣвшихъ каждый отдѣльное хозяйство и обложенныхъ въ пользу Шамхала опредѣленными обычаемъ повинностями. Таковы же были тѣ шесть чагарскихъ семей, которыми до 68 г.—эпохи освобожденія зависимыхъ сословій въ Дагестанѣ—владѣлъ въ аулѣ большомъ Дженгутаѣ ханъ Мехтулинскій.

Отличіемъ чагаровъ или крѣпостныхъ отъ собственно рабовъ, извѣстныхъ въ Дагестанѣ подъ наименованіемъ куловъ и каравашей, служило то обстоятельство, что крѣпостные поселены были на земляхъ владѣльцевъ самостоятельными хозяйствами. Это обстоятельство впрочемъ не давало имъ никакихъ правъ на землю, такъ что при продажѣ ихъ отдѣльно отъ имѣнія чагары въ правѣ были сохранить за собою только имущество, пріобрѣтенное собственнымъ трудомъ.

Детальное изложеніе повинностей и платежей крѣпостнаго населенія въ различныхъ мѣстностяхъ Дагестана увлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главной цѣли нашего труда; мы ограничимся поэтому характеристикой крѣпостнаго права лишь въ той части страны, въ которой оно проявилось съ особенной рѣзкостью и опредѣленностью и доселѣ составляетъ злобу дня, такъ какъ не отмѣнено еще ни закономъ, ни судебной практикой. Говоря это, я имѣю въ виду земли бывшаго Елисуйскаго султанства и въ частности кахскій округъ.

Обстоятельства, благопріятствовавшія упроченію здѣсь крѣпостныхъ отношеній, лежатъ въ фактѣ завоеванія этой области, издревле занятой грузинами-христіанами, магометанскими выходцами изъ Цахура. Такъ какъ многіе изъ туземцевъ предпочли игу невѣрныхъ выселеніе изъ области, то завоевателямъ пришлось заселить часть земель пришлыми колонистами монгольскаго происхожденія, получившими наименованіе «муганлы». Таково по крайней мѣрѣ объясненіе, какое даетъ г. Линевичъ факту происхожденія въ Кахѣ тѣхъ своеобразныхъ сословныхъ отношеній, съ какими я намѣренъ познакомить читателя на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ г. окружнымъ начальникомъ—полковникомъ Узбашевымъ.

Крѣпостныя повинности и платежи въ предѣлахъ Елисуйскаго султанства, какъ и повсюду гдѣ существовало крѣпостное право, съ удобствомъ могутъ быть подведены подъ двѣ главныя категоріи—имущественыхъ и личныхъ. Источникомъ происхожденія первыхъ является фактъ надѣленія призванныхъ въ страну колонистовъ-татаръ однимъ лишь правомъ наслѣдственнаго владѣнія землей съ обязательствомъ платить за нее службой и натуральными приношеніями и сохраненіе ея на тѣхъ же условіяхъ за покореннымъ грузинскимъ населеніемъ (ингелойцами). Право собственности удержано было завоевателями—въ частности самими правителями Елисуйскаго султанства и второстепенными начальниками (беками), получившими отъ нихъ въ вознагражденіе за службу право обращать въ свою пользу все, что́ муганлы и ингелойцы должны были взносить за пользованіе уступленной имъ во владѣніе землей. Платежъ за землю носилъ характеръ опредѣленнаго оброка, замѣнявшаго въ большинствѣ селеній такъ-называемую барщину или личную обработку крестьянином хозяйскаго поля. Оброкъ этотъ въ своемъ размѣрѣ опредѣлялся путемъ соглашенія или такъ-называемаго «маслагата» и обыкновенно равнялся одной седьмой или одной десятой части урожая.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ къ этому взносу присоединяется особый платежъ въ пользу лица, завѣдующаго бекскимъ имѣніемъ, а при отсутствіи его—въ пользу самого бека. Названіе этому сбору «дарголукъ» или «таза-батанъ»; размѣръ его рѣдко когда превышаетъ нѣсколько чиляковъ хлѣба отъ дыма.

Наряду съ этими реальными по своему источнику повинностями и платежами мы встрѣчаемъ и чисто-личныя: арбяную повинность, состоящую въ томъ, что при передвиженіи бековъ на лѣтнія кочевки или обратно на зимовку въ низовыя имѣнія крестьяне для перевозки вещей и семейства бека обязаны были поставлять съ каждаго двора подводу (арбу) съ парою быковъ; во вторыхъ повинность конвоированія бековъ верхомъ во время ихъ передвиженія, иногда замѣняемая обязанностью служить у нихъ гонцами; обязанность угощать бековъ съ ихъ семьями и прислугою два раза въ годъ во время перекочековъ; наконецъ

общественныя помочи при уборкѣ хлѣба и сѣна подъ условіемъ угощенія отъ бека (имаджи).

Остается упомянуть еще о сборахъ, производимыхъ натурой, рѣдко когда деньгами, сборахъ періодическихъ и случайныхъ:— приношеніяхъ масломъ, курами, яйцами, виноградомъ, овощами, сѣномъ, соломой или «саминомъ», обыкновенно въ неопредѣленномъ количествѣ, по мѣрѣ предъявленія запроса со стороны бека. Небезъинтересный видъ такихъ сборовъ представляетъ тотъ платежъ, какой крестьянинъ несетъ въ пользу бека при выдачѣ въ замужество собственныхъ дочерей; платежъ этотъ не имѣетъ разъ-навсегда установленнаго размѣра; величина его зависитъ отъ уговора. Опускаю цѣлый рядъ второстепенныхъ подробностей о различнаго рода сборахъ, платимыхъ беку за пользованіе виноградными садами, пастбищемъ, лѣсами и т. п. И сказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы вынести то общее представленіе, что положеніе крѣпостныхъ въ Дагестанѣ представляло много общихъ чертъ съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ на Западѣ въ средневѣковую эпоху и въ Россіи четверть вѣка назадъ. Въ самомъ дѣлѣ въ чемъ, какъ не въ барщинѣ, или замѣняющемъ ее оброкѣ, выражается реальный характеръ крѣпостнаго обязательства? и съ другой стороны какое интересное совпаденіе между дагестанскими и русскими общественными помочами и средневѣковыми англійскими loveBones, между дагестанскими брачными приношеніями, русскими выводными деньгами и maritagia феодальной эпохи! Все это, разумѣется, не говоритъ о заимствованіи, совершенно немыслимомъ въ данныхъ условіяхъ, а лишь о томъ, что по самой природѣ своей крѣпостное право всюду должно было сказаться въ одинаковыхъ формахъ, повести къ возникновенію одинаковыхъ правъ и одинаковыхъ обязательствъ.

Если бы мы вздумали сравнить только-что описанную нами систему крѣпостныхъ отношеній съ тою, какая существовала въ другихъ мѣстностяхъ Дагестана, подобно елисуйскому султанству имѣвшихъ своихъ хановъ иековъ, то при различіи въ названіяхъ [1]) мы встрѣтили бы поразительное сходство. Такъ,

1) Въ Кара-кайтагѣ и Табасарани крѣпостные крестьяне носили названіе не тагаръ, а райятовъ. (Дубровинъ, ч. II, стр. 605).

напримѣръ, въ Мехтулинскомъ ханствѣ, наряду съ барщиной или «бильха», мы находимъ и обязательную поставку арбъ, и обязанность конвоированія хана при его разъѣздахъ, и т. п. Сходство не доходитъ однако до полнаго тождества. Отдѣльные виды повинностей, не измѣняя своему основному характеру, принимаютъ нерѣдко весьма различныя формы; такъ, напримѣръ, барщина или бильха выражается то въ поставкѣ косцевъ и жнецовъ, то въ снаряженіи на общія средства извѣстнаго числа тяжелыхъ шестипарныхъ плуговъ, весьма похожемъ на то, о которомъ упоминаютъ средневѣковые источники Англіи.

Чтобы покончить съ сословной организаціей, какъ особенностью тѣхъ частей Дагестана, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ болѣе или менѣе выработанною государственной властью, мнѣ слѣдуетъ сказать еще два слова о сословіи такъ-называемыхъ «бековъ». Генезисъ его тотъ же, что́ и служилыхъ людей: антрустіоновъ, тановъ, дружинниковъ. Временное и личное отличіе, вызываемое службой, со временемъ на почвѣ чисто-фактическихъ отношеній пріобрѣтаетъ характеръ постоянной сословной привиллегіи; вмѣсто того чтобы вознаграждать служащихъ опредѣленнымъ жалованьемъ, ханы и султаны надѣляютъ ихъ правомъ обращать въ свою личную пользу всѣ натуральныя и денежныя поступленія съ крестьянъ извѣстнаго округа. На первыхъ порахъ это право всецѣло связано съ службой и прекращается вмѣстѣ съ ней. Но такъ какъ со временемъ служба становится не только пожизненной, но и наслѣдственной, то и право на крестьянскія повинности и сборы пріобрѣтаетъ характеръ наслѣдственнаго пользованія, фактически ничѣмъ не отличаемаго отъ собственности. Отношенія эти осложняются еще тѣмъ, что на должности мѣстныхъ начальниковъ правители обыкновенно опредѣляютъ собственныхъ дѣтей отъ неравныхъ браковъ или такъ-называемыхъ чанковъ, такъ что къ земельной и служебной зависимости присоединяется еще чисто-родственная. Настаивать на сходствѣ описанныхъ явленій съ тѣми, какія представляетъ по своей природѣ переходъ бенефиціи въ наслѣдственный феодъ на Западѣ или помѣстья въ вотчину въ Россіи,— я не стану, такъ какъ оно бросается въ глаза. Такимъ образомъ и въ процессѣ образованія дагестанскихъ сословій мы

находимъ подтвержденіе того взгляда, что феодализація не составляетъ особенности одного германо-романскаго міра, что она— міровое явленіе, однѣ частности котораго расходятся между собою, смотря по народности и особенностямъ ихъ историческаго развитія.

Среднее положеніе между беками и крѣпостными заняли люди «свободные», извѣстные подъ наименованіемъ «уздени». Уздени въ большинствѣ случаевъ не имѣли недвижимой собственности и стояли въ поземельной зависимости отъ бековъ, на земляхъ которыхъ они жили. Уздени имѣли право наслѣдственнаго пользованія этими землями, но обязаны были нести въ замѣнъ однажды установленныя обычаемъ повинности [1]).

Какъ ни значительны были всѣ эти перемѣны, какія измѣненія ни внесли они въ бытъ горцевъ, но имъ все же не удалось повліять существенно на содержаніе горскаго адата, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока ставшимъ во главѣ Дагестана съ конца прошлаго вѣка избираемымъ имамамъ и въ числѣ ихъ болѣе всѣхъ Шамилю не удалось совершенно вытѣснить адатъ изъ сферы уголовнаго, имущественнаго и отчасти наслѣдственнаго и обязательственнаго права и замѣнить его шаріатомъ.

Правда, и раньше этого шаріатъ началъ оказывать существенное воздѣйствіе на измѣненіе народныхъ юридическихъ воззрѣній. О роли его въ этомъ отношеніи можно судить по дошедшему до насъ судебнику уцмія Рустема, составленному въ первой четверти XVII столѣтія. Этотъ судебникъ, совершенно произвольно отнесенный генераломъ Комаровымъ (а за нимъ и профессоромъ Леонтовичемъ) къ XII вѣку, далеко не является въ Дагестанѣ древнѣйшей попыткой кодификаціи народныхъ обычаевъ. Гораздо раньше его возникъ не дошедшій до насъ сборникъ адатовъ аварскаго народа, рукописи котораго, по словамъ генерала Комарова, ходили еще по рукамъ во времена Шамиля. Преданіе приписываетъ его составленіе Омархану аварскому, умершему въ 1082 году. О томъ, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ

[1]) Въ селеніяхъ Лудгунъ и Ялагъ они не были избавлены даже отъ издѣльной повинности, отымавшей три дня въ году у каждаго двора. Смотри Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, часть II, стр. 604.

довѣрія это преданіе, я судить не берусь, не имѣя въ рукахъ самой рукописи. Если постановленія этого свода воспроизводятся въ ихъ существенныхъ чертахъ въ томъ написанномъ на русскомъ языкѣ сборникѣ аварскихъ адатовъ, экземпляры котораго хранятся въ архивахъ окружныхъ управленій въ Хунзагѣ и Гунибѣ, то мы въ правѣ сказать, что вліяніе шаріата на видоизмѣненія народнаго обычая сказываются въ нихъ съ большой наглядностью. Неосторожное убійство уже отличается ими отъ предумышленнаго и сопровождается соотвѣтственно меньшимъ платежемъ.

Убійство случайное, произведенное, положимъ, паденіемъ случайно задѣтаго ногою камня или бревна, оставляется безъ всякихъ послѣдствій. Убійство, совершенное малолѣтнимъ, хотя бы и преднамѣренно, причисляется къ нечаянному. Для предотвращенія кровной мести опредѣлено брать штрафъ въ пользу хана и съ того, кто вздумаетъ попрекать родственниковъ убійцы за совершенное имъ злодѣяніе, и съ того, кто станетъ обвинять родственниковъ убитаго за то, что они оставили убійство его безъ отмщенія. Съ тою же цѣлью аварскіе адаты отмѣняютъ право мужа убить застигнутаго имъ на мѣстѣ прелюбодѣя, а раненаго требовать удовлетворенія за рану по прошествіи двадцати дней со времени раненія. Аварскимъ адатамъ извѣстно также понятіе необходимой обороны, такъ что убійство вора, пойманнаго на мѣстѣ хозяиномъ украденнаго, оставляется ими безъ отмщенія [1]).

Не менѣе рѣзко выступаетъ вліяніе шаріата на горскій адатъ въ судебникѣ кайтагскаго уцмія Рустема. Ему извѣстно уже наказаніе подстрекателя, а равно и того, кто укажетъ родственникамъ убитаго на мѣсто, гдѣ укрывается убійца; они оставляютъ безъ послѣдствій всякое убійство, совершенное въ необходимой оборонѣ лицомъ, защищающимъ свою жизнь, свое жилище и собственность. Судебникъ Рустема отмѣняетъ право мужа убивать любовника своей жены и приравниваетъ отвѣтственность прелюбодѣя къ той, которая падаетъ на вора. Онъ

---

1) См. «Сборникъ адатовъ Аварскаго народа», составленный въ 1865 г. Калантаровымъ.

выдѣляетъ также въ особую категорію неизвѣстныя адату преступленія противъ вѣры и преступленія политическія. Къ первымъ онъ относитъ: несоблюденіе религіозныхъ предписаній о постѣ и молитвѣ и святотатство, наказаніемъ которому служитъ разрушеніе дома виновнаго. Ко вторымъ онъ причисляетъ неповиновеніе властямъ, уклоненіе отъ обязанности выходить съ оружіемъ, когда будетъ подана тревога, и возвращеніе домой изъ ополченія раньше товарищей [1]).

Полное торжество Шаріата надъ адатомъ должно быть отнесено однако не ранѣе, какъ ко временамъ Шамиля. Въ изамѣ Шамиля, т. е. въ наказѣ данномъ имъ военнымъ и административнымъ начальникамъ—наибамъ и судебнымъ властямъ, мы между прочимъ читаемъ: «наибы должны оставить рѣшеніе дѣлъ по шаріату муфтіямъ и кадіямъ и не входить въ разбирательство тяжбъ, хотя бы они были и алимами, т. е. учеными. Муфтіи назначаютъ въ раіонахъ своего вѣдомства кадіевъ. Если къ муфтію обратятся за разъясненіемъ какого нибудь судебнаго вопроса—онъ рѣшаетъ его согласно постановленіямъ шаріата.

«Если онъ замѣтитъ гдѣ либо отступленіе отъ правилъ шаріата, онъ устраняетъ это отступленіе и направляетъ дѣло по пути шаріата.

«Поставлямый муфтіемъ кадій рѣшаетъ по шаріату споры между членами своего прихода; если же онъ затрудится въ рѣшеніи какого нибудь дѣла, онъ долженъ прибѣгнуть къ муфтію».

«Взвѣшивать всѣ поступки на вѣсахъ шаріата»—таковъ идеалъ, выставляемый самимъ Шамилемъ въ обращеніи, сдѣланномъ имъ къ съѣзду, созванному въ Андію [2]).

Говоря о причинахъ, содѣйствовавшихъ упроченію власти Шамиля, его современникъ и біографъ Гаджи-Али говоритъ, что, упрочивъ свою власть назначеніемъ преданныхъ ему людей наибами, Шамиль прежде всего занялся приведеніемъ въ исполненіе шаріата и искорененіемъ обычаевъ противныхъ его постановленіямъ. Послѣдствія не замедлили сказаться. Прекра-

---

[1]) См. Постановленія кайтагскаго Уцмія Рустемъ Хана въ I томѣ сб. св. о кавказс. горцахъ.

[2]) См. «Низамъ шамиля въ III выпускѣ сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, стр. 10, 11 и 15.

тивъ междуусобныя брани и родовыя непріязни, Шамиль слилъ горскія общества Дагестана и Чечни въ одинъ народъ, готовый исполнять всѣ его приказанія [1]).

Исключительное владычество шаріата въ Дагестанѣ не было продолжительнымъ. Послѣ плѣненія Шамиля русскія власти, видя въ шаріатѣ одинъ изъ оплотовъ его вліянія, позаботились о возстановленіи суда по адату во всѣхъ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ онъ примѣнялся до временъ Имама.

Но и кратковременнаго господства достаточно было шаріату для того, чтобы существенно повліять на юридическія воззрѣнія дагестанскихъ горцевъ, и мы будемъ имѣть случай показать въ одной изъ послѣдующихъ главъ, въ какой мѣрѣ горскій адатъ пропикся воззрѣніями религіозныхъ законодателей мусульманства.

---

[1]) См. «Сказанія очевидца о Шамилѣ», Раджа-Алій, переводъ съ арабскаго стр. 19, выпус. 7 Сб. св. о кавк. горцахъ.

ГЛАВА VII.

Вліяніе татаръ, монголовъ и кабардинцевъ.

Сравнительно съ арабскимъ—весьма ничтожнымъ слѣдуетъ признать вліяніе, оказанное на бытъ горцевъ татарскимъ нашествіемъ. Татары далеко не были первымъ тюркскимъ племенемъ, появившимся на Кавказѣ. Ранѣе ихъ мы встрѣтили уже хазаровъ, гуннovъ и болгаръ. Когда въ 1228 году великая орда Чингисъ Хана по взятіи Тифлиса направилась на сѣверный Кавказъ, она нашла сѣверную плоскость его на половину занятой кипчаками—народомъ по всей вѣроятности также тюркскаго происхожденія.

По смерти Чингисъ Хана завоеванія его въ Европѣ и на Кавказѣ достались внуку его Батыю. Явившійся на Кавказъ для защиты своихъ владѣній аравитянинъ Дилалъ Эддинъ разбилъ полчища татаръ въ 1230 году и отстоялъ отъ нихъ Грузію. Но Осетія и другія сѣверныя провинціи Кавказа сдѣлались данниками Батыя и его преемниковъ, которые по временамъ посылали своихъ баскаковъ для собиранія съ нихъ подати [1]).

Другаго, болѣе прочнаго воздѣйствія на бытъ горцевъ татары не оказали, какъ не оказали они его и на бытъ русскихъ; но ихъ нашествіе оставило замѣтные слѣды къ югу и сѣверу отъ кавказскаго хребта въ томъ смыслѣ, что положило начало пло-

---

[1]) См. Порафъ. Матеріялы для Ист. Осетинъ, ч. II, стр. 53.

скостнымъ татарамъ закавказья и двумъ (одной осѣдлой, другой кочевой) народностямъ сѣвернаго Кавказа: я разумѣю кумыковъ и ногайцевъ.

Ни тѣ, ни другіе не обнимаются понятіемъ горскихъ народностей, и потому мы не имѣемъ основанія останавливаться на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ бытовыя особенности татаръ, такъ обстоятельно описанныя Плано Карпини и Рубруквисомъ, отразились на бытѣ ихъ закавказскихъ и кавказскихъ потомковъ.

Еще менѣе оставило слѣдовъ на культурѣ горцевъ нашествіе монгольскихъ полчищъ Тимура или Тамерлана. По свидѣтельству арабскаго писателя Шерефъ-Эддина, цитируемаго Броссе [1]), Тимуръ, по взятіи въ февралѣ 1386 года Тифлиса, пошелъ въ горы въ страну пшавовъ, хевсуровъ и гудомакарцевъ вплоть до Дарьяла, а оттуда въ Двальтію, заселенную преимущественно осетинами. Въ 1395 году въ походѣ противъ Тохтамыша Тимуръ снова появился въ Осетіи и въ странѣ кипчаковъ. По возвращеніи изъ Россіи онъ, все на основаніи того же свидѣтельства, проникъ въ сѣверныя части Кавказа до черкесовъ и страны Асъ, въ которой, говоритъ проф. Миллеръ, слѣдуетъ видѣть Осетію. Отсюда на западъ, прошедши недалеко отъ Эльборуса, онъ проникъ къ мѣсту называемому Абаза (т. е. къ Абазанцамъ), затѣмъ въ Грузію, а оттуда въ Дагестанъ.

Эти передвиженія монголовъ по центральнымъ проходамъ Кавказа объясняютъ намъ причину поселенія у самаго южнаго склона Дагестанскихъ горъ неподалеку отъ Кадорскаго перевала монгольской народности, доселѣ извѣстной подъ наименованіемъ «Муганлы». Народность эта и въ наши дни занимаетъ какъ Джаро-Бѣлоканскій округъ, такъ и земли Елисуйскаго султанства. Земли эти входили прежде въ составъ занятой грузинами Кахетіи, составлявшей сначала часть грузинскаго царства а затѣмъ отдѣлившейся и образовавшей сперва вполнѣ самостоятельное государство, а затѣмъ данницу Персіи. Въ началѣ XVII столѣтія (въ 1617 году) Кахетія окончательно была разорена Шахъ-Абазомъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались

---

[1]) Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie, стр. 387.

аварцы Дагестана. Они спустились съ горъ подъ начальствомъ Чапаръ-Али и заняли ту часть Кахетіи, которая извѣстна нынѣ подъ названіемъ Джаро-Бѣлоканскаго округа. Всѣ земли они раздѣлили между собою въ собственность и обратили занимавшихъ ихъ дотолѣ наравнѣ съ грузинами монголовъ [1]) въ своего рода крѣпкихъ къ землѣ наслѣдственныхъ арендаторовъ, по такъ-называемому «кешкельному» праву.

Кешкелемъ собственно называется земельная мѣра, опредѣляемая количествомъ сѣмянъ для посѣва. Кешкель—это участокъ земли, засѣваемый 4 «тагарами», приблизительно, 4 четвертями хлѣба. Съ такого участка обычай, смотря по мѣстности, требуетъ въ пользу собственника платежа третьей, четвертой, седьмой, а иногда и десятой части урожая. Кешкельное право устанавливалось въ старые годы не только по отношенію частныхъ лицъ, но и по отношенію цѣлыхъ селеній, которыя въ такомъ случаѣ осуществляли свое право пользованія на общинномъ началѣ. Въ кешкель могла быть отдаваема и земля подъ лѣсомъ съ правомъ расчистки ея и подъ условіемъ, что первыя семь лѣтъ кешкельный владѣлецъ будетъ пользоваться ею безплатно, а затѣмъ станетъ вносить положенную въ соглашеніи долю урожая. Изъ нѣкоторыхъ дѣлъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ окружнымъ начальникомъ закатальскаго округа, полковникомъ Узбашевымъ, не трудно прійти къ заключенію, что кешкельное право устанавливалось иногда въ пользу цѣлаго рода или «тохума». Поводомъ къ тому могла быть расчистка земли изъ-подъ лѣса по его распоряженію и въ границахъ его владѣній.

Расчищенная земля поступала въ кешкельное пользованіе и суду въ случаѣ открытія спора между родовичами о размѣрѣ, въ какомъ каждый долженъ участвовать въ полученіи доходовъ отъ кешкелей, не оставалось другаго выхода, какъ раздѣлить на равныя доли между домами одного и того же тохума или годовыя поступленія отъ кешкелей или самыя кешкели [2]).

---

[1]) Грузины получили отъ нихъ наименованіе Ингепойцевъ; Монголы-прозвище Муганлы.

[2]) Для примѣра приведу слѣдующій судебный случай: 1878 года апрѣля 21 дня, на судѣ, при опросѣ жителей селенія Талы Себелинскаго тохума,

Изъ всѣхъ народностей, прибывшихъ въ новое время на сѣверъ Кавказа, прочную осѣдлость основали одни только кабардинцы. По преданіямъ черкесъ, одно изъ ихъ племенъ по имени Кабарда оставило въ VI вѣкѣ Геджры, прежнее мѣсто жительства на рѣкѣ Кубани, и переселилось на сѣверъ къ Дону, откуда въ скоромъ времени перешло въ Крымъ. На морской картѣ Чернаго и Средиземнаго морей, составленной въ 1497 году, выставлено красными буквами названіе кабардинскаго народа нѣсколько на западъ отъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Таганрогъ. Въ Крыму кабардинцы оставались не долго; въ VII столѣтіи они снова вернулись на Кавказъ.

Согласно кабардинскому преданію, изложенному въ докладной запискѣ поданной въ 1825 году на имя начальника главнаго штаба, генера Дибича, кабардинцы на этотъ разъ, переправившись черезъ море, прибыли къ устью Кубани въ гавань Кизильташъ. Здѣсь они остались недолго. Подъ начальствомъ Инала, родоначальника всѣхъ кабардинскихъ князей, они вскорѣ двинулись далѣе на востокъ и разселились вдоль по Кубани въ нынѣшней Кабардѣ, гдѣ и подчинили себѣ жившія здѣсь черкесскія племена. По смерти Инала, князья Несленѣевцы и Кемиргоевцы, согласно тому же кабардинскому преданію, остались за Кубанью вмѣстѣ съ своими подданными, а прочіе переселились въ большую и малую Кабарду. Въ большой

выяснилось, что спорная земля эта была расчищена изъ подъ лѣса цѣлымъ себелинскимъ тохумомъ, по равной части каждымъ дымомъ и съ правомъ пользоваться доходами съ очищеннаго участка земли. Но позженѣкоторые дымы вымерли, изъ нѣкоторыхъ дымовъ старшіе члены подверглись ссылкѣ. Такимъ образомъ часть спорной земли оставалось долгое время безъ хозяевъ. По показаніямъ большинства себелинскаго тохума видно, что состоятельныя и вліятельныя лица изъ тохума придали этой землѣ значеніе кешкельной и раздѣлили ее между собою пропорціонально имѣвшимся у нихъ кешкелямъ. Такимъ образомъ изъ расчищенной земли себелинскимъ джамаатамъ (обществамъ) принадлежитъ нынѣ 100 кешкелей, которые и находятся въ пользованіи аліабасцевъ за доходы.—Постановлено доходы настоящаго года со спорной земли раздѣлить по ровну между дымами себелинской тохума. По уборкѣ же урожая раздѣлить спорную землю между дымами этого же тохума по равнымъ участкамъ. (Архивъ закатальскаго окружного управленія).

осѣлось 4 княжескихъ рода: Атажухины, Мисостовы, Бекмурзины и Кайтукины, а въ малой два: Тоусултановы и Глохстановы [1]).

Кабардинцы застали мѣстность заселенной народомъ одного съ ними адигейскаго или черкесскаго племени, который византійскимъ и русскимъ лѣтописцамъ извѣстенъ былъ подъ наименованіемъ косоговъ или касаковъ. Эти «косоги» распадались на роды (шляху), во главѣ которыхъ стояли правившіе ими родовые старѣйшины (тлякотлеши). Кабардинцы вступили съ ними въ соглашеніе, признали ихъ права и положили, такимъ образомъ, основаніе тремъ семьямъ тлякотлешей: Тамбіевыхъ, Куденстовыхъ и Анзоровыхъ. Земли, состоявшія во владѣніи косогскихъ родовъ князей, оставлены были за ними, и за тлякотлешами признано право держать на нихъ не только зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ (пшитовъ), но и дворянъ (ворковъ). И тѣ и другіе не владѣли, повидимому, другой землею, кромѣ той, какую тлякотлеши давали имъ для поселенія. Кабардинцы не установили права земельной собственности за подданными тлякотлешамъ сословіями, а, наоборотъ, признали за самими тлякотлешами право свободнаго переселенія вмѣстѣ съ ихъ подвластными. Явившись въ занятую ими землю не какъ завоеватели, а какъ союзники населявшихъ ее племенъ, кабардинцы призвали семьи тлякотлешей раздѣлить съ ними политическое господство. Средствомъ къ этому явился выборъ тляколтлешами изъ своей среды особаго управителя (кодза), который долженъ былъ вмѣстѣ съ кабардинскими князьями (пше) принять на себя заботы по завѣдыванію какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой. Тляколтлеши получили также извѣстныя почетныя преимущества и стали заключать супружескіе союзы, исключительно, въ собственной средѣ. Ихъ жизнь и собственность защищены были обычаемъ въ большей степени, чѣмъ жизнь и собственность ихъ подвластныхъ. Убійство тляко-

[1]) См. статью Грабовскаго, озаглавленную «Присоединеніе къ Россіи Кабарды», стр. 112 и 198 въ IX выпускѣ Сб. св. о кавказ. горц. Статья эта составлена частью на основаніи оффиціальныхъ документахъ, частью на основаніи Исторіи Адыхейскаго народа Шоры-Ногмова (кавказскій календарь за 62 годъ).

тлеша обложено было выкупомъ, значительно превышавшимъ размѣръ платежей, требуемыхъ за убійство лицъ прочихъ сословій. Воровство же, совершенное у нихъ на дому, какъ показываютъ недавніе примѣры, сопровождалось убійствомъ виновнаго. Обставивъ такимъ образомъ бытъ туземцевъ, кабардинцы сами устроили свою жизнь на слѣдующихъ началахъ: не устанавливая частной собственности на землю, князья на разныхъ условіяхъ поселили на ней, какъ благородныхъ (ворковъ), такъ и простыхъ свободныхъ (азетъ), такъ, наконецъ, и крѣпостныхъ (пшитель). За собою они удержали право политическаго господства, а всѣ остальныя сословія поставили по отношенію къ себѣ въ васальную или крѣпостную зависимость. Въ сообществѣ съ поставляемымъ тлякотлешами кодзомъ они осуществляли права верховной власти, объявляли войну и заключали миръ, вели переговоры съ сосѣдними племенами и владѣльцами, начальствовали надъ народными ополченіями и назначали судей надъ народомъ, которые, какъ общее правило, руководствовались въ своихъ рѣшеніяхъ не столько народнымъ обычаемъ, сколько правилами Шаріата [1]).

Привеллигированное положеніе пше или кабардинскаго князя сказывалось и въ преимущественной защитѣ его жизни народнымъ обычаемъ, и въ запрещеніи ему брать женъ иначе, какъ изъ княжескихъ семей сосѣднихъ съ кабардинцами народностей, или отдавать своихъ дочерей замужъ иначе, какъ за жениховъ княжеской крови. По выраженію кабардинцевъ, кровь убитаго пше способна наполнить собою всю глубину горнаго ущелья, въ мрачную бездну котораго со страхомъ будетъ падать взоръ могильнаго зерна.

Такому воззрѣнію на исключительность убійства, направленнаго противъ князя, отвѣчаетъ слѣдующее постановленіе кабардинскаго адата: если убійцею пше будетъ одинъ изъ высшихъ двухъ классовъ, самъ онъ и всѣ взрослые родственники его

---

[1]) Въ докладной запискѣ поданной на имя генералъ адъютанта Дибича, въ 1825 году, Кабардинцы, между прочимъ, говорятъ: до водворенія русскаго правительства въ Кабардѣ всѣ гражданскія дѣла рѣшались Шаріатомъ, эфендіемъ и кадіемъ. Такимъ образомъ, дѣйствію обычай подчинены были только дѣла уголовныя.

мужскаго пола должны быть преданы смерти; ихъ жены и дѣти поступаютъ въ рабство къ наслѣднику убитаго, дома же и прочее имущество, какъ виновнаго, такъ и его родственниковъ подлежатъ разграбленію.

Запрещеніе князьямъ вступать въ неравные браки такъ строго охранялось обычаемъ, что дѣти, рожденные отъ такихъ браковъ, не считались законными наслѣдниками княжеской власти, а образовывали особый классъ «Тума», члены котораго рыцарскими подвигами обязаны были завоевать себѣ если не равное съ княземъ, то ближайшее къ нему положеніе въ обществѣ.

Внѣшнимъ выраженіемъ тѣхъ преимуществъ, какія обычай связывалъ съ принадлежностью къ княжескому роду, служилъ окружавшій князей почетъ. Если кто либо изъ Пше находится въ обществѣ низшихъ съ нимъ по положенію лицъ, то первое мѣсто принадлежитъ ему. При входѣ его въ саклю всѣ должны встать и садятся не иначе, какъ съ его разрѣшенія.

Внѣ дома князь постоянно окруженъ приближенными къ нему ворками: они составляютъ его почетную свиту и оказываютъ ему всякаго рода услуги, присматриваютъ за его лошадьми, осѣдлываютъ ихъ, возятъ принадлежащій Пше багажъ и тому подобное. При встрѣчѣ съ княземъ кабардинецъ всадникъ, согласно обычаю, обязанъ повернуть свою лошадь и сопровождать князя въ его путешествіи до тѣхъ поръ, пока самъ князь его не отпуститъ.

Ниже князя и на одной ступени съ сословіемъ тлякотлешей стоятъ-такъ называемые «деяснуго», что въ переводѣ значитъ позолоченное серебро. Къ этому классу принадлежатъ переселившіеся въ Кабарду потомки княжескихъ родовъ сосѣднихъ съ кабардинцами адигейскихъ племенъ. Какъ князь, такъ и тлякотлешъ или деяснуго держатъ въ зависимости отъ себя обширный классъ вассаловъ-ворковъ, распадающихся въ свою очередь на нѣсколько классовъ. Воркъ въ буквальномъ переводѣ значитъ благородный.

По своему отношенію къ князю и къ землѣ ворки, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, всего болѣе отвѣчали понятію служилыхъ людей московскаго государства и ихъ прототипу-дружинниковъ новгородской и кіевской Руси. Они, какъ общее

правило, не имѣли другихъ земель, кромѣ тѣхъ, которыми князь надѣлялъ ихъ въ награду за службу.

До 1807 года ворки пользовались тѣмъ же правомъ оставленія своего князя и перехода къ другому, какимъ въ древней Россіи пользовались дружинники и служилые люди, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Сословіе ворковъ не можетъ быть названо замкнутымъ, такъ какъ пополнялось по волѣ князя выходцами изъ разнообразнѣйшихъ сословій государства.

Такъ называемые ворки таутлухусы вербовались изъ среды отпущенныхъ на волю крестьянъ, другіе же, подъ наименованіемъ «тума», были дѣти самихъ князей, прижитыя ими отъ неравныхъ браковъ. Высшую категорію ворковъ, попадающуюся только на княжескихъ владѣніяхъ, составляютъ беясланъ ворки, т. е. княжескіе ворки. Воркъ таутлухусъ становится беясланъ воркомъ, какъ скоро онъ получитъ отъ князя какой нибудь цѣнный подарокъ, обыкновенно — землю или оружіе; взамѣнъ этого подарка княжескій воркъ принималъ на себя извѣстное обязательство и въ томъ числѣ то, чтобы жить вблизи князя въ одномъ съ нимъ аулѣ, или по меньшей мѣрѣ—на его удѣлѣ.

Я не буду вдаваться въ подробности и пересчитывать всѣ тѣ права и обязанности, какими обычай надѣляетъ князя и его ворка. Я ограничусь указаніемъ той общей черты, что отношенія князя и его вассаловъ были не столько отношеніями «по землѣ», сколько отношеніями «по службѣ».

Они вызываютъ въ насъ, такимъ образомъ, представленіе скорѣе о вассальномъ, нежели о ленномъ правѣ. Князь предъявлялъ къ ворку извѣстное требованіе не потому, что этотъ воркъ владѣлъ извѣстнымъ участкомъ земли, полученнымъ имъ отъ князя, а потому что онъ былъ его служилымъ человѣкомъ. Это не значитъ, чтобы служба ворка не могла быть вознаграждаема пожалованіемъ помѣстья. Такія пожалованія имѣли мѣсто, но они не исключали возможности и такихъ случаевъ, когда ворки одаривались не землею, а оружіемъ, болѣе или менѣе цѣнными серебряными вещами, частью забранной княземъ добычи или заполученныхъ имъ самимъ подарковъ. Служба ворка ни мало не опредѣлялась характеромъ полученнаго имъ возна-

гражденія. Она всецѣло зависѣла отъ того, къ какой категоріи служилыхъ людей принадлежалъ самъ воркъ.

И въ этомъ отношеніи кабардинскіе ворки напоминаютъ собою древне-русскихъ дружинниковъ, служба которыхъ оплачивалась по усмотрѣнію князя то земельнымъ участкомъ, то частью общей добычи. Оставаясь верховнымъ собственникомъ всѣхъ земель, входившихъ въ составъ его удѣла, кабардинскій князь въ то же время оставлялъ ее въ фактическомъ владѣніи «вольныхъ людей» (чагаровъ) и «крѣпостныхъ крестьянъ» (пшиты). Желая привязать къ своей службѣ того или другаго ворка, князь и, въ такой же мѣрѣ, тлякотлешъ и деяснуго, изъ которыхъ каждый владѣлъ своимъ особымъ удѣломъ, отчислялъ въ пользу служилаго человѣка доходъ съ натуральной службы и натуральныхъ приношеній бо́льшаго или меньшаго числа поселенныхъ въ его удѣлѣ крестьянскихъ дворовъ. Военноплѣнные, образовавшіе изъ себя классъ безправныхъ рабовъ (лигава и унаутъ), и неполучавшіе земельнаго надѣла дворовые люди (лагу-нипутъ) раздаваемы были княземъ въ собственность воркамъ, которые передавали ихъ изъ рукъ въ руки въ силу покупокъ и продажъ. Ни одно изъ этихъ зависимыхъ отъ ворковъ сословій не можетъ быть названо замкнутымъ. Отъ ворковъ, какъ и отъ князей, зависѣло отпускать на волю своихъ холопей и образовывать изъ нихъ особый классъ вольноотпущенниковъ (азадъ). Обычай не препятствовалъ имъ также обращать своихъ холопей въ чагаровъ или вольныхъ людей, надѣляя ихъ каждый разъ парой воловъ и коровъ, а также мѣднымъ котломъ для варки пищи и небольшимъ количествомъ денегъ для первоначальнаго обзаведенія. Чагары или вольные люди, въ отличіе отъ крѣпостныхъ крестьянъ «пшитовъ», пользовались наравнѣ съ ворками правомъ свободнаго перехода.

Подобно «серебрянишку» московскаго государства, чагаръ, разжившійся до того, что въ состояніи былъ завесть собственное хозяйство, въ правѣ былъ покинуть господскую землю. При этомъ онъ оставлялъ въ пользу господина все пріобрѣтенное имъ во время пребыванія на его землѣ. Скотъ же, приведенный на эти земли, онъ въ правѣ былъ забрать съ собою [1]).

[1]) Адаты кавказскихъ горцевъ, т. 1, стр. 234, ст. 30, 37.

Натуральныя повинности чагаръ сводятся приблизительно къ слѣдующему: наравнѣ съ крѣпостнымъ крестьяниномъ въ сѣнокосное время они косили въ пользу господина три дня подрядъ и удѣляли новыхъ два дня для уборки скошеннаго. Отъ каждаго двора требовалось, чтобы онъ ежегодно перевезъ на господское гумно по меньшей мѣрѣ 8 подводъ (арбъ) дровъ изъ лѣса. Хлѣбное зерно съ обработываемыхъ чагарами и крестьянами полей поступало въ пользу господина въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по тому владѣлъ ли дворъ одной, двумя или тремя парами воловъ.

Въ первомъ случаѣ дворъ доставлялъ всего на всего одну арбу проса, во второмъ—три, въ третьемъ—четыре. Крестьянинъ не могъ вести никакого занятія безъ того, чтобы не сдѣлать господина участникомъ въ своихъ доходахъ. Когда онъ ковалъ желѣзо, изъ сдѣланныхъ имъ въ теченіе года полосъ одну онъ отдавалъ господину.

Кто имѣлъ пчелъ, по прошествіи трехъ лѣтъ давалъ помѣщику отъ каждой сапетки три. Крестьянинъ не могъ зарѣзать барана или рогатую скотину, наварить бузы или напечь хлѣбовъ не отдавши напередъ условленной части всего имъ заготовленнаго.

Чрезвычайныя событія въ жизни крестьянина, какъ и въ жизни его помѣщика, сопровождались обыкновенно добавочными платежами. Раздѣлъ крестьянскаго двора не могъ произойти иначе какъ подъ условіемъ выдѣла въ пользу господина части дѣлимаго имущества. Изъ полученнаго крестьяниномъ калыма за дочь, часть поступала къ помѣщику. Похороны и поминки, какъ и отдача въ замужество княжеской дочери, не обходились безъ подачекъ со стороны не однихъ крестьянъ, но и ворковъ.

Что касается до рабовъ, то ими вправѣ были владѣть всѣ сословія, въ томъ числѣ и крестьянское. Рабы причислялись къ вещамъ, такъ что вредъ, причиненный ими, возмѣщался потерпѣвшему.

Рабы исполняли всѣ приказанія своихъ господъ и работали на нихъ круглый годъ. Разлученіе семей при продажѣ дозволялось обычаемъ [1]).

---

[1]) Матеріаломъ къ представленной въ текстѣ характеристикѣ кабардинскихъ сословій послужили труды коммиссіи, назначенной Лорисъ-Ме-

Только что представленный очеркъ кабардинской общественной организаціи дастъ намъ возможность открыть источникъ, изъ котораго заимствована была осетинами и балкарцами доселѣ существующая въ ихъ средѣ система сословій. Самый фактъ заимствованія легко объяснимъ, разъ мы примемъ во вниманіе господствующее значеніе кабардинцевъ на протяженіи всего сѣверо-западнаго Кавказа, ту экономическую зависимость, не рѣдко принимавшую даже политическую форму, форму платежа дани, въ какой жители горныхъ ущелій жили отъ замыкавшихъ проходы князей большой Кабарды, и то высокое уваженіе, какимъ всѣ горцы окружаютъ это по преимуществу рыцарское племя. Подражая кабардинцамъ въ ихъ одеждѣ, оружіи, домашней утвари, способѣ постройки жилищъ и манерѣ держать себя въ обществѣ, горскія народности западнаго Кавказа усвоили себѣ также кабардинскую точку зрѣнія на тѣ отношенія, какія должны существовать между повелителями и подвластными, между княземъ и его вассалами. Перенесеніе кабардинскихъ сословныхъ порядковъ въ Осетію совершилось тѣмъ легче, что установленіе прочнаго правительства въ нѣкоторыхъ частяхъ занятой ими мѣстности (въ Тагауріи, Куртатіи и Дигоріи) совершилось при непосредственномъ участіи кабардинскихъ дружинъ. Согласно народнымъ преданіямъ привелигированныя семьи Осетіи имѣютъ своими родоначальниками лицъ, изгнанныхъ изъ ихъ первоначальной родины за совершенныя ими преступленія, такъ называемыхъ абрековъ. Самое происхожденіе привелигированнаго класса алдаровъ и бадилятъ не восходитъ далѣе конца среднихъ вѣковъ. До этого времени въ Осетіи не существовало между людьми другихъ различій кромѣ тѣхъ, которыя кладетъ 1) законность и незаконность рожденія, 2) рабство и свобода и 3) поселеніе на собственной или на чужой землѣ. Дѣти, происшедшія отъ сожитія съ номулусами, образовали изъ себя классъ людей подвласттныхъ. Они зависѣли отъ тѣхъ семей, къ которымъ принадлежали ихъ отцы. Взятые на войнѣ или пріобрѣ-

---

ликовымъ для разслѣдованія личныхъ и сословныхъ правъ туземцевъ Терской области и состоявшей подъ начальствомъ полковника Кондукова; а также «Сборникъ древнихъ обрядовъ кабардинцевъ», составленный въ 1844 г. ген.-маіоромъ кн. Голицынымъ (Леонтовичъ, Адаты, т. I, стр. 223.

тенные покупкой плѣнники грузины положили начало безправнымъ рабамъ «гурзіакамъ»; поселенные же на чужихъ земляхъ «фарсаглаги» (отъ слово фарсагъ—побочный и лаг—человѣкъ) походили на классъ свободныхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, подобный русскимъ «серебренникамъ» и кабардинскимъ «чагарамъ». Ко всѣмъ этимъ различіямъ присоединилось новое съ того момента, когда осетинскіе абреки, опираясь на помощь кабардинцевъ, приступили къ заселенію незаселенныхъ дотолѣ ущелій главнаго хребта. О происхожденіи высшаго сословія Тагаурiи осетинскія народныя преданія сохранили намъ слѣдующія подробности.

Уцѣлѣвшій при избіеніи цѣлаго рода молодой куртатинецъ Шанаевъ находитъ пріютъ въ Кабардѣ у князей Кайтукиныхъ, получаетъ у нихъ воспитаніе и съ ихъ помощью водворяется въ тагаурскомъ ущельи. Этотъ фактъ кладетъ начало сословному неравенству. Тогда какъ въ куртатинскомъ обществѣ продолжаетъ держаться прежняя родовая демократія, въ Тагаурiи подъ вліяніемъ кабардинцевъ складывается подобіе феодальной системы. На занятыхъ силою оружія земляхъ пришлые въ Тагаурію абреки селятъ выходцевъ изъ прочихъ частей Осетіи. Эти выходцы, не имѣя собственной земли, попадаютъ въ положеніе наслѣдственныхъ арендаторовъ чужой собственности, становятся фарсаглагами князей владѣльцевъ.

Въ эпоху уничтоженія крѣпостной зависимости на Кавказѣ сословная организація Тагаурiи представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Высшее общественное положеніе принадлежитъ алдарамъ; алдарское достоинство не пріобрѣтается ни покупкой, ни заслугами. Оно есть исключительное достояніе одиннадцати фамилій, издревле пріобрѣтшихъ это званіе.

Права алдаръ весьма широки. Они одни могутъ владѣть, сверхъ гурзіаковъ, и кавдасардами, распоряжаться ими по произволу и подвергать ихъ наказаніямъ помимо суда. Какъ верховные собственники всѣхъ земель Тагаурiи, они получаютъ отъ фарсаглаговъ слѣдующія повинности и платежи. Весною каждый дворъ доставляетъ уозданьлагу одного ягненка, осенью—большаго барана. Къ ежегоднымъ платежамъ принадлежатъ также: возъ сѣна, овечій сыръ и 10 фунтовъ коровьяго масла. Если

фарсаглагъ бьетъ на мясо скотину или рѣжетъ барана, то передняя лопатка съ ребрами принадлежитъ уозданьлагу. Во время поминокъ и свадебъ фарсаглаги доставляютъ своимъ господамъ бузу и съѣстные припасы, смотря по состоянію. Что касается личныхъ повинностей, то во главѣ ихъ слѣдутъ поставить обязанность сопровождать господина на собственной лошади, куда бы онъ ни ѣхалъ, на правахъ его тѣлохранителя. Это та же обязанность, какая въ средніе вѣка принадлежала виссаламъ. Рядомъ съ этой повинностью, фарсаглагъ несетъ другія, чисто хозяйственнаго характера. Во время покоса, пахоты и жатвы, изъ каждаго фарсаглагскаго двора посылается на хозяйское поле одинъ человѣкъ, который съ собственными орудіями и на хозяйскомъ корму обязанъ проработать цѣлый день. Подобно нашимъ крестьянамъ въ эпоху, предшествовавшую отмѣнѣ знаменитаго Юрьева дня, фарсаглаги пользуются правомъ свободнаго перехода отъ одного алдара къ другому. Существеннымъ ограниченіемъ этой свободы переселенія является то обстоятельство, что, при оставленіи прежняго мѣстожительства, жилище фарсаглага и вся его собственность переходятъ къ хозяину. Въ свою очередь, послѣдній, при неисполненіи фарсаглагомъ обязанностей, имѣетъ право прогнать его отъ себя. Взамѣнъ получаемыхъ имъ выгодъ, алдаръ обязанъ оберегать живущаго у него фарсаглага отъ всякой обиды и насилія. Если у фарсаглага украдутъ что-либо въ аулѣ или отобьютъ у него скотину,— розысканіе и преслѣдованіе виновнаго падаетъ на алдара [1]).

Однимъ изъ способовъ, которыми достигнута была на западѣ эмансипація средняго сословія отъ феодальной аристократіи, была покупка земель въ собственность у разоряющейся знати. Та же покупка—причина тому, что многіе фарсаглаги съ теченіемъ времени сдѣлались совершенно независимыми частными собственниками и освобождены были отъ всякаго рода повинностей и платежей. Этимъ путемъ восемь изъ упомянутыхъ нами одиннадцати алдарскихъ семей потеряли права на своихъ фарсаглаговъ и уступили въ ихъ пользу бо́льшую часть принадлежащей имъ земли. И такъ, фарсаглаги могутъ быть земельными соб-

---

1) Леонтовичъ, ст. II, Свѣдѣнія объ адатѣ, 1844 г., стр. 9

ственниками. Они могутъ также владѣть рабами-гурзіаками, но дѣти этихъ рабовъ уже считаются свободными. Однихъ только кавдасардовъ фарсаглаги имѣть не могутъ, такъ какъ такая привиллегія признается за однимъ высшимъ сословіемъ [1]).

Званіе кавдасардовъ наслѣдственное. Они составляютъ неотчуждаемую собственность той алдарской фамиліи, къ которой принадлежала ихъ мать. Они не могутъ поэтому быть проданными или уступленными кому-нибудь въ даръ. Кавдасарды обязаны жить тамъ, гдѣ имъ будетъ указано и исправлять положенныя имъ работы. Во время покоса, пахоты и жатвы изъ каждаго кавдасардскаго двора долженъ быть высланъ одинъ человѣкъ, который на хозяйскомъ корму работаетъ одинъ день. Если кавдасардъ убиваетъ скатину или рѣжетъ барана, передняя лолопатка съ ребрами должна быть отдана имъ алдару. Когда семья послѣдняго готовится встрѣтить праздникъ, кавдасардъ обязанъ сварить пива и отдать изъ него одинъ кувшинъ господину, а также доставить послѣднему 3 хлѣба и переднюю лопатку съ ребрами отъ убитаго имъ барана. Когда алдаръ празднуетъ свадьбу, кавдасардъ въ день, слѣдующій за нею, обязанъ устроить у себя пиръ для молодыхъ. Вообще-же, живя въ одномъ дворѣ съ алдаромъ, кавдасарадъ исполняетъ по отношенію къ послѣднему всякаго рода служебныя обязанности: чистить его дворъ, рубитъ дрова, варитъ пиво [2]). Такое зависимое состояніе не мѣшаетъ кавдасардамъ владѣть землею, пріобрѣтенной покупкой или полученной по наслѣдству, а также купленными рабами, дѣти которыхъ признаются уже кавдасардами и, какъ таковые, принадлежатъ алдару. Выходъ изъ сословія кавдасардовъ невозможенъ.

Тогда какъ всѣ вышеназванныя сословія, вмѣстѣ съ обязанностями, имѣютъ и извѣстныя права, гурзіаки или рабы считаются не болѣе, какъ вещью; владѣльцы ихъ могутъ дѣлать съ ними все, что имъ заблагоразсудится: продавать и дарить цѣлыми семьями или по одиночкѣ и даже умерщевлять, если такова ихъ будетъ «добрая воля» [3]).

---

[1]) Леонтовичъ, г. II. Св. объ адатѣ 1847, г., стр. 13.

[2]) Ibid., стр 16.

[3]) Ibid., стр. 14 и 15.

Чѣмъ въ Тагаурiи являются алдары, тѣмъ въ Дигорiи—бадиляты. Въ сословной организацiи Дигорiи кабардинское вліяніе можетъ быть отмѣчено съ еще большею наглядностью, чѣмъ въ Тагаурiи. Основаніе высшаго сословія дигорцы связываютъ съ позднимъ сравнительно поселеніемъ въ ихъ средѣ чужеродца-выходца изъ «Маджаръ», города, развалины котораго доселѣ сохранились на Кумѣ, около станицы «Прасковея». Имя этого выходца было «Бадила». Онъ сдѣлался родоначальникомъ могущественнаго въ Дигорiи рода «бадилятъ». На первыхъ порахъ скромный пришелецъ, готовый зарабатывать себѣ существованіе уходомъ за стадами, Бадила пріобрѣтаетъ въ средѣ дигорцевъ особенно почетное положеніе, благодаря выдающейся роли, какую ему приходится играть въ войнахъ ихъ съ сосѣднимъ ауломъ «Донифарсомъ». Дигорцы, гласитъ преданіе, не знали въ это время огнестрѣльныхъ орудій. Бадила первый знакомитъ ихъ съ употребленіемъ ружья. Тотъ же Бадила, какъ мусульманинъ, находитъ себѣ поддержку въ кабардинцахъ-мусульманахъ, которые черезъ его посредство стараются о введеніи корана среди христіанскаго населенія Дигорiи. Народное преданіе обвиняетъ Бадилу и его потомковъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ кабардинцами, которыхъ они, будто бы, сами неоднократно приглашали въ Дигорію, указывая имъ на легкую добычу.

Дигорцы мало-по-малу привыкли видѣть въ Бадилятахъ кабардинскихъ агентовъ и повиноваться имъ. Подъ вліяніемъ кабардинцевъ Бадиляты установили въ Дигорiи ту самую общественную организацію, съ характеромъ которой мы уже познакомились выше, говоря о тагаурскихъ сословіяхъ. На ряду съ рабами и кавдасардами, извѣстными въ Дигорiи подъ наименованіемъ «тума», появился въ ней и классъ людей, лично свободныхъ, но зависимыхъ отъ Бадилятъ, благодаря поселенію на ихъ земляхъ. Этотъ классъ, подъ неименованіемъ «адамихатъ», вступилъ къ высшему сословію въ тѣ самыя отношенія, въ какихъ въ Тагаурiи стояли къ нему фарсаглаги.

Любопытною чертою дигорской сословной организацiи, доказывающею особую близость ея къ кабардинской, является встрѣчающееся въ ней дѣленіе несвободнаго люда на два класса рабовъ, изъ которыхъ одни имѣютъ право вступленія въ бракъ

и основанія семей, тогда какъ другіе такого права не имѣютъ. То же различіе встрѣчаемъ мы и въ Кабардѣ: рѣшенія нальчикскаго горскаго суда на каждомъ шагу упоминаютъ о такъ называемыхъ «обрядовыхъ», холопахъ и о холопахъ «анаутахъ». Послѣдній классъ, какъ видно изъ тѣхъ же приговоровъ, составленъ былъ изъ лицъ, попавшихъ въ ряды рабовъ путемъ покупки. За неповиновеніе господину и совершеніе тѣхъ или другихъ преступленій «обрядовые» холопы могли быть переведены въ классъ «анаутовъ». Въ жалобахъ, предъявляемыхъ въ нальчикскій судъ холопами противъ ихъ господъ, нерѣдко значится, что господинъ произвольно включилъ то или другое лицо въ ряды неимѣющихъ обрядовъ холопей, такъ какъ имъ не было совершено никакого преступленія. По предъявленіи ему такой жалобы, судъ каждый разъ требуетъ отъ собственника доказательствъ тому, что его холопомъ дѣйствительно совершены были тѣ или другія дѣйствія, карою которымъ можетъ служить переводъ его въ ряды не имѣющихъ «обряда» холопей [1]). Практическимъ послѣдствіемъ зачисленія въ ряды послѣднихъ было право господина разлучить мужа и жену при продажѣ ихъ на сторону или, не обращаясь даже къ такой продажѣ, ссудить рабыню-анаутку тому или другому лицу по собственному выбору и не иначе, какъ во временное сожительство. Тѣ же буквально порядки встрѣчаемъ мы и среди дигорцевъ. Ихъ обычное право различаетъ «кнековъ» или дворовыхъ людей отъ такъ называемыхъ «коссеговъ»; о послѣднихъ значится въ сборникѣ адатовъ 1844 г., что «коссеги» женскаго пола настоящаго мужа не имѣютъ, что господинъ воленъ ихъ отдать на время холостому человѣку, по своему произволу, и что прижитыхъ въ такомъ сожительствѣ дѣтей господинъ вправѣ дарить и продавать врознь. Иное дѣло, если рѣчь заходитъ о «кнекѣ»; женъ своихъ, значится въ томъ же сборникѣ, они не могутъ увольнять, и это запрещеніе развода обязательно и для господина. Въ одномъ только отношеніи дигорскіе обычаи отступаютъ отъ кабардинскихъ, обнаруживая большую противъ послѣднихъ мягкость къ участи рабовъ. Провинившуюся холопку

---

[1]) Архивъ нальчикскаго горскаго суда.

только тогда можно отнять у ея мужа и продать на сторону, если родители ея не согласятся заплатить господину положенной за нее платы; что же касается до дѣтей, то, прижиты ли они будутъ въ бракѣ или внѣ его, и будетъ ли ихъ матерью «обрядовая» или «необрядовая» холопка, они равно подлежатъ продажѣ врознь [1]).

Историки феодальныхъ отношеній обыкновенно характеризуютъ послѣднія тѣмъ, что, при ихъ господствѣ, земельный собственникъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и органомъ правительственной власти, и что жители одной и той же территоріи представляютъ изъ себя рядъ іерархически подчиненныхъ группъ. Эти двѣ основныя черты феодализма вполнѣ выступаютъ въ описанной нами сословной организаціи. Алдаръ и бадилятъ не только собственникъ земли, получающій съ своихъ вѣчно-наслѣдственныхъ арендаторовъ положенную обычаемъ ренту въ формѣ натуральныхъ повинностей и сборовъ, онъ еще ихъ политическій глава, одинаково—въ военное и мирное время. По его зову фарсаглаги и кавдасарды обязаны стать подъ оружіе и подчиниться его военному начальству; его повелѣніямъ послушны они и въ мирное время, принимая къ себѣ, напримѣръ, на содержаніе его гостей и становясь кормильцами и воспитателями дѣтей чужаго княжескаго рода не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія ихъ собственнаго князя. Въ сборникахъ осетинскихъ адатовъ не только высказано открыто это предписаніе, но и прямо значится, что фарсаглаги и кавдасарды обязаны повиноваться безпрекословно своимъ князьямъ. Не осуществляя лично, опять таки по образцу средне-вѣковаго феодала, своихъ судебныхъ правъ, предоставляя сторонамъ вѣдаться между собою посредническимъ судомъ, алдары и бадилята въ то же время осуществляютъ свое право верховной юрисдикціи путемъ взиманія съ уголовныхъ преступниковъ штрафовъ въ свою пользу.

При всемъ своемъ сходствѣ съ феодальными порядками, осетинская сословная организація отнюдь не можетъ быть уподоблена той, какую представляетъ западная Европа въ эпоху завершившагося уже процесса феодализаціи. Къ такому заклю-

---

1) Древніе обряды дигорскаго общества, 1844 г., ст. 9, 10, 11.

ченію приводитъ насъ простое сопоставленіе дигорскихъ порядковъ съ тѣми, въ которыхъ на западѣ сюзеренъ стоялъ къ своему вассалу. Если тамъ и здѣсь одинаково эти отношенія построены на договорномъ началѣ, если въ Осетіи, какъ и во Франціи временъ первой редакціи кутюмовъ, сеньеръ обязанъ доставить своему вассалу покровительство и защиту, подъ угрозой сдѣлать недѣйствительнымъ самый договоръ, то, съ другой стороны,—осетинскій вассалъ — фарсаглагъ свободнѣе средневѣковаго въ оставленіи имъ господина. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ наибольшее сходства съ тѣмъ hospes (въ букв. переводѣ—гость), о которомъ упоминаютъ грамоты XI в. во Франціи, т. е. эпохи еще невыработаннаго феодализма. Подобно hospes, этому первообразу будущаго второстепеннаго вассала, фарсаглагъ вправѣ переходить отъ одного господина къ другому, но подъ условіемъ оставленія въ его пользу двора и земельнаго участка.

Самый источникъ происхожденія того и другаго класса одинаковъ: и hospites и фарсаглаги равно являются свободными людьми, селящимися на чужой землѣ по уговору съ ея собственникомъ и принимающими по отношенію къ послѣднему извѣстныя обязательства, личныя и имущественныя.

Что касается до рабовъ, то ихъ общественное положеніе въ Осетіи болѣе приближается къ тому, какое занимали они на западѣ въ древнѣйшій періодъ среднихъ вѣковъ, когда, по словамъ Брактона, въ Англіи, напр., еще проводимо было различіе между villenagium purum или полнымъ рабствомъ и villenagium privilegiatum, съ тою, однако, оговоркой, что господствующее на западѣ христіанство съ самаго начала воспрепятствовало расторженію браковъ рабовъ ихъ хозяевами, чего нельзя сказать о господствующемъ въ Дигоріи мусульманствѣ.

Кабардинскому вліянію должна быть приписана также окончательная выработка той сословной организаціи, какую мы находимъ въ горскихъ обществахъ: балкаръ, чегемъ, бизенгій, хуламъ и урузбіевъ. Я говорю окончательное, такъ какъ нѣкоторые элементы ея положены были гораздо ранѣе въ эпоху поселенія хазаръ, гунновъ и абадзеховъ.

Фамильныя преданія чегемскаго рода Балкаруковыхъ относятъ первоначальное поселеніе этого абадзахскаго племени въ долинѣ Чегема къ періоду времени, отдѣленному отъ насъ десятью поколѣніями. Сыновья Анфико, родоначальника Балкаруковыхъ, застаютъ здѣсь уже готовое поселеніе. Этимъ поселеніемъ правитъ князь тюркскаго (въ частности—хазарскаго) происхожденія, какъ показываетъ и самое его имя Берды-бій (бій—князь). Преданія балкарскаго общества позволяютъ намъ отодвинуть время заселенія края тюркскимъ племенемъ еще на нѣсколько столѣтій. Они говорятъ о прибытіи Басіата и Мысака изъ Маджаръ до поселенія кабардинцевъ на предгорной плоскости, т. е. не позже XIII-го столѣтія. По преданію пришельцы изъ Маджары долгое время воевали съ мѣстнымъ населеніемъ. Окончательно подчинить его удалось маджарскому выходцу — Мысакѣ, за что онъ и былъ признанъ балкарцами правителемъ. Балкарскія преданія ни словомъ не упоминаютъ о томъ, какъ жили первоначальные насельники края. Но нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ въ преданіяхъ чегемскихъ. Они говорятъ, что Берды-бій, княжившій ауломъ въ эпоху прибытія въ него абадзехскаго рода Анфико, жилъ не въ самомъ аулѣ, а въ его окрестностяхъ, владѣя укрѣпленной башнею и прилегающими къ ней землями и довольствуясь собираніемъ одной только дани съ сосѣдняго населенія. Каждый дворъ въ Чегемѣ долженъ былъ доставлять Берды-бію одного барана въ годъ. За исключеніемъ этого обязательства населеніе Чегема, по видимому, не знало другихъ. Ни о холопяхъ, ни о томъ полусвободномъ классѣ, который мы встрѣчаемъ въ послѣдующее время подъ названіемъ «чагаръ», тогда не было и помину. Все населеніе въ равной мѣрѣ участвовало во владѣніи землею, которая была передѣляема между дворами въ опредѣленные сроки. Сословныя различія, въ связи съ неравенствомъ въ землевладѣніи, появились между балкарцами только съ момента поселенія въ ихъ краѣ чужеродцевъ. Этому пришлому элементу слѣдуетъ приписать какъ установленіе частной собственности на землю, такъ и организацію сословій. Чегемскія сказанія заключаютъ въ себѣ на этотъ счетъ цѣлый рядъ намековъ. Они связываютъ фактъ созданія частной собственности

съ политическимъ переворотомъ: захватомъ власти со стороны рода Балкаруковыхъ и избіеніемъ потомства Берды-бія.

Чтобы упрочить свою власть, Балкаруковы раздаютъ землю въ собственность лицамъ, участвовавшимъ въ заговорѣ противъ династіи Берды-бія. Къ тому же приблизительно времени относится и установленіе сословій. Ближайшіе помощники Келемета, главы заговорщиковъ, были поставлены въ особенно привиллегированное положеніе. Они одни получили право сидѣть за столомъ рядомъ съ княземъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность сопровождать его повсюду и прежде всего въ его набѣгахъ на сосѣдніе аулы. Тѣ изъ простонародья, которые стали на сторону заговорщиковъ, также надѣлены были рядомъ льготъ и преимуществъ. Прежняя неопредѣленность службъ перестала существовать. Отъ каждаго двора стали требовать въ лѣто одного косаря, одного жнеца и одного пахаря. Такимъ образомъ возникли въ Чегемѣ тѣ два сословія, которыя впослѣдствіи становятся извѣстны подъ наименованіемъ «каракешей» и «чагаръ». Первые владѣютъ землею на правахъ собственности подъ условіемъ военной и придворной службы; вторые только пользуются ею на зависимыхъ отношеніяхъ отъ горскаго князя и «каракешей».

Вышеописанныя сословныя отношенія осложняются со временемъ, благодаря широкому развитію между горцами такъ называемаго «молочнаго родства». Отдавая своихъ дѣтей на вскормленіе и воспитаніе «каракешамъ и чагарамъ», горскіе князья принимали въ то же время извѣстныя обязательства по отношенію къ той семьѣ, изъ которой вышла кормилица. Эти обязательства не погашались съ возвращеніемъ въ родительскій домъ княжескаго сына и полученія воспитателемъ напередъ условленныхъ подарковъ.

Молодой князь считалъ своею обязанностью надѣлить семью своихъ молочныхъ братьевъ землею въ пожизненное владѣніе, въ замѣнъ чего послѣдніе принимали обязательство производить въ его пользу ежегодные платежи, которые отъ самаго наименованія плательщиковъ «эмчеками» стали называться «эмчекской податью» (Слово «эмчекъ» производное отъ глагола «эмченъ—сосать»).

Молочное родство и вытекающія изъ него отношенія нерѣдко

возникали и помимо отдачи ребенка на воспитаніе. Рядомъ съ реальнымъ мы встрѣчаемъ у горцевъ Кавказа и фиктивное молочное братство. Родовыя усобицы обыкновенно оканчиваются у нихъ тѣмъ, что обидчикъ, согласившись на уплату «виры», усыновляется родомъ обиженнаго. Актъ усыновленія состоитъ въ прикосновеніи къ груди старѣйшей изъ женщинъ усыновляющаго рода. Послѣ такого прикосновенія обидчикъ становится «эмчекомъ», другими словами, молочнымъ братомъ членовъ враждебнаго ему рода и получаетъ отъ старѣйшинъ его участокъ земли, подъ условіемъ платежа той же «эмчекской подати», какую несутъ настоящіе молочные братья. Ко всѣмъ вышеозначеннымъ причинамъ образованія сословій присоединимъ еще одну. Враждебныя столкновенія съ сосѣдними племенами и аулами и смѣнившая ихъ впослѣдствіи вѣковая война съ русскими— вызвали къ жизни сословіе военно-плѣнныхъ рабовъ. Любопытно, что это сословіе носитъ у балкарцевъ одно названіе съ тѣмъ, которое принадлежитъ ихъ вѣковымъ противникамъ черкесамъ. У балкарцевъ рабъ назывался касакъ, а это имя, повидимому, тождественно съ первоначальнымъ названіемъ черкесовъ касагъ или косогъ, употребляемымъ между прочимъ въ Словѣ о Полку Игоревомъ. Въ этомъ мы имѣемъ прямое указаніе на то, что основаніе рабству положила война, и что первоначальными рабами были военно-плѣнные изъ черкесъ.

Близость съ Кабардою, постоянные набѣги балкарцевъ на сосѣдніе кабардинскіе аулы и неоднократные походы кабардинцевъ въ горы съ цѣлью положить конецъ этимъ набѣгамъ и поставить въ зависимость отъ себя самихъ горцевъ—также наложили печать на характеръ сословныхъ отношеній у балкарцевъ. По словамъ князя Асламбека Атажухина, его предки, завоевавши Чегемъ и сосѣдніе съ нимъ аулы, обложили горцевъ данью, для взиманія которой поселены были въ ихъ средѣ наслѣдственные сборщики изъ рода Ахматовыхъ. Дань платилась рабами, крупнымъ и мелкимъ скотомъ. Балкарцы сплошь и рядомъ отрицаютъ обязательный характеръ этой дани и говорятъ о добровольныхъ платежахъ, произведенныхъ ими въ разное время въ пользу кабардинскихъ князей, какъ бы въ признательность за дозволеніе пасти стада на плоскости въ весенніе

и осенніе мѣсяцы, когда въ горахъ нѣтъ достаточнаго корму. Просмотрѣнныя мною старыя дѣла нальчикскаго народнаго суда не даютъ, однако, правъ отрицать существованіе болѣе чѣмъ номинальной зависимости горскихъ «таубіевъ» отъ кабардинскихъ князей, и въ частности отъ рода Атажухинныхъ и Наурузовыхъ. Сплошь и рядомъ эти князья обнаруживаютъ притязаніе на подчиненіе имъ, какъ сюзеренамъ, таубіевъ отдѣльныхъ ауловъ, въ томъ числѣ и урусбіевскаго. Мало того нерѣдко въ этихъ же дѣлахъ идетъ рѣчь о принужденіи ими тѣхъ или другихъ родовъ, поселенныхъ у верховья Баксана, т. е. въ районѣ балкарскихъ владѣній, къ уплатѣ ежегодно разъ навсегда положенной суммы. Отказъ ведетъ къ военной реквизиціи. Тѣ же князья нерѣдко отправляютъ къ горскимъ таубіямъ новыхъ поселенцевъ, прося о надѣленіи ихъ землею, если не въ собственность, то въ пожизненное и наслѣдственное владѣніе, каждый разъ подъ условіемъ платежа извѣстной ренты въ пользу таубія. Всѣ эти частности вмѣстѣ взятыя даютъ право утверждать, что въ извѣстный моментъ ихъ исторіи горскіе таубіи принуждены были признать надъ собою власть сосѣднихъ кабардинскихъ князей, — сдѣлались ихъ вассалами (узденями), обязались оказывать имъ покорность и платить дань. Защищенные самою неприступностью занятой ими мѣстности, горцы со временемъ фактически освободили себя отъ прежней зависимости, которая такимъ образомъ постепенно сдѣлалась номинальной.

Мы разсмотрѣли одинъ за другимъ важнѣйшіе факторы горскаго феодализма и обусловленной имъ сословной системы. Въ существеннѣйшихъ чертахъ эти факторы не отличаются ничѣмъ отъ тѣхъ, которые повели къ возникновенію феодальныхъ отношеній на западѣ Европы. Если не говорить объ «иммунитетахъ» и «коммандаціяхъ»—причинахъ или второстепенныхъ или позднѣйшихъ, — нельзя будетъ не согласиться съ тѣмъ, что основу феодальныхъ отношеній всюду положило завоеваніе, покореніе одного племени другимъ, насильственное отнятіе, если не земельнаго пользованія, то земельной собственности у побѣжденныхъ и надѣленіе ею ближайшихъ соподвижниковъ побѣдоноснаго вождя, принимающихъ по отношенію къ нему обя-

занность военной и придворной службы; а эти именно причины мы и встрѣчаемъ въ исторіи балкарцевъ, насколько эта исторія извѣстна намъ изъ уцѣлѣвшихъ преданій.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на самую организацію сословныхъ отношеній у балкарцевъ въ томъ видѣ, въ какомъ она продержалась до 1867 года—эпохи отмѣны крѣпостнаго права на Кавказѣ. Во главѣ спеціальной лѣстницы стоятъ у нихъ такъ называемые «таубіи», что̀ въ буквальномъ переводѣ значитъ «горскіе князья»

Число ихъ весьма ограничено; всѣхъ княжескихъ династій мы насчитываемъ 13. Онѣ распредѣлены не равномѣрно между разными аулами. Въ древнѣйшемъ, въ Балкарахъ ихъ всего болѣе, четыре; въ новѣйшемъ, урусбіевскомъ—всего одна. Подобно тому, какъ въ германскихъ «правдахъ» высшее состояніе выражается прежде всего бо́льшимъ размѣромъ «виръ» или «композицій», такъ точно и въ средѣ горцевъ убійство и всякое другое правонарушеніе, направленное противъ членовъ княжескаго рода, ведетъ за собой уплату обидчикомъ пени въ три и четыре раза большей противъ обыкновенной. При удержавшемся обычаѣ покупать невѣстъ, принадлежность къ высшему сословію сказывается также въ увеличенномъ размѣрѣ «калыма» или платы за невѣсту. Замѣчательно при этомъ совпаденіе между размѣромъ « калыма» и размѣромъ «виры». Въ случаѣ убійства «таубія, какъ и въ случаѣ покупки жены изъ этого сословія, «вира» и «калымъ» одинаково полагаются въ 15 головъ крупнаго скота. Каракаши платятъ «виру» и «калымъ» въ пять разъ меньшій противъ того, какой обязаны вносить таубіи.

Принадлежность къ княжескому роду исключаетъ возможность брака съ женщиной низшаго состоянія. Таубій можетъ взять въ жены только дочь таубія, кабардинскаго ворка или члена высшаго сословія, какимъ бы именемъ не обозначали его горскія племена дигорцевъ, кумыковъ или сванетовъ. Отмѣтимъ при этомъ слѣдующую оригинальную черту: неравный бракъ запрещается только мужчинамъ; подобнаго запрета не существуетъ для женщинъ. Мы полагаемъ, что причина такой аномаліи лежитъ въ невозможности найти для бѣдной горской дѣвушки, хотя бы и княжескаго рода, жениха одного съ нею сословія. До послѣд-

няго времени, до введенія русскимъ правительствомъ въ горскіе суды правила о рѣшеніи дѣлъ по наслѣдству на основаніи «шаріата», женщины не были наслѣдницами, а это обстоятильство, очевидно, затрудняло возможность вступленія ихъ въ бракъ съ лицами, равными имъ по состоянію.

Привилегированное положеніе «таубіевъ» находитъ выраженіе себѣ какъ въ сферѣ администраціи, такъ и суда. Если въ наши дни, со времени введенія въ дѣйствіе русскихъ законовъ о сельскихъ обществахъ или аулахъ, старшиною является обыкновенно выборное и утвержденное правительствомъ лицо, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что подобный порядокъ можетъ быть признанъ самобытнымъ и исконнымъ. Въ эпоху своей независимости балкарцы не знали другихъ старшинъ, кромѣ старѣйшихъ представителей княжескихъ династій. Они предводительствовали на войнѣ и начальствовали во время міра. Власть ихъ, однако, не была неограниченной; важнѣйшія дѣла рѣшались ими не однолично, а при участіи и съ совѣта старѣйшинъ.

Резюмируя все предыдущее, мы не ошибемся, сказавши, что въ лицѣ ихъ старѣйшихъ представителей княжескихъ династій сосредоточивались приблизительно тѣ самыя права, какими располагали въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ германскіе «кунинги» и славянскія князья. Подобно имъ, они—верховные предводители на войнѣ и стражи общаго спокойствія въ мирѣ. «Zwing und Bann» [1]), выражаясь языкомъ германистовъ, всецѣло сосредоточивались въ ихъ рукахъ. Спрашивается, однако, какъ примирить все сказанное съ упомянутымъ уже нами сожительствомъ въ одномъ аулѣ нѣсколькихъ княжескихъ династій? Кому въ этомъ случаѣ принадлежитъ та сумма политическихъ правъ, которая обнимается понятіемъ княжескаго «суверенитета»?—Безразлично всѣмъ и каждому изъ старѣйшихъ представителей отдѣльныхъ княжескихъ родовъ. Аулъ въ этомъ случаѣ не представляетъ собой цѣльнаго политическаго организма, а является скорѣе конгломератомъ нѣсколькихъ маленькихъ госу-

---

1) Право принуждать къ исполненію своихъ повелѣній и приказывать совершеніе или несовершеніе извѣстныхъ дѣйствій.

дарствъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Но есть ли это лучшее доказательство тому, что балкарское общество въ своемъ развитіи пошло отъ той же точки отправленія, съ какой начался политическій ростъ любаго народа? Я разумѣю господство независимыхъ другъ отъ друга суверенныхъ родовъ, долгое время сохраняющихъ свое обособленное существованіе и послѣ соединенія ихъ въ одно сельское общество, въ одинъ аулъ.

Та характерная особенность феодальныхъ отношеній, которая состоитъ въ соединеніи въ одномъ лицѣ правъ собственника и государя, находитъ выраженіе себѣ и въ обществахъ балкарцевъ, въ томъ смыслѣ, что княжескіе роды не только правятъ всѣми остальными семьями, но и являются по отношенію къ нимъ верховными земельными собственниками. Какъ въ феодальной Англіи, или во Франціи XIII-го вѣка, никто не владѣетъ землею иначе, какъ въ зависимости отъ небольшаго числа сеньеровъ, (nulle terre sans seigneur), такъ точно въ средѣ балкарцевъ всѣ остальныя сословія: «каракеши», «чагары», «казаки» и отпущенные на волю рабы или «азаты» безразлично сидятъ на земляхъ «таубіевъ», неся въ ихъ пользу напередъ опредѣленные повинности и платежи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Хуламѣ и Чегемѣ, каждый кофаканъ, за исключеніемъ старшаго во дворѣ, обязанъ одинъ день въ году пахать княжеское поле и одинъ день косить на княжескомъ лугу. Въ горячее время жатвы женщины «каракешскихъ дворовъ» поголовно выходятъ на княжескія нивы для уборки хлѣба. Въ своей совокупности дворы каракешей обязаны сверхъ того поставить князю выбраннаго изъ ихъ среды табунщика и пастуха.

Рядомъ съ этими повинностями каракеши производятъ въ пользу князя и другіе платежи. Постояннымъ сборомъ съ нихъ является такъ называемый «эмчекъ». Первоначальное его происхожденіе было указано выше. Изъ видоваго понятія, какимъ онъ былъ на первыхъ порахъ, «эмчекъ» сдѣлался съ теченіемъ времени родовымъ; изъ ренты, уплачиваемой молочными братьями,—общимъ видомъ земельной ренты, размѣръ которой зависѣлъ отъ первоначальнаго уговора «таубія» съ «каракешемъ». Не любопытно ли встрѣтить на отдаленнѣйшемъ концѣ Европы то самое половничество, которое доселѣ является условіемъ процвѣтанія

крестьянъ Тосканы, и которое въ средніе вѣка было наиболѣе распространенной системой земледѣльческаго хозяйства!

За этимъ періодическимъ платежемъ слѣдуетъ назвать еще цѣлый рядъ временныхъ и случайныхъ. Хорошо извѣстенъ средневѣковый обычай взиманія такъ называемыхъ «auxilia», въ буквальномъ переводѣ—«пособій», между прочимъ при отдачѣ сеньеромъ въ замужество старшей его дочери. Нѣчто подобное ему представляетъ въ средѣ горскихъ татаръ такъ называемый «бомбайлаганъ», другими словами—платежъ, дѣлаемый «каракешами» по случаю замужества не только старшей, но и прочихъ дочерей «таубія».

Особенность этого платежа, отличіе его отъ средневѣковыхъ «пособій» составляетъ то обстоятельство, что онъ идетъ въ пользу самой дочери и производится не въ день ея замужества, а по случаю ея пріѣзда уже послѣ заключенія брака въ отцовскій домъ. У балкарцевъ, какъ и другихъ горцевъ, существуетъ обычай, въ силу котораго жена однажды въ теченіе всей своей жизни отпускается мужемъ въ гости къ отцу. Она проводитъ въ родительскомъ домѣ обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ, не рѣдко годъ и болѣе. Передъ отъѣздомъ ея къ мужу со всѣхъ дворовъ «каракешей», принадлежащихъ ея отцу, отбирается по одной коровѣ, возрастомъ не моложе двухъ съ половиной лѣтъ. Любопытно при этомъ, что вмѣстѣ съ молодой одаряется и ея спутница, ея «дзига», принадлежащая по происхожденію къ роду ея мужа. Въ пользу ея дворъ даетъ также по одной коровѣ, но уже не старше какъ двухгодовалой. Этотъ сборъ, по имени того лица въ пользу котораго онъ производится, носитъ названіе «дзига».

Не только бракъ княжеской дочери ведетъ къ обложенію «каракешей» извѣстными поборами, но то же послѣдствіе имѣетъ и выдача ими самими замужъ своихъ дочерей. Тождественный съ французскимъ «formariage» и англійскимъ «maritagium», горскій обычай уплаты «таубію» части получаемаго въ уплату за дочь «калыма» интересенъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на сходство даже въ частностяхъ между феодальнымъ правомъ средневѣковой Европы и тѣмъ, которое еще такъ недавно было въ полномъ дѣйствіи среди горцевъ сѣвернаго Кавказа. Раз-

мѣръ платы, производимой въ этомъ случаѣ «каракешемъ» въ пользу «таубія», рѣдко превышаетъ цѣнность одного быка и коровы, вмѣстѣ взятыхъ.

Опять-таки въ поразительной аналогіи съ средневѣковыми порядками, кончина «каракеша», какъ и бракъ его дочери, являются для «таубія» условіемъ полученія извѣстныхъ имущественныхъ выгодъ, впрочемъ, только въ томъ случаѣ, когда за этой кончиной слѣдуетъ раздѣлъ оставленнаго имъ состоянія между братьями. При такомъ дѣлежѣ на долю «таубія» приходится обыкновенно большее или меньшее число холопей и головъ рогатаго скота, стоимостью въ 100, 200 и 300 рублей, смотря по величинѣ поступившаго въ раздѣлъ имущества.

Мы видѣли, что «каракешъ» платитъ одинаково, какъ при замужествѣ, такъ и при вступленіи въ бракъ дочери «таубія»; то же имѣетъ мѣсто и по случаю его смерти. Не только кончина «каракеша», но и кончина «таубія», имѣетъ своимъ послѣдствіемъ довольно значительныя затраты въ пользу оставшейся въ живыхъ княжеской семьи. «Каракешъ» обязательно участвуетъ въ издержкахъ, дѣлаемыхъ ею на поминкахъ («ашъ»). Помимо этихъ случайныхъ затратъ «каракешъ» несетъ еще ежегодную на угощеніе господина во время поста («ураза»), откуда и самое угощеніе получаетъ наименованіе «ураза-жохла». Съ этою цѣлью онъ зарѣзываетъ барана и поставляетъ котелъ пива и столько же браги или «бузы». «Премиціи» или первые плоды, другими словами,—обязанность вассала дѣлиться съ господиномъ частью употребляемыхъ имъ въ пищу продуктовъ, сплошь и рядомъ встрѣчается, какъ извѣстно, въ средневѣковой Европѣ. Нѣчто подобное имъ представляетъ и балкарская «уча». Въ буквальномъ переводѣ этотъ терминъ означаетъ часть туловища животнаго отъ двухъ послѣднихъ реберъ до паховъ. Эту часть убитаго звѣря (оленя, козы, тура и другихъ) или зарѣзаннаго быка, коровы и овцы, «каракешъ» обязанъ отдать своему «таубію» вмѣстѣ съ мѣхомъ или кожею. Такой же дѣлежъ обязателенъ и при изготовленіи сыровъ. Семья каракешей отдаетъ ежегодно въ пользу господина по меньшей мѣрѣ 5 сыровъ. Таковы обязанности «каракешей» въ мирное время. Въ военное же къ нимъ присоединялась еще поголовная служба въ войскѣ,

начальство надъ послѣднимъ принималъ назначенный «таубіемъ» предводитель. Вооруженіе и содержаніе лошади во время похода падали на «каракешей». Не представляетъ ли сказанное буквальнаго повторенія того, что можно найти въ любомъ трактатѣ леннаго права касательно службы, отправляемой вассалами въ войскѣ сюзерена.

Этотъ очеркъ различныхъ обязанностей «каракеешй» мы закончимъ указаніемъ на тотъ фактъ, что переходъ отъ одного «таубія» къ другому не былъ дозволенъ, и что «каракеши», подобно прочему имуществу, поступали въ раздѣлъ между оставленными «таубіемъ» наслѣдниками.

Еще бо́льшія обязанности несутъ по отношенію не только къ князю, но и къ «каракешамъ» поселенные на ихъ земляхъ «чагары». Подобно ближайшимъ вассаламъ горскаго князя, члены этого сословія считались лично свободными. Производимыя ими сельскія работы и натуральные платежи были не болѣе, какъ эквивалентомъ полученной ими въ надѣлъ земли.

Владѣя этой землею не только пожизненно, но и наслѣдственно, «чагары» несли въ пользу ея собственниковъ слѣдующіе виды личныхъ повинностей и натуральныхъ сборовъ.

Изъ каждаго двора одинъ мужчина и одна женщина круглый годъ работали на собственника. Сверхъ того разъ въ годъ все мужское и женское населеніе двора выходило на хозяйское поле. Первые косили, вторыя—жали.

Дрова для топлива доставлялись «чагарами» по очереди на собственныхъ ослахъ, какъ на княжескій дворъ, такъ и въ жилище «каракешей», въ зависимости отъ которыхъ «чагары» держали свои земли.

Подобно «каракешамъ», чагары поставляли табунщиковъ и пастуховъ. Сверхъ общаго съ «каракешами» обязательства угощать хозяевъ однажды во время поста, участвовать въ поминкахъ по нимъ, отдавать въ ихъ пользу часть «калыма» и большую или меньшую долю поступающаго въ раздѣлъ наслѣдства, «чагары» несли еще слѣдующую, крайне разорительную для нихъ повинность: при пріѣздѣ гостей, «кунаковъ», къ «таубію» или къ «каракешу», они обязаны были на собственныя средства доставлять содержаніе ихъ лошадямъ.

При широкомъ гостепріимствѣ, характеризующемъ бытъ горцевъ, такая обязанность сопряжена была съ значительными имущественными затратами.

Вступленіе въ бракъ княжескаго сына или самого князя имѣло для «чагара» слѣдующія отяготительныя послѣдствія. Онъ обязанъ былъ доставить, въ случаѣ требованія, по меньшей мѣрѣ одну голову скота или принять временно на свое иждивеніе княжескую жену, за что подчасъ вознаграждаемъ былъ подарками. Жены «чагаровъ» не въ правѣ были отказаться отъ исполненія обязанностей кормилицъ, каждый разъ, когда того требовалъ «таубій». Дѣти таубія младенцами поступали въ семью «чагара» и оставались въ ней до совершеннолѣтія.

Оставленіе господина запрещалось. «чагарамъ» подъ угрозой потери ими всего имущества.

Подобно «каракешамъ», «чагары» обязаны были производить въ пользу господина ежегодные подарки, отдавали ему безвозмездно треть заготовленныхъ ими сыровъ, кожу и мѣхъ убитыхъ ими звѣрей и нѣкоторую часть ихъ мяса.

Всякій, мало мальски знакомый съ средневѣковымъ сословнымъ устройствомъ, согласится, что вышеописанный бытъ «чагаръ» довольно близко подходитъ къ тому, въ какомъ въ Англіи, напр., жили «custumary tenants», во Франціи владѣльцы «censives, а въ западномъ краѣ «чиншевики». Подобно имъ, «чагары» сидятъ на чужой землѣ не только пожизненно, но и наслѣдственно, платя собственнику ея поземельную ренту и спеціальные платежи по случаю бракосочетаній и смерти, сопровождаемой раздѣломъ.

Подобно имъ, также «чагары» не въ правѣ оставить своихъ хозяевъ или по меньшей мѣрѣ теряютъ при переходѣ къ другому собственнику въ пользу прежняго все принадлежащее имъ имущество.

Низшій слой населенія составляютъ, какъ мы видѣли, у балкарцевъ такъ называемые «касаки», т. е. крѣпостные; но и въ ихъ средѣ замѣчается то самое различіе, какое извѣстно было средневѣковому праву и которое нѣкогда существовало и у насъ между крѣпостными въ собственномъ смыслѣ и дворовыми. Для послѣднихъ мы встрѣчаемъ у балкарцевъ даже особое на-

именованіе «каравашъ». Тогда какъ «касаки» состоятъ въ постоянномъ отношеніи къ землѣ и отчуждаются вмѣстѣ съ нею, «караваши» продаются и покупаются на ряду съ скотомъ. Запрещеніе разрознять семьи при продажѣ касается однихъ только «касаковъ»,—отнюдь не «каравашей». Семейныя отношенія, возможныя для «касаковъ», не существуютъ для «каравашей». «Каравашъ служанка или горничная», читаемъ мы въ сборникѣ адатовъ 1844 года, «законнаго мужа не имѣетъ; ежели господинъ позволитъ холостому мужчинѣ жить съ нею, то онъ же въ правѣ запретить ей такое сожительство, когда вздумаетъ. Послѣдствіемъ сожитія ни въ какомъ случаѣ не является установленіе какихъ-либо прочныхъ отношеній ни къ женщинѣ, ни къ рожденнымъ отъ нея дѣтямъ. Они навсегда остаются при господинѣ, который въ правѣ продавать ихъ врозь.

Обязанности «касаковъ» и «каравашей» состоятъ въ исполненіи частью полевыхъ, частью дворовыхъ работъ въ пользу господина. Они—его рабочая сила, потеря которой вознаграждается большимъ или меньшимъ числомъ головъ крупнаго и мелкаго скота. Отсюда то послѣдствіе, что при убійствѣ ихъ «вира» платится ни кому другому, какъ господину. Точно также при отдачѣ въ замужество «калымъ» поступаетъ всецѣло къ нему одному. Права господина по отношенію къ его рабамъ ни чѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, какими онъ располагаетъ по отношенію ко всякому другому виду движимой собственности.

Мы уже видѣли, что онъ по желанію продаетъ ихъ на сторону; прибавимъ теперь, что самая жизнь ихъ ничѣмъ не защищена отъ произвола господина. Хозяинъ такъ же мало отвѣчаетъ за убійство «касака» или «караваша», какъ за убійство собственнаго быка или коровы. Отъ того же хозяина зависитъ впрочемъ и радикальная перемѣна въ участи подвластныхъ ему холопей. Сплошь и рядомъ, по соображеніямъ религіознаго характера, «таубіи» отпускали на волю своихъ «касаковъ» и «каравашей» безвозмездно или подъ условіемъ выкупа. Любопытно при этомъ то обстоятельство, что вольноотпущенники не прекращаютъ сразу всѣхъ отношеній съ прежними ихъ господами и продолжаютъ владѣть землею въ личной зависимости отъ нихъ. Не тѣ же ли это отношенія, какія въ

древней Германіи существовали между «либертами» и «свободными», а въ Римѣ между «кментами» и «патронами».

Вліяніе кабардинцевъ на сословную организацію сосѣднихъ съ ни мигорцевъ не ограничивается предѣлами Осетіи или Балкаріи. Неменьшее значеніе имѣло оно и для черкескихъ племенъ и во главѣ всѣхъ—для абазинцевъ, дѣленіе которыхъ на князей (пше), дворянъ (ворковъ), свободныхъ людей тофоколъ, крестьянъ (пшитль) и рабовъ, какъ по характеру каждой категоріи, такъ и по присвоеннымъ имъ названіямъ вполнѣ отвѣчаетъ кабардинскому.

Чѣмъ далѣе мы удаляемся на западъ по направленію къ Черному морю, тѣмъ свободнѣе отъ кабардинцевъ складывается общественная организація черкесовъ. Белль отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ фактъ упадка княжескаго и дворянскаго сословія, извѣстнаго подъ наименованіемъ «токавовъ», на протяженіи всего черноморскаго побережья. Онъ приписываетъ его частью переходу многихъ привиллегированныхъ семей отъ военныхъ занятій къ торговлѣ и промышленности, частью къ проповѣдуемой турками идеѣ демократическаго равенства, вполнѣ отвѣчающаго, по ихъ мнѣнію, религіознымъ требованіямъ корана [1]). Въ противность Беллю, я склоненъ видѣть въ описываемомъ имъ фактѣ не результатъ воспослѣдовавшаго, со временемъ, упадка военной аристократіи, а доказательство тому, что въ періодъ времени, предшедствовавшій появленію кабардинцевъ на сѣверо-кавказской плоскости, черкесскія племена были устроены на тѣхъ же началахъ родовой демократіи, на какихъ построенъ былъ бытъ ихъ сосѣдей—осетинъ и чеченцевъ и слѣды которой уцѣлѣли до нашихъ дней въ демократической организаціи убыховъ и шапсуговъ.

---

1) Bel. Journal d'une résidense en Caucase, т. I, стр. 333.

ГЛАВА VIII.

Русское вліяніе.

Послѣднимъ по времени изъ тѣхъ вліяній, какія испытало на себѣ обычное право горцевъ, является вліяніе Россіи и проводимой ею на Кавказѣ политики Это вліяніе проявилось въ столькихъ разнобразныхъ сферахъ и такъ существенно измѣнило характеръ сословной, земельной, семейной, процессуальной и уголовной системы горцевъ, что обстоятельное его изученіе одно могло бы сдѣлаться предметомъ цѣлаго сочиненія. Не имѣя возможности отвесть ему подобающаго мѣста въ настоящемъ трудѣ, я ограничусь нѣкоторыми общими замѣчаніями, не безполезными, какъ я полагаю, для пониманія того направленія, въ какомъ совершается современное развитіе обычнаго права Кавказа. Къ чести нашей политики надо сказать, что въ сношеніяхъ съ отсталыми или слабо развитыми народностями, населяющими Имперію, мы никогда не обнаруживали той готовности ломать установленный у нихъ вѣками строй, какой отличалась, напримѣръ, англійская политика въ Индіи въ теченіе прошлаго и въ половинѣ настоящаго столѣтія. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему мы не только не произвели въ средѣ горцевъ Кавказа того радикальнаго переворота въ земельномъ и сословномъ строѣ, какой англичане, напримѣръ, совершили въ началѣ текущаго столѣтія въ Бенгалѣ, но и удержали всѣ особенности ихъ общинно-родового и племенного землевладѣнія. Рѣшительнымъ подтвержденіемъ сказанному служитъ знаменательный фактъ признанія

цѣлыхъ сотенъ тысячъ десятинъ нераздѣльной собственностью кабардинскаго народа и тѣхъ горскихъ племенъ тюркскаго происхожденія, которые извѣстны намъ подъ наименованіемъ балкарцевъ. Начало ему было положено во время управленія Терской областью графомъ Михаиломъ Таріеловичемъ Лорисъ-Меликовымъ. Этому государственному дѣятелю, при участіи его ближайшаго помощника, полковника Кондокова, удалось склонить кабардинскихъ князей къ скрѣпленію своею подписью слѣдующаго заявленія, послужившаго основаніемъ при рѣшеніи земельнаго вопроса во всей Терской области: земли Кабарды составляютъ достояніе всего народа и должны находиться въ общемъ его владѣніи. Отправляясь отъ этого заявленія, сдѣланнаго въ Нальчикѣ уполномоченными отъ вѣхъ сословій Кабарды, 20 августа 1863 года, терская сословно-поземельная коммиссія выработала слѣдующій планъ реформы: тридцати ауламъ Большой Кабарды опредѣлить участокъ земли въ 248,000 десятинъ; участокъ этотъ долженъ быть раздѣленъ между аулами по числу дворовъ въ нихъ такъ, чтобы на каждый дворъ приходилось счетомъ по 36 десятинъ; 83,000 десятинъ раздать въ частную собственность княжескимъ и дворянскимъ семьямъ; отвести участокъ въ 8,000 десятинъ для поселенія на немъ тѣхъ изъ горцевъ, которые пожелаютъ выселиться на плоскость. Остальную затѣмъ землю, въ количествѣ 226,000 дес. пастбища и 60,000 лѣса, оставить въ запасѣ, предоставивъ намѣстнику Кавказа опредѣлить порядокъ пользованія ими какъ для кабардинцевъ, такъ и для горцевъ. Въ существеннѣйшихъ чертахъ этотъ проектъ приведенъ былъ въ исполненіе; кабардинскіе князья получили свои, въ общемъ не особенно значительные, надѣлы, а за аулами признано право общиннаго владѣнія. Указомъ текущаго (1889) года Государь Императоръ утвердилъ за кабардинскимъ народомъ и зависимыми отъ него нѣкогда горскими обществами право племенной собственности на 286,000 десятинъ пастбищной земли, остававшейся дотолѣ въ запасѣ.

По образцу кабардинскаго устроено было землевладѣніе и другихъ туземцевъ Терской области. За чеченцами, аллагирцами, куртатинцами и южными осетинами удержана прежняя система нераздѣльнаго землевладѣнія. Каждый дворъ, въ составъ кото-

раго входитъ большее или меньшее число малыхъ семей, получаетъ общинный надѣлъ, средній размѣръ котораго въ аллагирскомъ обществѣ—24 десятины, въ другихъ аулахъ—еще меньше. Въ Тагауріи закономъ 1866 г. признано въ принципѣ начало общиннаго владѣнія каждымъ ауломъ принадлежащей ему землею. Раздѣлъ всей территоріи между аулами долженъ совершиться сообразно числу входящихъ въ составъ ихъ дворовъ, считая по 40 десятинъ на каждый. Алдарскіе дворы получаютъ равные надѣлы съ остальными, но тѣ изъ нихъ, которые пожелали бы выселиться въ Кубанскую область, въ правѣ получить въ ней надѣлъ въ 300 дес. Этимъ правомъ пока не воспользовался ни одинъ изъ членовъ привиллегированнаго сословія.

Всего болѣе затрудненій представило проведеніе земельной реформы въ Дигоріи. Коммиссіи пришлось считаться на этотъ разъ съ тѣми ошибками, какія сдѣланы были русскимъ правительствомъ на первыхъ порахъ, при недостаточномъ еще знакомствѣ съ внутреннимъ бытомъ горцевъ. Считая землю принадлежностью небольшаго числа привилегированныхъ семей, администрація графа Воронцова, въ 1837 г., признала за родомъ Тугановыхъ право собственности на цѣлыхъ тринадцать тысячъ десятинъ. Часть этой земли пришлось выкупить у нихъ правительству, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать возможнымъ основаніе двухъ осетинскихъ ауловъ, вольно-христіанскаго и вольно-магометанскаго, жители которыхъ выселились изъ Дигоріи, желая избѣжать дальнѣйшей зависимости отъ ея привиллегированнаго сословія. За послѣднимъ признано было затѣмъ право потомственной собственности въ горахъ и, въ то же время, рѣшено выработать точныя правила, по которымъ поселенные на ихъ земляхъ дигорцы должны будутъ отбывать падающія на нихъ, по обычаю, повинности.

Въ болкарскихъ обществахъ Кабарды поземельная реформа до сихъ поръ еще не окончена. Но общія начала, по которымъ она должна совершиться, уже установлены. За 720 дворами рѣшено признать право наслѣдственной собственности на занимаемыя ими земли, а остающіеся затѣмъ 400 дворовъ безземельныхъ чагаръ и касаковъ выселить въ Большую Кабарду, надѣлить ихъ землею, въ размѣрѣ отъ 4 до 8 десятинъ.

При всей своей успѣшности, поземельная политика русскаго правительства въ Терской области не свободна отъ упрека въ томъ, что-не принимаетъ мѣръ къ усиленію въ краѣ русской колонизаціи. Изъ запасныхъ земель Большой Кабарды съ удобствомъ могли бы быть выдѣлены десятки тысячъ десятинъ выходцамъ изъ Великой и Малой Россіи. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться ролью батраковъ, эти переселенцы сдѣлались бы постоянными собственниками и несомнѣнно содѣйствовали бы не мало упроченію русскаго вліянія на Кавказѣ. А то, благодаря признанію за туземцами общинной племенной, а слѣдовательно и неотчуждаемой собственности на необъятныя пространства, которыхъ сами они далеко не въ силахъ эксплуатировать, русскіе пришельцы не находятъ болѣе свободныхъ земель для покупки; малоземелье начинаетъ чувствоваться въ странѣ, въ которой и десятая доля поверхности не состоитъ подъ обработкой. Этой бѣдѣ надо было бы помочь и притомъ возможно скоро. Отъ устраненія ея во многомъ зависитъ какъ экономическое процвѣтаніе края, такъ и прочность нашего владычества на сѣверномъ Кавказѣ.

Причина, по которой намъ удалось рѣшить несравненно удачнѣе англичанъ въ Бенгалѣ трудный вопросъ земельнаго устройства чуждыхъ намъ по крови народностей, лежитъ несомнѣнно ни въ чемъ иномъ, какъ въ близости ихъ земельнаго строя къ тому, которымъ доселѣ живетъ великорусское крестьянство. И что такова дѣйствительная причина успѣшности нашей аграрной политики на сѣверѣ Кавказа доказываетъ несостоятельность ея на югѣ, въ населенныхъ картвельскимъ племенемъ долинахъ Пшавіи, Хевсуретіи и Тушетіи. Широкое господство въ этихъ мѣстностяхъ старо-заимочнаго землевладѣнія, извѣстнаго имъ подъ наименованіемъ «ахо», и существованіе во всей Грузіи сельской общины, рѣзко отличающейся отъ господствующаго велико-русскаго типа, стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ стремленіемъ нашей администраціи признать землю подлежащей періодическому передѣлу на началахъ мірскаго землевладѣнія каждый разъ, когда право собственности на неё не можетъ быть доказано письменными актами. Такъ какъ по самой своей природѣ старо-заимочное землевладѣніе устраняетъ всякую мысль

о крѣпостныхъ актахъ, то немудрено, если управленіе государственныхъ имуществъ на Кавказѣ, слѣдуя выше указанной политикѣ, ежегодно разширяетъ область мірского землевладѣнія въ ущербъ частной собственности и признаетъ характеръ государственной собственности и вѣчно-наслѣдственной крестьянской аренды за землями, которыя на самомъ дѣлѣ являются ничѣмъ инымъ, какъ частными или общинными заимками. Что современные порядки мірскаго пользованія и періодическаго передѣла въ южномъ Кавказѣ не могутъ быть названы исконными можно судить потому, что, по словамъ г. Мачабелли, на протяженіи всего тіонетскаго уѣзда, обнимающаго собою между прочимъ и упомянутыя мною общества хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, передѣлы начались не болѣе 60 лѣтъ назадъ. По собраннымъ же мною даннымъ, начало имъ, по крайней мѣрѣ, въ Тушетіи было положено всего на всего въ 1878 году, послѣ поѣздки по краю князя Гагарина, бывшаго въ то время тифлискимъ губернаторомъ. Самъ г. Мачабелли сознается, что въ тіонетскомъ уѣздѣ передѣлы участились только со времени назначенія начальникомъ его князя К. Д. Абхази (1879—1873 г.), который, «сочувствовалъ равномѣрному распредѣленію земель между домохозяевами».

Тотъ же изслѣдователь замѣчаетъ, что во многихъ обществахъ передѣлы не произведены или произведены безпорядочно, такъ какъ имъ всячески препятствовали «козни старшинъ и богатыхъ домовъ, да и самъ передѣлъ въ горахъ, гдѣ клочки земли разбросаны тамъ и сямъ на скалахъ, необыкновенно труденъ». Это послѣднее замѣчаніе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Авторъ, сочувствуя передѣламъ, въ то же время поставленъ въ необходимость заявить, что этимъ передѣламъ противорѣчитъ самый характеръ мѣстности. Онъ противорѣчитъ ему, по всей вѣроятности, не въ мѣньшей мѣрѣ, чѣмъ въ Швейцарскихъ Альпахъ или въ горахъ Тироля, въ которыхъ искони водворилось по этой причинѣ подворное землевладѣніе, не смотря на существованіе въ окружающей ихъ плоскости общинныхъ земель или «альмендъ». Примѣръ князя Абхази, насаждающаго мірское землевладѣніе и практику періодическихъ передѣловъ на высотѣ 7000 футовъ, на которой каждый клочекъ пахоти и луга буквально

завоевывается трудомъ воздѣлывателя, можетъ быть съ успѣхомъ приводимъ въ доказательство совершеннаго безсмыслія, какое представляетъ насильственная ломка примѣнившагося къ мѣстнымъ условіямъ аграрнаго строя въ угоду отвлеченному принципу [1]).

Въ Дагестанской области и въ принадлежащемъ къ ней по своему этнографическому составу закатальскомъ округѣ земельный вопросъ далеко еще не рѣшенъ. Существующая здѣсь подъ именемъ «Кешкельнаго права» вѣчно-наслѣдственная аренда заслуживаетъ вниманія правительства не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ чиншевое землевладѣніе Западнаго края. Отъ рѣшенія его въ благопріятномъ для арендаторовъ смыслѣ, отъ предоставленія имъ свободы выкупать у собственниковъ состоящія подъ арендою земли, зависитъ благосостояніе обширнаго класса покоренныхъ лезгинами-джарцами первоначальныхъ насельниковъ края грузинъ-ингелойцевъ и болѣе позднихъ поселенцевъ—монголъ или муганлы.

Самой удачной стороной русской политики на Кавказѣ должно быть признано освобожденіе въ немъ зависимыхъ сословій и упраздненіе не только рабства, но и крѣпостничества. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что враждебное отношеніе, въ какое русскіе начальники со временъ Ермолова стали къ князьямъ и старшинамъ, этимъ опаснѣйшимъ въ ихъ глазахъ противникамъ нашего господства на Кавказѣ, во многомъ объясняетъ рѣшимость съ какой въ плохо еще замиренномъ краѣ поднятъ былъ нами этотъ трудный и опасный вопросъ. Начало ему было положено прежде всего въ южной Осетіи. Этому содѣйствовало, съ одной стороны, недовольство, какое въ мѣстномъ населеніи вызывали притязанія арагвскихъ и ксанскихъ приставовъ—держать въ крѣпостной зависимости чуть не всѣхъ жителей края, а, съ другой, частыя возстанія, какими сопровождались эти притязанія со стороны туальцевъ. Видя не безъ основанія въ дальнѣйшемъ удержаніи крѣпостнаго права постоянную угрозу для внутренняго мира и спокойствія, а слѣдова-

---

[1]) См. Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края, т. V. Тифлисъ 1887 г., стр. 374.

тельно, въ конечномъ исходѣ, и для собственнаго владычества въ краѣ, русское правительство, со временемъ Николая Павловича, приступило къ замѣнѣ въ южной Осетіи крѣпостной зависимости—оброчной. Такъ какъ, на ряду съ крѣпостными, въ южной Осетіи можно было встрѣтить и рабовъ или такъ называемыхъ ясырей, то пришлось принять также мѣры къ постепенному переходу послѣднихъ въ свободное состояніе.

Графу Паскевичу и князю Воронцову южные Осетины обязаны частью сохраненіемъ переданной имъ предками свободы, частью освобожденіемъ отъ барщины и натуральныхъ платежей, какими нѣкоторые изъ нихъ были обложены въ пользу князей Эристовыхъ и Мачабели. Тотъ же графъ Паскевичъ является ближайшимъ виновникомъ того, что, начиная съ 1827 г., приступлено было къ постепенному освобожденію рабовъ или ясырей. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ состоялся общественный приговоръ 19-го декабря 1827 г., которымъ впервые было установлено, что ясыри или невольники должны быть отпущены на свободу по достиженіи ими извѣстнаго возраста. Чѣмъ дольше былъ срокъ ихъ прежняго служенія, тѣмъ короче тотъ, который имъ предстояло дослужить: ясыри 5-ти-лѣтняго возраста сохраняли свою зависимость отъ собственниковъ въ теченіе 25 л.; тѣ-же, которые успѣли уже прослужить,—кто 10, кто 20 лѣтъ, получили право выхода изъ рабскаго состоянія: первые черезъ 20, вторые черезъ 15 лѣтъ. При болѣе значительномъ срокѣ службѣ, уменьшался срокъ оставленія въ рабствѣ: при службѣ болѣе 20 лѣтъ, срокъ этотъ былъ 10 лѣтъ; при 30—40 лѣтней службѣ—8; для лицъ же, пробывшихъ въ рабствѣ отъ 40 до 50 л., свобода должна начаться, по истеченіи пяти лѣтъ.

Чтобы положить предѣлъ притязаніемъ Эристовыхъ и Мачабели на крѣпостную зависимость населенія горскихъ ущелій, гр. Паскевичъ принялъ за правило признавать права этихъ фамилій на тѣхъ только сельскихъ обывателей, которые были въ ихъ фактическомъ обладаніи въ 1806 году, въ эпоху присоединенія Грузіи къ Россіи. Этимъ съ самаго начала положенъ былъ конецъ всѣмъ искамъ о розысканіи помѣщичьихъ правъ и дана возможность территоріальнаго ограниченія крѣпостной зависимости. Такъ какъ большинство

грузинскихъ дворянъ не въ состояніи были фактически поддержать своихъ правъ на жителей горныхъ ущелій, то послѣдніе, какъ общее правило, признаны были вполнѣ свободными. Начавшіяся затѣмъ возстанія въ средѣ плоскостныхъ туальтцевъ убѣдили гр. Паскевича въ томъ, что, какъ онъ выражается, всѣ начатки гражданственности въ средѣ осетинъ совершенно истребятся, если предоставить ихъ помѣщичьей волѣ [1]). Совершенно основательно замѣчая, что «отдача крестьянъ въ руки князьямъ Эристовымъ, при безпорядочномъ помѣщичьемъ управленіи въ Грузіи, повлечетъ за собою снова едва утишенныя безпокойства», Паскевичъ испросилъ у правительства, чтобы оно совершенно отказало Эристовымъ въ ихъ притязаніяхъ, въ виду того, что права ихъ не имѣли другаго основанія, кромѣ осуществленія ими нѣкогда обязанностей мѣстныхъ управителей края и настолько были незначительны сами по себѣ, что безъ разрѣшенія грузинскаго царя они не могли даже опредѣлять старшинъ въ отдѣльныя селенія [2]).

Продолжая дѣло, начатое его предшественниками, кн. Воронцовъ въ 1851 г. добился совершенной замѣны крѣпостной зависимости оброчной на протяженіи всѣхъ владѣній князей Мачабели, которымъ, согласно его представленію, опредѣленъ былъ, взамѣнъ отпущенныхъ ими на волю крестьянъ, ежегодный пансіонъ въ 6 т. руб. Изъ владѣльческихъ крестьяне южной Осетіи сдѣлались казенными. Князья Мачабелли должны были съ этого времени удовольствоваться полученіемъ съ нихъ $^1/_{10}$ части урожая и лишены были права сгонять крестьянъ съ той части своихъ помѣстій, которая издавна была занята предками теперешнихъ владѣльцевъ [3]).

Несравненно позже достигнуто было рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ сѣверной Осетіи. Оно вошло какъ составная часть въ общую мѣру отмѣны крѣпостничества и рабства на протяженіи всей Терской области. Видя неизбѣжность наступающей реформы, владѣтельныя сословія Кабарды, собравшись въ іюлѣ въ Нальчикѣ, опредѣлили послать въ Петербургъ черезъ пос-

1) Акты, т. VII, стр. 384.

2) Акты, т. VIII, стр. 306 и 308.

3) Отчетъ кн. Воронцова за 1849 и 1851 г., т. X Актовъ, стр. 879.

редство начальника округа генералъ—адъютанта Лорисъ-Меликова ходатайство о разрѣшеніи имъ совершить освобожденіе путемъ добровольныхъ соглашеній и подъ условіемъ выкупа. Это ходатайство было принято въ принципѣ и кабардинскіе рабовладѣльцы, вмѣстѣ съ выборными отъ крѣпостныхъ, выработали общія правила, согласно которымъ и совершилось самое освобожденіе. По правиламъ этимъ, за здороваго и совершеннолѣтняго работника или работницу, возрастомъ отъ 15—45 лѣтъ, назначенъ выкупъ въ 200 рублей, дѣти обоего пола моложе 15 лѣтъ освобождаются безплатно.

По внесеніи выкупа или по заключеніи съ господиномъ письменнаго обязательства объ уплатѣ его по частямъ въ напередъ опредѣленные сроки, крѣпостной человѣкъ сразу становится свободнымъ. Кто не сдѣлаетъ ни того, ни другого,—остается въ положеніи временно-обязаннаго крестьянина, съ правомъ во всякое время внести выкупъ, зачисляя въ него и проведенное имъ на работѣ у помѣщика время; при этомъ годовая работа временно-обязаннаго оцѣнена: для работника въ 35—85 рублей, а для работницы въ 25—40 рублей; за рабами признано право выкупиться на свободу, уплативъ за себя 200 рублей; кто не сдѣлаетъ этого,—сохраняетъ прежнюю зависимость, но не далѣе какъ на 6 лѣтъ.

Все движимое имущество, находившееся въ пользованіи крестьянина или раба, дѣлится пополамъ между нимъ и владѣльцемъ; сакля же, домашнія и хозяйственныя орудія, утварь и одежда составляютъ неотъемлемую собственность освобождаемаго.—На только что приведенныхъ началахъ, получившихъ правительственную санкцію, совершилось освобожденіе зависимыхъ сословій—сперва въ Кабардѣ, а потомъ и въ прочихъ округахъ Терской области въ теченіе весны и лѣта 1867 года. Для Осетіи выработаны были нѣкоторыя особыя правила, необходимость которыхъ вызывалась существованіемъ въ ней особаго класса кавдасардовъ или кумякъ. Всѣхъ лицъ обоего пола, входившихъ въ составъ этого класса, оказалось 822. Постановлено оставить ихъ въ прежней зависимости отъ ихъ владѣльцевъ, не далѣе какъ на три года, по истеченіи которыхъ они по праву становятся свободными. Желающіе могутъ жить

на свободѣ и ранѣе этого срока, уплативъ своимъ владѣльцамъ по 25 рублей за годъ. Дѣти моложе 15 лѣтъ, старики свыше 50 лѣтъ освобождаются немедленно. Все имущество кавдасардовъ, какъ движимое, такъ и недвижимое, ими самими купленное или полученное въ даръ, поступаетъ въ неотъемлемую собственность тѣхъ изъ нихъ, которые получатъ свободу. Всѣмъ имъ предоставляются тѣ же права по отношенію къ земельному пользованію, какія признаны въ Осетіи за лицами прочихъ сословій. Въ тоже время воспрещено осетинамъ отдавать своихъ дочерей въ номулусы или именныя жены и тѣмъ пресѣчена въ корнѣ возможность дальнѣйшаго удержанія въ ихъ средѣ сословія кавдасардовъ.

Число всѣхъ лицъ такъ или иначе закрѣпощенныхъ на протяженіи всей Терской области и получившихъ свободу въ 1867 г., достигаетъ цифры 26000 человѣкъ. Изъ нихъ въ одной Кабардѣ—21848 человѣкъ сразу были отпущены на волю; большинство—за деньги, 900 же человѣкъ—безплатно, «ради спасенія души ихъ владѣльцевъ»; 2880 человѣкъ остались въ временно-обязанныхъ отношеніяхъ [1]).

Къ тому же времени должно быть отнесено и освобожденіе зависимыхъ сословій въ Дагестанѣ, при чемъ наиболѣ вліятельные изъ рабовладѣльцевъ отнеслись къ этой мѣрѣ вполнѣ сочувственно. Въ одинъ день, 1 августа 1867 года, рабовладѣльцы сѣвернаго Дагестана освободили безплатно 104 души холоповъ обоего пола, 8 августа освобождено было новыхъ 96 душъ. Къ началу 68 года число безвозмездно освобожденныхъ достигло 340; 150 человѣкъ выкупили свою свободу платою отъ 100—180 рублей за мужчину, 100—за женщину и отъ 50—100 за ребенка; при освобожденіи 89 рабовъ, нормальный размѣръ выкупа былъ нѣсколько повышенъ; не болѣе 17 человѣкъ остались въ временной несвободѣ, срокомъ на 4—6 лѣтъ.

Тогда какъ уничтоженіе рабства достигнуто было путемъ взаимнаго соглашенія, крѣпостная зависимость отмѣнена была свыше 1 августа 1867 года. Князь Меликовъ объявилъ жите-

[1]) См. „Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе“ и «Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ округахъ Терской области» вып. I, Сб. свѣд. о кавк. горцахъ.

лямъ бывшаго мехтулинскаго ханства свободу отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, какія они несли до того времени хану и чанкамъ. Жителямъ селенія бывшаго шамхальства Тарковскаго также объявлена свобода отъ всѣхъ повинностей и налоговъ въ пользу шамхала [1]). По отношенію къ однимъ крѣпостнымъ:— обывателямъ Елсуйскаго султанства, не было принято никакихъ мѣръ, и ихъ несвобода, издавна принявшая форму оброчной зависимости, продолжаетъ доселѣ оставатся злобою дня въ предѣлахъ закатальскаго округа. Мнѣ остается сказать еще два слова объ отмѣнѣ крѣпостничества и рабства въ средѣ Грузинскихъ герцевъ. Въ Хевсуретіи, Пшавіи и Тушетіи вопросъ этотъ вовсе не могъ быть поставленъ, въ виду отсутствія здѣсь самого класса лицъ, лишенныхъ гражданской свободы; но не такъ было въ Сванетіи,—одинаково княжеской и вольной,—въ которой, правда въ незначительныхъ размѣрахъ, были извѣстны оба вида зависимости: крѣпостная и рабская [2]).

Крѣпостное право продолжало держаться здѣсь до 1869 г. Крестьянскій вопросъ казался мѣстной администраціи болѣе или менѣе не разрѣшимымъ. Кутаисскій генералъ-губернаторъ предвидѣлъ, повидимому, возможность возстанія; въ рапортѣ, сдѣланномъ имъ барону Николаю отъ 29-го ноября 1866 г. прямо значится, что приступить къ рѣшенію крестьянскаго вопроса въ Сванетіи нельзя раньше, какъ послѣ сосредоточія въ ней войска, «которое побудило бы ея жителей къ полному повиновенію». Рѣшительный шагъ въ пользу эмансипаціи сдѣланъ былъ самими князьями Дадешкельяни. Глава ихъ рода, Тенгитъ, по настоянію управляющаго Мингреліей г-на Власова, самъ предложилъ правительству слѣдующаго рода сдѣлку: онъ согласился отпустить своихъ крестьянъ на волю и надѣлить ихъ даже землею, въ размѣрѣ пяти «кцевъ» на каждый дворъ, но подъ условіемъ, чтобы правительство уплатило ему за каждую душу по 25 рублей. Реформа должна была коснуться однихъ только глеховъ, т. е. надѣленныхъ землею крестьянъ, а не маджалабовъ,

---

1) Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ, I вып. Сб. св. о кавкв. горцахъ.

2) См. мою поѣздку въ Сванетію въ обществѣ проф. Иванюкова (Вѣст. Евр. за 1886 годъ).

т. е. купленныхъ рабовъ, исполняющихъ дворовую службу; такихъ подлежащихъ освобожденію дворовъ оказалось во всей княжеской Сванетіи — 189, съ населеніемъ въ 842 человѣка. Дворовыхъ же крестьянъ или точнѣе рабовъ потому считали невозможнымъ отпустить на волю на выше сказанныхъ условіяхъ, что вознагражденіе въ 25 рублей казалось недостаточнымъ, такъ какъ многіе изъ нихъ были куплены за 600 и даже 800 рублей, а также и потому, что освобожденные безъ земли маджалабы неминуемо попадали бы въ положеніе лицъ, не имѣющихъ ни крова, ни занятій. Всѣхъ маджалабовъ, по вычисленіямъ Тенгита, было не болѣе 150 чел. на протяженіи всей княжеской Сванетіи. Не отпуская ихъ на волю, Тенгитъ въ тоже время соглашался признать свободнымъ все ихъ потомство, народившееся со времени провозглашенія эмансипаціи, а также не прочь былъ подчиниться и рѣшительному запрещенію покупать, перепродавать или дарить ихъ въ предѣлахъ самой Сванетіи или внѣ ея.

Хотя вольная Сванетія и не признавала надъ собою ничьей княжеской власти, но и въ ней существовали своего рода зависимыя отношенія между крестьянами и нѣкоторыми дворянскими или азнаурскими семьями [1]). Размѣръ платимыхъ крестьянами повинностей былъ весьма ничтоженъ: свободные отъ барщины и другихъ личныхъ службъ, они обязаны были производить только ежегодные взносы пшеницею или ячменемъ; цѣнность этихъ взносовъ не превышала, какъ общее правило, 5 рублей и падала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 20 копѣекъ.

Когда, на мѣсто Святополка-Мірскаго, кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Левашовъ, крестьянскій вопросъ рѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что права дворянъ вольной Сванетіи совершенно не были признаны правительствомъ, а изъ семьи Дадешкельяни—одни получили простой, а другіе двойной размѣръ вознагражденія. Въ донесеніи своемъ Великому Князю Михаилу Николаевичу, отъ 3-го августа 1869 г., графъ Левашовъ пишетъ: крестьянскій вопросъ оконченъ мною въ обѣихъ

---

[1]) Я разумѣю въ частности Джапаридза, Курдіяна, Іоселіяни и Девдарьяли.

Сванетіяхъ. Въ имѣніи князей Татархановыхъ онъ рѣшенъ по добровольному соглашенію ихъ съ крестьянами; князья отдаютъ крестьянамъ въ наслѣдственную собственность ихъ усадьбы и 4 кцевы пахатной и сѣнокосной земли, по выбору самихъ крестьянъ. Въ вознагражденіе за такую уступку они ожидаютъ выкупа въ 50 рубл. за душу. Въ вольной Сванетіи, продолжаетъ графъ, послѣ подробнаго разбора мною правъ нѣкоторыхъ лицъ, называющихъ себя азнаурами и заявляющихъ помѣщичьи права на крестьянъ, я удостовѣрился, что въ тѣхъ незначительныхъ приношеніяхъ, которыя нѣкоторые крестьяне дѣйствительно дѣлаютъ этимъ азнаурамъ, обыкновенно хлѣбомъ на 20 или 30 коп. въ годъ, а также въ установившемся обычаѣ угощать этихъ азнауровъ въ случаѣ посѣщенія, нельзя признать крѣпостной зависимости, такъ какъ между крестьянами и помѣщиками никогда не существовало тѣхъ обязательныхъ отношеній, которыя вызываются барщиной или другими видами личныхъ службъ. Въ виду этого я объявилъ обѣимъ сторонамъ, что не допускаю въ вольной Сванетіи никакихъ крѣпостныхъ отношеній, какъ противорѣчащихъ издревле присвоенному этой странѣ названію. Хотя подобное заявленіе и вызвало, говоритъ далѣе графъ, понятное неудовольствіе въ азнаурахъ, но въ концѣ концовъ они должны были подчиниться, въ виду тѣхъ показаній, какія на этотъ счетъ были тутъ же, въ ихъ присутствіи, отобраны у крестьянъ. Такъ какъ у нѣкоторыхъ азнауровъ все же оказались дворовые слуги, или такъ назыв. шинакмы, то графъ Левашовъ позволилъ имъ привести подобныхъ лицъ къ приставу для составленія имъ особаго списка и обѣщалъ ходатайствовать о вознагражденіи ихъ за понесенный ими убытокъ. Ходатайство это въ концѣ концовъ не было уважено.

Такъ какъ владѣнія бечойскихъ Дадешкельяни за нѣсколько лѣтъ до эмансипаціи были конфискованы русскимъ правительствомъ, въ виду перехода главы ихъ въ мусульманство, то въ этомъ обществѣ само правительство принуждено было вступить въ сдѣлку съ крестьянами. Оно надѣлило ихъ тѣмъ же числомъ кцевъ, какое было предоставлено крестьянамъ въ сосѣднихъ владѣніяхъ князя Тенгита въ Эцерахъ. Въ виду ходатайства

графа Левашова, эцерскіе Дадешкельяни, какъ принимавшіе ближайшее участіе въ эмансипаціи, получили двойной размѣръ выкупа. Такъ какъ въ то же время, въ силу особаго соглашенія, они за топливо и пользованіе пастбищемъ стали получать съ каждаго крестьянскаго дома по 5 руб. ежегодно, то ихъ имущественное положеніе нисколько не пострадало отъ отпущенія крестьянъ на волю. Оставшаяся въ ихъ владѣніи земля почти всецѣло сдается ими съ половины крестьянамъ ближайшихъ сопелей или хуторовъ. Въ личномъ завѣдываніи осталась лишь небольшая часть ея, едва достаточная для покрытія ежегодныхъ расходовъ на содержаніе самихъ князей и ихъ свиты [1]).

Что касается до азнаурскихъ семей вольной Сванетіи, то послѣдствіями эмансипаціи было совершенное ихъ раззореніе; представителей ихъ въ настоящее время довольно трудно отличить отъ простонародья. Подобно ему, они живутъ трудомъ своихъ рукъ и нерѣдко уходятъ на заработки въ Балкарію и Осетію.

Какъ земельная, такъ и сословная реформа очевидно должны были существенно повліять на характеръ горскаго адата, но его дальнѣйшія судьбы рѣшены были не этими реформами, а тѣмъ положеніемъ, какое кавказская администрація заняла въ вопросѣ объ отношеніи народнаго обычая къ писаному праву вообще и къ шаріату въ частности.

Отношеніе русскаго правительства къ горскому адату съ самаго начала нашего владычества приняло характеръ рѣшительнаго признанія и явнаго покровительства. Причина, побуждавшая русское начальство къ такой политикѣ, лежитъ въ томъ соображеніи, что оппозиція нашему владычеству всегда выходила изъ сферъ благопріятныхъ шаріату.

Самые опасные наши противники на западѣ—кабардинцы, и самые упорные защитники національной независимости на востокѣ—горцы Дагестана и чеченцы, временно объединенные Шамилемъ, придерживались, какъ мы сказали выше, преимущественно, если не исключительно, началъ шаріата. Удиви-

---

1) Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты мною изъ дѣлъ бывшаго архива главнаго управленія кавказскаго намѣстничества; см. Дѣло 1866 г., подъ № 41, 39.

тельно ли, если мы вывели для себя изъ этого факта то поученіе, что борьба съ шаріатомъ и покровительство адату лежатъ въ нашемъ интересѣ; но, поступая такимъ образомъ, мы совершенно упустили изъ виду, что точное примѣненіе правилъ народнаго адата является препятствіемъ къ поддержанію внутренняго порядка и спокойствія въ едва замиренномъ нами краѣ. Неограниченность кровомщенія и связанное съ нимъ представленіе о его обязательности, о выполненіи имъ долга живущихъ поколѣній по отношенію къ усопшимъ, воззрѣніе на преступленіе, какъ на дѣйствіе причиняющее матеріальный вредъ, вредъ отмщаемый однимъ родомъ надъ членами другого, независимо отъ того, произведенъ ли онъ преднамѣренно, неосторожно или случайно; широкій произволъ, предоставляемый въ случаяхъ имущественныхъ преступленій и гражданской несостоятельности, какъ личному, такъ и родовому самоуправству, все это очевидно такія начала, торжество которыхъ неминуемо должно вести къ внутреннимъ несогласіямъ и усобицамъ и парализовать въ корнѣ дѣятельность правительства, направленную къ сохраненію земскаго мира. Неограниченная терпимость по отношенію только что упомянутыхъ началъ, буквальное примѣненіе ихъ въ горскихъ судахъ выбранными отъ народа диванъ-бегами, но подъ предсѣдательствомъ русскаго чиновника (окружнаго начальника или его помощника), представляетъ еще то неудобство, что подкашиваетъ въ корнѣ нашу просвѣтительную миссію на Кавказѣ и заставляетъ поставленныхъ нами же властей высказываться въ пользу примѣненія началъ, не допускаемыхъ нашимъ юридическимъ сознаніемъ, нашимъ понятіемъ о справедливости.

Единственное вѣроятно въ цѣломъ мірѣ зрѣлище представляетъ дагестанскій предсѣдатель народнаго суда, присуждающій мужа заплатить за кровь убитаго имъ женинаго любовника на томъ лишь основаніи, что природная жалость помѣшала ему казнить на мѣстѣ главную виновницу преступленія, а между тѣмъ такое рѣшеніе совершенно согласно съ дагестанскимъ адатомъ, освобождающимъ мужа отъ платежа выкупа въ случаѣ убійства обоихъ участниковъ прелюбодѣянія.

Съ другой стороны, попытка подчинить мировымъ и общимъ

судебнымъ установленіямъ дѣла туземцевъ, распространяя на нихъ, такимъ образомъ, дѣйствіе русскаго права, попытка сдѣланная уже въ Грузіи, Мингреліи, а также за послѣднее время и на протяженіи почти всего сѣверо-западнаго Кавказа, является еще менѣе удобной. Наши судьи справедливо жалуются на недобросовѣстность свидѣтельскихъ показаній и слѣдовательно на практическую непригодность того вида судебныхъ доказательствъ, который, при полномъ отсутствіи грамотности и недопущеніи нашими судами народныхъ формъ присяги и соприсяги, является почти единственнымъ способомъ установленія судебной достовѣрности. Нельзя конечно винить нашихъ судей въ томъ, что они не стараются связать совѣсти лицъ, дающихъ свои показанія на судѣ, клятвами, производимыми надъ трупами убитыхъ кошекъ и собакъ, надъ цѣпью домашняго очага, надъ имѣющимъ значеніе семейнаго амулета посохомъ; но нельзя также обвинять въ природной склонности къ неправдѣ и лжи тѣхъ, которые, смотря на свидѣтельство съ точки зрѣнія народнаго адата, отказываются показывать на судѣ противъ своихъ единоплеменниковъ, такъ какъ приравниваютъ такой образъ дѣйствія къ постыдному и опасному для нихъ шпіонству, опасному въ томъ смыслѣ, что послѣдствіемъ его легко можетъ быть кровная месть родственниковъ той стороны, противъ которой направлено было свидѣтельство. Несоотвѣтствіе туземныхъ юридическихъ воззрѣній съ тѣми, выразителемъ которыхъ является наше уложеніе о наказаніи, въ свою очередь парализуетъ дѣятельность нашихъ судовъ въ борьбѣ съ преступленіями.

Ссылки въ каторжныя работы не кажутся горцу достаточнымъ возмездіемъ за убійство его родственника, и можно привести не одинъ примѣръ того, какъ недовольные рѣшеніемъ кровники отправлялись въ слѣдъ за ссыльнымъ и отмщали на немъ совершенное имъ убійство.

Несравненно ближе русскаго права стоитъ къ туземнымъ юридическимъ воззрѣніямъ шаріатъ. Въ одной изъ ближайшихъ главъ мы покажемъ, въ какой мѣрѣ горскій адатъ уже успѣлъ проникнуться началами шаріата и насколько воздѣйствіе писанаго права магометанъ повліяло на смягченіе первоначальной

суровости туземнаго права. Не вдаваясь въ подробности, мы напомнимъ только тотъ фактъ, что идея равнаго возмездія (jus talionis), положившая конецъ безграничности кровной мести, какъ и идея замѣнить месть выкупомъ, имѣетъ своимъ источникомъ шаріатъ и что тому же шаріату горскій адатъ обязанъ установленіемъ принципа представительства въ наслѣдованіи и допущеніемъ женщинъ къ полученію доли въ оставленномъ ихъ родственникомъ имуществѣ; что борьба съ самоуправствомъ, въ формѣ ли захвата кредиторомъ имущества несостоятельнаго должника, или добыванія себѣ женъ путемъ похищенія, искони поднята была шаріатомъ и что ему же свидѣтельское показаніе обязано тѣмъ бо̀льшимъ, сравнительно, признаніемъ, какимъ оно пользуется въ дагестанскомъ народномъ процессѣ. Въ виду сказаннаго, я полагаю, что допущеніе народныхъ судовъ тамъ, гдѣ они еще удержались, къ примѣненію началъ шаріата въ сферѣ уголовныхъ преступленій не только бы не препятствовало, но, наоборотъ, содѣйствовало осуществленію принятой нами миссіи.

Сказанное въ особенности приложимо къ Дагестану и закатальскому округу, въ которыхъ доселѣ удержались избираемые народомъ мдиванбеги. Я не вижу причинъ, которыя бы препятствовали намъ послѣдовать въ этомъ отношеніи тому примѣру, какой даютъ намъ англичане въ Остъ-Индіи, Голандцы—на Явѣ и Суматрѣ, французы—въ Алжирѣ. Распространенный въ средѣ эфендіевъ и кадіевъ Нававійскій сборникъ шаріатнаго права или такъ-называемый Мингаджъ по широтѣ проводимыхъ имъ юридическихъ теорій и по ихъ относительной гуманности ничѣмъ не уступаетъ дѣйствующей въ средѣ индусскихъ магометанъ гедайи, и голандцы давно уже дали ему примѣненіе въ своихъ азіатскихъ колоніяхъ.

Безусловное преклоненіе передъ обычаемъ съ каждымъ годомъ становится все менѣе и менѣе осуществимымъ. Русское начальство приходитъ постепенно къ заключенію о необходимости такъ или иначе видоизмѣнить его въ интересахъ самихъ подвластныхъ. Не всѣ принятыя имъ въ этомъ направленіи мѣры заслуживаютъ одинаковаго одобренія. Нѣкоторыя вызваны исключительно политическими соображеніями или пред-

ставляютъ собою временныя полицейскія мѣропріятія, недостатокъ которыхъ лежитъ въ полномъ противорѣчіи ихъ какъ съ народными юридическими воззрѣніями, такъ и съ свойственнымъ намъ правовымъ сознаніемъ. Видя, не безъ основанія, какую опасность представляетъ сосредоточеніе политической власти въ рукахъ племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ, русское начальство со временъ Ермолова озаботилось устройствомъ въ средѣ горцевъ подобія сельскихъ обществъ и волостей и надѣлило назначаемыхъ въ нихъ администраторовъ тѣми же политическими функціями, какія нѣкогда принадлежали исключительно горскимъ князьямъ и родовому старшинѣ. Чтобы освободить жителей Осетіи, въ частности, отъ опеки бадилятъ и алдаровъ, генералъ Ермоловъ уже въ 1816 году призналъ полезнымъ устроить въ осетинскихъ аулахъ, какъ онъ выражался, родъ волостныхъ правленій, въ которыхъ разбирали бы они сами случающіяся между ними ссоры, дѣлали раскладку повинностей и наблюдали за исполненіемъ ихъ [1]). Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1824 г., генералъ-маіоръ Ховенъ предложилъ, какъ средство для подавленія дальнѣйшихъ возстаній въ южной Осетіи, расширить права помѣщиковъ и предоставить имъ, между прочимъ, свободно задерживать крестьянъ, не выполнившихъ къ нимъ своихъ обязательствъ, Ермоловъ поспѣшилъ отвѣтить, что такое упроченіе помѣщичьей власти совершенно не входитъ въ виды правительства. Неоднократно повторявшіяся возстанія въ Тагауріи, въ которыхъ подстрекателями каждый разъ являлись сами старшины, возстановили русское начальство противъ алдаровъ и заставили его всячески содѣйствовать умаленію того вліянія, какимъ они пользовались въ простонародьѣ. Въ 1840 г. генералъ-маіоръ князь Абхазовъ пишетъ гр. Паскевичу: «Во все продолженіе экспедиціи противъ Тагаурцевъ я замѣтилъ, что находящіяся между ними десять старшихъ фамилій рѣшительно препятствуютъ соединенію съ правительствомъ простаго народа; при первомъ удобномъ случаѣ ихъ непремѣнно должно искоренить, и за возмущеніе простаго народа противъ правительства необходимо лишить ихъ вы-

[1]) Предписаніе генер. Ермолова ч. м. Дельноцо, 4 ноября 1816 г.

годъ, предоставленныхъ имъ прежнимъ начальствомъ». Преслѣдуя эту цѣль, правительство сочло нужнымъ назначить независимыхъ отъ алдаръ аульныхъ старшинъ сперва непосредственно выбираемыхъ общинами, а потомъ назначаемыхъ начальствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательнымъ путемъ регулировало права сельскихъ сходовъ или «нихасовъ». Соединяя небольшіе поселки изъ 5, 10, 20 и 25 дворовъ въ сельскія общины въ 50 дворовъ, русское правительство во главѣ каждой поставило старшину съ помощникомъ. Старшины эти подчиняются начальнику округа. Обязанности ихъ состоятъ въ наблюденіи за мѣстнымъ полицейскимъ порядкомъ, въ исполненіи приговоровъ народныхъ судовъ, въ взысканіи штрафныхъ денегъ за полицейскіе проступки, въ исполненіи приказаній приставовъ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ они являются только исполнителями рѣшеній, принятыхъ сходомъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ одного и того же селенія или такъ называемымъ «нихасомъ». Въ этомъ сходѣ старшины отдаютъ обществу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и совѣщаются съ нимъ о дальнѣйшемъ направленіи общественныхъ дѣлъ. На нихасѣ разбираются и рѣшаются, по предложенію старшинъ, всякаго рода административныя дѣла и составляются приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ. Здѣсь же происходитъ распредѣленіе земельныхъ угодій и раскладка казенныхъ и земскихъ податей и повинностей между отдѣльными поселками входящими въ составъ общины, а также распредѣленіе между жителями всей общины падающихъ на нихъ общественныхъ повинностей, выборъ сборщика податей и другихъ должностныхъ лицъ, назначеніе ссудъ изъ запасныхъ магазиновъ, принятіе мѣръ къ взысканію недоимокъ и проч. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ достаточно простаго большинства; въ дѣлахъ важнѣйшихъ требуется согласіе $^2/_3$ наличныхъ членовъ, которыми считаются одни совершеннолѣтніе мужчины [1]). Въ селеніяхъ, занятыхъ исключительно родственными дворами, установленіе правительствомъ аульныхъ старшинъ не произвело значительной перемѣны въ существовавшемъ дотолѣ по-

[1]) Положеніе о сельскихъ обществахъ Терской области, 1871 г.

рядкѣ. Въ старшины по прежнему продолжали попадать только тѣ лица, которыя раньше пользовались положеніемъ родовыхъ старѣйшинъ. Но въ смѣшанныхъ аулахъ новое устройство вносило значительное противодѣйствіе весьма чуткому доселѣ чувству родовой солидарности. Подчиняясь номинально навязанному имъ старѣйшинѣ, отдѣльные осетинскіе роды продолжали фактически управляться своими старшинами, т. е. наиболѣе выдающимися или старѣйшими сочленами.

Сказанное примѣнимо въ равной мѣрѣ и къ черкескимъ народностямъ. Живя осѣдлыми общинами (псухо), черкесы, говоритъ г. Леонтовичъ, въ то же время дѣлятся на роды (тляху), съ которыми должны считаться и отдѣльныя лица и самыя общины. Борьба началъ родовыхъ и общинныхъ отражается, главнымъ образомъ въ малой сплоченности черкеской общины, въ отсутствіи въ ней того внутренняго корпоративнаго духа, духа солидарности, который придавалъ такую силу и значеніе славянскому «міру»;—въ черкеской общинѣ осталось много старой родовой розни, неблагопріятствующей общему культурному развитію горской общины [1]) Разбитые нерѣдко между нѣсколькими административными единицами семьи одного и того же рода продолжаютъ дѣйствовать совмѣстно не рѣдко во вредъ тѣмъ общинамъ, членами которыхъ они состоятъ.

На южномъ склонѣ кавказскаго хребта, въ средѣ картвельскихъ горцевъ, община доселѣ еще сохранила свой, по преимуществу, родовой характеръ. Родовой она является и какъ экономическая единица, въ томъ смыслѣ, что земельныя угодья считаются принадлежностью всѣхъ поселковъ, входящихъ въ составъ одной и той же родовой общины, и въ религіозномъ— въ виду существованія въ ней особаго родоваго культа, предметомъ котораго является тотъ или другой святой и сооруженная въ его честь молельня («хати»). Родичи, какъ кліенты или, по собственному ихъ выраженію, какъ рабы своего «хати» носятъ наименованія мангазури. Общность культа ведетъ за собою и нѣкоторыя экономическія послѣдствія.

Въ пользу почитаемаго родомъ «хати» выдѣляется особый

---

1) Леонтовичъ, Адаты, т. I, стр. 406.

земельный надѣлъ, завѣдываніе которымъ сосредоточивается въ рукахъ церковнослужителей—дастуровъ. Весь доходъ отъ него идетъ на покрытіе издержекъ родоваго культа, т. е. въ частности на изготовленіе выписываемыхъ на ежегодномъ празднествѣ въ честь патрона котловъ для пива и бузы. Родовая община служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и низшимъ административнымъ подраздѣленіемъ, въ томъ смыслѣ, что имѣетъ свой особый родовой сходъ, которому ввѣрено завѣдываніе всѣми ея интересами и членами котораго могутъ быть только родственники.

Въ послѣднее время русское начальство обнаружило стремленіе соединить въ одно цѣлое нѣсколько родовыхъ общинъ и образовать изъ нихъ села или волости. Но родовыя начала такъ крѣпки и живучи, говоритъ г. Егіазаровъ, что въ подобныхъ искусственно созданныхъ общинахъ отдѣльные роды еще долго сохраняютъ свою независимость, фигурируя какъ обособленныя экономическія, религіозныя и общественныя единицы [1]).

Желаніе положить конецъ враждебной намъ власти племенныхъ и родовыхъ старѣйшинъ вызвало, какъ мы сейчасъ показали, попытку искусственнаго привитія горцамъ чуждыхъ ихъ быту порядковъ великорусскаго міра. Стремленіе положить предѣлъ разбою и воровству сдѣлалось, въ свою очередь, источникомъ еще болѣе искусственной мѣры—установленія въ ихъ средѣ начала круговой отвѣтственности не только отдѣльныхъ административныхъ общинъ, но и цѣлыхъ племенныхъ группъ. Нечего и говорить, что обычное право горцевъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ постановленій на счетъ отвѣтственности подобнаго рода союзовъ. Когда въ началѣ 70-хъ годовъ коммиссія о сельскомъ хозяйствѣ при министерствѣ государственныхъ имуществъ поставила кавказской администраціи вопросъ о томъ, извѣстна ли горцамъ система круговой поруки, послѣдовалъ отвѣтъ, что ничего подобнаго не существуетъ въ мѣстномъ населеніи [2]). И дѣйствительно, народному праву Кавказа, какъ всецѣло построенному на началахъ родо-

---

1) Егіазаровъ, Сельская община въ Закавказьи, стр. 135.

2) Леонтовичъ, Адаты, томъ I, стр. 405.

ваго быта, неизвѣстны другіе виды отвѣтственности, кромѣ тѣхъ, основу которымъ кладетъ принадлежность къ одному и тому же кровному союзу: нераздѣльной семьѣ или родовой общинѣ. О такой отвѣтственности открыто говорятъ и древнѣйшіе сборники народныхъ обычаевъ, въ томъ числѣ тотъ, редакторомъ котораго является кайтагскій уцмій Рустемъ въ началѣ XVI-го вѣка, и повседневная практика, указывающая намъ на возможность личной и имущественной отвѣтственности за преступленія лицъ, неимѣющихъ съ ихъ совершителями другой связи, кромѣ той, основу которой кладетъ принадлежность къ одному роду. Но чтобы цѣлая народность, какъ напримѣръ ингуши, была признана солидарно-отвѣтственной за совершенные въ ея предѣлахъ воровства, объ этомъ до послѣдняго времени, разумѣется, не было и помину. Мѣры въ родѣ только что указанной, очевидно, стоятъ въ прямомъ противорѣчіи и съ условіями родоваго быта, и съ принципомъ современнаго права, которое не допускаетъ возможности уголовной отвѣтственности за другихъ. Чтобы найти подобіе имъ, надо вернуться къ раннему періоду среднихъ вѣковъ, къ X и XI столѣтію, когда иноземные завоеватели Англіи, напримѣръ, сперва датчане, а потомъ норманы, живя среди враждебнаго имъ населенія, не находили другой защиты противъ преступленій, кромѣ круговой отвѣтственности десятень и сотень. Въ какой мѣрѣ это подражаніе мѣропріятіямъ Вильгельма завоевателя отвѣчаетъ нашей просвѣтительной миссіи на Кавказѣ—я рѣшить, не берусь.

Гораздо успѣшнѣе должна быть признана политика русскаго правительства въ борьбѣ съ нѣкоторыми обычаями семейнаго и уголовнаго права, вредъ которыхъ за послѣднее время стали сознавать сами горцы. По иниціативѣ мѣстной администраціи, горцы Осетіи составили въ 1859 году приговоръ, отмѣняющій дальнѣйшую отвѣтственность за неосторожное или случайное убійство и такъ же за причиненіе смерти вору, найденому съ поличнымъ, или насильователю въ актѣ необходимой обороны. Тѣмъ же приговоромъ отмѣнялась дальнѣйшая отвѣтственность хозяина за непредвидѣнные случаи убійства кого-либо принадлежащей ему вещью, будетъ ли ею волъ, лошадь или заряжен-

ное ружье. На ряду съ отмѣною нѣкоторыхъ вредныхъ уголовныхъ обычаевъ, осетины считаютъ нужнымъ принять мѣры противъ нѣкоторыхъ невыгодныхъ особенностей ихъ процессуальнаго и брачнаго права. Усилившаяся за послѣднее время въ въ ихъ средѣ христіанская проповѣдь, благодаря, по всей вѣроятности, факту замѣщенія должностей священниковъ вышедшими изъ семинаріи осетинами, измѣнило во многомъ ихъ воззрѣнія на левиратные браки или браки, заключаемые братомъ покойнаго съ его вдовою, на отдачу дочерей въ дозволяемый обычаемъ конкубинатъ и на самый фактъ пріобрѣтенія невѣстъ покупкою ихъ у родителей.

Не рѣшаясь на отмѣну сразу установившагося вѣками обычая — платить за невѣсту «ирадъ» или калымъ, осетины въ своемъ «общественномъ приговорѣ» говорятъ о желательности затрачивать третью часть «ирада» на снаряженіе приданаго выдаваемой замужъ дѣвушкѣ. Благоразумная экономія внушаетъ имъ, разумѣется, при непосредственномъ вмѣшательствѣ тѣхъ же русскихъ властей, мысль ограничить число лицъ, приглашаемыхъ на свадьбу, и избѣгать на будущее время чрезмѣрныхъ издержекъ на поминки. Запрещеніе браковъ между малолѣтними, послѣдствіемъ которыхъ являлся пагубный для общественной нравственности обычай снохачества, и противорѣчащее понятію о святости присяги обыкновеніе приносить ее надъ тѣломъ убитыхъ кошекъ и собакъ, равно какъ и отмѣна общераспространеннаго среди горцевъ похороннаго ритуала, требующаго самоистязанія жены надъ гробомъ мужа и обрѣзанія ею косы, завершаютъ собою длинный списокъ тѣхъ вредныхъ народныхъ обычаевъ, въ отмѣнѣ которыхъ русскому начальству принадлежитъ честь почина [1]).

Ведя открытую борьбу съ остатками старинной дикости и родового самосуда, преслѣдуя убійство новорожденныхъ дѣвушекъ въ Сванетіи и неограниченность родового кровомщенія въ Дагестанѣ, русское правительство въ гораздо большей мѣрѣ осуществляетъ возложенныя на него исторіей культурныя задачи, нежели преклоняясь безусловно передъ оскорбляющими

---

1) См. Адаты кавказскихъ горцевъ, томъ II, стр. 45—56.

наше нравственное чувство порядками, неимѣющими за себя ничего, кромѣ ихъ стародавности. Безусловные ревнители обычнаго права, очевидно, не согласятся съ такимъ положеніемъ. Видя въ обычаѣ исключительное выраженіе «народной правды», они повидимому далеки отъ мысли, что самъ обычай можетъ быть не болѣе, какъ отраженіемъ древняго закона, навязаннаго силою и потерявшаго современемъ всякій смыслъ и значеніе; а между тѣмъ эта истина вполнѣ подтверждается кавказскимъ матеріаломъ и, какъ я полагаю, поставлена внѣ всякого сомнѣнія настоящимъ изслѣдованіемъ. Практическій выводъ, какой мнѣ представляется возможнымъ сдѣлать на основаніи его, состоитъ въ признаніи за русской администраціей и судами большей свободы въ обращеніи съ народнымъ обычаемъ. Терпимость къ чужой вѣрѣ, къ чужимъ нравамъ и понятіямъ о справедливости и правѣ—черта, разумѣется, весьма почтенная. Русскую администрацію всего менѣе можно винить въ непониманіи или отрицаніи чужихъ религіозныхъ, нравственныхъ или правовыхъ устоевъ; но одного этого недостаточно для того, чтобы поставить ее на высоту ея историческаго призванія на Кавказѣ. Культурныя задачи и самая идея общественнаго процесса навсегда должны быть оставлены нами, разъ мы признаемъ невозможность какой бы то ни было борьбы закона и судебной практики съ вѣковымъ обычаемъ и обрядомъ. Но пассивное отношеніе къ фактамъ, ежедневно оскорбляющимъ наше нравственное чувство и существенно задѣвающимъ въ тоже время интересы тѣхъ, въ средѣ которыхъ они проявляются, становится непростительной ошибкой съ того момента, какъ будетъ доказано, что въ вызывающемъ ихъ обычаѣ слѣдуетъ видѣть не проявленіе народныхъ юридическихъ воззрѣній, а печать долгое время тяготѣвшаго надъ народомъ иноземнаго порабощенія.

Прежде чѣмъ примѣнять въ нашихъ судахъ всѣ дѣйствующіе обычаи Кавказа, не мѣшаетъ задаться вопросомъ объ источникѣ этихъ обычаевъ. Что какъ въ самомъ дѣлѣ окажется, что давая наше признаніе явно оскорбляющему нравственное чувство порядку, мы на самомъ дѣлѣ подчиняемъ свое личное сужденіе не «народному воззрѣнію на правду», а фанатическому

изувѣрству какого нибудь восточнаго мага или не знающему границъ своеволію хазарскаго, гуннскаго, персидскаго или кабардинскаго деспота. Положеніе наше остается не менѣе страннымъ и тогда, когда примѣняемый нами обычай окажется заимствованнымъ изъ Моисеева права, римскаго, византійскаго, армянскаго или грузинскаго, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ мы одинаково становимся жертвою нашего добровольнаго ослѣпленія, нашего ничѣмъ неоправдываемаго пристрастія ко всему, что не нашло себѣ выраженія на письмѣ и на этомъ только основаніе признается исходящимъ изъ самыхъ нѣдръ народной жизни. Въ числѣ предразсудковъ, которыхъ такъ много пришлось встрѣтить ученымъ юристамъ на пути къ болѣе раціональному пониманію задачъ законодательства и суда, пора указать еще одинъ — «безусловное преклоненіе передъ народнымъ обычаемъ». Пора признать, наконецъ, что этотъ обычай, не меньше закона, можетъ быть результатомъ религіознаго фанатизма, насилія и произвола; что вмѣсто того, чтобы быть всегда первоисточникомъ закона, онъ подчасъ не болѣе какъ его отраженіе, и притомъ отраженіе переставшихъ отвѣчать требованіямъ жизни, давно отошедшихъ въ область прошедшаго религіозныхъ и юридическихъ цензовъ,—отмѣна которыхъ является первымъ шагомъ на пути прогресса. Пора убѣдиться, наконецъ, и въ томъ, что современный законъ и современная судебная и административная практика, вступая въ борьбу съ устарѣлыми обычаями, осуществляютъ вполнѣ культурныя задачи и являются могущественнымъ орудіемъ общественнаго обновленія.

Замѣченныя опечатки въ I томѣ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
3	10	готовы принять	принимаютъ
9	3	городскихъ	горскихъ
11	1	свившихъ	слившихъ
15	11	распространяя	распространяющимъ
15 прим. 2	6	bekräffgen	bekräftigen
26	8	куйды	кувады
26	11	кувазы	кувады
26	27	Спенофа	Спенсера
30	25	Картыльскихъ	Картвельскихъ
31 прим.	2	Reletroi	Relation
39	19	усырами	ясырами
39 прим.	2	Feineggs	Reineggs
46	11	Кажкумухскихъ	Казикумухскихъ
46 пр. 2	1	Тарковскаго	Тарковскихъ
47	30	дѣлѣ	дѣтихъ
48	16	бамъ	балцъ
49	13	Насранжохе	Насранжаке
49	14	Рызмагъ	Урызмагъ
49	14	Ботрагъ	Батразъ
49	6	дружина	братія
54	13	алаками	аланами
62	18	звилки	заимки
71	4	Ттковы	Такова
73	12	Ничемъ	Ничѣмъ
79	18	Миюгаджа	Мингаджа
88	1	безполезенъ	беззвѣстенъ
88	13	цѣпи затѣмъ	цѣпи
88	14	процессъ	процессъ перехода
88	15	греко-римскомъ Прометеѣ	греко-римскаго Прометеи

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
90	2	кровомѣшенія	кровосмѣшенія
90	18	додойцевъ	дидойцевъ
94	2	прописывается	предписывается
94	15	составленъ былъ	составлено было
95	20	намъ	имъ
97	3	кистикахъ	кистинахъ
99	4	собирающаяся	собирающаяся родить
102	6	Ормузда	Ормуздъ
104	32	Тириксетельской	Пирикитильской
111	14	Адчара. Но въ	Аджара. Въ
114 прим.	2	Homba	Gomba
116	8	Мусевали	Мздевали
119	19	девали	девами
120	6	въ которомъ	которымъ
120	26	тифисъ	питрисъ
120	29	пѣиться народныя	народиться
121	8	Агарамазды	Агурамазды
122	19	иранами	иронами
122	20	народностью	народности
124	8	Сармановъ	Сарматовъ
124 прим.	3	pesqu aux	jusqu aux
125	8	Сдановъ	Сдановъ
125	25	фригійской	фригійско-
125	26	великой матери	и великой матери
126	21	второй напоминаетъ намъ	второй
130	30	юрскіе	горскіе
135	13	перстокъ	наперстокъ
136	28	дары	мѣры
136	29	правъ	ея правъ
139	5	извѣстно существованіе	извѣстно
145	2	съ своимъ	своимъ
148	3	Иефаноса	Стефаноса
157	32	если	если воромъ
170	32	трудно	не трудно
172	13	О	Въ
174	20	libri	liberi
177	2	предоставленныхъ	предоставленныхъ имъ
179	14	грузинскихъ фамилій	грузинской фамиліи Гелованіи
180	28	оксизъ	ассизъ
186	16	Аминіанъ	Амміанъ
186	24	Тверіи	Тьерри

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
187	4	Уорнанда	Іорнанда
187	6	наименованіе ихъ Собирами	ихъ наименованіе Саби ровъ
187	29	Прасковьи	Прасковѣи
188	20	Интердано	Интеріано
197	1	предоставить	представить
197	38	первообразомъ	его первообразомъ
207	19	производилась	производимая
218	10	оказались	сказались
225	34	перемѣнно	поперемѣнно
227	1	Шамхаловъ	Шамхаломъ
228	36	перекочековъ	перекочевокъ
233	10	изамѣ	Низамѣ
241	26 и 30	деясную	дежнуго
243	11	деясную	дежнуго
253	4	Анфико	Анфако
256	31	Коммандаціяхъ	Коммендаціяхъ
257	7	спеціальный	соціальный
259	1	но	не
259	21	кофаканъ	каракешъ
265	2	кмемитами	кліентами
265 прим.	1	еп	ап
271	31	приставовъ	эристановъ
286	4	выписываемыхъ	выпиваемыхъ
287	7	XVI-го	XVII-го
289	22	процесса	прогресса
290	10	основаніе	основаніи
290	21	цензовъ	системъ

РАЙОННАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

S00100357
ЮФ СПБГУ